This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Карѣевъ, 81.1.

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.

Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

Н. И. КАРѢЕВЪ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ ФРАНЦІИ ВЪ XIX ВѢКѢ.

(Правительственныя формы и внутренняя политика, политическія партіи и общественные классы).

Изданіе Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.
1902.

65

DC252
K37

Ист. Отд. Нар.
2 В 1.

С. Ч. П. XII / 19.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	страница.
Предисловіе	III
Объясненіе къ историческимъ картамъ Франціи	VI
Вступленіе	1
I. Франція въ исходѣ XVIII вѣка	6
II. Консульство и имперія	32
III. Реставрація	82
IV. Іюльская монархія	132
V. Вторая республика	190
VI. Вторая имперія	227
VII. Третья республика	260
Указатель книгъ и статей на русскомъ языкѣ по исторіи Франціи въ XIX вѣкѣ	296

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книжка, предисловіемъ къ которой должны служить эти строки, входитъ въ составъ предпринятой недавно коллекціи популярныхъ историческихъ очерковъ, издаваемыхъ подъ общимъ названіемъ „Исторіи Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время“. Въ порядкѣ появленія въ печати настоящая книжка является шестою, а первыми пятью были слѣдующія:

1. *Ѳ. И. Успенскій.* Исторія крестовыхъ походовъ.
2. *М. С. Корелинъ.* Паденіе античнаго міросозерцанія.
3. *Е. В. Тарле.* Исторія Италіи въ средніе вѣка.
4. *М. С. Корелинъ.* Главнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣковаго папства.
5. *Е. В. Тарле.* Исторія Италіи въ новое время.

Въ составленіи дальнѣйшихъ книжекъ, которыя будутъ выходить въ свѣтъ по мѣрѣ ихъ доставленія въ редакцію изданія, обѣщали принять участіе слѣдующія лица: П. Н. Ардашевъ, Г. Е. Аѳанасьевъ, В. П. Бузескулъ, А. С. Вязигинъ, В. И. Герье, И. М. Гревсъ, А. К. Дживелеговъ, Н. И. Карѣевъ, М. М. Ковалевскій, И. В. Лучицкій, Н. Н. Любовичъ, П. Г. Мижуевъ, П. Н. Милюковъ, Н. В. Молчановскій, В. А. Мякотинъ, Д. М. Петрушевскій, В. К. Пискорскій, Е. В. Тарле, Ѳ. И. Успенскій, А. И. Ясинскій и др. Въ ближайшемъ времени имѣютъ выйти въ свѣтъ книжки проф. *П. Н. Ардашева* „Абсолютная монархія на Западѣ“ и *А. К. Дживелегова* „Средневѣковые города въ Западной Европѣ“.

Разсматривая всю коллекцію или отдѣльныя книжки, входящія въ ея составъ, необходимо имѣть въ виду, что онѣ предназначаются главнымъ образомъ для людей, которые, получивъ образованіе не ниже средняго или пріобрѣвши на

къ чтенію научно-популярныхъ книгъ, желали бы пополнить и расширить свои историческія знанія, вынесенныя большею частью лишь изъ элементарныхъ учебниковъ. И содержаніе книжекъ, и изложеніе въ нихъ, и самые ихъ размѣры приноровлены именно къ потребностямъ такихъ читателей и къ цѣлямъ самообразованія, особенно среди учащейся молодежи.

Этихъ же соображеній держался и авторъ предлагаемой книжки. Его цѣлью было дать читателямъ общій очеркъ внутренней политической исторіи Франціи въ XIX в., лишь слегка касаясь и культурно-идейныхъ теченій, и соціально-экономическихъ перемѣнъ въ исторіи этой страны, которыя должны найти мѣсто въ другихъ книжкахъ коллекціи. Равнымъ образомъ имъ почти совсѣмъ устранена изъ разсмотрѣнія и вся внѣшняя политика Франціи въ XIX столѣтіи. Матеріаломъ для большей части настоящаго очерка (именно кромѣ послѣдней главы) послужили автору главы, посвященныя Франціи въ четвертомъ и пятомъ томахъ его „Исторіи Западной Европы въ новое время“. Многое изъ нихъ здѣсь опущено, многое передано въ двухъ-трехъ словахъ или вообще упрощено и сокращено, наиболѣе же существенное воспроизведено или цѣликомъ, или съ небольшими измѣненіями. Сравнивъ число страницъ, занимающихъ первыя шесть главъ этой книжки, съ числомъ страницъ, посвященныхъ исторіи Франціи въ XIX в. въ названномъ большомъ изданіи, читатель могъ бы убѣдиться, что въ III и IV томахъ „Исторіи Западной Европы въ новое время“ исторія Франціи занимаетъ въ два съ половиною раза болѣе мѣста, чѣмъ въ предлагаемомъ очеркѣ [1]).

---

[1]) Исторіи Франціи въ «Ист. Зап. Евр.» посвящены въ IV томѣ главы 3, 5, 6, 7, 8, 11 (вторая половина), 12 (первая половина), 17, 18, 19 и отдѣльныя мѣста въ главахъ 13, 14, 25, 26 и 27 (гдѣ идетъ рѣчь о французскихъ политическихъ и общественныхъ теоріяхъ), въ общей сложности занимающія около 250 страницъ, а въ V томѣ—главы 2, 5 (вторая половина), 6, 7, 12, 13, 14, 19, 20, 24, 26 и 31 (середина главы), тоже составляющія около 300 страницъ, причемъ вдобавокъ изъ пяти страницъ «Ист. Зап. Европы» вышло бы шесть страницъ «Исторіи Франціи въ XIX вѣкѣ» (т. е. изъ 550—660).

Предполагая, что нѣкоторые изъ читателей могутъ пожелать познакомиться съ исторіей Франціи за истекшее столѣтіе или съ отдѣльными ея эпизодами въ болѣе подробномъ изложеніи, и что большинство такихъ читателей прежде всего будетъ искать для этого сочиненій на русскомъ языкѣ, авторъ нашелъ нужнымъ помѣстить въ приложеніи списокъ такихъ книгъ и статей, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ.

Главная цѣль приложенной таблицы съ историческими картами Франціи въ XIX в.—дать наглядное изображеніе измѣненій французской государственной территоріи за указанное столѣтіе.

Прибавимъ, что вообще исторія Франціи въ средніе вѣка и въ новое время до конца XVIII в., а также культурная и соціальная исторія Франціи въ XIX в. будутъ составлять предметъ особыхъ книжекъ нашей коллекціи.

Объясненіе историческихъ картъ Франціи.

На первой картѣ представлено расширеніе французской государственной территоріи въ эпоху революціи и Наполеона I. Въ 1814 г. Франція лишилась почти всѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ эту эпоху, какъ это можно видѣть на второй картѣ, а въ 1815 г. потеряла еще небольшія области на границахъ съ Бельгіей и Люксембургомъ, съ Прирейнской Пруссіей, съ Пфальцемъ и Баденомъ и въ Савойѣ. Затѣмъ территорія Франціи оставалась неизмѣнною до 1860 г., когда Наполеонъ III пріобрѣлъ Савойю и Ниццу (карта 3), а въ 1871 г. у Франціи были отняты Эльзасъ и Лотарингія (карта 4). Кромѣ того, на картахъ 2 и 4 отмѣчены территоріи, занятыя непріятелемъ при обоихъ нашествіяхъ, которымъ подвергалась страна въ 1814 — 1815 и 1870 – 1871 гг. Наконецъ, на картѣ 3 показано еще движеніе пруссаковъ и ихъ союзниковъ къ Парижу въ 1870 г. Первая армія (Штейнмеца) шла отъ Кобленца и Трира, вторая (принца Фридриха-Карла) – отъ Майнца и перешла черезъ французскую границу у Саарбрюкена, третья же армія (кронпринца Фридриха) — отъ Шпейера и вступила въ предѣлы Франціи у Вейсенберга. Одерживая побѣды, нѣмцы двинулись на с.-в. и у Седана (на Маасѣ, близъ границы съ Бельгіей) нанесли французамъ пораженіе, открывшее побѣдителямъ путь къ Парижу.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ распадается на шесть періодовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого политическими переворотами, измѣнявшими ея государственное устройство и общее направленіе ея внутренней жизни.

Первый періодъ, охватывающій пятнадцать лѣтъ (1799—1814) и носящій названіе эпохи *консульства и имперіи*, открывается государственнымъ переворотомъ 18 брюмера, который доставилъ власть надъ страною генералу Наполеону Бонапарту, сначала съ титуломъ перваго консула, потомъ — императора французовъ, и установилъ режимъ военнаго деспотизма.

Второй періодъ приблизительно такой же продолжительности (1814—1830) наступаетъ съ низверженіемъ Наполеона и съ возвращеніемъ въ страну династіи Бурбоновъ, которая приноситъ съ собою конституціонную хартію. Этотъ періодъ, извѣстный подъ именемъ эпохи *реставраціи*, наполненъ царствованіями Людовика XVIII и Карла X и кончается іюльской революціей.

Третьему періоду въ восемнадцать лѣтъ (1830—1848) присвоено названіе *іюльской монархіи*. Въ это время во Франціи царствовалъ Людовикъ-Филиппъ изъ младшей линіи Бурбоновъ, носящей названіе Орлеанской. Возведенный на престолъ іюльской революціей, онъ былъ низверженъ съ него революціей февральской, послѣ чего во Франціи была объявлена республика.

Четвертый періодъ—время *второй республики* съ небольшимъ въ четыре года (1848—1852). Избранный въ президенты республики, принцъ Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ произвелъ 2 декабря 1851 г. государственный переворотъ, бывшій только прелюдіей къ возстановленію имперіи, которое и произошло ровно черезъ годъ послѣ упомянутаго переворота.

Восемнадцать лѣтъ *второй имперіи* (1852—1870) и составляютъ пятый періодъ исторіи Франціи въ XIX вѣкѣ. Царствованіе Наполеона III оканчивается революціей 4 сентября, съ которой ведетъ свое начало современный, по счету шестой, періодъ, или время *третьей республики.*

Исходнымъ пунктомъ всѣхъ этихъ политическихъ переворотовъ во Франціи была революція 1789 г. Изъ ста двѣнадцати лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ этого событія, въ исторіи Франціи приходится на обѣ имперіи (съ консульствомъ) тридцать три года, на конституціонную монархію (считая и первые три года великой революціи)—тридцать семь лѣтъ, на всѣ три республики—сорокъ два года. Соотвѣтственно съ разными режимами, которымъ подчинялась страна въ XIX столѣтіи, въ ней образовались и главныя политическія партіи, попеременно стоявшія у власти. Начало ихъ относится ко временамъ великой революціи. Неудача, какую испытала первая попытка организовать во Франціи конституціонную монархію (1789—1792), создала въ странѣ первую республиканскую партію, три раза терпѣвшую крушеніе (въ 1799, 1835 и 1851 гг.), но въ концѣ концовъ восторжествовавшую. Обѣ имперіи оставили въ наслѣдство Франціи партію бонапартистовъ, дважды лишавшихся насильственно захваченной власти (въ 1814 и 1870 гг.). Наконецъ, реставраціи и іюльской монархіи соотвѣтствуютъ двѣ монархическія партіи—легитимистовъ и орлеанистовъ. Легитимисты достигли власти въ 1814 г., но, собственно говоря, ведутъ свое начало изъ временъ великой революціи, и къ той же эпохѣ слѣдуетъ отнести первые слѣды возникновенія отдѣльной партіи орлеанистовъ.

Разные политическіе режимы, какіе переживались Франціей за послѣднія сто слишкомъ лѣтъ, и партіи, ихъ поддерживавшія, стоятъ въ тѣсной связи съ стремленіями и движеніями, происходившими въ отдѣльныхъ соціальныхъ классахъ. Революція 1789 г. была побѣдою непривилегированныхъ надъ привилегированными, иначе пораженіемъ стараго дворянства и соединеннаго съ нимъ духовенства. Связавъ свою судьбу съ павшей династіей, французская аристократія сдѣлала попытку вернуть себѣ прежнее положеніе въ государствѣ, когда эта династія возвратила себѣ тронъ предковъ. Эпоха реставраціи была временемъ аристократической реакціи, и это именно направленіе характеризуетъ стремленія легитимистовъ. Уже въ эпоху первой революціи среди побѣдителей намѣтился расколъ между буржуазіей и народной массой, который все болѣе и болѣе сталъ обостряться въ XIX вѣкѣ. Подъ военной диктатурой Наполеона I борьба классовъ не могла получить свободнаго выраженія въ политической жизни страны, но едва палъ Наполеонъ и вернулись Бурбоны, какъ началась борьба между аристократіей и буржуазіей. Іюльская революція 1830 г. рѣшила вопросъ въ пользу буржуазіи, которая, достигши тогда полнаго господства, и сдѣлалась главною опорою орлеанской партіи. Ни легитимизмъ, ни орлеанизмъ не имѣли прочныхъ корней въ народной массѣ, но то же самое можно сказать и о республиканской партіи, чѣмъ и объясняются всѣ ея пораженія. Главною ея поддержкою былъ классъ городскихъ рабочихъ, крестьянская же масса не только не сочувствовала республикѣ, но даже прямо служила опорою для цезаризма обоихъ Наполеоновъ — и I, и III. Требованія республиканской демократіи вмѣстѣ съ этимъ пугали и дворянство, и буржуазію, и оба класса тоже бросились въ объятія имперіи, какъ это было особенно ясно въ 1848—1852 гг. Республиканцы, стоявшіе у власти въ 1792—1799 гг., не съумѣли ее удержать въ своихъ рукахъ, а режимъ первой имперіи сдѣлалъ невозможнымъ свободное проявленіе въ политикѣ стремленій общественныхъ

классовъ. То же самое можно сказать о второй республикѣ и второй имперіи. Но и времена конституціонной монархіи, и времена республиканскаго режима въ отличіе отъ обоихъ періодовъ имперіи характеризуются именно напряженною политическою борьбою главныхъ соціальныхъ классовъ. Въ эпоху реставраціи эту борьбу вели между собою аристократія, съ одной стороны, и буржуазія, — съ другой. Въ 1830 г. буржуазія, какъ уже сказано, одолѣла и въ теченіи восемнадцати лѣтъ безраздѣльно господствовала въ государствѣ. Но уже въ это время, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, противъ господства буржуазіи возникла демократическая оппозиція, съ наибольшею силою проявившаяся въ бурныхъ событіяхъ 1848 года. На этотъ разъ демократія была сломлена, но побѣдители на восемнадцать лѣтъ сами лишились политической свободы, и борьба обоихъ классовъ могла возобновиться только послѣ паденія второй имперіи.

Настоящая книжка и должна дать читателю самую общую картину политической и соціальной эволюціи во Франціи за послѣднее столѣтіе. Входя, какъ составная часть, въ серію другихъ подобныхъ книжекъ, образующихъ собою „Исторію Европы по эпохамъ и странамъ“, этотъ очеркъ исторіи Франціи въ XIX вѣкѣ расчитанъ на то, чтобы дать лицамъ, еще не читавшимъ болѣе крупныхъ сочиненій по этому предмету, возможность, не тратя много времени, ознакомиться съ главными фактами данной эпохи и тѣмъ подготовить себя къ чтенію болѣе подробныхъ изложеній. Въ основу предлагаемаго очерка авторъ положилъ соотвѣтствующія главы IV и V томовъ своей „Исторіи Западной Европы въ новое время“, конечно, сильно ихъ сокративъ, кое-гдѣ, наоборотъ, дополнивъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прибавивъ къ этому пересказу совершенно вновь написанную послѣднюю главу. Въ подстрочныхъ выноскахъ въ началѣ отдѣльныхъ главъ отмѣчено, изъ какихъ мѣстъ названной книги взяты эти главы, а кое-гдѣ сдѣланы указанія и на то, что изъ нея пропущено,

дабы читатель, желающій познакомиться съ тѣмъ или другимъ предметомъ обстоятельнѣе зналъ, гдѣ искать желательныхъ подробностей. Планъ всего дальнѣйшаго изложенія данъ вышеприведеннымъ дѣленіемъ исторіи Франціи въ XIX в. на періоды.

Мы сочли нелишнимъ снабдить эту книжку четырьмя маленькими картами главнѣйшихъ территоріальныхъ измѣненій Франціи въ XIX вѣкѣ.

I. Франція въ исходѣ XVIII вѣка [1]).

Революція 1789 г., какъ исходный пунктъ новѣйшей исторіи Франціи.—Соціальный строй, бывшій результатомъ революціи.—Судьба индивидуальной и политической свободы въ эпоху революціи.—Вліяніе старыхъ привычекъ въ новомъ порядкѣ.—Начало культурной реакціи въ обществѣ.—Новая роль арміи.—Французскія побѣды и усиленіе шовинизма въ обществѣ.—Прошлое Наполеона Бонапарте.—Его личныя свойства.—Планы Сіэса.—Переворотъ 18 брюмера.—Конституція VIII года.—Первые шаги консульства.—Заключеніе.

Исходнымъ пунктомъ всей новѣйшей исторіи Франціи является революція 1789 г., бывшая попыткою превратить Францію изъ абсолютной монархіи сначала въ монархію конституціонную (1789—1792), потомъ въ республику (1792—1804) и сопровождавшаяся цѣлымъ рядомъ крупнѣйшихъ перемѣнъ во всемъ соціальномъ строѣ націи [2]). Хотя въ настоящее время историческая наука и установила съ достаточною прочностью строго эволюціонную связь между Франціей „стараго порядка“ (ancien régime) и Франціей XIX вѣка, тѣмъ не менѣе революція 1789 г. все-таки имѣетъ значеніе одного изъ крупнѣйшихъ переворотовъ, какіе когда-либо происходили въ исторіи отдѣльныхъ странъ. Не касаясь здѣсь того значенія, какое французская революція имѣла для остальной Европы [3]), мы остановимся вкратцѣ лишь на значеніи этого событія во внутренней исторіи Франціи, поскольку считаемъ это нужнымъ и именно нужнымъ въ двухъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, весь внутренній бытъ Франціи въ XIX вѣкѣ является результатомъ великаго переворота, совершившагося въ ней въ концѣ предыдущаго столѣтія, т. е. и ея соціальный строй, и поли-

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ IV, главы III и VI.
[2]) Этой эпохѣ будетъ посвящена въ нашей коллекціи особая книжка.
[3]) См. главу II четвертаго тома «Исторіи Западной Европы».

тическія учрежденія, и классовыя стремленія, и партійныя отношенія, какъ бы ни сильно было подчасъ въ новой Франціи въ томъ или другомъ отношеніи наслѣдіе Франціи старой, до-революціонной. Во-вторыхъ, чтобы надлежащимъ образомъ понять характеръ эпохи, которою открывается исторія XIX в. во Франціи, т. е. такъ называемой наполеоновской эпохи (1799—1814), необходимо также принять въ расчетъ [1]), что дала Франціи революція не въ ея болѣе общихъ и отдаленныхъ слѣдствіяхъ, о которыхъ было только-что сказано, а въ той комбинаціи обстоятельствъ, которую создали событія революціонной эпохи къ тому времени, когда во Франціи сдѣлался возможнымъ захватъ власти надъ страною однимъ человѣкомъ. Это — ближайшія и болѣе частныя, такъ сказать, болѣе преходящія слѣдствія революціи, объясняющія намъ уже не столько всю исторію Франціи въ XIX в., сколько первый ея періодъ — исторію консульства и имперіи.

Реформы учредительнаго собранія въ 1789 — 1791 годахъ совершенно измѣнили общественный строй Франціи [2]). Дальнѣйшее развитіе революціи не прибавило ни одной новой черты къ тому соціальному устройству, которое было результатомъ отмѣны сословій съ ихъ привилегіями и титулами, феодальныхъ правъ съ крѣпостничествомъ и другихъ проявленій неравенства передъ закономъ, т. е. было результатомъ провозглашенія гражданскаго равенства всѣхъ французовъ, и мы совершенно напрасно стали бы утверждать съ нѣкоторыми писателями, будто конвентъ ставилъ своею задачею установленіе какого-либо иного общественнаго строя, нежели тотъ, который былъ созданъ въ первые два года революціи. Громадное большинство французовъ выигрывало отъ этой замѣны соціальныхъ привилегій гражданскимъ равенствомъ, и только бывшіе привилегированные оставались недовольными, являясь, однако, совершенно безсильными противъ этого большинства. Такихъ недовольныхъ было, во-первыхъ, вообще лишь меньшинство; во-вторыхъ, весьма зна-

[1]) О ближайшей связи наполеоновской эпохи съ революціей см. историографическій очеркъ, данный въ главѣ IV четвертаго тома «Исторіи Западной Европы».

[2]) См. очеркъ преобразованія общественнаго строя во Франціи во время революціи въ главѣ XXXVII третьяго тома «Ист. Зап. Евр.».

чительное ихъ число находилось внѣ Франціи, а, въ-третьихъ, остававшіеся на родинѣ были достаточно запуганы, чтобы до поры, до времени не напоминать о своемъ существованіи. Вернуть старый порядокъ въ соціальныхъ отношеніяхъ было поэтому не такъ легко, и единственною угрозою новому строю было существованіе эмигрантовъ, хлопотавшихъ при заграничныхъ дворахъ о насильственномъ возстановленіи во Франціи старины при помощи иностранныхъ войскъ. Послѣ паденія привилегированныхъ сословій буржуазія сдѣлалась самымъ богатымъ, самымъ вліятельнымъ, самымъ образованнымъ общественнымъ классомъ, чего не хотѣлъ признавать якобинскій режимъ, и буржуазія шла попеременно за термидоріанцами, низвергшими якобинскую диктатуру, за роялистами, поднявшими голову послѣ пораженія крайнихъ революціонныхъ партій, за счастливымъ полководцемъ, твердая власть котораго оберегала новое соціальное положеніе буржуазіи и отъ возвращенія „стараго порядка“, и отъ возрожденія якобинизма. Форма правленія отступала при этомъ на задній планъ. Равнымъ образомъ и крестьянская масса, освободившаяся отъ феодальныхъ правъ, отъ церковной десятины и отъ несправедливой раскладки государственныхъ налоговъ, заботилась лишь объ упроченіи за собою этихъ благъ революціи, еще даже менѣе, чѣмъ буржуазія, останавливаясь на вопросѣ о формѣ правленія. Эпоха активной роли городского пролетаріата была весьма непродолжительна, и его собственные интересы страдали отъ застоя дѣлъ, безработицы, дороговизны. Политическая жизнь еще не выставила тогда программы соціальныхъ реформъ, а время якобинской диктатуры, опиравшейся на низшіе классы городского населенія, ни въ чемъ не измѣнило ихъ положенія: за паденіемъ якобинизма и здѣсь весьма скоро наступило разочарованіе, такъ что республика, отъ которой ожидалось наступленіе лучшихъ дней для труждающихся и обремененныхъ, скоро утратила прежнее свое обаяніе, когда обнаружилось, что она была безсильна что-либо сдѣлать противъ нищеты и другихъ бѣдствій народа.

Въ концѣ девятидесятыхъ годовъ XVIII в. большинство французовъ, дорожившихъ соціальными пріобрѣтеніями революціи, было вообще совершенно равнодушно къ республикѣ, какъ государственной формѣ.

Республика во Франціи была основана при исключительныхъ обстоятельствахъ, энергичнымъ меньшинствомъ, захватившимъ власть въ свои руки, и нація подчинилась новой формѣ правленія, какъ политической необходимости. Въ странѣ не было ни одного общественнаго класса, который имѣлъ бы особый и притомъ достаточно прочный интересъ дорожить этой формой, и, наоборотъ, помимо общей монархической традиціи, которую столь долгое время жила французская нація, — что и проявилось въ повсемѣстномъ, частомъ и сильномъ пробужденіи роялистическихъ чувствъ, — были еще особыя причины, которыя дѣлали республику ненавистною, опасною или, по крайней мѣрѣ, не особенно дорогою для отдѣльныхъ классовъ общества, будемъ ли мы имѣть въ виду духовныхъ и дворянъ, стремившихся къ возстановленію монархіи, буржуазію, не довѣрявшую демократіи послѣ печальнаго опыта съ якобинизмомъ, или пролетаріатъ, утратившій вѣру въ магическія свойства республиканскаго режима. Первая республика во Франціи была республикой безъ республиканцевъ, и въ этомъ заключалась коренная причина ея паденія. Въ наказахъ 1789 г. нація свободно выразила свой взглядъ на политическій вопросъ, объявивъ себя за монархію лишь съ отнятіемъ у короля абсолютной власти. Учредительное собраніе, представлявшее собою всѣ лучшія общественныя силы Франціи, также было настроено монархически. Республиканская тенденція обнаружилась только позднѣе, да и то лишь послѣ цѣлаго ряда политическихъ ошибокъ, которыми сама себя губила монархія. Роялисты только потому не могли имѣть всего успѣха, какой долженъ былъ бы выпасть на ихъ долю при монархическомъ настроеніи большинства населенія, что у нихъ монархическая идея соединялась съ защитою стараго соціальнаго строя. Вся исторія революціи ясно показываетъ, что французская нація въ исходѣ XVIII в. болѣе дорожила равенствомъ, чѣмъ свободой, и что ради достиженія и сохраненія перваго она готова была пожертвовать второю.

При такомъ отношеніи къ свободѣ французы конца XVIII в. не могли особенно дорожить республикой, въ представленіи многихъ особенно соотвѣтствовавшей идеѣ свободнаго государства, тѣмъ болѣе, что та республика, которая установилась въ странѣ, на самомъ

дѣлѣ не очень-то избаловала французовъ свободой. Военный деспотизмъ Наполеона во многихъ отношеніяхъ былъ лишь возобновленіемъ республиканской диктатуры якобинцевъ, какъ эта послѣдняя въ свою очередь - возобновленіемъ абсолютизма старой монархіи. Дѣйствительно, республика не принесла съ собою настоящей свободы, а то, что задумано было въ духѣ свободы, по многимъ причинамъ на практикѣ оказалось источникомъ полнѣйшей внутренней дезорганизаціи, которую тоже многіе начали включать въ счетъ грѣховъ республики. Въ томъ-то и было все дѣло, что французы мало дорожили свободой, не понимали ея и не умѣли ею пользоваться, и что въ силу всего этого ихъ попытка организовать государство на началахъ свободы окончилась въ исходѣ XVIII в. полною неудачею, ибо въ результатѣ дала одну лишь безурядицу въ администраціи, судѣ и финансахъ. Организаторомъ новой Франціи явился Наполеонъ, но онъ положилъ въ основу даннаго имъ странѣ устройства болѣе привычный для тогдашнихъ французовъ принципъ власти, упрочивавшій внутреннее состояніе страны, но наносившій жестокій ударъ дѣлу политической свободы.

Между тѣмъ общественное настроеніе 1789 г. характеризуется во Франціи искреннимъ порывомъ къ свободѣ, что проявилось между прочимъ въ наказахъ депутатамъ, выражавшихъ желанія и надежды націи. Учредительное собраніе равнымъ образомъ было одушевлено стремленіемъ дать странѣ самую широкую свободу, какъ это весьма наглядно отразилось на всемъ его законодательствѣ [1]), включая сюда и самоё декларацію правъ человѣка и гражданина. Однако, въ разнаго рода заявленіяхъ и мѣропріятіяхъ того времени далеко не всегда обнаруживалось пониманіе, въ чемъ должна заключаться настоящая свобода и каковы условія, необходимыя для ея осуществленія. Уже въ декларації правъ статья, обезпечившая свободу въ области религіозной, содержала въ себѣ извѣстное ограниченіе, изъ котораго можно было вывести нѣчто совсѣмъ несогласное съ торжественнымъ заявленіемъ статьи. Провозглашая личную неприкосновен-

[1]) О проведеніи принциповъ индивидуальной и политической свободы въ законодательствѣ учредительнаго собранія см. главу XXXVI третьяго тома «Исторіи Западной Европы».

ность, учредительное собраніе не сдѣлало ничего для того, чтобы оградить ее отъ произвола администраціи, отдачею свободы подъ охрану судебной власти, къ которой можно было бы обращаться въ случаѣ злоупотребленія другихъ властей. Подъ давленіемъ обстоятельствъ само учредительное собраніе отказывалось въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ проведенія принципа личной свободы, особенно когда возникло опасеніе, что ею станутъ пользоваться во вредъ новому порядку вещей или общественному спокойствію, и чѣмъ далѣе развивалась революція, тѣмъ все болѣе и болѣе соображенія подобнаго рода заставляли отодвигать на задній планъ требованія свободы. Наконецъ, своимъ неудачнымъ „гражданскимъ устройствомъ духовенства“ учредительное собраніе подготовило и тѣ религіозныя преслѣдованія, которыя такъ много повредили дѣлу революціи.

Старыя привычки націи, воспитанной вѣками абсолютной монархіи и призванной сразу къ самому широкому самоуправленію, невѣрное отожествленіе свободы народа съ властью народа, отъ имени котораго установилась самая деспотическая диктатура, обстоятельства эпохи, дѣлавшія необходимымъ для спасенія страны сосредоточеніе и усиленіе власти, наконецъ, мало-по-малу развившееся недовѣріе къ свободѣ, послѣ того, какъ во имя ея совершено было столько насилій и злоупотребленій властью, — все это дѣлало французовъ той эпохи болѣе способными жить подъ режимомъ неограниченнаго правленія, чѣмъ пользоваться благами свободы. Не только республика не имѣла залоговъ прочности въ привычкахъ, нравахъ, идеяхъ, стремленіяхъ и интересахъ большинства французовъ, но и монархія, возвращенія которой тайно желало это большинство, не могла при данныхъ условіяхъ получить характеръ свободнаго государственнаго устройства. Конституція 1791 г. была попыткой сочетанія монархическаго начала съ политической свободой, хотя бы попытка эта и была совершена въ духѣ недовѣрія къ королевской власти. Наоборотъ, конституція, передавшая черезъ восемь лѣтъ власть будущему цезарю, была задумана въ смыслѣ сочетанія республиканскаго принципа съ сильною единоличною властью, но уже при весьма рѣшительномъ недовѣріи къ свободѣ. Съ другой стороны, ни конституція 1791 г., ни революціонное правительство, ни директорія не

создали во Франціи организацію съ задатками жизненности и прочности, и это тоже губило въ странѣ дѣло свободы въ обоихъ смыслахъ, въ какихъ это слово тогда понималось. Старый государственный порядокъ, подавлявшій общественныя силы, грѣшилъ избыткомъ правительственнаго дѣйствія. Учредительное собраніе, желая дать просторъ именно этимъ силамъ, впало въ противоположную крайность. Оно до послѣдней степени ограничило роль центральной исполнительной власти, передавъ органамъ мѣстнаго самоуправленія завѣдованіе всѣмъ тѣмъ, что по существу дѣла должно было находиться въ рукахъ правительственныхъ агентовъ. Результаты такой перемѣны были весьма печальны. Новое правительство въ обществѣ, привыкшемъ ожидать на все указаній свыше, само себя обезсиливало. Вмѣстѣ съ тѣмъ пробѣлъ, который такимъ образомъ возникалъ въ привычной обществу системѣ, необходимо долженъ былъ пополниться, безъ чего оно совершенно не могло бы жить, и вотъ мѣсто законнаго правительства заступаетъ правительство самозванное — якобинскій клубъ со своими провинціальными отдѣленіями. Конституція 1791 г. децентрализовала Францію до послѣдней крайности, якобинскій клубъ, наоборотъ, давалъ ей централизацію, къ которой она привыкла и въ которой нуждалась, революціонное же правительство, вышедшее изъ этого клуба, не уничтожая въ принципѣ системы, созданной учредительнымъ собраніемъ, на практикѣ дѣйствовало именно въ духѣ крайней централизаціи, что, конечно, не могло способствовать надлежащему развитію оффиціально признаннаго самоуправленія. Кончился періодъ якобинскаго террора, и снова подъ режимомъ директоріи возрождались явленія, бывшія результатомъ системы учредительнаго собранія. Франція XVIII в. страдала отъ избытка правительственнаго дѣйствія и нуждалась въ мѣстномъ самоуправленіи. Учредительное собраніе рѣшило измѣнить такой порядокъ вещей: оно не только вводило широкое самоуправленіе, но передавало въ завѣдованіе его органовъ дѣла прямо государственнаго характера; оно не только устанавливало выборныя власти въ отдѣльныхъ муниципалитетахъ (селахъ и городахъ) и департаментахъ, замѣнившихъ старыя провинціи, но даже уничтожало совершенно и повсемѣстно какія бы то ни было правитель-

ственныя должности, которыя зависѣли бы отъ центральной власти; оно не только произвело административную децентрализацію, но, такъ-сказать, упразднило централизацію политическую, превративъ административныя единицы въ подобіе самостоятельныхъ республикъ. По существу дѣла нововведеніе было опасное, и это не замедлило обнаружиться, когда отдѣльныя выборныя администраціи стали вести себя совершенно независимо отъ видовъ, желаній, стремленій и прямыхъ предписаній центральнаго правительства. У послѣдняго оставалось одно средство добиваться повиновенія со стороны муниципальныхъ и департаментскихъ администрацій, именно искусственно устраивая выборы въ свою пользу часто съ нарушеніемъ свободы этихъ выборовъ. Нація, совершенно не привыкшая къ самоуправленію, раздѣленная на пассивное большинство, которое само себя нерѣдко устраняло отъ выборовъ, и на энергичное, но безпокойное, властолюбивое и насильственное меньшинство, при этой системѣ обнаруживала только старую способность подчиняться тѣмъ, въ чьихъ рукахъ была власть, разъ послѣдняя не позволяла съ собою шутить, — или же слѣдовала привычкѣ, пріобрѣтенной въ революцію, отказывать въ повиновеніи представителямъ власти, лишь только за ними не стояло вооруженной силы. Широкое самоуправленіе сводилось къ тому, что вездѣ разрозненное и запуганное большинство подчинялось волѣ сплоченнаго и смѣлаго меньшинства, а это послѣднее, входя въ составъ отдѣленій якобинскаго клуба, въ сущности исполняло приказанія парижскихъ революціонныхъ вождей. Чрезвычайныя мѣры якобинскаго правительства, насильственный образъ дѣйствій его коммиссаровъ въ департаментахъ, безцеремонность мѣстныхъ приверженцевъ якобинизма, то и дѣло вооружали противъ этой системы мирное населеніе, но она, по крайней мѣрѣ, все-таки поддерживала единство въ управленіи страною: стоило только пасть терроризму, какъ снова все стало расползаться врозь, и внутренняя безурядица начала внушать большинству ту мысль, что далѣе существовать такимъ образомъ невозможно. Франція около года только прожила подъ дѣйствіемъ конституціи 1791 г., потомъ около трехъ лѣтъ она не имѣла никакой конституціи, если не считать якобинской, которая не была приводима въ исполненіе, въ

конституціи же III года [1]) обнаружились такіе недостатки, и внутреннія дѣла Франціи при директоріи шли такъ плохо, что никто не видѣлъ въ этомъ республиканскомъ устройствѣ 1795 г. серьезнаго обезпеченія внутренняго порядка, тѣмъ болѣе, что сама конституція III г. была предметомъ постоянныхъ нарушеній и со стороны законодательной, и со стороны исполнительной власти.

Подъ вліяніемъ всѣхъ неудачъ, разочарованій и опасеній къ послѣднимъ годамъ XVIII в. во Франціи удивительно измѣнилось общественное настроеніе. Подъемъ духа, оптимизмъ и бодрость 1789 г. уступили мѣсто какой-то душевной подавленности, пессимизму и равнодушію 1799 г. Идеальныя стремленія и принципы, ихъ возбуждавшіе, утратили свою силу надъ умами и сердцами, и на первый планъ выдвинулись своекорыстные инстинкты и матеріальные интересы. Изъ среды общественныхъ дѣятелей исчезли борцы за свободу и права человѣка, и во главѣ государства очутились политическіе дѣльцы, думавшіе только о томъ, какъ бы подольше удержаться у власти, люди, не пользовавшіеся ни уваженіемъ, ни довѣріемъ націи. Общественная жизнь утратила духовное содержаніе: вездѣ пустота, равнодушіе, разочарованіе, погоня за легкими удовольствіями, страсть къ наживѣ, наклонность къ мелкимъ интригамъ, и только военная слава еще сколько-нибудь настраивала націю на высокій ладъ. Мало того: въ этомъ обществѣ начинаетъ намѣчаться культурная реакція противъ общаго духа философіи XVIII в. Что было сдѣлано этой философіей для общественнаго возрожденія и переустройства, стало мало-по-малу забываться, и наоборотъ, начинали обращать на себя вниманіе слабыя стороны, дѣйствительныя или мнимыя, въ идейныхъ построеніяхъ XVIII в., и ихъ стали обвинять во всѣхъ ужасахъ и бѣдствіяхъ революціи. Времена якобинскаго террора были свѣжи въ памяти, и общество не на шутку опасалось, какъ бы опять не возвратились эти времена, а „старый порядокъ“, отходившій въ область преданія, начиналъ уже забываться, и не

1) Т. е. 1795 г. Во Франціи во время революціи было введено новое лѣтосчисленіе отъ основанія республики, и мѣсяцы получили слѣдующія названія: вандемьеръ, брюмеръ и фримеръ (осень), нивозъ, плювіозъ и вентозъ (зима), жерминаль, флореаль и преріаль (весна), мессидоръ, термидоръ и фрюктидоръ (лѣто).

напоминай о немъ эмигранты своими притязаніями на насильственную реставрацію старины, многое было бы и еще болѣе прочно позабыто. Испытанія, которыя переживались обществомъ, и религіозныя преслѣдованія, почти не прекращавшіяся за время революціи, оживили католическія чувства, и въ то время, какъ одни желали возстановленія церкви въ ея правахъ во имя удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей, другіе указывали теперь на политическую необходимость религіи, какъ наилучшей опоры общественнаго порядка. Въ странѣ рядомъ съ той реакціей, которая вела свое начало изъ прежней консервативной оппозиціи противъ замышлявшихся и предпринимавшихся реформъ, изъ оппозиціи католико-феодальнаго характера, возникала другая реакція, среди тѣхъ классовъ общества, которые, наоборотъ, были иниціаторами движенія, стояли даже одно время въ его главѣ и теперь сами же стали относиться къ нему съ недовѣріемъ, когда оно стало переходить за извѣстныя границы. Остановить дальнѣйшее развитіе движенія, не дать повториться нѣкоторымъ фактамъ недавняго прошлаго, сохранить добытые результаты, хотя бы и съ утратою свободы, представлявшей своего рода опасности,—сдѣлалось безсознательной программой поведенія наиболѣе вліятельныхъ элементовъ націи, и они готовы были помогать всякой реакціи, лишь бы только и здѣсь не переступались извѣстныя границы. Въ самой буржуазіи возобладали инстинкты консерватизма, который не могъ получить преобладанія въ жизни безъ реакціи противъ нѣкоторыхъ сторонъ совершившагося уже движенія, реакція же въ области политическихъ и соціальныхъ отношеній всегда сопровождается попятнымъ движеніемъ и въ сферѣ культурной.

Когда внутри Франціи господствовало такое настроеніе, все наиболѣе дѣятельное, энергичное, неспособное къ простому прозябанію сосредоточивалось въ войскѣ, защищавшемъ отечество, расширявшемъ его границы и сферу его вліянія, покрывавшемъ его неувядаемою славою и считавшемъ своею миссіей призывать народы къ благамъ свободы и равенства. Здѣсь были и подъемъ духа, и энергія, и организація, т. е. было то, чего, наоборотъ, нація была лишена. Армія являлась единственной реальной силой, и кто управлялъ

этою силою, тотъ могъ сдѣлаться господиномъ положенія. Уже не разъ въ эпоху революціи строились планы употребить военную силу въ цѣляхъ политическаго переворота, но эти планы разбивались тогда о нежеланіе солдатъ идти противъ народа и національнаго представительства. Измѣнилось мало-по-малу и такое отношеніе арміи къ внутренней политикѣ: въ послѣднія времена республики правительство нерѣдко уже само прибѣгало къ военной силѣ для подавленія мятежей, и къ нарушеніямъ конституціи, нуждавшимся также въ поддержкѣ арміи. Якобинская диктатура подготовила Францію къ диктатурѣ военной, а война съ ея насиліями надъ мирнымъ населеніемъ, громкая военная слава, затмившая собою идею свободы, во имя которой началась вся грандіозная борьба съ Европой, строгая дисциплина, дѣлавшая изъ солдатъ слѣпое орудіе въ рукахъ начальниковъ, и тѣсная организація, пріучавшая ихъ выдѣлять себя изъ націи, какъ сословіе со своими особыми интересами и правами, все это воспитывало и подготовляло армію къ той роли, какую ей суждено было играть въ установленіи и поддержкѣ новаго режима.

Сама французская нація не оставалась равнодушною къ военной славѣ, расширенію границъ и усиленію политическаго вліянія своего отечества. Съ 1792 г. революціонная Франція была въ войнѣ съ монархической Европой, и эта война одно время, повидимому, грозила независимости націи и прочности пріобрѣтеній революціи. Въ борьбѣ за свое существованіе и за свою свободу французскій народъ проявилъ величайшій патріотизмъ, но по мѣрѣ того, какъ республика одолѣвала внѣшнихъ враговъ, характеръ этого патріотизма измѣнялся и все болѣе и болѣе получалъ характеръ, какъ принято выражаться въ наше время, шовинистическій. Во время революціонныхъ войнъ Франція не только отразила иноземное нашествіе, но расширила свои предѣлы и окружила себя цѣлымъ рядомъ новыхъ демократическихъ республикъ. Присоединивъ непосредственно къ своимъ владѣніямъ Бельгію, весь лѣвый берегъ средняго Рейна въ Германіи, Савойю и Пьемонтъ, она организовала демократическія республики въ Голландіи (Батавская), въ Швейцаріи (Гельветическая), въ Генуѣ (Лигурійская), въ Ломбардіи.

(Цизальпинская), въ Папской области (Римская) и Неаполитанскомъ королевствѣ (Партенопейская). Въ началѣ революціи французы мечтали объ освобожденіи другихъ народовъ отъ тиранніи, теперь любимою мечтою ихъ сдѣлалось господство Франціи надъ сосѣдями, политическая гегемонія въ Европѣ. Внѣшняя слава стала для очень и очень многихъ возмѣщать недостатокъ внутренней свободы, чѣмъ тоже создавалось настроеніе, благопріятное для установленія во Франціи военной диктатуры.

Война родитъ героевъ, и во Франціи въ эпоху ея революціонныхъ войнъ, дѣйствительно, явился цѣлый рядъ блестящихъ военныхъ талантовъ. Никто, однако, изъ генераловъ молодой республики не проявилъ такой военной геніальности и вмѣстѣ съ тѣмъ политической ловкости, никто равнымъ образомъ не достигъ такой широкой популярности, какъ Наполеонъ Бонапартъ, будущій „первый консулъ“ и императоръ французовъ и владыка порабощенной Европы [1]).

Корсиканецъ по происхожденію и французъ по воспитанію, артиллерійскій офицеръ Наполеонъ Бонапарте не имѣлъ еще полныхъ двадцати лѣтъ, когда вспыхнула во Франціи революція. Вмѣстѣ со многими другими товарищами своими по оружію онъ увлекся новымъ политическимъ движеніемъ, происходившимъ въ странѣ, и раздѣлялъ идеи, подъ знаменемъ которыхъ оно совершалось. Онъ даже принялъ въ немъ дѣятельное участіе, былъ членомъ революціонныхъ сообществъ, писалъ политическіе памфлеты и вообще, несмотря на свою молодость, игралъ нѣкоторую роль въ разныхъ мѣстныхъ происшествіяхъ революціи (между прочимъ и въ Корсикѣ). Между тѣмъ въ 1792 г. Франція начала войну съ монархической Европой, внутри же страны вскорѣ послѣ этого начались междоусобія, и въ декабрѣ 1793 г. молодой артиллеристъ, уже успѣвшій зарекомендовать себя, какъ пламенный патріотъ, отличился при осадѣ Тулона, который передался-было англичанамъ; тогда, имѣя лишь двадцать четыре года отъ роду онъ былъ произведенъ въ чинъ бригаднаго генерала. Сблизившись съ якобинцами, стоявшими въ

[1]) За подробностями о молодости Наполеона и для болѣе обстоятельной его характеристики отсылаемъ къ главѣ V четвертаго тома «Исторіи Западной Европы».

то время у власти, онъ сталъ разрабатывать планъ вторженія въ Сѣверную Италію, но паденіе Робеспьера повлекло за собою и перемѣну въ судьбѣ молодого генерала. Бонапартъ жилъ послѣ этого нѣкоторое время въ Парижѣ не у дѣлъ, стараясь сблизиться съ вождями политической партіи, къ которой перешла власть въ республикѣ послѣ паденія Робеспьера. Результатомъ этого сближенія было то, что когда противъ Конвента началось возстаніе парижской буржуазіи, извѣстное подъ названіемъ событія 13 вандемьера (5 окт. 1795 г.), генералу Бонапарту было поручено защищать конвентъ. Извѣстно, что онъ встрѣтилъ нападавшихъ картечью и тѣмъ спасъ конвентъ отъ грозившей ему опасности. Въ награду за это Бонапартъ получилъ главное начальство надъ арміей, которая должна была вторгнуться въ Италію.

Это было въ мартѣ 1796 г. Уже самое начало „наполеоновскихъ войнъ" было рядомъ самыхъ блестящихъ военныхъ подвиговъ, сдѣлавшихъ французовъ господами сначала всей Сѣверной Италіи, а потомъ и другихъ частей полуострова. Въ качествѣ главнокомандующаго Бонапартъ вполнѣ уже самостоятельно распоряжался въ Италіи, не очень-то считаясь съ тѣмъ, чего желало тогдашнее республиканское правительство Франціи. Въ то время оно состояло (по конституціи III года) изъ пяти директоровъ и находилось не въ ладахъ съ законодательною властью, т. е. съ совѣтами пяти сотъ и старѣйшинъ, и это послѣднее обстоятельство заставляло директорію постоянно уступать побѣдоносному генералу, въ которомъ она видѣла свою опору. Съ другой стороны, и республиканская партія въ обоихъ совѣтахъ тоже обратилась къ подлержкѣ въ главнокомандующемъ итальянской арміей, когда задумала произвести переворотъ 18 фрюктидора (4 сентября 1797 г.), состоявшій въ исключеніи изъ совѣтовъ членовъ съ роялистическимъ образомъ мыслей и въ устраненіи двухъ директоровъ. Генералъ Бонапартъ оказалъ содѣйствіе этому перевороту, чѣмъ еще болѣе усилилъ свое политическое значеніе. Когда въ концѣ 1797 г. онъ возвратился въ Парижъ, восторженно встрѣченный населеніемъ страны, то директорія во всѣхъ важныхъ дѣлахъ старалась дѣйствовать въ полномъ согласіи съ нимъ, какъ съ самымъ популярнымъ и въ арміи, и въ народѣ генера-

ломъ. Опасаясь его честолюбія и все болѣе и болѣе усиливавшагося его вліянія, правительство республики поспѣшило удалить Наполеона изъ столицы и даже вообще изъ Франціи, поставивъ его во главѣ экспедиціи, которая должна была овладѣть Египтомъ. Пока генералъ находился въ отсутствіи въ теченіи цѣлаго года (1798—1799), возгорѣлась война съ Франціей новой образовавшейся противъ нея коалиціи, и эта война приняла для Франціи крайне неблагопріятный оборотъ. Директорія сочла тогда себя вынужденною вызвать въ Европу лучшаго своего генерала, тѣмъ временемъ успѣвшаго и въ Египтѣ покрыть французское оружіе неувядаемою славою, но онъ и самъ поспѣшилъ пріѣхать во Францію, какъ только получилъ отъ одного изъ своихъ братьевъ извѣстіе о внѣшнихъ неудачахъ и внутренней непрочности директоріи.

Въ 1799 г. будущему властителю Франціи исполнилось тридцать лѣтъ, и къ этому времени уже вполнѣ опредѣлился его характеръ. По качествамъ своего ума и своей воли Наполеонъ представляетъ собою съ психологической точки зрѣнія одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ дѣятелей во всемірной исторіи. Въ немъ все было поразительно — и его громадная память, удерживавшая на очень долгое время самыя мелкія подробности, и его неослабное вниманіе ко всему, что вокругъ него происходило, и постоянный интересъ, съ какимъ онъ стремился знать все, что могло имѣть для него какое-либо практическое значеніе, и необычайная сила его воображенія, позволявшая ему быстро оріентироваться въ самыхъ сложныхъ обстоятельствахъ, отчетливо представлять себѣ выходъ изъ всякаго затруднительнаго положенія, предусматривать въ будущемъ всевозможныя случайности, и замѣчательно крѣпкая логика, съ какою онъ извлекалъ свои заключенія изъ данныхъ фактовъ или идей, и способность его къ самому упорному труду, который, повидимому, его никогда не утомлялъ, и та энергія, наконецъ, какую онъ всегда проявлялъ въ достиженіи своихъ цѣлей. Соединеніе качествъ, рѣдкихъ самихъ по себѣ, въ одномъ и томъ же человѣкѣ — явленіе еще болѣе того рѣдкое: оно одно можетъ объяснить и то впечатлѣніе, какое Наполеонъ производилъ на всѣхъ людей, которымъ приходилось имѣть съ нимъ дѣло и которые, чувствуя его превосходство

надъ собою, невольно ему подчинялись, какъ человѣку съ самымъ яснымъ умомъ и съ самою сильною волею; оно одно можетъ объяснить и ту роль, какую этотъ умъ, одаренный въ самой высокой степени способностью къ синтезу, этотъ организаторскій геній, эта властная натура играли въ грандіозныхъ событіяхъ начала XIX в. Но всѣ эти великія качества ума и воли соединялись въ Наполеонѣ съ ужасающимъ эгоизмомъ, дающимъ ключъ къ пониманію всего его поведенія въ эпоху его возвышенія и славы. Ему чужды были чувства жалости, состраданія, великодушія, хотя онъ и не былъ по природѣ своей человѣкомъ злымъ, мстительнымъ и кровожаднымъ: скорѣе всего его отношеніе къ людямъ можетъ быть опредѣлено, какъ глубокое презрѣніе,—презрѣніе, съ какимъ онъ относился къ человѣческой личности вообще, къ чужому достоинству, къ чужому праву, къ чужимъ радостямъ и горестямъ. Наполеонъ не допускалъ, чтобы человѣкъ могъ вообще дѣйствовать иначе, какъ только въ силу личнаго интереса: безкорыстное служеніе идеѣ было ему непонятно. Вся революція казалась ему произведенною тщеславіемъ, и на всѣ ея событія, насколько они касались его, онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія собственной выгоды, весьма рано переставъ вѣрить въ „идеологію“ XVIII в. Еще въ Италіи онъ говорилъ въ одной откровенной бесѣдѣ: „неужели вы думаете, что я одерживаю побѣды въ Италіи ради величія адвокатовъ директоріи, всѣхъ этихъ Карно и Барра-совъ? Неужели вы думаете, что я это дѣлаю для основанія республики? Что за идея! Республика въ тридцать милліоновъ душъ! Съ нашими нравами, съ нашими пороками! Возможно ли это? Вѣдь это химера, которою французы одержимы теперь, но которая пройдетъ подобно многимъ другимъ. Имъ нужна слава, имъ нужно удовлетвореніе ихъ тщеславія, а что касается до свободы, то въ ней они ничего не понимаютъ“. И къ этому достаточно ясному заявленію онъ прибавилъ: „если я оставлю Италію, то только для того, чтобы во Франціи играть роль, подобную той, какую я здѣсь играю, но время для этого еще не настало—груша еще не созрѣла“. Послѣ 18 фрюктидора онъ тѣмъ объяснялъ свое поведеніе что и самъ быть не желаетъ Монкомъ, и другимъ не позволитъ разыграть эту роль. „Что до меня касается, замѣтилъ онъ еще, то скажу

вамъ вотъ что: я не могу болѣе повиноваться; я попробовалъ власти и уже не могъ бы отъ нея отказаться. Свое рѣшеніе я принялъ: если мнѣ нельзя будетъ сдѣлаться господиномъ, я покину Францію".

Система, которую генералъ Бонапартъ сталъ вводить во Франціи, получивъ власть, уже была вполнѣ готова въ его головѣ: система эта вполнѣ сложилась еще во время итальянскаго похода и египетской экспедиціи. Новый режимъ долженъ былъ опираться на военную силу, уже показавшую свое значеніе 13 вандемьера и 18 фрюктидора, но для этого нужно было еще извѣстнымъ образомъ воспитать эту силу. Конечно, не Наполеонъ придумалъ способъ содержанія войска на счетъ занятыхъ непріятельскихъ областей. Уже конвентъ практиковалъ такую систему въ широкихъ размѣрахъ, но Наполеонъ прямо сталъ указывать арміи на то, что солдаты прежде всего должны сражаться ради добычи и славы: прежнія ссылки на братство народовъ и на освобожденіе ихъ изъ-подъ тиранніи замѣнились въ приказахъ по арміи заявленіями совсѣмъ иного рода. Уже въ Италіи Наполеонъ пріучалъ также армію смотрѣть на себя, какъ на нѣчто отдѣльное отъ націи, имѣющее свои особые интересы. Онъ оправдывалъ нападеніе, сдѣланное на народное представительство 18 фрюктидора, интересами итальянской арміи. Вообще во второй половинѣ девятидесятыхъ годовъ XVIII в. Франція жила безпрестанными переворотами и ожиданіями новыхъ переворотовъ, и Наполеонъ уже воспитывалъ армію въ духѣ неуваженія къ конституціи.

Когда, высадившись въ Фрежюсѣ, Наполеонъ ѣхалъ въ Парижъ, то по всей дорогѣ въ честь его устраивались торжественныя встрѣчи, такъ какъ въ немъ видѣли будущаго спасителя Франціи,—спасителя не только отъ внѣшняго врага, но и отъ грознаго оборота, какой принимали внутреннія дѣла, ибо повидимому, французской націи предстояло выбирать между возвращеніемъ Бурбоновъ, а съ ними и старыхъ порядковъ или возобновленіемъ анархіи. Въ это время во Франціи снова боялись возрожденія якобинизма, и буржуазія находилась въ самомъ реакціонномъ настроеніи. Наиболѣе вліятельный дѣятель умѣренно-республиканской партіи, директоръ Сіэсъ, давно уже носился съ мыслью о непригодности конституціи III года и вырабатывалъ свой собственный

проектъ государственнаго устройства, которое должно было, по его мнѣнію, дать устойчивость внутреннему порядку. Съ этою цѣлью онъ сталъ объединять всѣ анти-демократическіе элементы среди тогдашнихъ политическихъ людей, не желавшихъ въ то же время возвращенія Бурбоновъ, и ему удалось расположить въ пользу своего плана многихъ членовъ обоихъ совѣтовъ, которые и стали называть себя реформистами; въ ихъ числѣ былъ и братъ Наполеона Луціанъ Бонапартъ. Между тѣмъ совершенно неожиданно пріѣхалъ въ Парижъ самъ Наполеонъ, на котораго голосъ всей Франціи указывалъ, какъ на единственнаго спасителя государства въ тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ, и Сіэсу не оставалось болѣе ничего, какъ войти въ соглашеніе съ популярнымъ и въ войскѣ, и въ народѣ генераломъ. Съ другой стороны, честолюбивый полководецъ, узнавши отъ своего брата Луціана о планахъ Сіэса, обѣщалъ послѣднему свое содѣйствіе. Соглашеніе между ними не замедлило состояться, и скоро былъ готовъ планъ переворота. Совѣтъ старѣйшинъ долженъ былъ вотировать 1) перенесеніе обѣихъ палатъ въ Сенъ-Клу, 2) назначеніе Наполеона главнокомандующимъ надъ всѣми войсками и 3) предложеніе его, вмѣстѣ съ директорами Роже-Дюко и Сіэсомъ въ временные консулы, послѣ чего оба совѣта назначили бы спеціальную коммисію для пересмотра конституціи и отсрочили бы свои засѣданія на три мѣсяца. Теперь оставалось только заручиться содѣйствіемъ войска и принять другія мѣры, необходимыя для успѣха задуманнаго дѣла. Солдаты боготворили Наполеона, котораго уже называли „маленькимъ капраломъ“, а генералы по разнымъ соображеніямъ не хотѣли мѣшать предпріятію, хотя, напр., Бернадотъ, женатый на свояченицѣ Іосифа Бонапарта, могъ бы, еслибы захотѣлъ, взбунтовать предмѣстья. Съ другой стороны, Сіэсъ распустилъ слухъ объ опасномъ якобинскомъ заговорѣ и устроилъ такъ, что тѣ депутаты совѣта старѣйшинъ, на которыхъ онъ не расчитывалъ или которыхъ боялся, не попали на засѣданіе совѣта, гдѣ были потомъ приняты важныя рѣшенія.

18 брюмера (9 ноября) старѣйшины были созваны въ 7 ч. утра. Собравшіеся депутаты единогласно вотировали перенесеніе законодательнаго корпуса въ Сенъ-Клу, гдѣ оба совѣта должны

были собраться на другой день не ранѣе полудня; исполненіе этого декрета возлагалось на генерала Бонапарта: ему предоставлялось право принимать всѣ мѣры, необходимыя для безопасности республики, и подъ главное его начальство отдавались всѣ мѣстныя вооруженныя силы, вмѣстѣ съ чѣмъ гражданамъ вмѣнялось въ обязанность оказывать генералу помощь въ случаѣ требованія съ его стороны. Къ націи совѣтъ старѣйшинъ обратился съ особымъ манифестомъ, въ которомъ декретированныя мѣры оправдывались необходимостью усмирить людей, стремящихся къ тиранническому господству надъ національнымъ представительствомъ, и обезпечить внутренній миръ. Наполеонъ, окруженный генералами и офицерами, ждалъ у себя на квартирѣ своего назначенія на высокій постъ главнокомандующаго. Декретъ совѣта старѣйшинъ предписывалъ ему лично явиться въ совѣтъ для принесенія присяги. Тотчасъ по полученіи извѣстія объ успѣхѣ дѣла онъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ въ Тюйльери, гдѣ засѣдалъ совѣтъ старѣйшинъ. Вмѣсто присяги, однако, онъ произнесъ передъ нимъ короткую рѣчь—своимъ обычнымъ тономъ военной команды. „Ваша мудрость, сказалъ онъ между прочимъ, внушила вамъ этотъ декретъ, наши руки съумѣютъ его исполнить. Мы желаемъ республики, основанной на истинной гражданской свободѣ, на національномъ представительствѣ. Она у насъ будетъ, я въ этомъ клянусь, клянусь въ этомъ за себя и за своихъ товарищей по оружію". Рѣчи генерала апплодировали, и засѣданіе было закрыто. Все дѣло было уже сдѣлано къ тому времени, когда должно было начаться засѣданіе совѣта пятисотъ: послѣднему былъ только сообщенъ декретъ старѣйшинъ, и Луціанъ Бонапартъ, бывшій въ это время предсѣдателемъ совѣта, объявилъ засѣданіе отсроченнымъ до другого дня. Тѣмъ временемъ, по предварительному уговору двое директоровъ, Сіэсъ и Роже-Дюко, подали въ отставку, а у третьяго (Барраса) ее вынудили: нужно было совсѣмъ уничтожить существовавшую въ то время исполнительную власть, съ выходомъ же въ отставку трехъ членовъ директорія, конечно, не могла болѣе дѣйствовать. Остальные два директора (Гойе и Муленъ) были взяты подъ стражу. На другой день въ 12 часовъ дня оба совѣта собрались въ Сенъ-Клу, совѣтъ старѣйшинъ—въ одной изъ

залъ дворца, совѣтъ пятисотъ—въ оранжереѣ, и оба были въ большой тревогѣ. Члены, не присутствовавшіе въ засѣданіи предыдущаго дня, требовали объясненія всего случившагося, и многіе изъ тѣхъ старѣйшинъ, которые дѣйствовали наканунѣ, теперь уже догадывались, что были обмануты, что дѣло идетъ о низверженіи конституціи, а не объ измѣненіи директоріи, какъ они думали раньше. Смятеніе старѣйшинъ увеличилось, когда имъ дали знать объ отставкѣ трехъ директоровъ. Въ совѣтѣ пятисотъ принято было рѣшеніе поголовнаго возобновленія присяги на вѣрность конституціи III года. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ, находившійся въ одной изъ комнатъ дворца, рѣшился дѣйствовать. Совершенно неожиданно явился онъ въ залѣ совѣта старѣйшинъ и, совсѣмъ не приготовившись къ произнесенію рѣчи, началъ говорить, но весьма спутанно о какихъ-то опасностяхъ, грозящихъ республикѣ, о необходимости защитить свободу и равенство. „А конституцію?“ перебилъ его одинъ членъ, и тогда Наполеонъ сказалъ самыя сильныя слова своей рѣчи: „конституція! вскричалъ онъ, но вы ее нарушили 18 фрюктидора, вы ее нарушили 22 флореаля, вы ее нарушили 30 преріаля! Конституція! на нее ссылаются всѣ партіи, и она всѣми партіями была нарушена; всѣми ими она презирается; она болѣе не можетъ насъ спасать, потому что ее болѣе никто не уважаетъ“. „Помните, прибавилъ онъ, что я шествую, сопровождаемый богомъ счастья и богомъ войны“. Изъ залы засѣданія старѣйшинъ Наполеонъ отправился въ оранжерею, захвативъ съ собою четырехъ гренадеровъ. Видъ вооруженныхъ людей въ собраніи представителей народа привелъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ страшное негодованіе: они бросились на генерала, стали его толкать къ выходу, и Наполеонъ, совершенно растерявшись, съ разорваннымъ платьемъ былъ почти вынесенъ на рукахъ гренадерами подъ крики: „внѣ закона“, раздававшіеся въ оранжереѣ. У Луціана потребовали формальнаго голосованія объ объявленіи его брата внѣ закона, но онъ покинулъ свое кресло и послалъ къ Наполеону просить помощи. Въ то самое время, какъ многіе депутаты пытались принудить его занять снова свое мѣсто, явились гренадеры и увели его изъ оранжереи; съ ними удалилось нѣсколько депутатовъ. На дворѣ Наполеонъ и офицеры верхомъ

стояли передъ батальономъ гвардіи законодательнаго корпуса, а Сіэсъ и Роже-Дюко сидѣли въ экипажѣ, готовые въ случаѣ неудачи спасаться бѣгствомъ. Луціанъ Бонапартъ, только что покинувшій оранжерею, сѣлъ на лошадь и обратился къ батальону съ рѣчью, какъ президентъ совѣта пятисотъ. По его словамъ, громадное большинство членовъ этого совѣта находилось подъ непосредственнымъ страхомъ, благодаря нѣсколькимъ представителямъ, дѣйствующимъ, очевидно, подъ гибельнымъ вліяніемъ англійскаго правительства: выходило такъ, что эти дерзкіе разбойники съ кинжалами въ рукахъ вскакиваютъ на трибуну, грозятъ смертью своимъ товарищамъ, противятся декрету совѣта старѣйшинъ и требуютъ головы генерала, который уполномоченъ привести этотъ декретъ въ исполненіе. „Я, продолжалъ Луціанъ, ввѣряю воинамъ заботу освобожденія большинства представителей народа. Вы только тѣхъ признаёте депутатами Франціи, которые будутъ вмѣстѣ съ своимъ предсѣдателемъ среди васъ, а тѣхъ, кто будетъ упорствовать, оставаясь въ оранжереѣ и крича: „внѣ закона“, нужно будетъ удалить оттуда силой“. Тогда, по знаку Наполеона, подъ барабанный бой часть батальона съ Мюратомъ во главѣ вошла въ оранжерею и очистила ее отъ депутатовъ, которые спасались отъ дальнѣйшихъ насилій, выпрыгивая въ окна. Государственный переворотъ былъ совершенъ, и дѣло оставалось только оформить. Старѣйшины поспѣшили отсрочить засѣданія обоихъ совѣтовъ, назначили временное правительство изъ трехъ консуловъ—Бонапарта, Роже-Дюко и Сіэса и выбрали особую коммиссію для выработки новой конституціи, и немедленно тѣ же рѣшенія были приняты нѣсколькими десятками другого совѣта, собранными въ ночь съ 19 на 20 брюмера Луціаномъ Бонапартомъ.

18 и 19 брюмера парижане спокойно занимались своими дѣлами, какъ-будто ничего важнаго и не случилось въ эти два дня. Франція признала совершившійся фактъ. Современники даже говорятъ, что многіе вздохнули съ облегченіемъ, такъ какъ настоящее было до того тягостно, что нація была готова радоваться какой угодно перемѣнѣ, и даже тогда, когда для всѣхъ сдѣлалась очевидною совершенная лживость заявленій, которыми заговорщики хотѣли оправдать свои поступки, большинство отнеслось къ этому

совершенно равнодушно. Какъ-то мало говорили о бывшихъ директорахъ Роже-Дюко и Сіэсѣ, публика приписывала все дѣло одному Бонапарту, въ которомъ уже раньше весьма многіе готовы были видѣть будущаго спасителя отъ всѣхъ внутреннихъ золъ и внѣшнихъ бѣдствій; теперь этотъ самый Бонапартъ стоялъ во главѣ правленія, и вопросъ о томъ, какимъ путемъ онъ добился власти, казался второстепеннымъ, лишь бы власть эта была употреблена на дѣло спасенія Франціи.

Главною заботою временнаго правительства послѣ переворота 18 брюмера была выработка новой конституціи. Планъ Сіэса былъ составленъ очень искусно въ смыслѣ логической стройности. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, съ 1789 по 1799 г., Франція страдала отъ двухъ золъ: отъ анархіи, которая узаконялась самими учрежденіями, и отъ деспотизма, отличавшагося, однако, крайнею непрочностью. Сіэсу казалось, что онъ нашелъ средство противъ анархіи и деспотизма, если „власть будетъ приходить сверху, а довѣріе снизу". Въ принципѣ онъ удерживалъ народовластіе и всеобщую подачу голосовъ, но верховное право націи на практикѣ дѣлалось совершенно призрачнымъ. Народъ долженъ былъ выбирать лишь кандидатовъ, изъ которыхъ уже правительству представлялось дѣлать назначенія на всѣ должности коммунальныя, департаментскія и общегосударственныя. Предполагалось, что пять милліоновъ взрослыхъ французовъ выберутъ изъ своей среды одну десятую часть этого числа, т. е. 500 тысячъ „коммунальныхъ нотаблей", годныхъ для занятія по назначенію отъ правительства муниципальныхъ должностей; эти 500 тысячъ нотаблей выберутъ опять десятую часть, т. е. 50 тысячъ „департаментскихъ нотаблей", которые будутъ кандидатами на разныя департаментскія должности и въ свою очередь выберутъ снова одну десятую часть, т. е. пять тысячъ „національныхъ нотаблей", кандидатовъ въ члены законодательнаго корпуса и на должности по центральному управленію, причемъ въ списокъ національныхъ нотаблей обязательно попадали всѣ лица, бывшія въ послѣднія десять лѣтъ представителями народа или высшими сановниками. Списки нотаблей должны были составляться на десять лѣтъ, но первая легислатура должна была быть назначена правительствомъ безъ всякаго списка. Такой порядокъ какъ нельзя болѣе долженъ былъ

прійтись по вкусу Наполеону. Не менѣе должна была понравиться ему и придуманная Сіэсомъ законодательная процедура. Дѣло въ томъ, что Сіэсъ въ соотвѣтствіе каждому моменту законодательства проектировалъ особое учрежденіе, совершенно отдѣльное отъ другихъ, и законодательная власть раздроблялась у него между нѣсколькими собраніями, члены которыхъ должны были, какъ только что было сказано, назначаться, а не выбираться. Законодательная инціатива поручалась государственному совѣту, обсужденіе законопроектовъ — трибунату, вотированіе — законодательному корпусу, который долженъ былъ выслушивать защиту государственнаго совѣта и критику трибуната, а охранять законы обязанъ былъ сенатъ (le senat conservateur), стражъ конституціи, облеченный правомъ кассировать всѣ противные ей законы и правомъ назначать членовъ всѣхъ законодательныхъ собраній. Центръ тяжести всей конституціи Сіэсъ думалъ положить въ сенатѣ, которому предоставлялъ еще право смѣщенія членовъ исполнительной власти и высшихъ сановниковъ, посредствомъ включенія ихъ въ свой составъ. Наполеонъ отнесся сочувственно къраздробленію законодательной власти между нѣсколькими учрежденіями, но онъ былъ рѣшительно противъ прерогативъ сената, придуманныхъ Сіэсомъ. Еще менѣе могла ему понравиться проектированная послѣднимъ организація исполнительной власти, назначеніе высшаго представителя которой Сіэсъ также отдавалъ въ руки сената. Во-первыхъ, должны были существовать два консула, одинъ для дѣлъ войны (армія, иностранныя дѣла), другой для дѣлъ мира (внутреннее управленіе и остальныя министерства): они назначали бы министровъ, а послѣдніе — всѣхъ правительственныхъ чиновниковъ и членовъ административныхъ собраній. Во-вторыхъ, надъ двумя консулами долженъ былъ стоять „великій избиратель“ (Grand Electeur) для внѣшняго представительства государства, для подписыванія трактатовъ и для назначенія и смѣщенія обоихъ консуловъ. Наполеонъ воспротивился этому проекту. „Великій избиратель“, по его выраженію, былъ бы только „безплотною тѣнью лѣниваго короля“ безъ всякихъ гарантій противъ сената, который могъ бы его во всякое время смѣстить, „абсорбировавъ“ его въ себѣ, а раздѣленіе дѣлъ войны и мира между двумя консулами противорѣчило

бы необходимости въ цѣльности и единствѣ дѣйствій. Должность „великаго избирателя“ онъ поэтому совсѣмъ вычеркнулъ изъ конституціи, замѣнивъ ее должностью перваго консула, выбираемаго сенатомъ на десять лѣтъ, и въ этой-то должности былъ теперь положенъ центръ тяжести новой конституціи. Первый консулъ, которымъ предстояло сдѣлаться самому Наполеону, назначалъ и смѣщалъ министровъ, пословъ, государственныхъ совѣтниковъ, административныхъ чиновниковъ, всѣхъ офицеровъ арміи и флота, а также назначалъ всѣхъ судей, кромѣ мировыхъ и членовъ кассаціонной палаты. Его распоряженія получали силу закона, будучи обнародованы въ извѣстной формѣ (arrêtés). Онъ руководилъ дипломатическою частью и былъ главою сухопутныхъ и морскихъ силъ. Онъ подписывалъ трактаты и законы, принятые законодательнымъ корпусомъ. Онъ назначалъ членовъ государственнаго совѣта, бывшаго однимъ изъ орудій исполнительной власти и поддерживавшаго изготовленные имъ законопроекты. При первомъ консулѣ состояло два товарища съ совѣщательнымъ голосомъ, которые тоже носили названіе консуловъ [1]). Сенатъ, который по плану Сіэса долженъ былъ играть наиболѣе самостоятельную роль, благодаря перемѣнамъ, внесеннымъ въ проектъ по требованію Наполеона, сдѣлался, напротивъ, однимъ изъ орудій, которымъ впослѣдствіи весьма искусно и пользовался первый консулъ и императоръ французовъ.

По существу своему конституція VIII года, какъ стала она называться, была чисто монархическою, и лишь по названію Франція оставалась республикой. Законодательныя собранія, лишенныя иниціативы, которая предоставлялась первому консулу, состоявшія изъ членовъ, прямо или косвенно назначенныхъ первымъ же консуломъ, обладая однимъ правомъ или только приготовлять законы (государственный совѣтъ), или только обсуждать ихъ (трибунатъ), или только ихъ вотировать (законодательный корпусъ), или ихъ утверждать (сенатъ), были простой декораціей, а за нею скрывалась почти неограниченная власть перваго консула, всегда имѣвшаго возможность остановить дѣйствіе даже утвержденныхъ законовъ, такъ какъ только ему принадлежало право ихъ обнародованія. Второй и

[1]) Ими были Камбасересъ и Лебренъ.

третій консулы, товарищи перваго консула по исполнительной власти, были въ сущности лишь какими-то его ассистентами и скоро превратились въ своего рода адъютантовъ главы государства. Всѣ органы администраціи зависѣли отъ него одного, и чтобы поставить чиновниковъ въ совершенную отъ себя зависимость и обезпечить за собою совершенно пассивное ихъ повиновеніе, Наполеонъ включилъ въ конституцію особую статью, по которой правительственные агенты могли подвергаться судебному преслѣдованію за дѣла, касающіяся ихъ должности, лишь въ силу особаго постановленія государственнаго совѣта. Однимъ словомъ, конституція VIII года была на самомъ дѣлѣ полнѣйшею противоположностью принципамъ 1789 г. Не въ примѣръ конституцій 1791 г., 1793 г. (съ жирондистскимъ проектомъ) и III года наполеоновская конституція не заключала въ себѣ декларацій правъ человѣка и гражданина, и въ этомъ заключается также одно изъ ея отличій отъ революціонныхъ конституцій, такъ какъ въ актѣ 22 фримера VIII г. ни слова не было сказано ни о естественныхъ правахъ, существующихъ раньше и стоящихъ выше самóй верховной власти народа, ни объ этой самой власти, между прочимъ, какъ о власти учредительной.

Прежде чѣмъ сдѣлался извѣстнымъ результатъ плебисцита, которому была подвергнута конституція VIII года, Наполеонъ произвелъ необходимыя назначенія. Сіэсъ получилъ президентство въ сенатѣ, Роже-Дюко былъ сдѣланъ сенаторомъ, и оба они вмѣстѣ съ вторымъ и третьимъ консулами выбирали первыхъ сенаторовъ въ количествѣ 31 человѣка, которые пополнили свое число до шестидесяти, какъ того требовала конституція [1]). Затѣмъ сенаторы назначили членовъ трибуната и законодательнаго корпуса, а Наполеонъ организовалъ новый государственный совѣтъ, первое засѣданіе котораго состоялось 25 декабря 1799 г. Между тѣмъ текстъ конституціи былъ разосланъ во всѣ общины Франціи съ предложеніемъ гражданамъ подавать голоса поголовно и безъ предварительнаго обсужденія, внося свои мнѣнія въ два особые списка (утвердительный или отрицательный), выложенные въ двухъ различныхъ мѣстахъ.

[1]) Это число должно было увеличиваться ежегодно на два, пока не достигнетъ восьмидесяти.

Никто не сомнѣвался, что народъ утвердитъ новую конституцію. Дѣйствительно, 18 плювіоза VIII года (7 февраля 1800 года) было объявлено, что изъ 3.012.569 гражданъ, подававшихъ голоса, конституцію отвергли только 1.562 гражданина, высказалось же за принятіе ея 3.011.007 человѣкъ.

Новая власть, установившаяся во Франціи, тотчасъ же занялась организаціей страны. Еще будучи временнымъ консуломъ, Наполеонъ дѣятельно и довольно успѣшно принялся за улучшеніе финансоваго положенія. 28 плювіоза VIII года (17 февраля 1800 г.) былъ уже опубликованъ законъ о департаментской и коммунальной администраціи, а 27 вентоза (18 марта) того же года—законъ о судебномъ устройствѣ. Наконецъ, въ августѣ была назначена коммиссія для выработки гражданскаго кодекса. Съ другой стороны, первый консулъ приступилъ къ успокоенію страны. Новая конституція гарантировала свободное обладаніе купленными у государства національными имуществами и даже запрещала возвращеніе эмигрантовъ, которымъ многія изъ этихъ имуществъ когда-то принадлежали. Несмотря на это, уже въ мартѣ 1800 г. появился эдиктъ, объявлявшій, что списки эмигрантовъ закрываются, и уполномочивавшій правительство вычеркивать изъ этихъ списковъ имена тѣхъ лицъ, которыя о томъ стали бы просить подъ условіемъ отказа отъ имѣній, прежде имъ принадлежавшихъ. 4 нивоза VIII г. (25 дек. 1799 г.) первый консулъ разрѣшилъ гражданамъ общинъ, владѣвшихъ въ первый день II года зданіями, предназначенными для культа, свободно ими пользоваться, если только эти зданія не были отчуждены въ другія руки, а 8 фримера была возвращена свобода бо́льшей части священниковъ, сосланныхъ послѣ 18 фрюктидора. Старой Франціи такимъ образомъ открывались двери въ новую Францію подъ условіемъ признанія совершившихся фактовъ. Наполеонъ очень хотѣлъ видѣть приверженцевъ падшей династіи на своей сторонѣ и относился къ нимъ съ бо́льшимъ довѣріемъ, чѣмъ къ республиканцамъ, не желавшимъ примириться съ его властью. Уже 19 брюмера наиболѣе видные дѣятели партіи были приговорены имъ къ ссылкѣ, которая, впрочемъ, вскорѣ была замѣнена полицейскимъ надзоромъ, организованнымъ агентами Фуше, бывшаго когда то ярымъ якобинцемъ. Съ особымъ недовѣріемъ на первыхъ же порахъ

отнесся первый консулъ къ прессѣ, и уже 27 нивоза VIII года (17 января 1800 г.) онъ издалъ arrêté, которымъ изъ существовавшихъ въ то время 73 газетъ сразу уничтожалось шестьдесятъ изданій и вообще наносился ударъ свободѣ политической печати. Особенно сильно сталъ первый консулъ преслѣдовать республиканцевъ послѣ покушенія на его жизнь 3 нивоза IX года (24 декабря 1800 г.). Въ этотъ день на дорогѣ въ оперу Наполеона стерегла „адская машина", начиненная порохомъ и пулями, но разорвавшаяся, не причинивъ вреда первому консулу. Сначала всѣ были увѣрены, что это было дѣло „якобинцевъ", и многіе изъ нихъ поплатились ссылкой „не въ видѣ наказанія за прошлое, а ради обезпеченія общественнаго порядка", какъ объяснялъ эту мѣру Фуше, но скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что въ заговорѣ 3 нивоза „якобинцы" были ни при чемъ, и что устроили его роялисты, видѣвшіе въ Наполеонѣ главную помѣху для возвращенія во Францію Бурбоновъ.

Таково было происхожденіе режима, установившагося во Франціи на полтора десятилѣтія, носящихъ въ исторіи названіе эпохи консульства и имперіи. Попытки организовать во Франціи политическую свободу не удались ни въ формѣ ограниченной монархіи (конституція 1791 г.), ни въ формѣ демократической республики (конституція 1793 г.), ни въ формѣ республики буржуазной (конституція III года), и фактически Франція то и дѣло подпадала подъ ту или другую диктатуру, была ли то диктатура учредительнаго собранія, или революціоннаго правительства, или, наконецъ, счастливаго полководца. Плебисцитарная республика эпохи консульства была въ сущности военною диктатурою, которая воскрешала античный цезаризмъ и нуждалась только въ имени имперіи, чтобы вполнѣ проявить свой антиреспубликанскій характеръ. Наклонность къ признанію диктатуры поддерживали во Франціи внѣшнія и внутреннія опасности, грозившія новому соціальному строю, созданному революціей, и та самая буржуазія, которая наиболѣе выиграла отъ революціи, съумѣла также лучше другихъ общественныхъ классовъ воспользоваться и порядкомъ вещей, вышедшимъ изъ переворота 18 брюмера, для упроченія своего положенія въ новомъ безсословномъ обществѣ.

II. Консульство и имперія [1]).

Политическая система Наполеона и его положеніе въ государствѣ. - Его отношеніе къ революціи. - Установленіе пожизненнаго консульства и имперіи и измѣненія въ конституціи VIII года. — Деспотизмъ Наполеона. Милитаризмъ имперіи. - Внутренняя организація Франціи при Наполеонѣ. — Кодификація французскаго права. - Конкордатъ. — Отношеніе Наполеона къ папѣ Пію VII. — Полицейскій режимъ эпохи консульства и имперіи. — Духовный гнетъ Наполеоновскаго режима. — Экономическая и соціальная политика Наполеона. — Международное положеніе Франціи при имперіи. — Внутреннее ея состояніе въ эпоху паденія имперіи. — Первая реставрація и «сто дней». — Заключеніе.

У Наполеона уже былъ вполнѣ сложившійся взглядъ на искусство управленія, когда плебисцитъ VIII года поставилъ его во главѣ Франціи. Еще въ 1797 г., въ эпоху организаціи Цизальпинской республики, онъ высказывался довольно откровенно въ смыслѣ, крайне неблагопріятномъ для тогдашнихъ республиканскихъ учрежденій Франціи и для популярныхъ въ то время политическихъ теорій. Его собственная теорія заключалась въ томъ, что «истиннымъ представителемъ націи должно быть правительство", и что, наоборотъ, законодательный совѣтъ націи не долженъ имѣть виднаго положенія въ республикѣ. Конституція VIII года, въ особенности съ позднѣйшими измѣненіями, въ нее внесенными, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала этому идеалу Наполеона. Въ дѣлѣ управленія онъ понималъ только простыя формы революціонной диктатуры и военной команды и не даромъ находилъ, что „хорошо править можно только въ ботфортахъ и со шпорами". Эта политическая идея была полною противоположностью тѣмъ принципамъ, которые должна была осуществить революція 1789 года. Хотя Наполеонъ при всякомъ удобномъ случаѣ и ссылался на то, что его власть необходима

[1]) Исторія западной Европы въ новое время, томъ IV, главы VII, XI и XII.

для консолидаціи принциповъ 1789 года, на самомъ дѣлѣ установленіе этой власти было не только прекращеніемъ революціи, но и гибелью для индивидуальной и политической свободы, провозглашенныхъ знаменитою деклараціей правъ человѣка и гражданина. По словамъ Шапталя, бывшаго въ эпоху консульства министромъ внутреннихъ дѣлъ, Наполеонъ „часто говорилъ, что когда онъ сталъ у кормила правленія, французская революція не была еще окончена, что ему удалось ее подавить, но что еслибы онъ не сталъ употреблять рѣшительныхъ и сильныхъ мѣръ, она скоро опять пошла бы по своему проторенному пути. Это-то и заставляло его съ такою блительностью въ самомъ зародышѣ уничтожать партіи, которыя бы только могли пробудиться къ жизни. Но именно съ тѣхъ поръ онъ и чувствовалъ себя вынужденнымъ сойти съ конституціоннаго пути". „Моя власть рушится, говорилъ онъ еще Шапталю, лишь только я перестану быть страшнымъ. Я не могу допустить, чтобы кто-нибудь осмѣливался что-либо предпринимать, немедленно же не подавляя съ своей стороны этого предпріятія. Я не могу позволить, чтобы мнѣ угрожали, самъ не нанося удара тѣмъ, кто вздумалъ бы это дѣлать!.. Вѣдь вокругъ меня нѣтъ ни одного генерала, который не полагалъ бы, что онъ имѣетъ такія же права на престолъ, какъ и я. Нѣтъ ни одного сколько-нибудь вліятельнаго человѣка, который не воображалъ бы, что именно онъ проложилъ мнѣ дорогу 18 брюмера. Я вынужденъ поэтому быть очень суровымъ съ этими людьми. Еслибы я держалъ себя съ ними на равной ногѣ, они скоро раздѣлили бы между собою мою власть и общественное достояніе... И внутри, и внѣ я царствую въ силу внушаемаго мною страха. Еслибы я оставилъ эту систему, меня не замедлили бы низложить съ престола. Вотъ мое положеніе и мотивы моего поведенія". Эти признанія какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ и вообще положенію Наполеона послѣ 18 брюмера, и всему его поведенію съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ власть. Сама революція казалась ему болѣзненнымъ кризисомъ, который былъ пережитъ французскимъ народомъ и которому пора прекратиться, разъ устранены причины, вызвавшія болѣзнь. „Французскій народъ, говорилъ онъ тому же Шапталю, оскорбляли въ самыхъ дорогихъ

интересахъ. Дворянство и духовенство унижали народъ своимъ высокомѣріемъ и своими привилегіями. Они утѣсняли его правами, которыя присвоили себѣ надъ его трудомъ. Онъ долго томился подъ этимъ гнетомъ, но наконецъ онъ захотѣлъ сбросить съ себя иго, и революція началась. Паденіе монархіи было лишь слѣдствіемъ препятствій, которыя ставились движенію, но отнюдь не входило въ намѣренія революціонеровъ". Весьма характерно, что въ этомъ объясненіи Наполеономъ причинъ революціи мы не находимъ указанія на отсутствіе въ старой Франціи личной и общественной свободы: все сводится къ одному неравенству, къ привилегіямъ. Наполеонъ очень хорошо понялъ, что среди революціонеровъ и республиканцевъ было не мало людей, собственно говоря, стремившихся только къ власти, хотя бы и на подчиненныхъ мѣстахъ, и вотъ онъ дѣлалъ такихъ людей министрами, сенаторами, членами государственнаго совѣта, депутатами, судьями, префектами и т. п. Онъ не вѣрилъ, чтобы участіе въ революціи тѣхъ или другихъ лицъ могло объясняться стремленіемъ ихъ къ политической свободѣ. „Вы, французы, говорилъ онъ (по словамъ г-жи Ремюза), вы серьезно ничего не умѣете желать, за исключеніемъ развѣ одного равенства. Да и отъ него охотно, пожалуй, каждый отказался бы, если бы только могъ себя представить первымъ". Свобода, заявилъ онъ другой разъ, можетъ быть потребностью лишь весьма малочисленнаго класса людей, отъ природы одареннаго болѣе высокими способностями, чѣмъ масса, но потому она и можетъ быть подавляема безнаказанно, тогда какъ равенство, наоборотъ, нравится именно массѣ". Не вѣря въ стремленіе націи къ свободѣ, Наполеонъ и велъ себя такимъ образомъ, какъ будто бы нація и на самомъ дѣлѣ не желала свободы. При случаѣ онъ и оффиціально не отказывался произносить имя свободы но въ глубинѣ души не придавалъ ему ни малѣйшаго значенія, и если что считалъ настоящимъ пріобрѣтеніемъ революціи, такъ это — то гражданское равенство, которое, хотя бы и подъ властью абсолютнаго правительства, было политическимъ идеаломъ громаднаго большинства французовъ. Пожалуй, онъ охотно признавалъ и принципъ народовластія, но только въ очень своеобразномъ толкованіи. „Моя политика, сказалъ онъ однажды въ засѣданіи государствен-

наго совѣта въ первый годъ консульства, — моя политика состоитъ въ томъ, чтобы управлять людьми такъ, какъ того хочетъ большинство. Превратившись въ католика, я кончилъ вандейскую войну; сдѣлавшись мусульманиномъ, я утвердился въ Египтѣ; ставши ультрамонтаномъ, я привлекъ на свою сторону поповъ въ Италіи. Если-бы я управлялъ народомъ, состоящимъ изъ евреевъ, я бы возстановилъ храмъ Соломона. Въ этомъ-то, кажется мнѣ, и заключается признаніе народнаго верховенства".

Таковы были политическія идеи Наполеона, и онъ вполнѣ осуществилъ ихъ во внутренней жизни Франціи. Хотя, какъ мы видѣли, конституція VIII г. отдавала страну въ полное его распоряженіе, онъ все-таки оставался недоволенъ нѣкоторыми сторонами конституціи и потому вносилъ въ нее измѣненія, которыя должны были еще болѣе усилить его власть и сдѣлать невозможною какую бы то ни было оппозицію. Когда нѣкоторые проекты перваго консула встрѣтились въ трибунатѣ, обязанномъ обсуждать предложенія правительства, съ довольно сильной критикой, Наполеонъ былъ крайне раздраженъ этимъ и говорилъ, что онъ, какъ солдатъ и сынъ революціи, не позволитъ оскорблять себя „точно какого-то короля", и вотъ когда въ 1802 г. должно было произойти обновленіе части этого учрежденія посредствомъ выхода изъ него нѣкотораго количества членовъ, то не жребій, а услужливый сенатъ рѣшилъ, кому выйти, причемъ устранены были, конечно, наиболѣе независимые (между ними Бенжаменъ Констанъ). Мало-по-малу законодательныя учрежденія Франціи наполнились людьми, которые только о томъ и думали, какъ бы получше угодить новому господину. При помощи услужливыхъ собраній Наполеонъ и произвелъ въ конституціи VIII г. тѣ измѣненія, которыя прекратили плебисцитарную республику 1800—1804 гг. въ абсолютную монархію 1804—1814 гг.

Первымъ шагомъ, сдѣланнымъ въ этомъ направленіи, было превращеніе десятилѣтняго консульства въ пожизненную магистратуру—въ видѣ національной награды Наполеону за его заслуги передъ отечествомъ. Когда генералъ Бонапартъ находился въ Египтѣ, противъ Франціи образовалась могущественная коалиція (въ которой приняла участіе и Россія), и съ 1799 г. Франція стала

терпѣть пораженіе за пораженіемъ. Въ генералѣ Бонапартѣ, внезапно возвратившемся изъ Египта, французы привѣтствовали будущаго спасителя отечества, что между прочимъ и дало ему смѣлость совершить переворотъ 18 брюмера. Первый консулъ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды и весною 1800 г. лично повелъ армію въ Италію, гдѣ въ предшествующемъ году были потеряны всѣ плоды прежнихъ французскихъ побѣдъ. Въ то же время другая французская армія вторглась въ южную Германію. Ломбардія снова была отвоевана у австрійцевъ и превращена въ Италійскую республику, и Австрія вынуждена была заключить въ Люневилѣ миръ (1801), позволившій первому консулу по-своему распоряжаться въ значительныхъ частяхъ Италіи и Германіи. Въ слѣдующемъ году и съ Англіей былъ заключенъ миръ въ Амьенѣ. Наполеонъ пользовался теперь славой не только побѣдителя, но и миротворца. Внутри Франція тоже была успокоена, особенно благодаря заключенію въ 1801 г. конкордата съ папою [1]), торжественно отпразднованному черезъ три недѣли послѣ подписанія амьенскаго трактата. Мысль о необходимости награды за дарованіе Франціи внутренняго и внѣшняго мира родилась въ головѣ самого Наполеона, но онъ желалъ, чтобы дѣло получило такой видъ, какъ будто его награждали по иниціативѣ самой націи въ лицѣ ея представителей. 6 мая 1802 г. трибунату былъ предъявленъ амьенскій трактатъ, и президентъ трибуната, уже очищеннаго отъ безпокойныхъ членовъ, предложилъ своимъ товарищамъ выразить желаніе, чтобы генералу Бонапарту былъ данъ „блестящій залогъ національной благодарности“. Рѣшить вопросъ, въ чемъ же должна была состоять эта награда, предоставлялось сенату, какъ первому учрежденію націи. Сенатъ не могъ оставить это заявленіе безъ вниманія, но, сдѣлавъ видъ, что повѣрилъ искренности перваго консула, сказавшаго трибунату, что съ него довольно славы и почестей, ограничился постановленіемъ, которымъ переизбиралъ перваго консула еще на десять лѣтъ по окончаніи срока его полномочій. Наполеонъ былъ страшно раздраженъ такимъ рѣшеніемъ, но услужливый Камбасересъ, ведшій все

[1]) См. объ этомъ ниже.

это дѣло, придумалъ другой способъ уладить его по мысли перваго консула: этимъ способомъ должно было быть непосредственное обращеніе къ самому державному народу. Отвѣчая сенату по поводу своего переизбранія, Наполеонъ выразилъ желаніе, чтобы актъ, удерживающій его у власти на болѣе продолжительное время, былъ санкціонированъ народнымъ приговоромъ. Дѣло перешло въ государственный совѣтъ, гдѣ переизбраніе на новое десятилѣтіе было замѣнено уже прямо пожизненнымъ консульствомъ. Сенатъ и трибунатъ съ законодательнымъ корпусомъ присоединились къ этому рѣшенію, и въ іюлѣ 1802 года новый плебисцитъ даровалъ первому консулу пожизненную власть тремя съ половиною милліонами голосовъ противъ полутора десятка тысячъ отрицательныхъ отвѣтовъ. Принявъ изъ рукъ народа новое достоинство, Наполеонъ выразилъ желаніе, чтобы соотвѣтственно съ этою перемѣною были произведены въ конституціи VIII г. и другія необходимыя передѣлки. Отвѣтомъ на это былъ сенатусъ-консультъ X г. По новой конституціи, какую изъ себя представлялъ названный актъ услужливаго сената, первый консулъ, сдѣлавшись пожизненнымъ, получалъ еще право назначить себѣ преемника, равно какъ право ратифицировать трактаты съ иностранными державами и миловать преступниковъ. „Теперь, говорилъ Наполеонъ, я нахожусь наравнѣ съ другими государями, ибо въ концѣ концовъ вѣдь и они только пожизненны. Нельзя, чтобы власть человѣка, ведущаго дѣла Европы, была или, по крайней мѣрѣ, казалась непрочною". Вмѣстѣ съ этимъ сенатусъ-консультъ X года измѣнялъ отношеніе перваго консула къ законодательнымъ собраніямъ и вводилъ перемѣны въ ихъ организацію. Государственный совѣтъ превращался въ своего рода тайный совѣтъ высшаго правителя Франціи. Число членовъ трибуната было сокращено (со 100 на 50), и самъ онъ раздѣлялся на секціи. У законодательнаго корпуса было отнято право вотировать мирные и союзные договоры, принадлежавшее ему по конституціи VIII г., такъ какъ право заключенія такихъ договоровъ находилось теперь цѣликомъ въ рукахъ самого перваго консула. Сенатъ получилъ нѣкоторое расширеніе своихъ правъ по отношенію къ другимъ учрежденіямъ, но былъ поставленъ въ еще бо́льшую зависимость отъ перваго консула.

Сенатъ могъ теперь распускать законодательный корпусъ и трибунатъ и собственною властью назначалъ президентовъ и членовъ бюро обоихъ собраній, причемъ послѣднія были лишены права предлагать своихъ кандидатовъ на вакантныя сенаторскія мѣста. По конституціи VIII г. сенатъ самъ долженъ былъ пополнять убыль среди своихъ членовъ изъ трехъ кандидатовъ, представленныхъ ему первымъ консуломъ, трибунатомъ и законодательнымъ корпусомъ; это право за сенатомъ было оставлено, но всѣ три кандидата теперь указывались сенату однимъ первымъ консуломъ. Конституція VIII года заключала въ себѣ нѣкоторыя статьи, создававшія своего рода условія независимости сенаторовъ: они были пожизненны, несмѣняемы и не могли занимать другихъ должностей, дабы ихъ нельзя было подкупить тѣми или другими почетными или выгодными назначеніями. Послѣднее ограниченіе было уничтожено сенатусъ-консультомъ X года, а годъ спустя Наполеонъ создалъ еще такъ называемыя сенатореріи (senatoreries), богатыя дотаціи съ доходомъ въ 25—80 т. франковъ, которыя, конечно, служили наградою за послушаніе сенаторамъ, наиболѣе входившимъ въ виды новаго владыки Франціи. Теперь Наполеонъ не боялся даже расширить права сената. По иниціативѣ правительства послѣдній могъ органическимъ сенатусъ-консультомъ дополнять или объяснять конституцію въ случаяхъ пробѣловъ или неясностей, а простыми сенатусъ-консультами, когда явится надобность,—отмѣнять дѣйствіе конституціи въ отдѣльныхъ департаментахъ, отмѣнять въ нихъ судъ присяжныхъ, кассировать рѣшенія судовъ, если бы въ нихъ заключался вредъ для безопасности государства и т. п.; распущеніе законодательнаго корпуса и трибуната могло совершиться равнымъ образомъ только въ силу сенатусъ-консульта по иниціативѣ правительства. Прибавимъ, что конституція X года еще болѣе стѣснила избирательныя права націи, и безъ того ничтожныя по конституціи VIII года. Коммунальные нотабли составляли кантональное собраніе, которое и выбирало пожизненныхъ членовъ избирательныхъ коллегій—окружныхъ и департаментскихъ, представлявшихъ первому консулу кандидатовъ на нѣкоторыя должности. Къ выборнымъ членамъ этихъ коллегій первый консулъ имѣлъ право присоединить во всякое время

по своему усмотрѣнію извѣстное число членовъ, назначенныхъ имъ самимъ, а кромѣ того, въ голосованіи избирательныхъ коллегій имѣли право участвовать всѣ чиновники; наконецъ, предсѣдатели ихъ назначались самимъ первымъ консуломъ.

Пожизненное консульство было настоящей монархіей: Наполеону не доставало только соотвѣтственнаго титула. Въ Тюйльери, гдѣ онъ поселился еще въ началѣ 1800 г., его окружалъ настоящій дворъ; и возвратившіеся эмигранты, изъ которыхъ многіе стали появляться при этомъ дворѣ, содѣйствовали въ сильной степени возвращенію въ общество старыхъ монархическихъ традицій и нравовъ. Твердая власть перваго консула обезпечивала спокойствіе внутри страны, а его новыя побѣды надъ внѣшними врагами покрывали націю славой [1]). Одни только непримиримые роялисты и немногіе либералы 1789 г. да республиканцы, оставшіеся вѣрными идеямъ свободы и равенства, не хотѣли признавать новую власть. Для первыхъ установленіе пожизненнаго консульства было особенно сильнымъ ударомъ, лишая ихъ надежды на скорое возвращеніе Бурбоновъ. Роялисты послѣ неудачнаго покушенія 3 нивоза не оставляли своего намѣренія погубить Наполеона и съ этою цѣлью составили заговоръ на его жизнь, который былъ, впрочемъ, открытъ, и заговорщики наказаны. Чтобы отомстить роялистамъ, первый консулъ рѣшилъ показать примѣръ другимъ на одномъ изъ принцевъ крови, молодомъ герцогѣ Ангіенскомъ (изъ фамиліи принцевъ Конде), хотя послѣдній ни душой, ни тѣломъ не былъ виноватъ въ заговорѣ. Онъ жилъ въ то время въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ (въ Эттенгеймѣ) на пенсію англійскаго правительства. 15 марта 1804 г. принцъ былъ схваченъ французскими драгунами на чужой территоріи, привезенъ въ Парижъ и немедленно въ ночь на 21 марта приговоренъ судомъ къ разстрѣлянію во рву Венсенскаго замка. На просьбу Жозефины помиловать плѣнника Наполеонъ отвѣчалъ: „я—государственный человѣкъ, я—французская революція, и я ее поддержу“. Извѣстіе объ этомъ

[1]) Въ 1803 г. возобновилась война съ Англіей, и Наполеонъ завладѣлъ принадлежавшимъ англійскому королю курфюршествомъ Ганноверскимъ.

злодѣяніи встрѣчено было съ негодованіемъ во всей Европѣ и оттолкнуло отъ Наполеона многихъ примирившихся съ нимъ рояли-стовъ. Но именно въ это самое время и рѣшался вопросъ о принятіи Наполеономъ императорскаго титула. Иниціатива новой перемѣны вышла на этотъ разъ изъ сената, который введеніемъ наслѣдственной власти въ конституцію VIII—X гг. думалъ обезпечить свое собственное существованіе противъ всякой случайности, и вотъ онъ воспользовался послѣднимъ заговоромъ на жизнь перваго консула, грозившимъ опасностью всему новому государственному строю, чтобы оправдать необходимость такой перемѣны въ глазахъ націи, радовавшейся неудачѣ покушенія на жизнь Наполеона. Главнымъ двигателемъ всего дѣла явился Фуше, который въ 1793 г. вотировалъ казнь Людовика XVI, былъ у Наполеона министромъ полиціи, но, потерявъ это мѣсто, только и думалъ о томъ, чтобы снова войти въ милость своего господина. Едва прошла недѣля послѣ убіенія герцога Ангіенскаго, какъ къ первому консулу явилась депутація отъ сената съ просьбою упрочить и увѣковѣчить свое великое дѣло возрожденія Франціи. Наполеонъ просилъ срока, чтобы подумать, а между тѣмъ префекты, правительственные чиновники, стоявшіе во главѣ департаментовъ, и генералы подготовляли народъ и армію къ новой перемѣнѣ въ конституціи. Особенное вниманіе было обращено на армію, сенату же съ законодательнымъ корпусомъ и трибунатомъ давали понять, что войско сгораетъ отъ нетерпѣнія видѣть своего любимаго вождя облеченнымъ высшею властью. Въ концѣ апрѣля одинъ изъ членовъ трибуната, Кюре, которому была обѣщана богатая сенаторерія, внесъ въ трибунатъ предложеніе, составленное въ кабинетѣ перваго консула: правительство французской республики предлагалось ввѣрить Наполеону Бонапарту съ титуломъ императора и съ наслѣдственною передачею императорскаго достоинства его потомству. Послѣ этого Наполеонъ отвѣтилъ на адресъ сенаторовъ своимъ согласіемъ на новую перемѣну. „Я хочу, сказалъ онъ между прочимъ, чтобы 14 іюля въ этомъ году мы могли сказать французскому народу: пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ порывѣ чувствъ вы взялись за оружіе, вы пріобрѣли свободу, равенство, славу; нынѣ эти первыя блага народовъ, упроченныя за вами на вѣки,

находятся внѣ всякихъ бурь, они сохранены для васъ и для дѣтей вашихъ". Наскоро созванный въ чрезвычайную сессію законодательный корпусъ вотировалъ въ благопріятномъ же смыслѣ. Между тѣмъ въ особомъ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ самого Наполеона, была выработана новая конституція, принятая затѣмъ сенатомъ и получившая названіе органическаго сенатусъ-консультъ 28 флореаля XII года. Предложеніе о наслѣдственности императорскаго достоинства было подвергнуто плебисциту, и 15 брюмера XIII года (6 ноября 1804 г.) было объявлено, что изъ 3.524.254 гражданъ, подавшихъ голоса, утвердительныхъ было 3.521.675.

Конституція XII года не налагала уже никакихъ ограниченій на императорскую власть, и лишь немногіе сенаторы заявляли о необходимости нѣкоторыхъ гарантій въ виду новаго усиленія власти главы государства. Въ этой конституціи Франція названа была еще республикой, правленіе которой ввѣрялось наслѣдственному императору французовъ. Наполеонъ считалъ еще нужнымъ сохранять имя республики, и на монетахъ, чеканившихся въ первые годы имперіи (до 1807), на одной сторонѣ была надпись „République Française", а на другой—„Napoléon Empereur". Сенатусъ-консультъ XII г. заключалъ въ себѣ постановленія о престолонаслѣдіи, объ императорской фамиліи, о регентствѣ и установлялъ цѣлую іерархію высшихъ чиновъ имперіи, маршаловъ и т. п. Сенатъ еще болѣе дѣлался зависимымъ отъ главы государства: въ составъ этого учрежденія должны были входить всѣ французскіе принцы старше 18 лѣтъ, высшіе государственные сановники и граждане, „которыхъ императоръ найдетъ подходящимъ возвысить въ санъ сенатора", кромѣ восьмидесяти лицъ, назначавшихся прежнимъ порядкомъ; предсѣдатель сената назначался также императоромъ. Въ видѣ утѣшенія сенату за потерю имъ прежнихъ правъ, а главнымъ образомъ для замаскированія настоящаго характера конституціи учреждались въ сенатѣ двѣ коммиссіи, изъ семи членовъ каждая: онѣ назывались „сенаторская коммиссія личной свободы" и „сенаторская коммиссія свободы печати", а учреждались онѣ для того, чтобы сенатъ по ихъ докладу могъ объявлять: „есть сильныя основанія предполагать, что такой то былъ произвольно задержанъ", или „что свобода прессы

была нарушена". Въ теченіе всѣхъ десяти лѣтъ, когда дѣйствовала конституція XII года, сенату ни разу не пришлось воспользоваться этимъ правомъ и, разумѣется не потому, чтобы за этотъ періодъ во Франціи индивидуальная свобода и свобода печати пользовались дѣйствительно неприкосновенностью. Наконецъ, законодательному корпусу было разрѣшено обсуждать законы въ закрытыхъ засѣданіяхъ такъ называемыхъ общихъ коммитетовъ (юридическаго, административнаго и финансоваго). Главные дѣятели установленія имперіи получили награды, и Фуше снова сдѣлался министромъ полиціи. Въ то же время былъ организованъ императорскій дворъ, а 2 декабря 1804 г. самъ папа Пій VII, нарочно пріѣхавшій въ Парижъ, помазалъ „народнаго избранника" на царство въ соборѣ Парижской Богоматери. Въ 1807 г. трибунатъ, казавшійся Наполеону несовмѣстимымъ съ остальными учрежденіями имперіи, былъ уничтоженъ. Съ законодательнымъ корпусомъ въ эпоху имперіи Наполеонъ уже совершенно не церемонился. Въ 1805 г. во время вакаціи законодательнаго корпуса императоръ получилъ отъ сената разрѣшеніе на рекрутскій наборъ, хотя это по конституціи зависѣло отъ законодательнаго корпуса, и такъ какъ послѣдній потомъ не протестовалъ, то Наполеонъ сталъ и впредь прибѣгать къ сенатусъ-консультамъ, чтобы легализировать то или другое изъ своихъ распоряженій. Статья конституціи VIII года, по которой объявленіе войны должно было обсуждаться, декретироваться и провозглашаться въ видѣ закона, постоянно нарушалась. 1809 г. прошелъ безъ сессіи законодательнаго корпуса, и никто на это не обратилъ большаго вниманія. Послѣ несчастнаго похода въ Россію, замѣтивъ въ законодательномъ корпусѣ признаки нѣкоторой оппозиціи, императоръ отсрочилъ его засѣданія, самъ установивъ бюджетъ и новые налоги. „Отъ чьего имени вы говорите? спрашивалъ онъ въ 1813 г. Вѣдь только я, одинъ я—настоящій представитель народа".

Плебисциты VIII, X и XII гг. создавали теоретическую основу власти Наполеона, фактически же она опиралась на милитаризмъ. 18-е брюмера было какъ бы завоеваніемъ гражданской Франціи Франціею военною. Безпрерывныя войны консульства и имперіи сами по себѣ выдвигали армію на первый планъ. Наполеонъ, съ своей сто-

роны, дѣлалъ все, что только могло привязать къ нему солдатъ, офицеровъ и генераловъ. Когда онъ былъ еще только первымъ консуломъ, онъ иногда приглашалъ къ своему столу простыхъ солдатъ (случалось, человѣкъ по двѣсти), имѣвшихъ почетное оружіе, угощалъ ихъ, шутилъ съ ними, пилъ за ихъ здоровье, заставлялъ разсказывать, кто за что получилъ почетное ружье или почетную саблю. И въ эти годы, и впослѣдствіи, будучи уже императоромъ, онъ посѣщалъ казармы и обнаруживалъ въ глазахъ солдатъ заботливость о томъ, чтобы ихъ хорошо содержали. Солдаты боготворили „маленькаго капрала“. Каждый солдатъ могъ расчитывать на повышеніе, и быстрое движеніе по службѣ дѣлалось, дѣйствительно, тѣмъ средствомъ, которымъ Наполеонъ пользовался, чтобы привязать къ себѣ военную силу. Въ 1802 г. первый консулъ учредилъ орденъ почетнаго легіона, получить который сдѣлалось цѣлью стремленій великаго множества французовъ. Революція уничтожила какіе бы то ни было знаки отличія, и въ 1802 г. нѣкоторые республиканцы указывали Наполеону на то, что въ республикѣ такихъ игрушекъ не нужно. „Вы называете это игрушками (hochets), возражалъ Наполеонъ, такъ знайте же, что этими самыми игрушками можно водить людей“. Повышеніе офицеровъ происходило весьма быстро, и притомъ военная карьера была одною изъ наиболѣе выгодныхъ въ матеріальномъ отношеніи; генералы и полковники получали большое жалованье, денежныя награды, имѣнія въ завоеванныхъ странахъ, а тутъ еще ихъ тщеславію льстила возможность получить титулъ барона, графа, князя, герцога [1]). Конституція XII года возстановляла титулъ маршаловъ Франціи, и сдѣлаться маршаломъ стало высшею цѣлью стремленій каждаго честолюбиваго генерала. Особое положеніе въ войскахъ заняла гвардія (сначала консульская, потомъ императорская): попасть въ гвардію стало предметомъ самыхъ лучшихъ мечтаній для громаднаго большинства солдатъ, потому что на гвардейцевъ сыпались всѣ милости Наполеона — кресты, денежныя награды, разныя поощренія; гвардію лучше

[1]) Между тѣмъ отъ членовъ ордена почетнаго легіона требовалась присяга противиться возстановленію феодальнаго режима и соединенныхъ съ нимъ титуловъ.

кормили, красивѣе одѣвали, и она пользовалась привилегіей сражаться на глазахъ самого императора, или составлять запасную силу для нанесенія послѣдняго удара непріятелю. Военныя побѣды прославлялись оффиціально и неоффиціально, въ прозѣ и въ стихахъ; для солдатъ устраивались праздники, увеселенія, зрѣлища; ея славу должны были увѣковѣчивать картины и другіе памятники искусства. Въ военной средѣ Наполеонъ чувствовалъ себя лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было: здѣсь все было основано на безусловномъ послушаніи, здѣсь все было нивеллировано передъ одною высшею властью. Понятно, что принципы военной команды, солдатскаго повиновенія, казарменнаго единообразія и дисциплины казались ему наиболѣе пригодными и для управленія государствомъ.

Личный характеръ Наполеона вполнѣ гармонировалъ съ тою ролью, которую ему, геніальному полководцу, пришлось играть въ исторической жизни Франціи. Чѣмъ далѣе, тѣмъ все больше развивался деспотическій нравъ Наполеона, и въ каждомъ человѣкѣ, изъ кого только онъ хотѣлъ сдѣлать орудіе своей воли, онъ умѣлъ разгадать ту страсть или ту слабость, на которую нужно было дѣйствовать, дабы подчинить себѣ этого человѣка, было ли то властолюбіе или честолюбіе, тщеславіе или любостяжаніе и т. д. Эгоизму и самомнѣнію Наполеона не было границъ; ему все должно было служить и все должно было повиноваться. Еще на первыхъ порахъ, когда ему были неясны многіе вопросы законодательства, администраціи и финансовъ, онъ окружалъ себя людьми, которые, по его мнѣнію, были сильны въ вопросахъ этого рода, слушалъ ихъ совѣта, допускалъ съ ихъ стороны возраженія, но когда ему стало казаться, что онъ овладѣлъ вполнѣ знаніемъ всѣхъ сторонъ государственнаго быта, онъ сталъ сторониться отъ людей съ талантомъ и иниціативой, окружилъ себя преимущественно раболѣпными исполнителями своей воли и уже не терпѣлъ противорѣчія. Слушаться, не разсуждая, было требованіемъ, которое онъ предъявлялъ всѣмъ и каждому, и, конечно, находилось много людей, умѣвшихъ удовлетворить этому требованію Въ личныхъ своихъ сношеніяхъ онъ былъ въ высшей степени щепетиленъ, требователенъ, раздражителенъ и грубъ. Онъ совсѣмъ не понималъ своихъ обязанностей по отношенію

къ государству: всѣ его стремленія сводились къ одному—къ собственному возвышенію. Будущаго послѣ его смерти для него какъ бы не существовало. Однажды ему указали, что послѣ него невозможно будетъ управлять такой громадной имперіей, какую онъ создалъ, благодаря своимъ завоеваніямъ. „Что же, замѣтилъ на это онъ, если мой преемникъ будетъ глупъ, тѣмъ хуже для него". Извѣстно, наконецъ, и то презрѣніе, съ какимъ Наполеонъ относился къ человѣческой жизни, къ „пушечному мясу" солдатъ. Въ эпоху крушенія имперіи австрійскій дипломатъ Меттернихъ, склонявшій его къ миру, указывалъ ему на то, что его солдаты почти дѣти,—и когда эта армія юношей исчезнетъ, что станете вы дѣлать? спросилъ онъ его. „Вы, отвѣчалъ Наполеонъ, не солдатъ и не можете знать, что совершается въ душѣ солдата. Я выросъ на поляхъ битвъ: такому человѣку, какъ я, наплевать на жизнь милліона людей"! Съ этимъ безсердечіемъ, съ этимъ эгоизмомъ, съ этимъ деспотическимъ нравомъ, однако, соединялись въ Наполеонѣ недюжинныя правительственныя способности, которыя онъ обнаружилъ уже въ первые же мѣсяцы консульства. Умственныя способности и рабочая сила перваго консула поражали его сотрудниковъ, какъ о томъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ воспоминанія современниковъ, даже такихъ, которые несочувственно относятся къ нему, какъ къ человѣку. Уже на самыхъ первыхъ порахъ послѣ введенія конституціи VIII г. Наполеону пришлось проявить всю свою умственную силу въ дѣлѣ организаціи Франціи, только что пережившей рядъ революціонныхъ бурь.

Внутренняя организація Франціи на началахъ свободы предпринятая учредительнымъ собраніемъ, не удалась, и уже въ эпоху республики, какъ при конвентѣ, такъ и при дѣйствіи конституціи III г., во Франціи устанавливалась de facto административная централизація съ устраненіемъ всего, что только походило на самоуправленіе. Впервые, однако, эта централизація была систематизирована и регуляризирована въ первомъ же году консульства закономъ 28 плювіоза VIII года (17 февраля 1800 г.), который и легъ въ основу всего внутренняго управленія Франціей въ XIX столѣтіи. По этому закону во главѣ каждаго департамента поставленъ былъ

префектъ, назначаемый и смѣняемый правительствомъ, облеченный исполнительною властью, прямой начальникъ всѣхъ мѣстныхъ властей въ силу чего, наприм., онъ могъ отрѣшать отъ должности мэра, его помощниковъ и муниципальныхъ совѣтниковъ въ общинахъ, имѣвшихъ менѣе пяти тысячъ душъ населенія. При префектѣ существовалъ особый административный совѣтъ (conseil de préfecture) съ судебными правами, что было прямымъ возвращеніемъ къ старому порядку административной юстиціи. По принципу Сіэса, проведенному и въ этой организаціи, дѣйствовать долженъ былъ одинъ, обсуждать—многіе, и потому рядомъ съ префектомъ установленъ былъ въ каждомъ департаментѣ генеральный совѣтъ (conseil général), члены котораго назначались правительствомъ сначала по спискамъ департаментскихъ нотаблей, а потомъ изъ кандидатовъ, представлявшихся департаментской избирательной коллегіей. Генеральные совѣты главнымъ образомъ занимались раскладкою налоговъ между отдѣльными округами, на которые были раздѣлены департаменты, совсѣмъ не касаясь взиманія налоговъ. Въ каждомъ округѣ былъ поставленъ подпрефектъ (sous-préfet) и учрежденъ окружной совѣтъ, въ каждой общинѣ были мэръ съ однимъ или нѣсколькими товарищами (adjoints) и муниципальный совѣтъ; подпрефекты и мэры были назначаемы отъ правительства же исполнительными властями—въ округахъ и общинахъ, а члены окружныхъ и муниципальныхъ совѣтовъ также назначались правительствомъ, которое сверхъ того поставило общины подъ опеку префектовъ въ такихъ дѣлахъ, какъ пріобрѣтеніе или отчужденіе муниципальныхъ имуществъ, иски отъ имени цѣлой общины и т. п. Кромѣ того, во всякомъ селеніи, въ которомъ было болѣе пяти тысячъ душъ, существовалъ особый полицейскій коммиссаръ (commissaire de police), зависѣвшій прямо отъ министра полиціи. Наконецъ, Парижу дано было совсѣмъ особое устройство. Столица государства была разбита на двѣнадцать муниципалитетовъ (или округовъ) съ отдѣльными мэрами, но безъ особыхъ муниципальныхъ совѣтовъ, замѣнявшихся въ данномъ случаѣ сенскимъ генеральнымъ совѣтомъ, тогда какъ мэры были подчинены сенскому префекту. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждомъ парижскомъ округѣ былъ свой полицейскій коммиссаръ, и надъ всѣмъ Парижемъ

былъ поставленъ префектъ полиціи (préfet de police). Эта административная организація была дополнена судебной, и до сихъ поръ остающейся во Франціи безъ существенныхъ перемѣнъ. Выборные судьи революціи были замѣнены также назначаемыми отъ правительства. Законъ 18 марта 1800 г. сразу уничтожалъ всѣ суды, существовавшіе по конституціи III года, и замѣнялъ ихъ новыми, что дозволило первому консулу по своему усмотрѣнію обновить весь судебный персоналъ, а сенатусъ-консультъ 12 октября 1807 г. объявилъ, что правомъ несмѣняемости будутъ пользоваться впредь лишь судьи, пробывшіе въ должности пять лѣтъ, и что до окончательнаго установленія того, кому будетъ дано это право, необходимо произвести предварительную очистку всего судебнаго персонала. Тотъ же принципъ замѣны выборныхъ лицъ назначаемыми отъ правительства былъ проведенъ Наполеономъ и въ дѣлѣ взиманія прямыхъ налоговъ. Уже 21 ноября 1799 г. онъ организовалъ для этого особую администрацію прямыхъ налоговъ, а потомъ и цѣлую іерархію директоровъ, инспекторовъ и генеральныхъ приходчиковъ (receveurs) и расходчиковъ (payeurs) въ департаментахъ, контролеровъ, инспекторовъ и частныхъ приходчиковъ въ округахъ, сборщиковъ для нѣсколькихъ общинъ. Понятно, что организаціонная работа 1800 г. совершалась главнымъ образомъ въ государственномъ совѣтѣ, вырабатывавшемъ законопроекты. Это учрежденіе оказалось единственнымъ серьезнымъ звеномъ въ цѣпи законодательныхъ собраній VIII года, настоящимъ центромъ управленія, гдѣ вырабатывались всѣ важныя мѣры правительства.

Громадную работу исполнилъ государственный совѣтъ въ эпоху консульства и по составленію свода гражданскихъ законовъ новой Франціи. Еще когда созывались генеральные штаты 1789 г., въ знаменитыхъ наказахъ депутатамъ высказано было весьма многими желаніе, чтобы Франція получила новое и общее для всей страны законодательство взамѣнъ громаднаго количества старыхъ феодальныхъ сборниковъ законовъ, которые дѣйствовали въ отдѣльныхъ провинціяхъ. Революція не исполнила этого желанія наказовъ 1789 г., хотя вопросъ о сводѣ законовъ и ставился въ ту эпоху. Еще въ 1793 г. Камбасересъ, будущій второй консулъ,

представлялъ конвенту проектъ гражданскаго кодекса, но только Наполеонъ, сдѣлавшись первымъ консуломъ, назначилъ особую коммиссію, которой и поручилъ составить гражданскій кодексъ, примѣнивъ къ новому общественному быту отдѣльныя положенія римскаго и каноническаго права и мѣстныхъ законовъ, равно какъ мнѣнія юристовъ XVII и XVIII вв. и новые революціонные законы. Въ работахъ этой коммиссіи принималъ довольно дѣятельное участіе и самъ Наполеонъ. Когда проектъ былъ готовъ, то прошелъ всѣ законодательныя инстанціи и былъ принятъ законодательнымъ корпусомъ въ 1804 г. подъ названіемъ „Гражданскаго кодекса", замѣненнымъ въ 1807 г. названіемъ „Наполеонова кодекса". За этою большою колификаціонною работою послѣдовали своды гражданскаго и уголовнаго судопроизводства (1806), кодексъ торговаго права (Code de commerce, 1807) и сводъ уголовныхъ законовъ (Code pénal, 1810). Среди всѣхъ этихъ законодательныхъ работъ первая считается наиболѣе важною и по тому значенію, какое получила въ жизни не одной Франціи [1]).

Къ первымъ же годамъ правленія Наполеона относится примиреніе Французской республики съ католическою церковью посредствомъ заключенія конкордата съ папою. Во многихъ отношеніяхъ это было наиболѣе труднымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что среди лицъ, окружавшихъ Наполеона въ то время, было много такихъ, которыя отнеслись къ конкордату съ крайнимъ несочувствіемъ. Быть можетъ, конкордатъ былъ наиболѣе личнымъ дѣломъ самого Наполеона, но во всякомъ случаѣ первый консулъ руководился при этомъ не религіознымъ чувствомъ, а чисто политическими соображеніями. Громадное, подавляющее большинство націи оставалось вѣрнымъ католицизму, а между тѣмъ революція порвала вѣковую связь государства съ церковью, и Наполеонъ хорошо понималъ, какую силу онъ извлечетъ для себя изъ примиренія французскаго правительства съ римской куріей. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы онъ явился

[1]) Наполеоновъ кодексъ былъ введенъ во многихъ странахъ. Напр., до очень недавняго времени онъ дѣйствовалъ въ значительной части Германіи и до сихъ поръ дѣйствуетъ въ Царствѣ Польскомъ.

тутъ защитникомъ принципа свободы совѣсти, которую попирала церковная политика революціи, потому что нерѣдко онъ съ завистью говорилъ о томъ, что не можетъ такъ же господствовать и надъ совѣстью своихъ подданныхъ, какъ господствовали византійскіе императоры. Вообще религія была для него прежде всего политическимъ средствомъ, и не даромъ одинъ изъ приверженцевъ Наполеона назвалъ католическое духовенство, какъ его поставилъ въ государствѣ конкордатъ, „священной жандармеріей“. Въ представленіи Наполеона религія и государственная власть были такъ тѣсно связаны одна съ другою, что онъ затруднялся провести между ними границу; и онъ вооружался противъ тѣхъ священниковъ, которые, раздѣляя власть надъ человѣкомъ съ государствомъ, оставляютъ за собою дѣйствіе на умъ и совѣсть и отдаютъ свѣтской власти только тѣло, т. е. „берутъ себѣ душу, а правительству бросаютъ трупъ“. Католическое раздѣленіе властей свѣтской и духовной ему поэтому не нравилось, и онъ ставилъ въ примѣръ римскую республику, гдѣ сенатъ былъ истолкователемъ религіи, Турцію и весь Востокъ съ соединеніемъ въ Коранѣ и религіознаго и гражданскаго закона, Византію и Россію, наконецъ, и протестантскія государства, гдѣ существуютъ иныя, чѣмъ въ католицизмѣ, отношенія между государственною властью и духовенствомъ: того же самаго онъ желалъ и для Франціи; безъ этого, по его словамъ, онъ не могъ бы ею управлять.

Помимо той политической цѣли, къ которой стремился Наполеонъ, заключая конкордатъ съ папой, сами обстоятельства, созданныя враждою, возникшею между революціей и церковью, вынуждали его принять какое-либо рѣшеніе по вопросу о томъ, какими же принципами должна была при новомъ порядкѣ вещей, вытекавшемъ изъ 18 брюмера, регулироваться религіозная жизнь націи. Въ послѣднія времена директоріи во Франціи уже устанавливалась свобода католическаго культа, и правительство не дѣлало никакого различія между бывшими конституціонными духовными и отщепенцами [1]), народъ же массами покидалъ первыхъ и переходилъ на

[1]) Учредительное собраніе ввело во Франціи такъ называемое гражданское устройство духовенства, принятое лишь одною частью клира и отвергнутое другою.

сторону послѣднихъ. Въ самомъ началѣ своего консульства Наполеонъ также держался нейтралитета между обѣими католическими іерархіями и, отказавшись отъ требованія спеціальной присяги, которая произвела расколъ, довольствовался со стороны духовенства однимъ обѣщаніемъ повиноваться законамъ; но курія и этому даже воспротивилась, а за нею и часть неконституціоннаго духовенства отказалась давать требуемое обѣщаніе. Правительственный нейтралитетъ, однако, отнюдь, не устранялъ религіозныхъ раздоровъ между представителями враждебныхъ католическихъ культовъ: въ послѣдніе годы директоріи уже около сорока тысячъ церквей было возвращено культу, и изъ-за обладанія ими шла теперь горячая борьба между обѣими іерархіями. Громадное большинство французскаго народа оставалось при этомъ на сторонѣ правовѣрнаго католицизма, и весьма естественно, что первый консулъ предпочелъ имѣть за себя, а не противъ себя вліятельную организацію, державшуюся союза съ Римомъ. При невмѣшательствѣ государства въ шедшую тогда борьбу, конечно, побѣда была бы не за конституціоннымъ духовенствомъ, а на сторонѣ отщепенцевъ, которые своею связью съ Римомъ, своей сплоченностью и своими матеріальными средствами, получавшимися отъ вѣрныхъ, могли бы быть только опасны новой политической власти. Вотъ почему первый консулъ отказался отъ политики, унаслѣдованной имъ отъ директоріи, т. е. отъ политики отдѣленія церкви отъ государства. По той же причинѣ онъ не считалъ удобнымъ слѣдовать и политикѣ, созданной учредительнымъ собраніемъ: дѣлать новую попытку организаціи національной церкви, зависящей отъ государства и независимой отъ Рима, Наполеонъ не находилъ удобнымъ, такъ какъ это значило бы снова поставить конституціонное духовенство въ привилегированное положеніе и вступить въ борьбу съ отщепенцами, что повлекло бы за собою только новыя религіозныя смуты. Нельзя было, разумѣется, также думать и о насильственномъ введеніи протестантизма, какъ это совѣтовали Наполеону сдѣлать нѣкоторыя изъ окружавшихъ его лицъ, потому что и это не удалось бы, подобно попыткамъ введенія новыхъ философскихъ религій, сдѣланнымъ въ эпоху конвента и директоріи. Оставался поэтому одинъ только третій путь—

искать соглашенія съ папой. По этому-то пути и пошелъ Наполеонъ.

15 іюля 1801 г. между первымъ консуломъ и папою Піемъ VII былъ заключенъ конкордатъ, который и до сихъ поръ регулируетъ во Франціи отношенія между церковью и государствомъ. По взаимному соглашенію „правительство французской республики признавало, что католическая, апостольская и римская религія есть религія огромнаго большинства французскихъ гражданъ", но уже тѣмъ самымъ не признавало болѣе за католицизмомъ значенія государственной религіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялось, что эта религія „будетъ свободно исповѣдоваться во Франціи", и что католическій культъ „будетъ публичнымъ, сообразуясь, однако, съ полицейскими распоряженіями, какія правительство найдетъ нужными въ видахъ общественнаго спокойствія". Духовныя лица должны были получать отъ правительства приличное содержаніе, но правительство не было обязано давать что-либо капитуламъ и семинаріямъ. Церкви возвращались епископамъ, за исключеніемъ уже отчужденныхъ, и паствѣ позволялось дѣлать въ пользу церквей пожертвованія, папа же, съ своей стороны, признавалъ за покупщиками національныхъ имуществъ законность ихъ владѣнія. Далѣе, по соглашенію съ правительствомъ папа обязывался произвести новое раздѣленіе Франціи на діоцезы, приглашая вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльныхъ епископовъ, ради блага мира и единства, въ случаѣ надобности жертвовать своими каѳедрами. Первому консулу конкордатъ предоставлялъ право назначать архіепископовъ и епископовъ, послѣ чего папа долженъ былъ давать имъ каноническое поставленіе, а епископы получали право назначать священниковъ, которымъ затѣмъ, однако, предстояло еще быть признанными со стороны правительства. Всѣ духовныя лица обязывались передъ вступленіемъ въ должность приносить присягу и молиться въ церквахъ за республику и консуловъ.

Конкордатъ былъ дополненъ „органическими статьями" такого, между прочимъ, содержанія. Безъ разрѣшенія правительства во Франціи не имѣли силы никакія папскія распоряженія и постановленія иностранныхъ синодовъ и даже общихъ соборовъ, равно какъ не могли во Франціи дѣйствовать представители папы (нунціи, легаты

и т. п.) или собираться мѣстные соборы безъ такового же разрѣшенія. Правительству принадлежало право опредѣлять цифру лицъ, которыхъ епископы могли посвящать въ духовный санъ. Религіозныя процессіи внѣ церквей позволялись лишь въ тѣхъ городахъ, гдѣ не было иновѣрныхъ храмовъ. Церковному браку обязательно долженъ былъ предшествовать бракъ гражданскій, введенный во Франціи революціей. Органическія статьи опредѣляли также костюмъ духовныхъ лицъ не во время богослуженія, получаемое ими жалованье и т. п. Особенно важно то, что ни само соглашеніе съ папой, ни органическія статьи ни единымъ словомъ не упоминаютъ о монашествѣ, уничтоженномъ революціей, а одна статья, разрѣшая епископамъ основывать капитулы и семинаріи, прямо прибавляла, что всѣ иныя учрежденія уничтожаются (что было подтверждено мессидорскимъ декретомъ XII года, когда бывшіе іезуиты сдѣлали попытку подъ новыми именами востановить свой орденъ). Вообще конкордатомъ 1801 г. духовенство во Франціи было поставлено въ такую зависимость отъ свѣтской власти, какой раньше никогда и не существовало: въ каждомъ отдѣльномъ діоцезѣ епископъ сдѣлался своего рода духовнымъ префектомъ рядомъ съ префектомъ свѣтскимъ, которому была ввѣрена вся департаментская администрація. Принципъ строго бюрократическаго управленія и чисто военной дисциплины былъ введенъ Наполеономъ и во всѣ внутреннія распорядки католической церкви. Въ эпоху имперіи по приказанію Наполеона былъ даже составленъ для школъ новый катехизисъ, въ которомъ власть императора возводилась чуть не на степень религіознаго догмата. Той же самой политики Наполеонъ держался и по отношенію къ протестантамъ, издавъ въ 1802 г. „органическія статьи о протестантскихъ культахъ“ (лютеранскомъ и реформатскомъ). Наконецъ, онъ регулировалъ и іудейскій культъ (декретомъ 11 дек. 1808 г.), причемъ созывалъ „великій синедріонъ“.

Наполеонъ поставилъ себѣ задачу подчинять своей власти не только духовенство, но и самое папство, считая себя преемникомъ Карла Великаго и другихъ средневѣковыхъ императоровъ, державшихъ въ зависимости отъ себя римскихъ первосвященниковъ. Уже въ самомъ началѣ имперіи ему удалось достигнуть отъ папы Пія VII нобы-

валаго почета. Верховный первосвященникъ рѣшился, несмотря на шумъ, произведенный убіеніемъ герцога Ангіенскаго, пріѣхать въ Парижъ на коронацію Наполеона. Пій VII естественно думалъ, что разъ его пригласили въ Парижъ для коронованія императора, то онъ, Пій VII, и возложитъ корону на главу Наполеона, и это ему обѣщано, во время церемоніи Наполеонъ выхватилъ изъ рукъ растерявшагося папы корону и самъ возложилъ ее на свою голову. Пій VII потомъ протестовалъ и грозилъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что былъ обманутъ, если въ „Монитерѣ“ будетъ напечатано, какъ было дѣло. Въ слѣдующемъ году онъ уже отказался пріѣхать въ Миланъ короновать Наполеона, какъ короля италійскаго, „желѣзною короною“. Съ этого времени между ними начался разладъ, во время котораго 2 февраля 1808 г. французскіе солдаты заняли Папскую область. Въ слѣдующемъ году Наполеонъ объявилъ прекращеніе свѣтской власти папы въ Церковной области (16 мая), которая и вошла въ составъ французской имперіи, на что папа отвѣтилъ (10 іюня) отлученіемъ императора отъ церкви. Тогда Пій VII былъ удаленъ изъ Рима и содержался плѣнникомъ въ Савонѣ, откуда въ 1813 г. Наполеонъ перевелъ его въ Фонтенебло. Кардиналы были почти всѣ переселены въ Парижъ, и Римъ сдѣлался лишь вторымъ городомъ имперіи, по имени котораго Наполеонъ впослѣдствіи назвалъ своего сына (отъ второго брака) „королемъ римскимъ“. Въ плѣну Пій VII проявилъ большое упорство и отказывался утверждать новыя назначенія на епископскія каѳедры, ссылаясь на свое нахожденіе въ плѣну и на невозможность совѣщаній съ кардиналами по поводу этихъ назначеній. Когда Наполеонъ задумалъ для вступленія въ бракъ съ австрійскою принцессою развестись съ первою своею женою Жозефиною [1]), то ему пришлось обойтись безъ папскаго на это согласія, что вызвало протестъ со стороны нѣсколькихъ кардиналовъ. Видя упорство папы въ нежеланіи утверждать новыя назначенія на епископскія каѳедры, Наполеонъ наконецъ задумалъ обратиться къ позабытымъ традиціямъ галликанской церкви. 25 февраля 1810 г. онъ издалъ декретъ,

[1]) Онъ былъ съ нею въ супружествѣ съ 1796 г.

которымъ возстановлялъ знаменитыя статьи 1682 г. о „вольностяхъ галликанской церкви“ и предписывалъ положить ихъ въ основу преподаванія во всѣхъ богословскихъ факультотахъ и духовныхъ семинаріяхъ. Въ слѣдующемъ году (17 іюня 1811 г.) Наполеонъ созвалъ въ Парижѣ національный соборъ, въ которомъ участвовало болѣе ста епископовъ, — около 70 изъ имперіи и около 30 изъ королевства Италіи. Нѣсколько членовъ собора выразило желаніе, чтобы папѣ возвращена была свобода, но иниціаторы этого предложенія были арестованы и посажены въ Венсенскій замокъ. Громадное большинство остальныхъ епископовъ Наполеону удалось склонить къ декрету, въ силу котораго можно было обходиться безъ папской инвеституры, если папа будетъ отказывать въ ней шесть мѣсяцевъ: посвящать епископа могъ въ такомъ случаѣ архіепископъ. Когда Наполеонъ замѣстилъ новыми епископами каѳедры тѣхъ, которые по его приказанію были арестованы, этихъ назначеній не хотѣли признавать въ соотвѣтственныхъ епархіяхъ, и для подавленія сопротивленія были даже пущены въ ходъ крутыя мѣры. Папа, однако, не отличавшійся большою послѣдовательностью, далъ свое согласіе на декретъ 1811 года, а въ 1813 г. Наполеонъ перевелъ Пія VII въ Фонтенебло, гдѣ и заключилъ съ нимъ новый конкордатъ, по которому папа не только подтвердилъ свое согласіе на декретъ, но даже отказался косвенно отъ свѣтской власти: теперь онъ согласился навсегда поселиться въ Авиньонѣ и жить на ассигнованное ему Наполеономъ содержаніе. Правда, черезъ два мѣсяца Пій VII написалъ императору письмо, въ которомъ заявилъ, что отказывается отъ подписаннаго въ Фонтенебло соглашенія.

Господствуя надъ государствомъ и стремясь такъ же господствовать и надъ церковью, Наполеонъ всецѣло подчинялъ своей власти и всю общественную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Въ эпоху консульства и имперіи передъ полицейскимъ произволомъ исчезли всякія гарантіи общественной свободы. Аресты и административная ссылка были постоянно въ ходу и уже почти не обращали на себя вниманія общества. Былъ возстановленъ старый „черный кабинетъ“, занимавшійся вскрытіемъ частныхъ писемъ; были возстановлены (въ 1814 г.) и государственныя тюрьмы, замѣнившія

прежнюю Бастилію. Особенно сильное развитіе при Наполеонѣ получили шпіонство и доносы. Кромѣ министра и префекта полиціи, въ Парижѣ было еще три генералъ-директора полиціи, которые имѣли надзоръ надъ департаментами, съ этою цѣлью раздѣленными на округа. Независимо отъ этого мѣстная жандармерія ежедневно отсылала въ Парижъ генералъ-инспектору рапорты о состояніи отдѣльныхъ мѣстностей, о слухахъ, разговорахъ и т. п. Наконецъ, адъютанты и генералы гвардіи Наполеона имѣли надзоръ надъ придворными и высшими чинами администраціи, а особымъ лицамъ поручено было слѣдить за всѣмъ, что дѣлалось среди ученыхъ, среди коммерсантовъ и т. п. Дѣло въ томъ, что Наполеонъ съ большимъ интересомъ относился къ городскимъ слухамъ, сплетнямъ разнаго рода и т. п. и особенно подозрительно смотрѣлъ на всѣ случаи критики правительственныхъ распоряженій. Наконецъ, непосредственному полицейскому надзору была поручена вся духовная жизнь націи и ея проявленія въ наукѣ, литературѣ, театрѣ и періодической печати.

Въ области народнаго образованія Наполеонъ держался тѣхъ же принциповъ, которые лежали въ основѣ всей его системы. „При установленіи преподавательской корпораціи, говорилъ онъ, моя главная цѣль въ томъ, чтобы имѣть средства направлять моральныя и политическія мнѣнія“.—„Нужно, говорилъ онъ еще, устроить эту корпорацію такимъ образомъ, чтобы имѣть свѣдѣнія о каждомъ ребенкѣ, начиная съ девятилѣтняго возраста“. Въ дѣлѣ воспитанія для Наполеона самымъ важнымъ было создать одну общую форму, по которой лишь государство могло бы моделировать будущихъ гражданъ. Законъ 1806 г. создавалъ во Франціи подъ именемъ „университета“ корпорацію, исключительнымъ назначеніемъ которой было обученіе и воспитаніе во всей Франціи; въ 1808 г. этому „университету“ дано было окончательное устройство. Во главѣ всего учрежденія, охватывавшаго учебныя заведенія имперіи, былъ поставленъ „великій магистръ“, около котораго существовалъ особый совѣтъ университета, раздѣлявшагося въ свою очередь на академіи (округа) съ ректорами во главѣ, съ особыми инспекторами и совѣтами, и весь этотъ административный персоналъ назначался великимъ магистромъ. Въ составъ университета вошли факультеты (между

прочимъ для католической и протестантской теологіи), лицеи и коллежи, пансіоны и маленькія школы (petites écoles), какъ названы были народныя училища, а преподавательскій персоналъ всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній получилъ наименованіе членовъ университета (хотя, собственно говоря, народные учителя были поставлены подъ начальство мэровъ, подпрефектовъ и префектовъ, а не учебной администраціи). Лишь одни члены университета имѣли монополію преподаванія. Первоначальное образованіе находилось въ этой системѣ въ большомъ пренебреженіи, а въ среднемъ и даже въ высшемъ (напр., въ Политехнической школѣ) были установлены совершенно монастырскіе или казарменные порядки. Въ „Институтѣ Франціи", въ которомъ еще конвентъ слилъ воедино отдѣльныя академіи, Наполеонъ, бывшій самъ членомъ этого учрежденія, въ 1803 году уничтожилъ отдѣленіе моральныхъ и политическихъ наукъ подъ тѣмъ предлогомъ, что все это — одна „идеологія". Въ другихъ отдѣленіяхъ онъ не позволялъ затрогивать сколько-нибудь живые вопросы, желая вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, чтобы академія создала такую критику, которая могла бы рекомендовать публикѣ авторовъ, достойныхъ вниманія. „Разъ, писалъ однажды онъ министру полиціи, — разъ будетъ установлена правильная критика, можно будетъ не дозволять ничего въ родѣ теперешней. Институтъ — великое средство въ рукахъ министра". Совершенно такъ же относился Наполеонъ и къ театральнымъ представленіямъ. Онъ даже признавался, что еслибы „Тартюфъ" Мольера появился въ его время, онъ не допустилъ бы его представленія. Относясь подозрительно къ литературѣ и театру, Наполеонъ покровительствовалъ главнымъ образомъ другимъ искусствамъ — архитектурѣ, живописи и музыкѣ, а также и естествознанію, представителей котораго награждалъ деньгами, орденами, титулами, важными мѣстами на государственной службѣ. Развитіе искусства и отвлеченной науки прославляло его царствованіе и должно было отвлекать умы отъ жгучихъ политическихъ и общественныхъ вопросовъ.

Особенно тяжелъ былъ наполеоновскій режимъ для періодической прессы, которая съ 1789 г. получила во Франціи значительное развитіе. Уже декретомъ 17 января 1800 г. первый

консулъ опредѣлилъ списокъ политическихъ газетъ, которымъ дозволялось выходить въ свѣтъ; такихъ газетъ въ спискѣ значилось только тринадцать, да и онѣ могли существовать лишь до первой враждебной новому правительству статьи. Издатели оставленныхъ газетъ обязаны были представиться министру полиціи и дать обѣщаніе оставаться вѣрными конституціи, а потомъ съ нихъ взято было обязательство имѣть редакторами только лицъ, пріятныхъ правительству. Конституція XII года устанавливала особую сенаторскую коммиссію, которая должна была охранять свободу прессы, но самъ же законъ, учреждавшій эту коммиссію, исключалъ изъ круга ея вѣдѣнія „всѣ сочиненія, печатающіяся и раздающіяся подписчикамъ въ опредѣленные сроки“. До 1810 г. пресса подчинялась вполнѣ усмотрѣнію начальства, и только послѣ десяти лѣтъ такого режима Наполеонъ нашелъ нужнымъ издать новый законъ о печати, цѣлью котораго, однако, вовсе не было облегченіе ея положенія, такъ какъ званіе журналиста Наполеонъ объявилъ теперь равносильнымъ исполненію „общественной должности“, а это повлекло за собою изданіе декрета, регулировавшаго отправленіе этой должности. Въ 1810 г., собственно говоря, была возстановлена цензура въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала до революціи, причемъ число типографій и книжныхъ магазиновъ было сокращено, а владѣльцы ихъ обязывались запастись особыми патентами и принести присягу въ вѣрности. При дѣйствіи декрета 1810 г. пресса находилась въ полной зависимости отъ министра полиціи: послѣдній требовалъ на свою цензуру отдѣльныя статьи, предназначенныя къ печати, присылалъ для помѣщенія свои замѣтки, назначалъ редакторовъ, которымъ издатели должны были платить жалованіе и т. п. Въ 1811 г. Наполеонъ даже объявилъ, что право собственности на газеты есть ни что иное, какъ концессія, данная императоромъ, который можетъ потому и взять концессію обратно. Въ томъ же году было постановлено, что съ осени слѣдующаго года въ Парижѣ будутъ имѣть право существовать лишь четыре ежедневныя газеты, „занимающіяся политическими новостями“. Былъ даже проектъ оставить лишь одну газету (Монитеръ). Въ департаментахъ и совсѣмъ уже не существовало независимой прессы, такъ какъ на

каждый департаментъ полагалась только одна газета, да и та должна была издаваться подъ ближайшимъ надзоромъ префекта. Весьма естественно, что такая пресса утратила всякое вліяніе и не представляла никакого интереса, такъ что въ эпоху консульства число подписчиковъ на парижскія газеты уменьшилось вдвое (съ 60 т. на 32 т.). Вообще по мысли Наполеона періодическая печать, какъ и всѣ остальныя проявленія умственной жизни, должна была быть лишь орудіемъ его власти, средствомъ для достиженія его цѣлей. Министру полиціи онъ прямо давалъ совѣтъ сочинять статьи, которыя можно было бы помѣщать въ газетахъ въ видѣ, напр., корреспонденцій изъ-за границы. Если редакторы газетъ дѣлали намеки на дурное положеніе дѣлъ или если не хотѣли помѣщать ложныхъ статей, то имъ грозила строгая отвѣтственность. Понятно, что при такомъ состояніи прессы, газетамъ ничего болѣе не оставалось, какъ наполнять свои столбцы оффиціальными извѣстіями о военныхъ тріумфахъ или о придворныхъ торжествахъ, балахъ и т. п. Но даже и это не нравилось Наполеону. „Газеты, писалъ онъ однажды, преувеличиваютъ роскошь и расходы двора, что заставляетъ публику дѣлать смѣшные и безумные расчеты. Дайте понять редакторамъ „Journal des débats“ и „Публициста“, что не далеко время, когда я, замѣтивъ ихъ безполезность, уничтожу ихъ вмѣстѣ съ другими и оставлю существовать только одну газету“.

Положеніе авторовъ и издателей книгъ и брошюръ въ началѣ консульства было нѣсколько лучшимъ, чѣмъ положеніе журналистовъ, но уже въ 1803 г. при министерствѣ полиціи была организована, „въ цѣляхъ огражденія свободы печати“, особая коммиссія, въ которую слѣдовало представлять на просмотръ всѣ книги и брошюры, дабы получить позволеніе на ихъ распространеніе. Далѣе, законъ 1810 г. создалъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особую „общую дирекцію типографій и книготорговли“, ограничивъ вмѣстѣ съ тѣмъ число и размѣры типографій въ Парижѣ и департаментахъ (дабы за недостаткомъ работы типографіи не печатали опасныхъ сочиненій), причемъ ихъ владѣльцы обязывались извѣщать префекта о каждой печатающейся книгѣ, съ тѣмъ, чтобы префектъ извѣщалъ объ этомъ министра полиціи, и т. п. Не вводя

обязательно предварительной цензуры, законъ этотъ ставилъ въ зависимость отъ начальника „общей дирекціи" рѣшеніе вопроса, должна ли печатаемая книга быть предварительно просмотрѣна, но въ видѣ „гарантіи для авторовъ и содержателей типографій" и имъ позволялось, буде пожелаютъ, отдавать книги на предварительную цензуру. Наконецъ, на продажу книги или брошюры слѣдовало брать особое разрѣшеніе, которымъ, однако, отнюдь еще не обезпечивалось свободное обращеніе изданія, если бы министръ полиціи нашелъ нужнымъ изъять его изъ продажи. Извѣстно, какой участи подверглась книга г-жи Сталь о Германіи: разрѣшенное предварительной цензурой, это сочиненіе было конфисковано по приказанію министра полиціи и предано сожженію вмѣстѣ съ рукописью и все это лишь потому, что авторомъ было лицо, непріятное Наполеону.

Полнѣйшимъ произволомъ отличалось и вмѣшательство Наполеона въ экономическую жизнь страны. Промышленностью и торговлею онъ хотѣлъ управлять нерѣдко по чисто мимолетнымъ фантазіямъ. Напр., онъ самъ указывалъ, какіе торговые дома должны были вывозить такіе-то и такіе-то товары и въ какія именно страны и что должно было ввозиться во Францію этими домами. Нерѣдко онъ запрещалъ то, что ранѣе предписывалъ, и наоборотъ. Купцы имѣли немало основаній жаловаться на подобныя мѣры, наносившія ущербъ ихъ интересамъ и притомъ безъ всякой для кого бы то ни было выгоды. Наиболѣе характернымъ проявленіемъ этого произвола Наполеона въ области экономической политики была такъ называемая континентальная система.

Находясь съ 1803 г. въ непрерывной войнѣ съ Англіей, Наполеонъ рѣшилъ въ 1806 г. закрыть всѣ порты европейскаго континента для англійской торговли. Съ этою цѣлью декретомъ, подписаннымъ 21 ноября 1806 г. въ Берлинѣ, онъ объявилъ Британскія острова въ состояніи блокады: всякая торговля съ ними запрещалась; письма и посылки въ Англію и всѣ склады англійскихъ товаровъ на территоріи Французской имперіи и ея союзниковъ подлежали конфискаціи; англійскимъ кораблямъ закрывался доступъ въ европейскіе порты, и всякій англійскій подданный долженъ былъ считаться военноплѣннымъ. Дальнѣйшія распоряженія, усиливавшія

строгости „континентальной блокады", сдѣлали ее еще болѣе стѣснительною для сторонъ, которыя къ ней примкнули. Товары, привозившіеся на материкъ Европы изъ Англіи или изъ колоній, какъ-то: сахаръ, чай и кофе, табакъ и хлопчатая бумага, разнаго рода пряности, красящія вещества, аптекарскіе товары и т. п. сдѣлались крайне рѣдкими и недоступными по цѣнѣ большинству людей, привыкшихъ ими пользоваться, и самъ Наполеонъ въ концѣ концовъ оказался вынужденнымъ дѣлать изъятія изъ общаго правила, установивъ, наприм., такъ называемыя „лиценціи", продававшіяся, впрочемъ, за большія деньги, т. е. частныя разрѣшенія вывозить нѣкоторые французскіе товары въ Англію (хлѣбъ, вино) или привозить во Францію изъ Англіи разные продукты, бывшіе въ ходу во французской промышленности и потому крайне ей необходимые (красящія вещества, рыбій жиръ и т. п.). Эти лиценціи, однако, поощряли развитіе контрабанды, бывшей своего рода протестомъ противъ запретительныхъ мѣръ Наполеона. Требуя отъ союзниковъ строжайшаго соблюденія системы, у себя во Франціи, наоборотъ, онъ все болѣе и болѣе расширялъ „лиценціи", дозволяя по нимъ ввозить подъ-конецъ всякаго рода колоніальные товары, а такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ поступали на рынокъ и проданные самимъ правительствомъ съ аукціона товары, захваченные французскими крейсерами или конфискованные у контрабандистовъ, то для контрабанды тѣмъ еще легче дѣлалось снабжать купцовъ англійскими продуктами. Въ 1810 г. Наполеонъ обложилъ всѣ колоніальные товары, каковъ бы ни былъ способъ ихъ поступленія въ продажу, пошлиной въ 50% ихъ стоимости и объявилъ, что всѣ склады такихъ товаровъ на разстояніи отъ границъ имперіи болѣе близкомъ, чѣмъ четырехдневный путь, будутъ признаваемы за тайные и подлежать конфискаціи. Въ томъ же году другимъ декретомъ онъ приказалъ сжигать всѣ произведенія англійскихъ мануфактуръ, а еще однимъ декретомъ того же года учреждалъ спеціальную юрисдикцію съ повышенными наказаніями (клейменіе, каторга, даже смертная казнь) для борьбы съ контрабандистами и ихъ сообщниками и установлялъ большія награды доносчикамъ, таможеннымъ чиновникамъ и стражникамъ за каждую конфискацію.

Своею запретительною системою Наполеонъ думалъ не только убить англійскую торговлю, но и создать монополію для французской промышленности. Напр., конфисковавъ въ Швейцаріи всѣ колоніальные товары, онъ запретилъ въ то же время вывозить изъ этой страны въ Италію ткани мѣстнаго производства, а изъ Италіи затрудненъ былъ вывозъ въ Швейцарію и Германію шелковыхъ матерій, дабы ліонскіе фабриканты, выдѣлывавшіе таковыя, не имѣли конкуррентовъ. „Лиценціи“ на ввозъ во Францію хлопчатой бумаги, индиго и т. п. давались также ради доставленія французскимъ фабрикантамъ необходимыхъ въ промышленности продуктовъ, причемъ имѣлось въ виду, что французскія фабрики будутъ работать на весь континентальный рынокъ, запертый для англійскихъ товаровъ. Французскіе капиталисты, дѣйствительно, бросились производить на весь европейскій материкъ, не принявъ въ соображеніе ни того, что постоянныя войны подрывали покупныя средства населенія всѣхъ странъ, ни того, что страшное вздорожаніе продуктовъ, привозившихся изъ колоній, само-по-себѣ дѣлало ихъ покупку почти совершенно недоступной большинству прежнихъ потребителей, ни того, наконецъ, что и внѣ Франціи началась усиленная въ сравненіи съ прежнимъ временемъ фабрикація тѣхъ же предметовъ, производствомъ которыхъ занялись теперь французскіе капиталисты. Результатомъ было общее перепроизводство со всѣми его послѣдствіями: товаровъ наготовлено было много, но сбытъ ихъ былъ крайне плохой; предприниматели, не выручая затраченныхъ денегъ, оказывались несостоятельными должниками, и банки, ссудившіе имъ значительныя суммы, не получая въ срокъ выданныхъ ссудъ, и по своимъ обязательствамъ также прекращали платежи; промышленники поневолѣ закрывали свои фабрики или сильно сокращали производство, а это самымъ бѣдственнымъ образомъ отражалось на судьбѣ рабочаго класса, лишавшагося заработка. Сначала Наполеонъ думалъ остановить кризисъ, оказывая поддержку разорявшимся фабрикантамъ изъ государственнаго казначейства, но вскорѣ убѣдился, что правительственныя ссуды были не въ состояніи помочь бѣдѣ. Боясь возстанія голодной народной массы, онъ постарался занять лишенныхъ заработка рабочихъ военными заказами и т. п., но и

это не могло устранить бѣдствія. 25 марта 1811 г. къ Наполеону явилась депутація отъ торговой палаты съ цѣлью изложить свои взгляды относительно и общаго положенія дѣлъ, и средствъ, которыми можно было бы его исправить, но Наполеонъ не далъ депутатамъ говорить: оборвавъ ихъ съ самаго начала, онъ сталъ имъ доказывать всѣ благодѣянія континентальной системы, ради поддержанія которой, по его словамъ, онъ пойдетъ, если то будетъ нужно, на Ригу, на Москву, на Петербургъ.

Деспотизмъ Наполеона въ концѣ концовъ долженъ былъ разссорить его съ буржуазіей, которая въ началѣ была одною изъ главныхъ опоръ его власти. Въ послѣдніе годы революціи буржуазія только о томъ и думала, чтобы упрочить свое положеніе и справа, и слѣва, т. е. защитить себя и противъ роялистовъ, стремившихся возвратить Францію къ старому порядку, и противъ демократіи, грозившей новому положенію, занятому буржуазіей. Въ 1799 г. биржа привѣтствовала переворотъ 18 брюмера повышеніемъ цѣнности нѣкоторыхъ денежныхъ бумагъ. Конституція VIII г. обезпечивала за покупщиками конфискованной собственности церкви и эмигрантовъ спокойное владѣніе пріобрѣтенными имѣніями, что было еще подтверждено конкордатомъ и присягою самого Наполеона во время коронаціи. Въ сущности, конституція VIII г. съ ея измѣненіями, произведенными въ 1802 и 1804 гг. (X и XII), лишь по видимости имѣла демократическій характеръ, на дѣлѣ же она была выгодна только для буржуазіи. Правда, послѣдняя не имѣла никакой реальной политической власти, но зато весь наполеоновскій режимъ создавалъ для этого класса вліятельное и почетное положеніе въ государствѣ. Можно сказать, что консульство и имперія создали готовыя кадры для буржуазныхъ монархій старшей и младшей линіи Бурбоновъ въ 1814—1848 гг. Сохранивъ въ общемъ безсословное гражданство, созданное во Франціи революціей, Наполеонъ тѣмъ не менѣе, съ одной стороны, возстановилъ аристократическіе титулы, посредствомъ которыхъ онъ думалъ вообще слить воедино старую аристократію съ новою, выдвинувшеюся на службѣ имперіи изъ „плебеевъ“, но возстановленные титулы не сообщали никакихъ привилегій своимъ носителямъ. Съ другой стороны, рабочій классъ въ его глазахъ

оставался такою частью общества, съ которою меньше всего слѣдуетъ церемониться. Закономъ 22 жерминаля XI г. и arrêté 9 фримера XII г. онъ поставилъ этотъ классъ подъ спеціальный надзоръ полиціи, ввелъ рабочія книжки, безъ обладанія которыми отдѣльныя лица названной категоріи разсматривались, какъ бродяги, запретилъ подъ страхомъ тюремнаго наказанія всякія коалиціи и стачки и поручилъ полиціи разбирать пререканія между хозяевами и рабочими изъ-за платы. Наполеоновъ кодексъ статьею 1781 опредѣлялъ, какъ общее положеніе права, что въ пререканіяхъ подобнаго рода хозяевамъ слѣдуетъ вѣрить просто на слово. Уголовный кодексъ въ 1810 г. только подтвердилъ строгое запрещеніе коалицій и стачекъ. Наполеонъ тѣмъ болѣе считалъ нужнымъ держать рабочихъ въ особой опекѣ, что боялся смутъ, во время которыхъ „рабочіе легко поддаются интриганамъ“. Возстанія голоднаго народа казались ему болѣе страшными, чѣмъ внѣшнія войны или чисто политическія смуты, и потому онъ особенно заботился о томъ, чтобы городское населеніе не подвергалось безработицѣ. Другимъ предметомъ его заботъ было достаточное снабженіе Парижа жизненными припасами, и дѣйствительно при немъ цѣны на хлѣбъ, мясо и т. д. въ столицѣ Франціи оставались все время довольно низкими. Парижскій рабочій былъ вообще доволенъ, какъ о томъ свидѣтельствовали властямъ полицейскіе агенты, наблюдавшіе за настроеніемъ умовъ, и это довольство рабочаго класса своимъ положеніемъ принимало сверхъ того шовинистическій характеръ. Съ этого времени во французскомъ обществѣ надолго установился разрывъ между либералами и народомъ, и среди первыхъ образовался даже взглядъ, по которому политическая свобода несовмѣстима съ демократіей и всеобщею подачею голосовъ. Дѣйствительно, кромѣ арміи, главную опору наполеоновскаго деспотизма составляли рабочіе и крестьяне. Тѣмъ не менѣе управлять страною Наполеонъ всегда стремился при помощи буржуазіи, которую всячески и старался удерживать на своей сторонѣ. Главнымъ образомъ для нея и создавались всѣ тѣ призрачныя гарантіи противъ деспотизма, которыя мы находимъ даже въ конституціи XII г.

Недостатокъ внутренней свободы, который ощущался главнымъ образомъ интеллигентной буржуазіей, возмѣщался внѣшнимъ могуще-

ствомъ Франціи въ Европѣ, которымъ восторгались одинаково во всѣхъ классахъ общества. Миръ съ Англіей, заключенный въ 1802 г., оказался непрочнымъ, и въ 1803 г. война возобновилась. Одолѣть Англію, однако, оказалось труднымъ, но за то другія государства, поочередно вступавшія въ борьбу съ Франціей, терпѣли пораженія за пораженіями отъ наполеоновскихъ армій. Не излагая здѣсь вообще исторіи внѣшней политики[1]), мы ограничимся въ послѣдующемъ лишь указаніями на главные результаты военной и дипломатической дѣятельности Наполеона въ эпоху наибольшаго его могущества въ 1804—1812 гг.

Для честолюбія Наполеона одной Франціи было мало, и ему захотѣлось быть господиномъ всей Европы. Положеніе, занятое имъ среди другихъ государей, блестящія побѣды его армій, присоединеніе къ Франціи новыхъ территорій, громадныя контрибуціи, налагавшіяся на побѣжденныя страны и позволявшія нѣкоторое время не увеличивать налоговъ, все это льстило самолюбію французской націи, и въ своемъ императорѣ она боготворила собственную свою славу, собственное свое величіе. Уже въ самомъ началѣ имперіи Наполеонъ превратилъ Италійскую республику въ королевство, возложилъ на себя самого его корону (въ Миланѣ въ 1805 г.) и поручилъ управленіе имъ своему пасынку принцу Евгенію Богарнэ. Въ первую годовщину своей коронаціи (2 дек. 1805 г.) онъ при Аустерлицѣ разбилъ военныя силы австрійскаго и русскаго императоровъ, и Австрія поспѣшила заключить съ побѣдителемъ миръ въ Пресбургѣ (1805). Результатами этой побѣды были: образованіе изъ германскихъ государствъ, кромѣ Австріи и Пруссіи, особаго Рейнскаго союза, признавшаго Наполеона своимъ протекторомъ, увеличеніе наполеоновскаго Италійскаго королевства Венеціанской областью, присоединеніе непосредственно къ Франціи Тосканы, передача Неаполитанскаго королевства старшему брату Наполеона, Іосифу (1807), и превращеніе Батавской республики въ Голландское королевство, отданное Наполеономъ одному изъ младшихъ братьевъ, Людовику. Въ эти же годы столь важныхъ политическихъ перемѣнъ Наполеонъ разгромилъ при Іенѣ

[1]) См. Ист. Зап. Евр. въ новое время, томъ IV, глава VIII. Ср. карту № 1.

Пруссію (1806), оставивъ ей только часть ея владѣній, а изъ остальныхъ образовалъ королевство Вестфальское для брата своего Іеронима и великое герцогство Варшавское, отданное саксонскому королю. Россія, бывшая въ союзѣ съ Пруссіей, вынуждена была заключить съ Наполеономъ миръ въ Тильзитѣ (1807), въ силу котораго Александръ I соглашался на то, чтобы Наполеонъ безраздѣльно господствовалъ на западѣ, — и самъ примыкалъ къ континентальной системѣ, обязавшись въ союзѣ съ Франціей силою принудить къ ней нейтральныя державы. Въ томъ же году, когда состоялось это соглашеніе, Наполеонъ въ союзѣ съ Испаніей началъ завоеваніе Португаліи, а въ 1808 г. съумѣлъ посадить на испанскій престолъ своего брата Іосифа, назначивъ на принадлежавшій послѣднему неаполитанскій тронъ своего зятя Іоахима Мюрата. Закрѣпленіе въ то самое время союза съ Россіей на знаменитомъ эрфуртскомъ свиданіи позволило императору французовъ нанести въ слѣдующемъ году новое пораженіе Австріи, которая по шенбруннскому миру была обобрана въ пользу союзниковъ Наполеона, причемъ самъ онъ получилъ въ непосредственное владѣніе иллирійскія провинціи (Истрія, Далмація и Рагуза). Наполеонъ былъ теперь на самомъ верху могущества и для продолженія своей династіи, разведшись съ Жозефиною, вступилъ въ бракъ съ дочерью австрійскаго императора Маріей-Луизой, у которой въ 1811 г. родился сынъ, получившій титулъ „римскаго короля“. Дѣло въ томъ, что еще въ 1809 г. Наполеонъ простымъ декретомъ присоединилъ Папскую область къ своей имперіи, объявивъ при этомъ Римъ второю столицею Франціи. Расширеніе границъ имперіи и на этомъ еще не остановилось. Недовольный своимъ братомъ Людовикомъ, Наполеонъ въ 1810 г. присоединилъ Голландское королевство къ своимъ непосредственнымъ владѣніямъ, а затѣмъ включилъ въ составъ имперіи все побережье Нѣмецкаго моря въ Германіи между нижними теченіями Рейна и Эльбы. Теперь въ составъ имперской территоріи входили, кромѣ нынѣшней Франціи: Бельгія, Голландія, сѣверная Германія до устья Эльбы, западная Германія до Рейна, нѣкоторыя части Швейцаріи, Пьемонтъ, Тоскана, Папская область и Иллирія. Ломбардія и Венеціанская область составляли особое королевство Италійское, государемъ ко-

тораго былъ самъ Наполеонъ. Въ то же время на тронахъ королевствъ Неаполитанскаго, Вестфальскаго и Испанскаго сидѣли зять и братья Наполеона, а Швейцарія, Рейнскій союзъ и великое герцогство Варшавское находились подъ его протекторатомъ. Наконецъ, Австрія и Пруссія были въ союзѣ съ Франціей, и такъ что въ 1812 г. Россія оказалась совершенно изолированною. Почти повсемѣстно, гдѣ утверждалось владычество или вліяніе Наполеона, происходили внутреннія преобразованія по примѣру реформъ, произведенныхъ во Франціи въ эпоху революціи и при Наполеонѣ [1]), но гнетъ иноземнаго завоеванія мало-по-малу вызвалъ во многихъ странахъ рядъ національныхъ движеній противъ французовъ. Примѣръ былъ данъ испанцами, которые не хотѣли подчиниться Іосифу, а послѣ неудачнаго похода Наполеона въ Россію, гдѣ онъ тоже встрѣтился съ сильнымъ народнымъ сопротивленіемъ, поднялись противъ иноземнаго ига и нѣмцы. Въ 1813 г. противъ Франціи образовалась и коалиція государей. Политическія созданія Наполеона въ Германіи, въ Италіи, въ Испаніи стали рушиться одно за другимъ, а весною 1814 г. войска союзниковъ были уже въ Парижѣ, послѣ чего Наполеону осталось только по требованію коалиціи отречься отъ престола.

Владычество Наполеона было сокрушено не однимъ національнымъ движеніемъ, происходившимъ повсемѣстно противъ Франціи, и не однимъ походомъ государей, которые, опираясь на это движеніе, наконецъ, съумѣли прочно соединиться другъ съ другомъ въ виду общей цѣли. Паденіе имперіи было, кромѣ того, результатомъ и внутренней ея слабости. Послѣ 18 брюмера, когда Франція, утомленная смутами предыдущаго десятилѣтія и прежде всего стремившаяся къ спокойствію, ко внутреннему умиротворенію и упорядоченію государственной и общественной жизни, съ надеждой и довѣріемъ взирала на генерала Бонапарта, положеніе его было гораздо прочнѣе, нежели въ концѣ имперіи, когда внутренній деспотизмъ и безпрерывныя внѣшнія войны дали себя почувствовать очень тяжело народу. Въ началѣ консульства къ Наполеону примкнули совершенно

[1]) См. главу IX четвертаго тома «Ист. Зап. Евр.».

искренно и безкорыстно многіе люди, видѣвшіе въ немъ спасителя Франціи отъ внутренней анархіи и отъ опасности, грозившей странѣ извнѣ, но съ теченіемъ времени около Наполеона стали группироваться только люди, преслѣдовавшіе главнымъ образомъ личныя цѣли, готовые служить всякому, кто имѣлъ возможность дать имъ власть, почетъ и богатство, но вмѣстѣ съ этимъ способные и измѣнить своему господину, еслибы это представляло выгоду или еслибы его дѣла приняли дурной оборотъ. Политическія учрежденія, созданныя Наполеономъ, раболѣпствовали передъ нимъ, пока онъ былъ великъ и непобѣдимъ, и отвернулись отъ него, едва онъ потерялъ славу непобѣдимаго полководца и пересталъ быть опаснымъ своимъ врагамъ. Еще во время русскаго похода въ Парижѣ однажды распространился ложный слухъ о смерти императора, и этимъ воспользовался старый республиканскій генералъ Мале, чтобы сдѣлать попытку государственнаго переворота съ прямою цѣлью низверженія имперіи Наполеона. Для успѣха своего дѣла онъ пустилъ въ ходъ поддѣльный сенатусъ-консультъ, отмѣнявшій имперію во Франціи, и наполеоновскіе доносчики довели до свѣдѣнія своего господина, будто и на самомъ дѣлѣ въ предпріятіи были замѣшаны нѣкоторые сенаторы. Наполеонъ былъ страшно раздраженъ при извѣстіи объ этомъ покушеніи, особенно же о томъ, что заговорщикамъ легко повѣрили нѣкоторые представители военной и гражданской власти и что публика осталась довольно равнодушной къ дерзости, съ какою было начато это предпріятіе. Въ это время уже давало себя чувствовать общее недовольство, вызванное прежде всего истощеніемъ экономическихъ силъ страны.

Революція отмѣнила во Франціи всѣ косвенные налоги въ виду того, что при старой монархіи они были весьма непопулярны и что по экономической теоріи того времени для государства было бы достаточно одного только поземельнаго налога. Между тѣмъ Наполеонъ уже въ первые годы имперіи рѣшился на возстановленіе косвенныхъ налоговъ, все еще продолжавшихъ быть непопулярными въ странѣ. Съ другой стороны, въ эпоху революціи было весьма плохо организовано взиманіе налоговъ, вслѣдствіе чего накопилось много недоимокъ, но Наполеонъ еще на первыхъ порахъ консульства орга-

низовалъ эту часть финансоваго управленія, и въ казну поэтому должны были совершаться усиленныя поступленія. Если, несмотря на постоянныя вооруженія и грандіозныя войны, которыя велъ Наполеонъ, Франція не была разорена въ конецъ одними налогами, и правительству все-таки удавалось въ общемъ сводить концы съ концами въ своемъ бюджетѣ, то это объясняется системою Наполеона добывать посредствомъ войны деньги, необходимыя для продолженія этой самой войны, налагая контрибуціи на занятыя страны, заставляя побѣжденныя государства платить большія суммы, привлекая къ отбыванію воинской повинности по отношенію къ Франціи ея союзниковъ. Но и эта система не могла длиться до безконечности. Послѣ русскаго похода правительству пришлось волею-неволею сразу повысить многіе налоги, населеніе же столь неохотно ихъ выплачивало, что въ 1814 г. прямые налоги, несмотря на свое повышеніе, дали казнѣ гораздо менѣе, чѣмъ давали прежде. Для сокращенія расходовъ въ 1813 г. уменьшили жалованіе чиновникамъ на 25%, и это тоже создало не мало недовольныхъ.

Гораздо еще тяжелѣе чувствовалась населеніемъ тяжесть военной службы. По закону 1798 г. разъ призывали къ военной службѣ „классъ“ юношей 20 лѣтъ, всѣ французы, которымъ исполнилось двадцать лѣтъ, шли подъ ружье. Эту систему Наполеонъ въ 1804 г. замѣнилъ жеребьевкой, при которой поступали на военную службу лишь молодые люди, вытянувшіе извѣстные нумера, да и то каждому конскрипту разрѣшалось замѣнить себя наемнымъ лицомъ. На самомъ дѣлѣ весьма скоро Наполеонъ перешелъ, однако не только къ взятію подъ ружье цѣлыхъ „классовъ“ извѣстнаго года, но даже къ призыву на службу „классовъ“ слѣдующихъ годовъ или людей, которые въ предыдущіе годы не попали въ солдаты: такъ въ 1813 г. взяли весь „классъ“ 1815 г., т. е. юношей 18 лѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не избавились идти подъ ружье и люди „класса“ 1803 года, и еще въ довершеніе всего солдатъ, отслужившихъ свой срокъ, продолжали удерживать въ полкахъ, требовали отъ откупившихся отбыванія службы или поставки новыхъ замѣстителей, либо заставляли вновь откупаться деньги. Буржуазія платила большія деньги, чтобы избавить

молодежь отъ конскрипціи, а молодые люди изъ недостаточныхъ классовъ общества спасались бѣгствомъ, прятались въ лѣсахъ и даже составляли банды, чтобы сопротивляться жандармамъ, которые ловили уклоняющихся отъ военной службы. Наполеоновскіе шпіоны, слѣдившіе за общественнымъ настроеніемъ, стали отмѣчать все болѣе и болѣе фактовъ, ясно говорившихъ о томъ, что постоянной войной во Франціи начинали тяготиться, и потому Наполеонъ старался всю вину свалить на иностранцевъ, которые мѣшали-де ему посвящать всѣ свои силы исключительно благу своего народа. Въ 1811 г. число лицъ, уклонявшихся отъ военной службы, достигало уже до 80 т. человѣкъ, и для того, чтобы найти охотника идти въ солдаты за другого, нужно было заплатить 8 т. франковъ. Противъ уклоняющихся въ 1811 г. были даже приняты особенно строгія мѣры: напр., за бѣглецовъ должны были отвѣчать ихъ семьи, ихъ знакомые, у которыхъ они ѣли, пили или ночевали, наконецъ, сами общины, къ которымъ они принадлежали, да и отвѣтственность была весьма тяжелая, а именно нужно было содержать на свой счетъ нѣсколько солдатъ, пока тотъ или другой бѣглецъ не подчинится закону. Особенно послѣ неудачъ въ Испаніи стало сильно развиваться общее отвращеніе къ войнѣ, хотя правительство старательно скрывало настоящія цифры французскихъ потерь во время народной войны на Пиренейскомъ полуостровѣ. Въ 1812 г. въ Парижѣ уже настолько сильно раздавался народный ропотъ, что Наполеонъ поспѣшилъ раннею весною переѣхать со всѣмъ дворомъ въ Сенъ-Клу. Такъ какъ взрослое населеніе страны шло въ военную службу, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полевыя работы исполнялись однѣми женщинами и дѣтьми и вдобавокъ нерѣдко безъ лошадей, при помощи заступа и лопаты, какъ это было даже оффиціально засвидѣтельствовано въ 1814 г. Наконецъ, и континентальная система создавала не мало недовольныхъ.

Въ то время, какъ одни были недовольны политикой Наполеона, поскольку она наносила ущербъ матеріальнымъ интересамъ и даже оказывалась въ экономическомъ отношеніи прямо разорительною, другіе порицали правительственную систему императора съ точки зрѣнія принциповъ личной и общественной свободы. Правда, полиція,

цензура и шпіоны дѣлали свое дѣло и не допускали никакихъ оппозиціонныхъ проявленій, но едва только послѣ 1812 г. имперія стала колебаться на главной своей основѣ—военномъ могуществѣ, которому приходилъ конецъ,—какъ оппозиція начала выступать смѣлѣе и даже достигла успѣха среди тѣхъ людей, которые благоговѣли передъ Наполеономъ, когда онъ еще не зналъ неудачъ 1812, 1813 и 1814 гг.

Сравнительно весьма немногіе дѣятели эпохи находились во все время консульства и имперіи въ оппозиціи наполеоновскому режиму. Среди писателей эпохи лишь очень небольшая группа держала себя вдали отъ оффиціальныхъ льстецовъ, но зато это была наиболѣе замѣтная группа по своему вліянію на общество, начинавшее тяготиться деспотизмомъ имперіи. Изъ нея-то и вышло нѣсколько сочиненій, враждебныхъ Наполеону. Уже въ зиму съ 1813 на 1814 г. Шатобріанъ написалъ свой знаменитый памфлетъ „о Буонапарте и о Бурбонахъ", вышедшій въ свѣтъ 30 марта 1814 г., за нѣсколько дней до окончательнаго паденія имперіи. Это сочиненіе, содержащее въ себѣ страстный обвинительный актъ противъ Наполеона, по словамъ Людовика XVIII, сдѣлало для реставраціи Бурбоновъ гораздо больше, чѣмъ цѣлая армія. Г-жа Сталь, съ первыхъ же дней консульства ставшая страстнымъ врагомъ Наполеона, за что и подвергалась съ его стороны постояннымъ преслѣдованіямъ,—въ это же время оканчивала свои „Десять лѣтъ изгнанія", книгу, въ которой вылилось все, что накипѣло въ ея душѣ противъ имперіи. Въ паденіи Наполеона она видѣла единственное средство спасенія Франціи, Европы, человѣчества и возлагала всѣ свои надежды на коалицію государей противъ узурпатора правъ человѣчества. Наконецъ, и Бенжаменъ Констанъ, исключенный Наполеономъ въ 1802 г. изъ трибуната, выступилъ противъ Наполеона съ страстнымъ памфлетомъ подъ заглавіемъ „De l'esprit de conquête et de l'usurpation". Такимъ образомъ почти одновременно, когда имперія стала склоняться къ упадку, противъ нея началась совершенно невозможная раньше литературная оппозиція, да и самое время было очень благопріятное для того, чтобы враждебныя Наполеону сочиненія могли оказывать вліяніе на общественное мнѣніе Франціи.

Въ 1813 г. въ парижскихъ салонахъ, гдѣ до того времени боялись громко порицать правительство, говорили о положеніи дѣлъ уже совершенно свободно, и хотя тогдашнему министру полиціи (Ровиго) это было хорошо извѣстно, онъ дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ, такъ какъ, самъ уже не вѣря въ прочность имперіи, не хотѣлъ компрометировать себя какими-либо строгостями. Въ первый разъ въ 1813 г., открывая сессію законодательнаго корпуса, Наполеонъ былъ озабоченъ вопросомъ, все ли будетъ благополучно. Правда, на тронную рѣчь сенатъ отвѣчалъ льстивымъ адресомъ, но коммиссія законодательнаго корпуса, которой было поручено составить отвѣтъ этого собранія на эту рѣчь, предложила проектъ адреса императору, бывшій, собственно говоря, критикой всей его политики и приглашеніемъ вернуться на путь законности. Докладъ коммиссіи о порученномъ ей дѣлѣ законодательный корпусъ въ засѣданіи своемъ 30 декабря постановилъ напечатать большинствомъ 223 голосовъ противъ 31. Узнавъ объ этомъ, но не имѣя въ рукахъ текста доклада, Наполеонъ въ тотъ же день распорядился, чтобы ему былъ доставленъ изъ типографіи первый корректурный оттискъ и чтобы безъ его разрѣшенія не было выпущено ни одного экземпляра; когда же онъ познакомился съ самимъ содержаніемъ доклада, то приказалъ задержать всѣ его экземпляры и рѣшилъ распустить законодательный корпусъ (1 января 1814 г.). Этотъ шагъ лишалъ Наполеона поддержки національнаго представительства въ тотъ самый моментъ, когда непріятель уже вступалъ на территорію самой имперіи. Депутаты, оставшіеся въ Парижѣ, не скрывали причины внезапнаго прекращенія сессіи, и то же дѣлали въ провинціи тѣ депутаты, которые въ первыхъ числахъ января разъѣхались по домамъ, причемъ текстъ доклада ходилъ въ спискахъ по рукамъ и производилъ сильное впечатлѣніе на умы. Буржуазія, не говоря уже о дворянствѣ, никогда искренне не примирявшемся съ имперіей, обвиняла Наполеона въ томъ, что, имѣя полную возможность заключить миръ, онъ не дѣлалъ этого и велъ страну къ окончательному разоренію. Корреспонденція префектовъ и полицейскія донесенія изъ провинцій начала 1814 г. были полны указаніями на оппозиціонное настроеніе высшихъ и среднихъ клас-

совъ общества, но народная масса возлагала еще въ виду непріятельскаго нашествія всѣ свои надежды на непобѣдимаго императора. Однако, народъ не проявилъ того подъема духа, который характеризовалъ настроеніе французской націи за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, когда ей тоже грозило иностранное нашествіе: союзниковъ въ 1814 г. не встрѣтила во Франціи народная война.

30 марта 1814 г. союзники, подступившіе къ Парижу, взяли приступомъ господствующія надъ нимъ высоты Монмартра, а на другой день торжественно вступали уже въ беззащитную столицу Франціи. Затѣмъ 1 апрѣля послѣдовало объявленіе сенатомъ низложенія Наполеона и образованіе временнаго правительства. Самъ императоръ, находившійся въ это время съ своею гвардіей въ Фонтенебло, узнавъ объ отложеніи отъ него маршала Мармона, защищавшаго Парижъ, 4 апрѣля отрекся отъ престола въ пользу своего сына, но союзники потребовали отъ него безусловнаго отреченія, которое онъ и подписалъ 11 апрѣля послѣ того, какъ его покинули даже люди, бывшіе къ нему особенно близкими (Бертье, Ней, Удино и др.). Черезъ нѣсколько дней послѣ этого (20 апрѣля) онъ долженъ былъ распроститься съ своей гвардіей и отправиться на островъ Эльбу, отданный въ его владѣніе. Въ первые дни апрѣля 1814 г. Парижъ былъ наводненъ брошюрами, летучими листками, карикатурами, направленными противъ Наполеона. Императору было извѣстно враждебное къ нему отношеніе южныхъ департаментовъ, черезъ которые ему предстояло проѣзжать, и онъ даже боялся, что его умертвятъ во время путешествія. Въ Оранжѣ ему, дѣйствительно, пришлось слышать крики: „смерть тиранну“; въ Авиньонѣ требовали выдачи „корсиканца“, чтобы его утопить, и Наполеонъ изъ предосторожности долженъ былъ переодѣться въ иностранный мундиръ; въ Оргонѣ народъ приволокъ висѣлицу и бросился къ каретѣ, въ которой везли Наполеона, и только русскій уполномоченный, гр. Шуваловъ, сопровождавшій его въ ссылку, удержалъ толпу отъ насилія.

Между тѣмъ во Франціи произошла реставрація Бурбоновъ. Оставляя разсмотрѣніе этого факта до слѣдующей главы, мы остановимся лишь на выясненіи причинъ непрочности этой „первой“ реставраціи и возможности временнаго возстановленія имперіи въ

1815 г. 3 мая 1814 г. новый государь Франціи, Людовикъ XVIII, совершилъ свой въѣздъ въ Парижъ; 30 мая былъ заключенъ парижскій миръ, который ограничивалъ Францію предѣлами 1792 г.; 4 іюня король подписалъ конституціонную хартію; 1 ноября собрался въ Вѣнѣ знаменитый конгрессъ, который долженъ былъ дать Европѣ новое устройство послѣ столь длиннаго періода внутреннихъ потрясеній и международныхъ столкновеній, нарушившихъ всѣ прежнія отношенія. Вскорѣ послѣ всѣхъ этихъ событій, 1 марта 1815 г. Наполеонъ, тайно покинувъ Эльбу, высадился близъ Канна и 20 числа былъ уже въ Парижѣ, откуда Бурбоны вынуждены были бѣжать при извѣстіи о его приближеніи. Эта непрочность первой реставраціи объясняется крайнимъ недовольствомъ народа и арміи тѣмъ направленіемъ, какое приняла политика Бурбоновъ и возвратившихся съ ними эмигрантовъ: въ изгнаніи они „ничему не научились и ничего не позабыли“, а потому, вернувшись во Францію, задумали возстановить въ ней прежніе, дореволюціонные порядки, налѣлавъ при этомъ массу политическихъ ошибокъ и тѣмъ заставивъ народъ и армію принять Наполеона, какъ избавителя отъ ненавистнаго ига, которое на нихъ собирались наложить. Бурбоны, возстановленные на престолѣ, лишь благодаря иностранному нашествію, имѣли сравнительно очень мало сторонниковъ въ націи: за нихъ были дворянство и отчасти буржуазія, но масса городского и сельскаго населенія относилась къ нимъ съ чувствомъ нѣкоторой враждебности, такъ какъ весьма сильно была распространена боязнь, что съ Бурбонами и эмигрантами вернутся въ концѣ концовъ старые порядки, феодальныя права, десятина и т. п., а собственники бывшихъ національныхъ имуществъ опасались, что у нихъ, пожалуй, отнимутъ и пріобрѣтенныя ими земли. Особенно же была недовольна наполеоновская армія, къ которой Бурбоны относились съ большимъ недовѣріемъ, уволивъ значительную часть офицеровъ въ отставку или переведши на половинный окладъ. Въ теченіе всей первой реставраціи тамъ и сямъ происходили волненія и бунты, чему очень много содѣйствовало поведеніе самихъ роялистовъ, уже приступавшихъ къ насильственному возстановленію старины въ провинціяхъ. Въ арміи не вѣрили, что дѣло Наполеона проиграно, и безпрестанно возникали

слухи, что онъ оставилъ Эльбу, что онъ высадился во Франціи, что онъ бунтуетъ Италію, что онъ набираетъ войско въ Турціи, что онъ идетъ во главѣ австрійскихъ войскъ, дабы заставить силою признать права своего сына, короля римскаго; и нерѣдко въ казармахъ, или на смотрахъ раздавались виваты въ честь императора. Свои страхи и свои надежды солдаты передали народной массѣ. Префектамъ и военнымъ властямъ безпрестанно приходилось отмѣчать случаи недовольства Бурбонами въ городахъ и въ деревняхъ, какъ и въ отдѣльныхъ отрядахъ войска. Въ это же время появилось великое множество разнаго рода изображеній Наполеона—медалей, статуетокъ и т. п., и плакардъ съ надписями, обѣщавшими его возвращеніе. Этотъ культъ падшаго властелина былъ не чѣмъ инымъ, какъ порожденіемъ народной ненависти къ реставраціи: нація дорожила соціальными пріобрѣтеніями революціи, и при мысли, что можетъ быть возстановлено старое общественное неравенство, она готова была опять идти за Наполеономъ. Мало-по-малу опасенія за все то, что изъ наслѣдія революціи было удержано Наполеономъ, и за конституціонную хартію Людовика XVIII. дававшую странѣ свободу, но сдѣлавшуюся предметомъ страстныхъ нападокъ со стороны роялистовъ, начали волновать и буржуазію, которая сначала относилась къ реставраціи съ сочувствіемъ и довѣріемъ. Памфлеты противъ Наполеона начали даже понемногу исчезать изъ продажи, и появилась на сцену оппозиціонная пресса. Вмѣстѣ съ этимъ наполеоновскіе маршалы и генералы, перешедшіе на службу Людовика XVIII, подвергаясь оскорбленіямъ со стороны старой придворной знати, все болѣе и болѣе раздражались противъ роялистовъ. Начинали даже возникать заговоры противъ Людовика XVIII, и въ нихъ участвовали люди весьма различныхъ партій, для которыхъ весь вопросъ былъ въ томъ, чтобы устранить Бурбоновъ, а тамъ будетъ видно, что дѣлать. Наполеонъ явился во Францію какъ разъ во время, чтобы воспользоваться этимъ всеобщимъ недовольствомъ Бурбонами и возвратить себѣ власть надъ Франціей.

Еще на Эльбѣ Наполеонъ составилъ и напечаталъ три прокламаціи въ краснорѣчивомъ стилѣ временъ революціи. Въ одной онъ говорилъ арміи, что солдаты не были побѣждены врагомъ, что

пораженіе Франціи было слѣдствіемъ измѣны, что арміи будетъ возвращена ея слава. Въ другой прокламаціи къ французскому народу онъ объяснялъ свое отреченіе отъ престола самопожертвованіемъ во имя блага родины. „Я, говорилъ здѣсь Наполеонъ, былъ возведенъ на престолъ по вашему выбору, и все, что сдѣлано безъ васъ, незаконно. Вотъ уже двадцать пять лѣтъ, какъ у Франціи есть новые интересы, новыя учрежденія, новая слава, которые могутъ быть обезпечены лишь національнымъ правительствомъ и династіей, возникшей среди этихъ новыхъ обстоятельствъ. Пусть государь, который царствуетъ надъ вами, посаженный на мой престолъ силою армій, опустошившихъ нашу территорію, ссылается на принципы феодальнаго права, но онъ можетъ обезпечить честь и права лишь небольшой кучки лицъ, враговъ народа, который за эти двадцать пять лѣтъ осуждалъ ихъ во всѣхъ національныхъ собраніяхъ". Въ особой прокламаціи къ населенію департаментовъ Верхнихъ и Нижнихъ Альповъ Наполеонъ повторялъ свое обѣщаніе сохранять свободу и равенство, пріобрѣтенныя за двадцать пять лѣтъ передъ тѣмъ. На пути въ Парижъ маленькій отрядъ все болѣе и болѣе возрасталъ отъ присоединявшихся къ нему солдатъ и народа, и походъ Наполеона превратился въ тріумфальное шествіе. Высылавшіяся противъ него войска переходили на его сторону. Маршалъ Ней, обѣщавшій привезти Наполеона въ Парижъ въ клѣткѣ, также присоединился къ нему со всѣмъ своимъ отрядомъ.

Извѣстіе о высадкѣ Наполеона, переполошившее правительство Людовика XVIII, было принято буржуазіей со страхомъ и негодованіемъ и примирило ее съ Бурбонами, такъ какъ буржуазія за возвращеніемъ Наполеона предвидѣла возобновленіе войны, хотя сама же раньше, недовольная Людовикомъ XVIII, не прочь была, чтобы Наполеонъ вернулся. Палата депутатовъ, бывшая по конституціи 1814 г. представительницей однихъ зажиточныхъ классовъ общества, рѣшилась поддерживать дѣло короля, но въ то же время хлопотала объ утвержденіи либеральныхъ принциповъ. Въ защиту Бурбоновъ и конституціонной свободы стали появляться газетныя статьи и брошюры. Мнѣнія генераловъ раздѣлились, и нѣкоторое раздѣленіе замѣтно было также въ парижскомъ населеніи. Въ провинціяхъ, наоборотъ,

большинство радовалось возвращенію императора, хотя и здѣсь къ радости примѣшивался страхъ передъ повтореніемъ иностраннаго нашествія. Роялисты совершенно растерялись, и уже 10 марта началась ихъ эмиграція изъ Парижа. 19 марта Людовикъ XVIII съ большою поспѣшностью выѣхалъ изъ дворца, а на другой день прежніе наполеоновскіе сановники и придворные сами собой возвратились на свои мѣста, оставленныя за годъ передъ тѣмъ, и въ тотъ же самый день Наполеонъ былъ уже въ Тюйльери, буквально внесенный туда народною толпою.

Это возстановленіе имперіи не было, какъ увѣряли впослѣдствіи роялисты, актомъ чисто военнаго своеволія: возстановленіе имперіи совершилъ, хотя и при помощи арміи, народъ, который видѣлъ въ возвращеніи Наполеона гарантію того, что главныя пріобрѣтенія революціи будутъ за нимъ сохранены. Въ сущности почти вездѣ на пути Наполеона въ Парижъ крестьяне и рабочіе переходили на его сторону ранѣе солдатъ; въ самый день своего въѣзда въ Парижъ императоръ говорилъ, что стоило бы ему только захотѣть, и онъ явился бы въ столицу во главѣ семидесяти тысячъ вооруженныхъ крестьянъ. Наполеоніемъ Франціи, дѣйствительно, овладѣвало революціонное движеніе. Организовались федераціи и клубы для „защиты свободы“, для „борьбы съ инквизиціей монаховъ и тираніей дворянъ“, для „защиты правъ человѣка“ и т. п. Одинъ изъ приближенныхъ Наполеона сказалъ ему однажды: „я боюсь, какъ бы не произошла новая революція, которая еще разъ подвергнетъ Францію террору и проскрипціямъ“. На улицахъ Парижа опять начали раздаваться звуки революціонныхъ пѣсенъ и появился красный колпакъ. Газетная и брошюрная пресса снова заговорила языкомъ революціонной страсти, совѣтуя изгнаніе всѣхъ дворянъ, конфискацію ихъ имуществъ съ раздѣломъ ихъ между общинами и арміей, возвращеніе къ якобинизму и къ террору ради спасенія отечества. Наполеонъ видѣлъ настроеніе массы и сравнивалъ его съ тою всеобщею и страстною ненавистью къ духовенству и дворянству, какая была въ началѣ революціи. Ни самъ императоръ, однако, ни его правительство не желали возстановленія въ новой формѣ якобинской диктатуры. Въ сущности онъ стремился возстановить ту самую власть,

какою пользовался до своего паденія, но на этотъ разъ онъ встрѣтился и среди правительственнаго персонала, и среди высшихъ военныхъ чиновъ, и среди общества съ сильнымъ либеральнымъ теченіемъ: со всѣхъ сторонъ—и въ частныхъ разговорахъ, и въ оффиціальныхъ адресахъ — онъ слышалъ теперь постоянно совѣтъ или даже приглашеніе отказаться отъ абсолютной власти. Наполеонъ даже, самъ какъ-бы, шелъ на встрѣчу этому либеральному движенію. Уже 24 марта онъ отмѣнилъ цензуру, чѣмъ широко воспользовались авторы политическихъ брошюръ, которыхъ съ 24 марта по 20 іюня вышло около 800 самыхъ различныхъ направленій— роялистическихъ, демагогическихъ, наполеонистическихъ, но больше всего либеральныхъ. Чуть не ежедневно Наполеонъ получалъ по нѣскольку проектовъ новой конституціи, и многіе даже вѣрили слуху, будто императоръ отречется отъ престола, чтобы провозгласить республику. Далѣе, еще по дорогѣ въ Парижъ, въ Ліонѣ, 13 марта онъ издалъ декретъ о созваніи въ чрезвычайное собраніе „майскаго поля“ департаментскихъ избирательныхъ коллегій „для измѣненія конституціи имперіи въ интересѣ и по волѣ націи“. Онъ хотѣлъ собрать на Марсовомъ полѣ въ Парижѣ эти коллегіи (всего чуть не тридцать тысячъ человѣкъ), чтобы предложить имъ утвержденіе новой конституціи. Для выработки проекта этой конституціи онъ выбралъ Бенжамена Констана, несмотря на то, что послѣ извѣстія о бѣгствѣ Наполеона съ о. Эльбы онъ былъ въ числѣ авторовъ памфлетовъ, направленныхъ противъ „тиранна“. Дѣло въ томъ, что въ 1814 г. Бенжаменъ Констанъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ вождей либераловъ, и къ его голосу прислушивались всѣ сторонники конституціоннаго режима. По его проекту, напоминающему хартію Людовика XVIII, законодательная власть вручалась императору и двумъ палатамъ—наслѣдственной палатѣ пэровъ и выборной палатѣ представителей, и законодательной власти предоставлялся широкій контроль надъ властью исполнительною, въ лицѣ отвѣтственныхъ министровъ, причемъ лишь палаты могли объявлять осадное положеніе въ случаѣ внутреннихъ смутъ. Особыя статьи гарантировали при этомъ личную неприкосновенность, свободу культовъ, свободу прессы, право петицій и т. п. Въ своемъ проектѣ Бенжаменъ Констанъ счелъ

нужнымъ совершенно умолчать о прежнихъ наполеоновскихъ конституціяхъ, но императоръ настоялъ на томъ, чтобы новая конституція была издана, какъ „дополнительный актъ“ къ конституціямъ VIII, X и XII гг., съ которыми она, конечно, не имѣла ничего общаго. Во вступленіи къ этому „дополнительному акту“ Наполеонъ ссылался на то, что и раньше въ его учрежденія вносились усовершенствованія, но что лишь въ виду необходимости ихъ упроченія онъ откладывалъ введеніе „установленій, болѣе спеціальнымъ образомъ предназначенныхъ для охраны свободы гражданъ“. Новую конституцію поспѣшили обнародовать (22 апрѣля 1815 г.), и народъ былъ приглашенъ ее вотировать. Благодаря установившейся во Франціи свободѣ прессы, „дополнительный актъ“ сдѣлался предметомъ самаго горячаго обсужденія, предметомъ и защиты, и нападокъ въ многочисленныхъ газетныхъ статьяхъ и брошюрахъ. Наполеону совѣтовали поскорѣе созвать обѣ палаты, и 1 мая онъ обнародовалъ декретъ о выборахъ представителей, которые должны были составить палату послѣ принятія конституціи народомъ. Между тѣмъ вотированіе „дополнительнаго акта“ окончилось, и 1 іюня былъ объявленъ результатъ: 1,532,527 голосовъ утвердительныхъ, 4,802 — отрицательныхъ, но особенно велико было число воздержавшихся отъ подачи голоса. Выборы были для Наполеона менѣе благопріятны: они произведены были не прямо народомъ, а избирательными коллегіями имперіи, которыя раньше сами были выбраны подъ сильнымъ административнымъ давленіемъ и состояли изъ людей контръ-революціоннаго направленія, т. е. изъ примирившихся съ имперіей роялистовъ, изъ землевладѣльцевъ, богатыхъ промышленниковъ или коммерсантовъ и т. д., словомъ, изъ представителей общественныхъ классовъ, бывшихъ въ 1815 г. не особенно расположенными къ Наполеону. Среди 629 членовъ палаты было наполеонистовъ человѣкъ 80, радикаловъ около 30 или 40, а всѣ остальные 500 человѣкъ были либералы разныхъ оттѣнковъ, противники Бурбоновъ, но въ то же время сторонники имперіи лишь подъ условіемъ отнятія у Наполеона всякой власти.

Между тѣмъ Наполеонъ не хотѣлъ совсѣмъ не исполнить своего обѣщанія относительно „майскаго поля“, и на 26 мая созваны были въ Парижъ делегаты отъ избирательныхъ коллегій для под-

веденія итоговъ подъ всенароднымъ голосованіемъ и для присутствія на торжествѣ, которое должно было совершиться на Марсовомъ полѣ. Торжество это состоялось 1 іюня. Всѣ ожидали чего-то необыкновеннаго, но дѣло ограничилось пышными и безсодержательными фразами въ рѣчи императора. Наконецъ, 3 іюня собралась палата представителей и выбрала своимъ предсѣдателемъ сенатора Ланжюине, бывшаго однимъ изъ составителей сенатскаго акта 1814 г. о низложеніи Наполеона. Вновь назначенные пэры тоже старались всячески показать, что они не будутъ имѣть ничего общаго съ раболѣпнымъ наполеоновскимъ сенатомъ. 11 іюня Наполеонъ долженъ былъ выслушать отвѣтные адресы палатъ на его тронную рѣчь, въ которыхъ представители и пэры старались преподать императору уроки. Онъ былъ страшно этимъ оскорбленъ и посовѣтовалъ палатамъ не уподобляться византійцамъ, которые сдѣлались посмѣшищемъ потомства, занимаясь пустячными преніями, когда варвары тараномъ разбивали ворота города. Сравненіе это обидѣло палаты. 12 іюня Наполеонъ уѣхалъ на войну съ европейской коалиціей, не желавшей допустить его вторичнаго царствованія. Франціи грозило новое нашествіе, но ни самъ Наполеонъ, ни лица, его окружавшія, не хотѣли воспользоваться для борьбы съ врагомъ тѣмъ новымъ подъемомъ народнаго духа, который опять сталъ обнаруживаться въ маѣ и іюнѣ: народное возбужденіе принимало черезъ-чуръ, по ихъ мнѣнію, революціонный характеръ.

Извѣстіе о появленіи Наполеона во Франціи произвело сильное впечатлѣніе на государей и министровъ, собравшихся на вѣнскомъ конгрессѣ. Они порѣшили опять соединиться противъ него, и несмотря на его миролюбивыя увѣренія, начать новую войну съ цѣлью его низложенія. Рѣшительный бой произошелъ при Ватерлоо 18 іюня, гдѣ французская армія, предводимая самимъ императоромъ, была разбита англо-прусскимъ войскомъ подъ начальствомъ Веллингтона и Блюхера. Въ Парижѣ Наполеона ждало новое пораженіе: 22 іюня палата представителей потребовала у него отреченія отъ престола въ пользу сына, который и былъ провозглашенъ императоромъ французовъ подъ именемъ Наполеона II. Скоро, однако, подъ стѣнами Парижа появились побѣдоносныя войска союзниковъ съ пря-

мымъ намѣреніемъ снова возстановить Бурбоновъ. Наполеонъ послѣ „стодневнаго“ вторичнаго царствованія бѣжалъ въ Рошфоръ, думая спастись въ Америку, но здѣсь былъ захваченъ англичанами и сосланъ на островъ св Елены, гдѣ и умеръ въ 1821 г.

Исторія „ста дней“, этого заключительнаго эпизода имперіи, показываетъ, къ чему стремилось въ эту эпоху громадное большинство французской націи. Она давно жаждала мира послѣ безпрерывнаго періода войнъ и, желая прежде всего только мира, въ 1814 г. не проявила большой энергіи въ защитѣ имперіи, пассивно подчинившись возстановленнымъ Бурбонамъ. Но народъ во Франціи желалъ, кромѣ того, еще и сохраненія въ неприкосновенности всѣхъ пріобрѣтеній революціи, которыя за нимъ обезпечивались имперіей, но которымъ реставрація, наоборотъ, стала грозить своей реакціонной политикой, и этого было достаточно, чтобы народная революція помогла Наполеону снова захватить власть въ свои руки. Съ другой стороны, еще до перваго паденія имперіи противъ нея — главнымъ образомъ среди буржуазіи — зародилась либеральная оппозиція, а въ 1815 г. стремленіе къ политической свободѣ, считавшейся тоже однимъ изъ главныхъ пріобрѣтеній революціи, обнаружило уже всю свою силу, заставивъ Наполеона согласиться на введеніе либеральной конституціи. Либералы 1815 г., конечно, хорошо знали характеръ Наполеона и потому продолжали относиться къ нему съ недовѣріемъ. Послѣ Ватерлоо они потребовали у него отреченія отъ престола, надѣясь сами спасти Францію и утвердить въ ней свободное государственное устройство. Въ концѣ концовъ оказывалось, что имперія Наполеона во французской націи была популярна лишь постольку, поскольку ограждала соціальный строй, созданный революціей, и наоборотъ, лишена была поддержки со стороны образованныхъ и зажиточныхъ классовъ общества, поскольку была отрицаніемъ той политической свободы, которая должна была быть тоже однимъ изъ пріобрѣтеній революціи. Но послѣ вторичнаго низложенія Наполеона, вопросъ о правительствѣ Франціи рѣшенъ былъ уже не палатами, думавшими дѣйствовать въ качествѣ единственнаго законнаго авторитета страны, а иностранцами, вторично возстановившими династію Бурбоновъ. 20 ноября 1815 г.

III. Реставрація [1]).

Франція въ эпоху конституціонной монархіи.—Борьба старой и новой Франціи въ эпоху реставраціи.—Классовыя отношенія этой эпохи.—Реакція и либерализмъ.—Двѣ реставраціи.—Хартія 1814 года.—Характеръ Людовика XVIII и его родни.—Эмигранты.—Незамѣнимая палата и бѣлый терроръ.—Политическая борьба въ палатахъ.—Поведеніе либеральной партіи при Людовикѣ XVIII.—Реакціонныя стремленія Карла X.—Расколъ въ рядахъ реакціонеровъ.—Министерство Мартиньяка.—Тактика либеральной партіи при Карлѣ X.—Усиленіе оппозиціоннаго настроенія къ концу двадцатыхъ годовъ.—Конфликтъ между правительствомъ и палатой.—Выборы въ новую палату.—Ордоннансы 25 іюля.—Іюльскіе дни.—Возведеніе на престолъ Людовика-Филиппа.—Измѣненія въ конституціи.

За паденіемъ во Франціи первой имперіи въ 1814 г. наступилъ періодъ конституціонной монархіи Бурбоновъ (1814—1830) и Орлеановъ (1830—1848), подъ режимомъ которой Франція прожила цѣлую треть столѣтія. Этотъ періодъ распадается на двѣ эпохи, носящія названія реставраціи и іюльской монархіи. Абсолютная имперія смѣнилась конституціонной монархіей, въ которой королевская власть должна была дѣлиться своимъ значеніемъ съ наиболѣе зажиточными классами общества, благодаря тому, что политическія права въ это время были даны во Франціи лишь обладателямъ высокаго имущественнаго ценза. Въ началѣ этого тридцатичетырехлѣтняго періода французская буржуазія принуждена была выдерживать сильную борьбу съ представителями стараго порядка, въ концѣ ей приходилось уже отстаивать себя отъ надвигавшейся демократіи. Этотъ общественный классъ, наиболѣе выигравшій въ эпоху революціи, дорожилъ конституціонной монархіей

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ IV, главы XVII, XVIII и XIX, а также томъ V, глава II.

и цензитарнымъ режимомъ 1814 — 1848 гг. по тѣмъ же причинамъ, которыя дѣлали буржуазію сторонницей буржуазной республики III г. и примиряли ее съ имперіей Наполеона. Буржуазія не хотѣла ни возвращенія стараго порядка, ни основанія новаго, т. е. ни возстановленія аристократическаго режима, бывшаго мечтою роялистическихъ эмигрантовъ, ни введенія режима демократическаго, связавшаго себя съ именемъ якобинизма. Съ первою опасностью она боролась въ эпоху реставраціи, противъ второй принимала мѣры въ эпоху іюльской монархіи. Около 1820 г. главными ея врагами были роялисты, около 1840 г.—демократы. Этими указаніями намѣчается главное содержаніе двухъ ближайшихъ главъ нашего очерка.

Итакъ, первая половина періода конституціонной монархіи во Франціи характеризуется реакціей со стороны стараго порядка и борьбою противъ нея со стороны новаго общества. Уже въ XVIII в. существовало въ странѣ какъ бы двѣ разныя Франціи — старая Франція и Франція новая, стремившаяся къ политической свободѣ, къ культурному прогрессу и гражданскому равенству. Революція, начавшаяся въ 1789 г., должна была рѣшить, кому будетъ принадлежать будущее. Не смотря на то, что революція не осуществила всѣхъ своихъ задачъ, побѣда въ борьбѣ все-таки склонилась на сторону новой Франціи, и многіе представители старыхъ началъ жизни признали власть человѣка, который въ глазахъ наиболѣе непримиримыхъ враговъ новаго порядка былъ только революціоннымъ узурпаторомъ. Въ виду этой борьбы уже въ XVIII в. положеніе правительства во Франціи между двумя противоположными оппозиціями— консервативною и либеральною— было въ высшей степени затруднительнымъ, и нужно было проявить величайшую государственную мудрость, чтобы удержаться на извѣстной высотѣ надъ противоборствующими теченіями общественной жизни. Революція раздѣлила общество на двѣ совершенно непримиримыя части, и лишь благодаря эмиграціи непримиримыхъ сторонниковъ „стараго порядка" и паденію наиболѣе крайнихъ представителей революціи, якобинцевъ, сдѣлались возможными попытки соединенія воедино Франціи новой съ Франціею старою. Первыя попытки въ этомъ направленіи сдѣланы были еще въ эпоху директоріи, но онѣ не имѣли успѣха; за-

тѣмъ Наполеонъ тоже поставилъ своей задачею, отворивъ предъ эмигрантами дверь на родину, примирить ихъ съ новымъ порядкомъ вещей, и это до извѣстной степени ему удалось. Но это было лишь временнымъ перемиріемъ, вынужденнымъ обстоятельствами. Когда въ страну возвратились Бурбоны и эмигранты, начался рядъ попытокъ уничтожить все то, что было сдѣлано съ 1789 г., и возстановить старину. Конечно, новая Франція съ своей стороны не могла не вооружиться противъ этихъ попытокъ.

Эта борьба была въ сущности борьбою между аристократіей и буржуазіей. „Въ теченіе тринадцати вѣковъ, писалъ, наприм., въ 1820 г. извѣстный историкъ Гизо, Франція заключала въ себѣ два народа, народъ побѣдителей и народъ побѣжденныхъ. Въ теченіе тринадцати вѣковъ народъ побѣжденныхъ боролся, чтобы сбросить съ себя иго народа побѣдителей. Наша исторія есть исторія этой борьбы. Въ наши дни была дана рѣшительная битва. Она называется революціей. Результатъ революціи не подлежитъ сомнѣнію: прежній побѣжденный народъ сдѣлался народомъ-побѣдителемъ. Въ свою очередь онъ покорилъ Францію"... „Но, продолжаетъ Гизо, среди насъ все еще продолжаетъ жить народъ привилегій; онъ говоритъ, движется, дѣйствуетъ, оказываетъ вліяніе отъ одного конца Франціи до другого. Сильно уменьшенный и разсѣянный конвентомъ, то обольщаемый, то сдерживаемый Наполеономъ, лишь только прекращается терроръ или деспотизмъ, онъ снова появляется на сцену, занимаетъ свое мѣсто и начинаетъ работать надъ возвращеніемъ себѣ всего, что было имъ потеряно". „Ничему не научившіеся и ничего не позабывшіе" эмигранты въ возстановленіи легитимной монархіи естественно видѣли торжество своего дѣла, желая, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ получить отъ своей побѣды и осязательные результаты, требуя именно награды за свою вѣрность старой династіи и вмѣстѣ съ тѣмъ находя вполнѣ естественнымъ, чтобы люди, измѣнившіе вѣрноподданническому долгу, были за это наказаны. Всего этого представители старой Франціи думали сначала достигнуть посредствомъ возстановленія абсолютизма. „Оппоненты французской революціи 1789 г., писала въ 1817 г. г-жа Сталь, — дворяне, духовные, магистратура, не уставали твердить, что не нужно было

никакого измѣненія въ правительствѣ, ибо существовавшія тогда посредствующія корпораціи хорошо исполняли свою роль, не допуская деспотизма, а теперь они за деспотизмъ какъ за возстановленіе будто бы стараго порядка. Эта непослѣдовательность въ принципахъ есть послѣдовательность въ интересахъ. Когда,—объясняетъ далѣе г-жа Сталь свою мысль, — когда привилегированные ограничивали королевскую власть, они были противъ произвольной власти короны, но когда нація съумѣла занять мѣсто привилегированныхъ, они соединились съ королевскою прерогативою и выставляютъ всякую конституціонную оппозицію, всякую политическую свободу въ видѣ какого-то бунта". Знаменитая писательница очень вѣрно подмѣтила стремленіе реакціонной партіи въ первые годы реставраціи, но въ сущности весьма скоро и роялисты, — какъ стала называться реакціонная партія, увидѣли, какую силу они будутъ имѣть, благодаря конституціи, разъ палаты, а чрезъ нихъ и правительство будетъ въ ихъ рукахъ. Добиваясь власти, реакціонеры пользовались именно той самой конституціонной хартіей, въ которой видѣли сначала опасную уступку революціоннымъ началамъ, — и потому очень часто становились въ прямую оппозицію къ королевской власти, если она не раздѣляла ихъ стремленій. Занятіе такой позиціи реакціонною партіею заставляло либераловъ тоже главнымъ образомъ стремиться къ захвату власти путемъ парламентскихъ же выборовъ (хотя въ первые годы реставраціи не отвергались и революціонные пути). Вотъ почему парламентская борьба получила во Франціи въ эту эпоху весьма важное значеніе. Но такъ какъ при существованіи весьма высокаго, какъ мы увидимъ, ценза для избирателей и еще болѣе высокаго для депутатовъ — въ палату могли попадать лишь самые богатые люди, т. е. землевладѣльцы и капиталисты, то вся эта парламентская борьба была лишь отраженіемъ того антагонизма, который существовалъ въ обществѣ между аристократіей и буржуазіей. Либеральные публицисты и историки эпохи реставраціи такъ и понимали происходившую тогда борьбу. Въ сущности либеральная партія вовсе не думала о пониженіи высокаго избирательнаго ценза, введеннаго хартіей 1814 г., и вся политическая борьба по вопросу о цензѣ въ эту эпоху сводилась къ желанію ре-

акціонной партіи дать преобладаніе землевладѣнію надъ промышленностью и торговлею. Противополагая себя аристократіи, буржуазія вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, отдѣляла себя и отъ народа. Одинъ изъ видныхъ представителей либерализма двадцатыхъ годовъ, Арманъ Каррель, упрекалъ роялистовъ за то, что они „ищутъ какую-то націю помимо той, которая читаетъ газеты, возбуждается парламентскими дебатами, владѣетъ капиталами, управляетъ промышленностью, имѣетъ въ своихъ рукахъ землю", и этой „націи" онъ противополагалъ массу, „которая мало что смыслитъ". За нѣсколько дней до іюльской революціи другой либералъ, Одиллонъ Барро, говорилъ своимъ политическимъ единомышленникамъ, что если они будутъ побѣждены, то народъ не воспрепятствуетъ ихъ казни. Предсказаніе это оказалось невѣрнымъ: какъ разъ именно народъ-то и помѣшалъ побѣдѣ реакціи въ 1830 г. Если по самой сущности своихъ стремленій либерализмъ этой эпохи былъ, такъ сказать, расчитанъ на удовлетвореніе людей съ независимыми матеріальными средствами и развитыми умственными потребностями, реакція же грозила какъ матеріальнымъ, такъ и духовнымъ интересамъ этихъ людей, то и народная масса равнымъ образомъ имѣла свои причины относиться съ непріязнью къ реакціи, поскольку имѣла основанія бояться возстановленія феодальныхъ правъ, десятинъ и стараго неравенства. Противоположность интересовъ буржуазіи и народа выяснилась лишь въ слѣдующемъ періодѣ, когда, съ одной стороны, буржуазія торжествовала полную побѣду надъ аристократической реакціей, а съ другой, вполнѣ дали почувствовать себя городскимъ рабочимъ результаты новаго экономическаго строя.

Реакціонная партія въ эпоху реставраціи получила во Франціи названіе роялистической и даже ультра-роялистической, а либералы первое время назывались индепендентами [1]). На самомъ дѣлѣ роялисты вовсе не были исключительными защитниками правъ короля и менѣе всего сторонниками абсолютной монархіи, за которую во-

---

[1]) Главнѣйшіе факты, характеризующіе реакцію и либерализмъ эпохи реставраціи, равно какъ изложеніе политическихъ ученій обоихъ направленій читатель найдетъ въ XIII и XIV главахъ четвертаго тома «Ист. Зап. Евр.».

обще стояла развѣ только самая маленькая кучка наиболѣе крайнихъ представителей этой партіи. Они охотно пользовались и конституціей и даже свободой печати для осуществленія своихъ соціальныхъ и культурныхъ стремленій. Вообще нужно замѣтить, что реакція двадцатыхъ годовъ имѣла во Франціи и политическое, и соціальное, и культурное значеніе. Роялисты были не противъ политической свободы, но только желали ея ограниченія въ смыслѣ устраненія отъ пользованія ею другихъ общественныхъ классовъ. Въ данномъ отношеніи дворянство и духовенство шли рука объ руку, стремясь къ политической власти для осуществленія своихъ аристократическихъ и клерикальныхъ стремленій. Этой политической и соціальной реакціи главный характеръ въ культурномъ отношеніи придавался именно ея клерикализмомъ. Уже въ эпоху директоріи началось во Франціи возрожденіе католицизма, сначала какъ своего рода политическаго средства, т. е. въ качествѣ опоры общественнаго порядка, потомъ какъ эстетическаго мистицизма, долженствовавшаго дать миръ и покой душѣ, потрясенной всѣми бѣдствіями эпохи, наконецъ, какъ единаго прочнаго основанія для всего человѣческаго міросозерцанія. Съ послѣднихъ же годовъ XVIII в. во французской литературѣ вообще была очень сильна идейная реакція противъ вольномысленной философіи этого столѣтія, которой стали теперь приписываться всѣ бѣды и ужасы революціи. Философія начала XIX в. во Франціи прямо изъ матеріалистической и сенсуалистической превратилась въ спиритуалистическую и идеалистическую, поставивъ себѣ при этомъ цѣль основать политику на морали, а мораль на религіи. Раціоналистическое „естественное право", бывшее основаніемъ всѣхъ политическихъ теорій революціи, уступило мѣсто взгляду на общество, какъ на организмъ, развивающійся по законамъ, установленнымъ для него божественною мудростью, вслѣдствіе чего попытки измѣнить устройство государства и общества объявлялись дерзновенными покушеніями на порядокъ вещей, созданный самимъ Богомъ. Преслѣдованія и гоненія, которымъ подвергался католицизмъ въ эпоху революціи, только укрѣпили вѣру и рвеніе его служителей, и, отказавшись отъ старыхъ галликанскихъ традицій, французское духовенство всѣми своими помыслами и стре-

мленіями прикрѣпилось къ Риму, откуда въ 1814 г. возстановленіемъ ордена іезуитовъ былъ поданъ сигналъ къ общей реакціи. Уже Наполеонъ воспользовался силою духовенства въ обществѣ, но для него церковь была лишь однимъ изъ орудій области. Теперь духовенство само захотѣло господствовать, само захотѣло властвовать. Въ аристократическихъ кругахъ и въ невѣжественныхъ массахъ оно встрѣчало самое подходящее для своихъ стремленій настроеніе, и все это вмѣстѣ взятое нашло свое отраженіе въ тогдашней литературѣ, въ „Теоріи политической и религіозной власти въ гражданскомъ обществѣ“ (1796) и другихъ сочиненіяхъ Бональда, въ „Духѣ христіанства“ Шатобріана (1802), въ книгѣ Жозефа де-Местра „О папѣ“ (1816), въ первыхъ сочиненіяхъ Ламеннэ и т. п. Вся эта литература рекомендовала французскому обществу первой трети XIX столѣтія вернуться къ средневѣковому міросозерцанію. Вся бѣда — въ стремленіи человѣка къ личной свободѣ, все спасеніе въ безусловномъ подчиненіи авторитету церкви,—такова общая мысль французской реакціонной литературы разсматриваемаго періода. Вся новая исторія и ея главнѣйшія явленія, гуманизмъ, реформація, философія XVIII вѣка предавались анаѳемѣ, и подъ сѣнью этого архаическаго міросозерцанія думали найти самое вѣрное убѣжище всѣ основныя стремленія соціальной и политической реакціи.

Наоборотъ, либерализмъ поставилъ на своемъ знамени идеи свободы и свѣтскаго государства. Въ ряду культурныхъ направленій новаго времени онъ былъ прямымъ продолженіемъ гуманизма, передового протестантизма и просвѣщенія XVIII в., противъ которыхъ ополчалась клерикальная реакція эпохи. Правда, и либералы временъ реставраціи отразили на себѣ общую реакцію противъ философскихъ идей XVIII в., но реакцію, такъ сказать, умѣренную не доводившую ихъ до возвращенія къ среднимъ вѣкамъ. Принципъ индивидуальной свободы и наименьшаго вмѣшательства въ жизнь общества со стороны правительственной власти во всемъ — въ религіи, въ наукѣ, въ частной жизни, въ промышленности — стоялъ непоколебимо въ ихъ сознаніи, и нѣтъ нужды, что въ философіи либералы двадцатыхъ годовъ повернули отъ матеріализма и сенсуализма къ спиритуализму, а въ области политической теоріи

замѣнили раціоналистическое обоснованіе своихъ стремленій историческимъ ихъ оправданіемъ, принципъ свободы, повторяемъ, проникалъ собою всѣ воззрѣнія теоретиковъ тогдашняго либерализма. Гораздо важнѣе то, что этотъ либерализмъ былъ антидемократическимъ, буржуазнымъ, въ чемъ тоже нельзя не видѣть реакціи противъ одного изъ основныхъ принциповъ 1789 г. Горячіе и убѣжденные защитники представительной системы, французскіе либералы разсматриваемой эпохи были ярыми противниками ученія Руссо о народовластіи и политическомъ равенствѣ. Противъ идеи верховной власти народа они выдвигали принципъ свободы личности, извѣстныя права которой должны быть свято ограждены отъ какихъ бы то ни было на нихъ посягательствъ, хотя бы и со стороны всего народа. Вмѣстѣ съ этимъ либералы защищали передачу политическихъ правъ одной только зажиточной и образованной части народа въ интересахъ, какъ они думали, самой политической свободы и этого же самаго народа, т. е. въ томъ числѣ и бѣдныхъ и невѣжественныхъ классовъ. Вожди либеральной партіи ссылались на то, что примѣненіе демократическаго принципа на практикѣ или только давало орудіе демагогіи, или служило лишь опорою для деспотизма, причемъ вспоминались Робеспьеръ и Наполеонъ. Отсюда родилось убѣжденіе, что признаніе политическихъ правъ за всѣмъ населеніемъ страны, не дорожащимъ благами свободы, не умѣющимъ ею пользоваться и легко поддающимся увлеченіямъ, отзывается самымъ гибельнымъ образомъ на политической свободѣ. Вѣря, съ другой стороны, въ то, что свобода—лучшее и даже единственное средство противъ разныхъ общественныхъ золъ, они поэтому и думали, что ради той пользы, которую должна приносить народу свобода, нужно сосредоточить политическія права націи только въ общественныхъ классахъ съ извѣстнымъ имущественнымъ и образовательнымъ цензомъ. Либерализмъ двадцатыхъ годовъ былъ расчитанъ, какъ мы уже сказали, на удовлетвореніе людей съ извѣстными матеріальными интересами и культурными потребностями, и его теоретики или слишкомъ мало обращали вниманія на экономическій бытъ массъ, или раздѣляли вѣру экономистовъ въ гармонію интересовъ, устанавливающуюся въ силу одной

свободной конкурренціи между отдѣльными личностями или цѣлыми общественными группами. Этотъ антидемократическій либерализмъ и сдѣлался общественной философіей буржуазіи, для которой какъ политически, такъ и экономически было выгоднымъ ученіе, устранявшее народную массу отъ участія въ политической жизни и устранявшее государство отъ вмѣшательства въ промышленную дѣятельность буржуазіи. Самымъ замѣчательнымъ теоретикомъ либерализма этой эпохи былъ Бенжаменъ Констанъ [1]).

Къ либеральному же лагерю принадлежали и наиболѣе видные историки того времени, каковы Гизо, Огюстенъ Тьерри, Тьеръ, Минье и др., изучавшіе исторію третьяго сословія во Франціи, представительнаго правленія во всей Европѣ и англійской и французской революцій. Эпоха реставраціи была и временемъ расцвѣта либеральной публицистики, въ которой тоже выдвинулось нѣсколько популярныхъ именъ (Армана Карреля, Поля-Луи Курье и др.). Впрочемъ, и періодическая пресса во Франціи существовала, такъ сказать, только для богатыхъ. Розничной продажи газетъ еще не существовало, а подписка стоила очень дорого. Одною изъ причинъ дороговизны газетъ былъ законъ, по которому каждый экземпляръ оплачивался особымъ штемпельнымъ сборомъ, изданіе же газеты могъ предпринять только человѣкъ, представлявшій въ казну большой денежный залогъ.

Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, что рядомъ съ реакціей и либерализмомъ во Франціи двадцатыхъ годовъ уже существовало и третье направленіе—утопическій соціализмъ, теперь же мы перейдемъ къ изложенію событій, прерванному въ предыдущей главѣ на 1814—1815 гг., когда совершились первая и вторая реставраціи Бурбоновъ.

Первый вопросъ, который теперь представляется намъ, это—вопросъ о томъ, благодаря дѣйствію какихъ общественныхъ силъ произошли обѣ реставраціи Бурбоновъ въ 1814 и 1815 гг.? Низверженіе Наполеона и въ 1814, и въ 1815 г. не было результатомъ народнаго возстанія, потому что въ обоихъ случаяхъ дѣйствующею силою была европейская коалиція, образовавшаяся

[1]) Его ученіе изложено въ XIV и XXVI главахъ четвертаго тома «Ист. Зап. Евр.».

противъ Наполеона. Весьма естественно, что безъ ея согласія или прямого желанія не могло бы произойти и возстановленія Бурбоновъ. Когда союзники въ 1814 г. рѣшили низложить Наполеона, у нихъ самихъ еще не было опредѣленнаго рѣшенія вопроса о томъ, кѣмъ замѣнить низвергнутаго императора, а глава коалиціи, Александръ I, даже прямо высказывался въ томъ смыслѣ, что Франція сама должна распорядиться своею будущею судьбою. Говорить это было, конечно, легко, но трудно было, чтобы среди тогдашнихъ обстоятельствъ французская нація могла, дѣйствительно, свободно и единодушно высказать свой взглядъ на этотъ вопросъ. Побѣжденная страна была въ рукахъ завоевателей, которые, понятно, не могли дать ей полной свободы, такъ какъ, прежде всего они совершенно устранили вопросъ объ имперіи, а затѣмъ и политическіе люди Франціи были раздѣлены на партіи, изъ которыхъ ни одна не была достаточно сильна, чтобы явиться выразительницей мнѣнія всей страны или, по крайней мѣрѣ, большинства націи. Болѣе всего шансовъ имѣли Бурбоны, потому что за нихъ былъ все-таки принципъ, были историческія права, но первоначально Александръ I былъ очень нерасположенъ къ Бурбонамъ. Роялистамъ нужно было поэтому первымъ дѣломъ уговорить Александра I, представивъ ему, что вся нація желаетъ возстановленія законной династіи, и на этотъ разъ у нихъ нашелся союзникъ въ лицѣ бывшаго наполеоновскаго министра Талейрана, давно уже видѣвшаго, что имперія не устоитъ, и что нужно подумать о будущемъ—да и о себѣ, устраивая это будущее. Онъ предложилъ русскому императору остановиться въ Парижѣ въ его домѣ, и здѣсь было рѣшено возвратить Бурбоновъ, ибо, какъ говорилъ Талейранъ, одни они были принципомъ, а все остальное могло быть только интригой. Когда наполеоновскіе маршалы явились къ Александру и начали настаивать на томъ, чтобы провозгласить императоромъ „римскаго короля“ подъ регентствомъ его матери, пришло извѣстіе о переходѣ французской арміи на сторону союзниковъ, и русскій императоръ могъ уже рѣшительно заявить имъ, что одни только Бурбоны соотвѣтствуютъ интересахъ Франціи и видамъ Европы. Тогда и наполеоновскій сенатъ рѣшилъ призвать „свободною волею французскаго народа“ Людовика XVIII на

престолъ Франціи, обязавъ его, впрочемъ, принять выработанную имъ конституцію, и Александръ I съ своей стороны поддержалъ сенатъ въ его рѣшеніи установить во Франціи конституціонную монархію. Онъ даже поѣхалъ на встрѣчу къ Людовику XVIII въ Компьень, чтобы лично уговорить его согласиться на требованіе сената, но и законодательный корпусъ тоже поторопился отправиться на поклонъ къ Людовику XVIII, какъ законному своему королю, и послѣ этого уже не могло быть и рѣчи о принятіи условій сената. Такъ была совершена первая реставрація Бурбоновъ при полномъ молчаніи націи, если не считать нѣсколькихъ роялистическихъ манифестацій, которыя выставлялись передъ Александромъ I, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія и воли націи въ томъ смыслѣ, будто бы „вся Франція желаетъ Бурбоновъ“. На самомъ дѣлѣ, они были до такой степени чужды странѣ, какъ если бы въ ней никогда не царствовали, и ихъ такъ мало знало новое поколѣніе, какъ будто бы они были, по выраженію Шатобріана, сыновьями богдыхана. Когда послѣ „ста дней“ произошло вторичное низложеніе Наполеона, уже никто почти не хотѣлъ возвращенія Бурбоновъ во Францію, кромѣ крайнихъ роялистовъ, и разныя лица называли разныхъ кандидатовъ на престолъ, главнымъ образомъ Наполеона II (короля римскаго) и герцога Людовика-Филиппа Орлеанскаго изъ младшей линіи королевскаго дома Франціи. На этотъ разъ побѣдители не вступали уже ни въ какіе переговоры и вторично возстановили Людовика XVIII на престолъ подъ охраною штыковъ союзной арміи, что сильно оскорбило національное чувство французовъ. На этотъ разъ Бурбоны были уже прямо навязаны Франціи извнѣ, что, конечно, не могло содѣйствовать ихъ популярности. Вообще громадное большинство націи встрѣтило ихъ возвращеніе съ недовѣріемъ и даже съ враждебностью. Болѣе или менѣе искренне привѣтствовала ихъ едва одна десятая часть населенія, другіе же согласились на нихъ по разсчету, и это были главнымъ образомъ политическіе дѣятели и литераторы, военные и чиновники, сохранившіе свои мѣста и содержаніе, финансисты, коммерсанты и промышленники, однимъ словомъ, буржуазія. Въ ней даже возникла мысль, что для Франціи реставрація Бурбоновъ соединитъ тѣ выгоды, какія получила Англія и отъ реставраціи

Стюартовъ, и отъ второй революціи, но послѣ 1815 г. многіе стали подумывать, что это не такъ, и что во Франціи тоже должна произойти перемѣна династіи, т. е. повториться вторая англійская революція. Примиряла съ Бурбонами массу буржуазіи главнымъ образомъ данная Людовикомъ XVIII конституція.

Стремленіе къ политической свободѣ возродилось въ этомъ классѣ въ послѣдніе годы имперіи, и мы видѣли, что по возвращеніи своемъ съ острова Эльбы самъ Наполеонъ не могъ уже не считаться съ существованіемъ въ обществѣ этого стремленія. Низложеніе Наполеона въ 1814 г. сенатомъ и законодательнымъ корпусомъ прямо мотивировалось тѣмъ, что онъ нарушалъ свободу французскаго народа и „конституціонный договоръ". Временное правительство, образовавшееся въ то время, выработало новую монархическую конституцію, которая 6 апрѣля 1814 г. была принята и обнародована сенатомъ, желавшимъ, чтобы Людовикъ XVIII, „свободно призываемый на тронъ Франціи", былъ тѣмъ самымъ вынужденъ признать новыя учрежденія. Хотя Людовикъ XVIII отвергъ мысль о призваніи его на престолъ свободнымъ актомъ французскаго народа подъ условіемъ принятія конституціи, тѣмъ не менѣе и самъ онъ былъ вынужденъ самъ дать конституціонную хартію (4 іюня 1814 г.), и хотя въ этой хартіи онъ всячески стремился сгладить революціонное происхожденіе ея принциповъ, все-таки дарованная имъ хартія очень мало отличалась отъ конституціи, выработанной сенатомъ. Что конституція 1814 г. имѣла содержаніемъ своимъ развитіе принциповъ, дѣйствовавшихъ во время революціи, это можно видѣть изъ первыхъ же ея параграфовъ, которыми признавались во Франціи гражданское равенство, индивидуальная свобода съ свободой совѣсти и печати, равно какъ законность владѣнія бывшими національными имуществами и запрещалось преслѣдовать кого бы то ни было за то, что онъ высказывалъ или голосовалъ до реставраціи. Въ первыхъ двѣнадцати статьяхъ хартіи, названныхъ изложеніемъ „публичнаго права французовъ", въ сущности были провозглашены главныя начала гражданскаго равенства и личной свободы, къ установленію которыхъ стремилась революція.

Хартія 1814 г. учреждала во Франціи конституціонную мо-

нархію по образцу англійской. „Особа короля священна и неприкосновенна. Его министры отвѣтственны. Королю одному принадлежитъ исполнительная власть. Король есть верховный глава государства, начальствуетъ сухопутными и морскими силами, объявляетъ войну, заключаетъ мирные, союзные и торговые договоры, назначаетъ на всѣ должности государственнаго управленія и издаетъ регламенты и ордоннансы для исполненія законовъ и безопасности государства. Законодательная власть отправляется совмѣстно королемъ, палатой пэровъ и палатой депутатовъ отъ департаментовъ. Король одинъ предлагаетъ законы"; но и „палаты имѣютъ право просить короля предложить законъ". „Король одинъ санкціонируетъ и обнародываетъ законы. Назначеніе пэровъ Франціи принадлежитъ королю. Ихъ число неограниченно: онъ можетъ измѣнять ихъ званія, назначать ихъ пожизненно или наслѣдственно по своему усмотрѣнію" [1]), причемъ по праву своего рожденія члены королевской фамиліи и принцы крови суть непремѣнно пэры. Пренія въ палатѣ пэровъ не публичны. Хартія 1814 г. предоставляла лишь будущему закону опредѣлить организацію выборовъ въ палату депутатовъ и только устанавливала срокъ полномочій въ пять лѣтъ съ обновленіемъ состава палаты каждый годъ посредствомъ выхода изъ нея одной пятой части членовъ. Отъ депутата требовалось два условія: по крайней мѣрѣ сорокалѣтній возрастъ и платежъ прямого налога въ размѣрѣ тысячи франковъ. Этотъ депутатскій цензъ былъ такъ высокъ, что во всей Франціи нашлось только около 15 т. человѣкъ, удовлетворявшихъ этому требованію, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишь около 90 т. человѣкъ, которые могли быть избирателями, такъ какъ хартія 1814 г. давала избирательное право только такимъ лицамъ, которыя достигли тридцатилѣтняго возраста и платили, по крайней мѣрѣ, триста франковъ въ видѣ прямыхъ налоговъ. Такъ какъ депутаты должны были безвозмездно исполнять свои обязанности, то участіе въ законодательствѣ сдѣлалось настоящею монополіей богатства. „Засѣданія палаты депутатовъ, — говорилось далѣе въ хартіи, — публичны, но достаточно желанія пяти членовъ, чтобы

[1]) Ордоннансъ 1815 г. сдѣлалъ ихъ всѣхъ наслѣдственными.

палата превратилась въ секретный комитетъ. Ни одинъ налогъ не можетъ быть установленъ или взимаемъ, если на него не было дано согласія обѣихъ палатъ и королевской санкціи. Король ежегодно созываетъ обѣ палаты; онъ ихъ отсрочиваетъ и можетъ распустить палату депутатовъ отъ департаментовъ, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ созвать новую въ теченіе трехъ мѣсяцевъ". Министры могли быть членами палаты пэровъ и палаты депутатовъ. Палата депутатовъ имѣла право обвинять министровъ и представлять ихъ палатѣ пэровъ, которая одна только и могла ихъ судить. Далѣе, хартія сохраняла судъ присяжныхъ и гражданскій кодексъ и объявляла несмѣняемость судей, назначенныхъ королемъ. Наконецъ, въ отдѣлѣ хартіи объ „особыхъ правахъ, гарантированныхъ государствомъ", обращаютъ на себя вниманіе статьи о томъ, что военные, находящіеся на службѣ и въ отставкѣ, сохранятъ свои чины и содержаніе, что прежнему дворянству возвращаются, а за новымъ (т. е. наполеоновскимъ) сохраняются титулы безъ всякихъ, однако, привилегій, и что орденъ почетнаго легіона будетъ также удержанъ. Первая палата депутатовъ должна была состоять изъ членовъ послѣдняго законодательнаго корпуса. Хартія оканчивалась словами: „дано въ лѣто Благодати 1814, нашего же царствованія въ девятнадцатое".

Въ сравненіи съ конституціями имперіи эта октроированная, т. е. пожалованная королемъ хартія была все-таки серьезной гарантіей общественной свободы и общественнаго контроля. Благодаря наслѣдственности палаты пэровъ, ея члены могли пользоваться независимостью по отношенію къ королевской власти. Палата депутатовъ состояла изъ выборныхъ представителей націи, тогда какъ члены наполеоновскаго законодательнаго корпуса назначались правительствомъ. Притомъ, нужно еще замѣтить, и пэры, и депутаты могли подвергаться судебному преслѣдованію лишь съ согласія соотвѣтственной палаты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хартія установила отвѣтственность министровъ и вотированіе налоговъ и законовъ палатами. Кромѣ того, хартія 1814 г. возстановляла право петицій (которыя могли быть подаваемы и обѣимъ палатамъ) и провозглашала свободу печати, хотя на самомъ дѣлѣ по временамъ (1814, 1817, 1820, 1823 гг.)

палаты и возстановляли цензуру, впрочемъ, большею частью только на годъ, въ промежуточные же періоды печать пользовалась свободой и даже издавались законы, довольно благопріятные для этой свободы. Самымъ либеральнымъ изъ такихъ законовъ былъ законъ 17 мая 1819 г.: онъ уничтожалъ цензуру и предварительное разрѣшеніе на изданіе газетъ, подчинялъ преступленія по дѣламъ печати суду присяжныхъ, разрѣшалъ журналистамъ доказывать фактами и тоже передъ судомъ присяжныхъ справедливость обвиненій, которымъ подвергались въ печати оффиціальныя лица и т. п. Послѣдующіе законы (1822 и 1828) были уже менѣе благопріятны для печати, хотя и ими уничтожалась цензура. Во всякомъ случаѣ по сравненію съ наполеоновскимъ режимомъ періодическая пресса во Франціи въ эпоху реставраціи была поставлена въ гораздо болѣе выгодныя условія, благодаря чему, французская журналистика при Людовикѣ XVIII достигла цвѣтущаго состоянія и получила большое вліяніе. Еще необходимо отмѣтить, что благодаря несмѣняемости судей, провозглашенной въ хартіи въ 1814 г., французская магистратура весьма скоро возвратилась къ своимъ старымъ традиціямъ борьбы противъ ультрамонтанства и сопротивленія правительственному произволу. Реставрація сохранила судебную организацію и кодексы Наполеона, опиравшіеся на законы революціи, но возвратила судьямъ независимое положеніе, что также было одной изъ важныхъ гарантій общественной свободы. Сама же конституція запрещала еще установленіе чрезвычайныхъ судовъ и конфискацію имуществъ. Однимъ словомъ, благодаря хартіи 1814 г., Франція въ эпоху реставраціи сдѣлалась самымъ свободнымъ государствомъ на материкѣ Европы [1]).

Изъ двухъ братьевъ, царствовавшихъ во Франціи между 1814 и 1830 г., старшій, уже девятнадцать лѣтъ называвшій себя Людовикомъ XVIII, вовсе не отличался реакціоннымъ фанатизмомъ, который характеризуетъ его брата и наслѣдника, графа д'Артуа,

[1]) Наполеоновскій конкордатъ оставался въ силѣ, хотя въ 1817 г. сдѣлана была попытка замѣнить его новымъ; уже состоялось соглашеніе съ папой, но правительство не рѣшилось подвергнуть новый конкордатъ обсужденію въ палатахъ. Вся наполеоновская административная система тоже была удержана.

позднѣе короля Карла X. Въ 1814 г. Людовику XVIII было уже шестьдесятъ лѣтъ, изъ которыхъ болѣе трети онъ провелъ въ изгнаніи [1]), не смѣя даже, во время владычества Наполеона, выбирать себѣ мѣсто жительства: только одна Англія въ концѣ концовъ давала ему безопасный пріютъ. Въ теченіе цѣлыхъ девятнадцати лѣтъ, протекшихъ со дня смерти его несчастнаго племянника, носившаго у эмигрантовъ имя Людовика XVII, онъ ни на одну минуту не сомнѣвался въ своемъ правѣ на престолъ Франціи и не разъ думалъ, что вотъ-вотъ наступитъ моментъ, когда это право будетъ осуществлено. Время это, наконецъ, пришло, и Людовикъ XVIII возвратился на родину съ похвальнымъ намѣреніемъ умиротворить утомленную страну уставленіемъ въ ней либеральнаго режима на англійскій манеръ, но самъ онъ былъ человѣкъ глубоко эгоистичный, думавшій только о томъ, чтобы спокойно дожить послѣдніе свои годы въ почетѣ. Болѣзненный и даже дряхлый, онъ, быть можетъ, потому и находилъ весьма хорошимъ англійскій режимъ, что при немъ всѣ хлопоты и непріятности, соединенныя съ пользованіемъ властью, падаютъ на министровъ, которые могутъ подвергаться самымъ жестокимъ нападкамъ, не задѣвающимъ, однако, особы самого монарха. Основною мыслью Людовика XVIII было примирить старую и новую Францію, но у него не было для этого надлежащихъ условій—ни въ его собственномъ характерѣ, не отличавшемся настойчивостью, ни въ условіяхъ ближайшей среды, которая его окружала. Людовикъ XVIII былъ бездѣтенъ, и наслѣдникомъ престола былъ его братъ гр. д'Артуа, отецъ двухъ сыновей—герцога Ангулемскаго, женатаго на двоюродной сестрѣ, дочери Людовика XVI, страстной и фанатической ненавистницѣ революціи, и герцога Беррійскаго, который впослѣдствіи тоже женился на энергичной неаполитанской принцессѣ. Гр. д'Артуа оставилъ Францію еще въ 1789 г. и былъ настоящимъ главой непримиримыхъ эмигрантовъ, наиболѣе дѣятельнымъ участникомъ всѣхъ комбинацій, направлявшихся противъ революціоннаго правительства или противъ Наполеона. Это былъ настоящій фанатикъ контръ-революціи, орга-

[1]) Онъ эмигрировалъ изъ Франціи въ 1791 г.

низовавшій съ первыхъ же дней реставраціи будущую ультрароялистическую партію. Абсолютистъ, клерикалъ, другъ эмигрантовъ, мечтавшихъ о возвращеніи привилегій, гр. д'Артуа нерѣдко самымъ рѣзкимъ образомъ нападалъ на брата; одинъ разъ разсерженный Людовикъ XVIII пригрозилъ ему даже, что поставитъ бюстъ Наполеона на каминѣ своего кабинета. Гр. д'Артуа отказался присутствовать въ засѣданіи, гдѣ была провозглашена хартія. Впослѣдствіи онъ сдѣлался душою такъ называемой „конгрегаціи", въ составъ которой вошли всѣ клерикальные элементы высшихъ классовъ общества и стали играть особенно видную роль іезуиты. Если старшій сынъ наслѣдника престола отличался при недалекомъ умѣ только вспыльчивостью и грубостью, то невѣстка гр. д'Артуа, герцогиня Ангулемская, была совершенно подстать своему свекру. Младшій сынъ, герцогъ Беррійскій, молодой принцъ, бойкій и развязный, думалъ только объ удовольствіяхъ и очень радовался, что можетъ командовать въ арміи. Онъ тоже больше былъ расположенъ къ реакціонерамъ, но мирился съ положеніемъ и, желая снискать популярность у солдатъ, въ буквальномъ смыслѣ слова „обезьяничалъ", какъ выражались солдаты, съ „маленькаго капрала". Вернулись съ королемъ и семьей его брата во Францію равнымъ образомъ принцъ Конде и герцогъ Бурбонскій (дѣдъ и отецъ герцога Ангьенскаго), эти настоящіе обломки стараго порядка; вернулся и герцогъ Орлеанскій, сынъ „гражданина Филиппа Эгалитэ", самъ когда-то членъ якобинскаго клуба, сражавшійся за революцію при Вальми и Жемаппѣ. Уже раньше, въ эпоху республики, его имя произносилось, какъ имя возможнаго кандидата на престолъ, и потому въ 1814 г. онъ былъ для Бурбоновъ человѣкомъ подозрительнымъ, хотя держалъ себя крайне осторожно; надъ нимъ былъ даже установленъ своего рода тайный надзоръ. Несмотря на то, что этотъ принцъ старался не выдвигаться, онъ сдѣлался весьма популярнымъ среди буржуазіи и либераловъ, прочившихъ его въ будущемъ на престолъ.—Вернулись, наконецъ, съ Бурбонами и наиболѣе непримиримые изъ эмигрантовъ, которые не хотѣли воспользоваться милостью Наполеона. Этихъ возвратившихся дворянъ было тысячи три или четыре, но съ ними заодно стали дѣйствовать и ранѣе вернувшіеся во

Францію эмигранты, а также и многіе дворяне, не покидавшіе родины въ эпоху революціи. Правда, и среди роялистовъ встрѣчались сторонники конституціоннаго режима,—и ихъ потомъ главнымъ образомъ поддерживало правительство Людовика XVIII, — но громче всего говорили, требовательнѣе всѣхъ были и болѣе всего заставляли себя бояться тѣ роялисты, которымъ впослѣдствіи было присвоено названіе ультра-роялистовъ (les ultras). Они ненавидѣли хартію, лишавшую ихъ прежнихъ привилегій, желали возстановленія старыхъ порядковъ, заявляли самыя клерикальныя требованія, особенно же добивались возвращенія конфискованныхъ у нихъ и перешедшихъ въ другія руки имѣній. Сначала они ожидали также, что всѣ важнѣйшія гражданскія и военныя должности будутъ переданы имъ, и что люди, служившіе революціи и „узурпатору“, съ позоромъ будутъ прогнаны. Людовикъ XVIII не желалъ идти такъ далеко, но его министры и другія должностныя лица на первыхъ же порахъ надѣлали такую массу безтактностей, что съумѣли поселить въ націи величайшую тревогу. Съ своей стороны, духовенство стало придавать слишкомъ политическую окраску заупокойнымъ обѣднямъ, которыя были отслужены по Людовикѣ XVI и Маріи-Антуанетѣ во всѣхъ городахъ Франціи, такъ какъ при этомъ произнесены были проповѣди съ проклятіями противъ всѣхъ, кто только принималъ участіе въ революціи или покупалъ бывшія церковныя имущества и т. п. И впослѣдствіи своими постоянными проповѣдями на эту же тему духовенство держало въ вѣчной тревогѣ покупщиковъ національныхъ имуществъ; нерѣдко бывало и такъ, что священники прямо отказывали такимъ лицамъ въ причащеніи даже на смертномъ одрѣ. Эмигранты и вообще бывшіе дворяне повсемѣстно держали себя въ высшей степени надменно, проповѣдовали о необходимости возвращенія національныхъ имуществъ ихъ прежнимъ владѣльцамъ и грозили всѣмъ, кто не держался ихъ образа мыслей. Роялистическая пресса—газеты и брошюры—дѣйствовала въ томъ же направленіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и король, и гр. д'Артуа, и герцогиня Ангулемская получали петиціи о возвращеніи національныхъ имуществъ, и даже потребовалось особое постановленіе палаты депутатовъ (образовавшейся изъ членовъ послѣдняго законодательнаг

корпуса), чтобы успокоить владѣльцевъ національныхъ имуществъ ссылкою на то, что ихъ распродажа была санкціонирована конституціями III и VIII года и новой конституціонной хартіей. Въ обществѣ ходили даже слухи, будто эмигранты замышляютъ новую варѳоломеевскую ночь въ годовщину смерти Людовика XVI, и, пожалуй, между роялистами нашлись бы фанатики, которые были бы не прочь устроить что-либо въ этомъ родѣ. Приверженцы гр. д'Артуа составляли даже заговоры съ цѣлью потребовать у короля отмѣны хартіи и созванія старыхъ парламентовъ, а въ случаѣ его отказа — заключить его въ тюрьму, вынудивъ у него отреченіе въ пользу брата. Этому напряженному состоянію общества и положило конецъ возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы.

„Сто дней" показали Людовику XVIII, что значило не давать отпора притязаніямъ ультра-роялистовъ. Въ манифестѣ, съ которымъ онъ обратился къ націи, онъ долженъ былъ признаться, что его правительство могло дѣлать ошибки и дѣлало ихъ на самомъ дѣлѣ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ обѣщалъ амнистію за все, что случилось въ то время, когда онъ вторично долженъ былъ покинуть отечество. Но если самъ король считалъ нужнымъ соблюдать умѣренность,—а въ этомъ намѣреніи поддерживали его и министры, — то ультра-роялисты думали иначе, и ихъ мстительныя чувства получили тѣмъ большее значеніе, что побѣду на выборахъ въ палату почти повсемѣстно одержали самые рьяные представители клерикально-аристократической реакціи. Вторичное нашествіе иностранцевъ, вызванное возстановленіемъ имперіи, унизительный миръ, которому должна была подвергнуться Франція, произвели страшное озлобленіе противъ наполеонистовъ, и вотъ избиратели 1815 года подъ вліяніемъ этого чувства посылали въ палату главнымъ образомъ людей, которые рѣзче другихъ выражали свое негодованіе противъ имперіи. Людовикъ XVIII не исполнилъ, однако, своего обѣщанія относительно забвенія прошлаго; между прочимъ не безъ вліянія иностранныхъ державъ его министрами былъ составленъ списокъ лицъ, которыя должны были подлежать суду за измѣну, а затѣмъ, смотря по винѣ, подвергнуться казни или изгнанію. Начались политическіе процессы, изъ которыхъ особенно много шума надѣлалъ

процессъ маршала Нея, приговореннаго къ смертной казни и разстрѣляннаго, несмотря на свое раскаяніе. Въ разныхъ частяхъ Франціи происходили казни, составлялись приговоры объ изгнаніи, ссылкѣ, заключеніи въ тюрьму и т. п. Ультра-роялистическая палата въ то же время весьма охотно вотировала законы, уничтожавшіе гарантіи личной свободы въ пользу полицейскаго произвола, налагавшіе строгія наказанія за мятежные возгласы, установлявшіе въ каждомъ департаментѣ чрезвычайныя коммиссіи, или превотальные суды, которые судили въ послѣдней инстанціи всѣ политическія преступленія и немедленно приводили свои приговоры въ исполненіе. Одновременно во многихъ мѣстахъ ультра-роялисты организовали особые комитеты для того, чтобы повсюду захватить власть въ свои руки. Префекты и другія мѣстныя власти арестовывали, ссылали, предавали суду, лишали должностей и т. п. цѣлые десятки тысячъ „неблагонамѣренныхъ“, издавали разныя деспотическія распоряженія и не оказывали ни малѣйшаго сопротивленія народнымъ безпорядкамъ, когда послѣдніе направлялись противъ наполеонистовъ или либераловъ. Духовенство громило съ каѳедръ покупщиковъ національныхъ имуществъ, сторонниковъ революціи, протестантовъ. Роялистическіе волонтеры, составлявшіе отряды для борьбы съ Наполеономъ, ультра-роялистическіе комитеты, образовавшіеся для захвата въ свои руки всѣхъ мѣстныхъ дѣлъ, простыя грабительскія шайки и случайныя толпы нафанатизированной черни, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1815—1816 гг. господствовали надъ мирнымъ и беззащитнымъ населеніемъ, убивая и грабя наполеонистовъ и либераловъ, протестантовъ и мусульманъ (въ Марсели) и совершая другія насилія. Всѣ эти факты, напоминающіе собою революціонные ужасы 1793—1794 гг., получали въ исторіи названіе „бѣлаго террора“, такъ какъ совершались подъ бѣлымъ знаменемъ Бурбоновъ. Правительство оказывалось безсильнымъ противъ этого реакціоннаго террора, тѣмъ болѣе, что многіе даже думали, будто, дѣйствуя въ духѣ крайней реакціи, они только исполняютъ волю короля.

На первыхъ порахъ палата 1815 г. держала себя до такой степени покорно по отношенію къ правительству, что Людовикъ XVIII находилъ ее „незамѣнимой“,—названіе, которое за нею и осталось

въ исторіи. Но скоро между правительствомъ и ультра-роялистическимъ большинствомъ палаты произошелъ конфликтъ. Вожди большинства составили проектъ закона, въ силу котораго масса лицъ должна была поплатиться жизнью или свободой за свои политическія убѣжденія или прежнія дѣйствія, правительство же, наоборотъ, внесло въ палату законъ объ амнистіи, которая была обѣщана въ королевскомъ манифестѣ. Съ великимъ трудомъ удалось министерству провести этотъ законъ, чтобы положить конецъ казнямъ, изгнаніямъ и тюремнымъ заключеніямъ, но ультра-роялисты, съ неудовольствіемъ подчинившіеся необходимости такого закона, настояли на томъ, чтобы всѣ „цареубійцы", приставшіе къ Наполеону послѣ его бѣгства съ острова Эльбы, были приговорены къ вѣчному изгнанію. Первая сессія незаконнимой палаты, открытая въ началѣ октября 1815 г., продолжалась болѣе полугода до конца апрѣля 1816 г. Во время парламентскихъ вакацій 1816 г. первый министръ герцогъ Ришельс, умѣренный роялистъ[1]), ожидалъ, что едва возобновится сессія палаты, какъ начнется кампанія противъ министерства, но онъ не рѣшался на распущеніе палаты, котораго, наоборотъ, требовалъ министръ полиціи Деказъ. Иностранная дипломатія не безъ тревоги смотрѣла на готовившійся конфликтъ и совѣтовала Людовику XVIII поддерживать свое министерство противъ палаты, которая своими крайностями могла бы снова скомпрометтировать положеніе. Самъ король боялся, однако, поссориться съ своимъ братомъ, который былъ весьма доволенъ общимъ духомъ палаты. Тѣмъ не менѣе Деказу въ концѣ концовъ удалось убѣдить и Ришелье, и Людовика XVIII въ необходимости выбирать между эмигрантами, все болѣе и болѣе дѣлавшимися опасными своимъ ненасытнымъ властолюбіемъ, и остальною Франціею, которая все съ возраставшимъ недовѣріемъ взирала на будущее. Король и министры держали свое рѣшеніе въ тайнѣ до того самаго момента, когда былъ, наконецъ, подписанъ приказъ о распущеніи палаты. Когда объ этомъ сдѣлалось извѣстно, распоряженіе правительства было съ радостью встрѣчено громад-

[1]) Во время имперіи онъ былъ на службѣ въ Россіи и занималъ должность Новороссійскаго генералъ-губернатора.

нымъ большинствомъ націи, не исключая и умѣренныхъ роялистовъ, но ультра-роялисты негодовали, и многіе изъ нихъ — и съ ними сами принцы — сгоряча грозили уѣхать въ Англію, оставивъ короля на произволъ судьбы; одна важная дама велѣла даже удалить бюстъ Людовика XVIII изъ своего салона на чердакъ. Въ публику былъ нарочно пущенъ слухъ, что король подписалъ распущеніе палаты подъ давленіемъ иностранныхъ дворовъ.

Новые выборы, произведенные черезъ нѣсколько недѣль послѣ распущенія незамѣнимой палаты, дали министерству умѣренное большинство на шестьдесятъ голосовъ. По хартіи палата должна была обновляться каждый годъ посредствомъ выхода одной пятой части членовъ и замѣщенія ихъ новыми. На частныхъ выборахъ 1818 г. либералы пріобрѣли нѣсколько новыхъ мѣстъ, и между выбранными оказались Лафайетъ, генералъ Гренье, бывшій членомъ послѣдняго временнаго правительства, и Манюэль, засѣдавшій въ палатѣ „ста дней“ и ратовавшій тамъ послѣ отреченія императора за его сына Наполеона II. Эти избранія даже встревожили монарховъ и дипломатовъ, собравшихся на ахенскомъ конгрессѣ. Въ 1819 г. особенно сильное впечатлѣніе произвело также избраніе знаменитаго аб. Грегуара, одного изъ первыхъ конституціонныхъ епископовъ и члена конвента, одобрявшаго казнь Людовика XVI. Но и послѣ слѣдующихъ выборовъ, на которыхъ либералы пріобрѣтали новыя мѣста, составъ палаты оставался роялистическимъ. Въ 1820 г. былъ введенъ новый избирательный законъ, дававшій наиболѣе богатымъ избирателямъ право присылать еще лишнихъ 172 депутата сверхъ 458, выбиравшихся обыкновеннымъ порядкомъ, причемъ, по крайней мѣрѣ, половина налога, дававшаго избирательный цензъ, должна была уплачиваться въ видѣ поземельной подати. Результатомъ этого было то, что частные выборы, происходившіе въ октябрѣ 1820 года, дали рѣшительный перевѣсъ ультра-роялистамъ, засѣдавшимъ въ палатѣ 1815 г. Съ этого момента ультра-роялистамъ уже принадлежало рѣшительное преобладаніе въ палатѣ. Въ 1823 г. они даже рѣшились исключить изъ числа депутатовъ Манюэля, возражавшаго противъ ихъ требованія послать французскую армію для подавленія испанской революціи, силою вывели его изъ залы засѣданій и не допустили чте-

нія протеста, подписаннаго лишь 62 депутатами. Послѣдніе въ видѣ протеста всѣ удалились изъ засѣданія и болѣе не являлись въ палату во все продолженіе сессіи. Палата эта была распущена 24 декабря 1823 г. въ виду задуманной реформы избирательнаго закона, по которой срокъ депутатскихъ полномочій предполагалось продлить до семи лѣтъ, притомъ безъ ежегодныхъ частичныхъ выборовъ для обновленія палаты. Выборы въ палату 1824 г. происходили подъ сильнымъ административнымъ давленіемъ и съ прямыми правонарушеніями: многихъ либераловъ произвольно вычеркивали изъ списковъ и, наоборотъ, заносили въ списки роялистовъ, не имѣвшихъ никакого права на такое занесеніе. Поэтому въ палатѣ 1824 г. либераловъ было только 18 человѣкъ, а средняя партія, или такъ называемый центръ состоялъ лишь изъ четырехъ лицъ.

Не слѣдуетъ думать, что во весь этотъ періодъ рѣшительнаго преобладанія ультра-роялистовъ они поддерживали правительство. Наоборотъ, большею частью они находились къ нему въ самой рѣзкой оппозиціи, тогда какъ либералы нерѣдко оказывались въ числѣ сторонниковъ правительства. Либералы, напр., сильно поддерживали Ришелье, который поведеніемъ ультра-роялистовъ былъ принужденъ выйти въ отставку [1]). Преемникомъ Ришелье сдѣлался Деказъ, но уже съ самаго начала и къ нему ультра-роялисты стали въ оппозицію. Ненависть крайней правой къ этому министру выразилась во всей своей силѣ по поводу убіенія герцога Беррійскаго, племянника Людовика XVIII. 13 февраля 1820 г. одинъ фанатикъ, ремесленникъ Лувель, зарѣзалъ молодого принца при входѣ въ оперный театръ, думая что этимъ сдѣлаетъ невозможнымъ продолженіе династіи Бурбоновъ, въ которой только отъ этого младшаго сына графа д'Артуа и ожидали потомства [2]). Со стороны многихъ ультрароялистовъ преступленіе Лувеля встрѣчено было злорадствомъ, и на другой же день одинъ изъ членовъ палаты депутатовъ сдѣлалъ предложеніе

---

[1]) Ришелье удалось на ахенскомъ конгрессѣ добиться очищенія Франціи отъ иностранной оккупаціи раньше срока (1818).

[2]) Жена герцога Беррійскаго въ то время была уже беременна и вскорѣ родила сына, которому былъ данъ титулъ герц. Бордоскаго. Лувель былъ казненъ. На судѣ выяснилось, что онъ дѣйствовалъ на собственный страхъ.

обвинить Деказа въ соучастіи въ этомъ преступленіи. Графъ д'Артуа и герцогиня Ангулемская прямо вынудили тогда у Людовика XVIII отставку Деказа, получившаго потомъ титулъ герцога и постъ посланника въ Лондонѣ. Послѣ этого первымъ министромъ опять сдѣлался Ришелье, но въ составъ министерства вошли еще въ качествѣ министровъ безъ портфелей три ультра-роялиста (между ними Виллель), но такъ какъ они не могли проводить стремленія своей партіи, благодаря сравнительной умѣренности Ришелье, то скоро вышли въ отставку. Это страшно вооружило всю партію противъ правительства, и они тотчасъ же по открытіи палатъ начали свои враждебныя дѣйствія, задѣвъ при этомъ самого короля. Дѣло въ томъ, что въ своей тронной рѣчи Людовикъ XVIII заявилъ, что между Франціей и другими государствами царствуетъ доброе согласіе, и вотъ въ отвѣтномъ адресѣ своемъ палата выразила надежду на то, что это согласіе „не куплено на счетъ чести націи и достоинства короны". Мало-по-малу палата довела снова Ришелье и его товарищей до необходимости выйти въ отставку. По указаніямъ графа д'Артуа Людовикъ XVIII назначилъ (15 декабря 1821 г.) ихъ преемниковъ уже изъ ультра-роялистовъ, поставивъ во главѣ новаго министерства Виллеля, который давно былъ парламентскимъ вождемъ партіи.

Министерство Виллеля ознаменовало себя съ самаго начала проведеніемъ реакціоннаго закона о печати, а во внѣшней политикѣ оно стало въ самое рѣзкое отношеніе къ испанской революціи. Конечно, и Ришелье не сочувствовалъ этому событію, но онъ совѣтовалъ Фердинанду VII подчиниться совершившимся фактамъ, лишь измѣнивъ конституцію въ духѣ французской хартіи. Первый министръ Виллель и министръ иностранныхъ дѣлъ Монморанси начали, наоборотъ, оказывать поддержку врагамъ свободы въ Испаніи. На веронскій конгрессъ, который долженъ былъ заняться испанскими дѣлами (1822), правительство отправило самого Монморанси и Шатобріана, смѣнившаго Деказа на посту французскаго посланника въ Лондонѣ. Оба они были сторонниками насильственнаго подавленія испанской революціи, но Виллель, считавшій нужнымъ соблюдать строжайшую экономію въ финансахъ и прибереrать армію на случай обостренія восточныхъ дѣлъ — въ виду греческаго возстанія, былъ противъ

войны. Французскимъ уполномоченнымъ поэтому дана была инструкція дѣйствовать съ величайшею осторожностью, но Монморанси и Шатобріанъ сильно скомпрометтировали независимое положеніе Франціи, результатомъ чего была отставка Монморанси и порученіе министерства иностранныхъ дѣлъ Шатобріану, увѣрявшему, будто онъ самъ хлопоталъ противъ войны. Ультра-роялисты давно уже были недовольны тѣмъ, что Виллель дѣйствуетъ недостаточно энергично въ испанскомъ дѣлѣ, теперь же пришли въ страшное негодованіе. Многіе изъ нихъ накупили себѣ билетовъ на заемъ въ 80 милліоновъ франковъ, заключенный антиреволюціоннымъ испанскимъ регентствомъ, и теперь не желали, чтобы вслѣдствіе окончательной побѣды конституціонной партіи ихъ деньги пропали даромъ. Ультра-роялисты рѣшили даже прямо низвергнуть Виллеля, какъ измѣнника, и тогда, чтобъ удержаться у власти, онъ потребовалъ у палаты депутатовъ чрезвычайнаго кредита въ сто милліоновъ франковъ для войны съ Испаніей и разрѣшенія призвать резервы. Такимъ образомъ антиреволюціонная экзекуція въ Испаніи была дѣломъ ультра-роялистической партіи, а не правительства, не желавшаго войны. Побѣда французской арміи надъ испанскими революціонерами совершенно опьянила ультра-роялистовъ чувствомъ достигнутаго успѣха. Виллель не имѣлъ уже болѣе силы сопротивляться партіи, доказавшей на дѣлѣ свою энергію и рѣшимость, и тогда онъ сталъ самъ подумывать о томъ, чтобы отдѣлаться отъ самой опасной фракціи ультра-роялистовъ: съ этою-то цѣлью въ концѣ 1823 г. онъ распустилъ палату, назначивъ новые выборы, которые, въ началѣ слѣдующаго года и были произведены — при помощи префектовъ — въ смыслѣ благопріятномъ для министерства. Въ новой палатѣ сначала не было ультра-роялистической оппозиціи, но она мало-по-малу снова организовалась, и бывали случаи, когда противъ нихъ Виллеля поддерживали немногочисленные либералы палаты.

Главными предметами борьбы между реакціонерами и либералами въ палатахъ были законы о печати и о выборахъ, подвергавшіеся измѣненіямъ въ роялистическомъ духѣ. Когда крайняя правая достигла торжества при Виллелѣ, она поставила своею цѣлью передачу народнаго образованія въ руки духовенства; городскія и

сельскія школы по ея настояніямъ были отданы въ руки монаховъ (frères de l'école chrétienne или frères-ignorantins). Знаменитый оріенталистъ Сильверстъ де-Саси, самъ благочестивый роялистъ, лишился даже своего мѣста въ главномъ совѣтѣ учебнаго вѣдомства за то, что не соглашался на такое усиленіе духовенства. Въ то же время устранялись „неблагонамѣренные" преподаватели и замѣнялись новыми. Философу Ройе-Коллару и историку Гизо было запрещено чтеніе лекцій. Въ Греноблѣ за либерализмъ былъ закрытъ юридическій факультетъ, и той же судьбѣ временно подвергались медицинскій факультетъ и Высшая нормальная школа въ самомъ Парижѣ.

Во все правленіе Людовика XVIII либералы въ палатѣ составляли меньшинство, которое ничего не могло сдѣлать. За то либерализмъ господствовалъ въ литературѣ и въ періодической прессѣ, а кромѣ того, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ либералы прибѣгали къ заговорамъ съ цѣлью низверженія Бурбоновъ.

Послѣ вторичнаго возвращенія старой династіи прежнее отношеніе къ ней либераловъ, какъ мы видѣли, измѣнилось прямо во враждебное, и многіе изъ нихъ, проводя параллель между англійской и французской исторіей, начали говорить о неизбѣжности повторенія во Франціи второй англійской революціи. Общій фонъ либеральнаго настроенія, можно сказать, составляла поэтому ненависть къ возстановленной династіи.

Въ либерализмѣ уже съ самаго начала образовалось два оттѣнка: одни были либералы конституціонные, — другіе революціонные. Такъ какъ первые нерѣдко сознавали свое безсиліе, то не пренебрегали помощью вторыхъ, а эти послѣдніе, тоже не довѣряя своимъ собственнымъ силамъ, искали поддержки и у первыхъ. Вообще оппозиціонныя газеты эпохи реставраціи постоянно проповѣдовали необходимость единенія всѣхъ антиреакціонныхъ группъ, между прочимъ, настаивая на томъ, чтобы лѣвый центръ и крайняя лѣвая держались заодно, и чтобы лѣвый центръ не отпадалъ къ правому центру, т. е. къ умѣреннымъ консерваторамъ. Въ эпоху реставраціи либеральная партія въ палатѣ депутатовъ выдвинула не мало замѣчательныхъ дѣятелей, каковы Ройе-Колларъ, Бенжаменъ Констанъ, Лафайетъ и др.,

противъ всѣхъ членовъ карбонарской „верховной венты“, но у правительства не было противъ нихъ настоящихъ уликъ, а либеральные депутаты,—изъ которыхъ многіе знали о заговорахъ, но не одобряли ихъ или лично только не хотѣли принимать въ нихъ участія,—отстаивали въ палатѣ Лафайета и др. отъ обвиненія ихъ ультрароялистами, называя всѣ ихъ разсказы клеветою. Между тѣмъ, когда стали поговаривать о войнѣ для подавленія испанской революціи, въ арміи сначала обнаружилось нерасположеніе „къ походу съ попами и монахами“ противъ конституціи и свободы, и сталъ распространяться слухъ, будто правительство нарочно удаляетъ изъ страны военныя силы, дабы открыть болѣе свободный доступъ во Францію для новой иностранной коалиціи изъ-за Рейна, которая яко-бы должна была положить конецъ конституціонному режиму и въ самой Франціи. Парижскій революціонный комитетъ воспользовался этими обстоятельствами, чтобы возобновить свою дѣятельность. Начались новые военные заговоры, и одинъ изъ нихъ заключался въ томъ, чтобы армія отказалась идти на Испанію и направилась на Парижъ, какъ говорилось и въ сдѣлавшейся весьма популярной среди солдатъ извѣстной пѣсенкѣ Беранже съ припѣвомъ: „налѣво-кругомъ!“ Именно по ту сторону испанской границы французскую армію долженъ былъ встрѣтить отрядъ бѣглецовъ подъ начальствомъ полковника Фавье съ императорскими орлами и трехцвѣтными знаменами и увлечь своимъ видомъ солдатъ, послѣ чего французская армія должна была повернуть назадъ. Нѣкоторые генералы и офицеры, отправлявшіеся въ Испанію, были посвящены въ этотъ планъ и обѣщали свое содѣйствіе. Но и изъ этого тоже ничего не вышло, потому что французскій авангардъ прибылъ къ пограничной рѣкѣ Бидассоа раньше, чѣмъ Фавье успѣлъ сдѣлать всѣ свои приготовленія къ встрѣчѣ. Потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми пушечнымъ выстрѣломъ, пущеннымъ по приказанію одного генерала, Фавье вынужденъ былъ обратиться въ бѣгство. Легкіе успѣхи въ Испаніи покрыли французскую армію славою и подъ бѣлымъ знаменемъ Бурбоновъ. Армія теперь примирилась съ династіей, одинъ изъ членовъ которой (герцогъ Ангулемскій) былъ притомъ главнокомандующимъ въ этой экспедиціи. Уже и раньше военные жаловались

на то, что во всѣхъ прежнихъ заговорахъ попадались въ качествѣ виновныхъ только ихъ товарищи, тогда какъ настоящіе зачинщики оставались безнаказанными. Вскорѣ, впрочемъ, и сами революціонные либералы отказались отъ заговоровъ и возстаній.

Не долго спустя послѣ испанской экспедиціи Людовикъ XVIII скончался, и на престолъ вступилъ графъ д'Артуа, принявшій имя Карла X. Еще въ концѣ царствованія Людовика XVIII Виллель задумалъ возбудить законодательнымъ порядкомъ два вопроса въ пользу церковной партіи, идеи которой раздѣлялъ Карлъ X. Законъ, уничтожавшій во Франціи монастыри, не былъ отмѣненъ, а между тѣмъ за десять лѣтъ реставраціи открылось ихъ немалое количество вмѣстѣ съ іезуитскими учрежденіями, которымъ тоже не полагалось по закону существовать во Франціи, и вотъ теперь министерство сдѣлало предложеніе, чтобы женскіе монастыри, которые могли быть открываемы каждый разъ лишь въ силу спеціальнаго закона, дозволено было открывать только по одному королевскому повелѣнію. Это предложеніе не прошло, и лишь съ большимъ трудомъ прошелъ суровый законъ о святотатствѣ, въ защиту котораго Бональдъ говорилъ, что предавать святотатцевъ смертной казни значитъ только отсылать ихъ къ ихъ естественному судьѣ, т. е. къ самому Богу. Этотъ законъ, ни разу, впрочемъ, не примѣнявшійся на практикѣ, возбудилъ сильное негодованіе въ публикѣ. Самъ Карлъ X между тѣмъ особенно хлопоталъ о вознагражденіи эмигрантовъ за конфискованныя во время революціи имѣнія, которыя были распроданы и потому не могли быть возвращены своимъ прежнимъ владѣльцамъ. Наиболѣе рьяные изъ ультрароялистовъ были, однако, недовольны правительственнымъ проектомъ о денежномъ вознагражденіи въ тысячу милліоновъ, съ каковою цѣлью должны были быть выпущены на эту сумму государственныя облигаціи,—и требовали, чтобы эмигранты получили обратно самыя имѣнія, у нихъ конфискованныя. Лишь послѣ долгихъ и бурныхъ преній министерскій проектъ былъ принятъ палатами и утвержденъ королемъ. Въ 1825 г. Карлъ X торжественно короновался къ Реймсѣ, возобновивъ при этомъ всѣ средневѣковыя церемоніи вплоть до возложенія своихъ рукъ на золотушныхъ больныхъ для ихъ исцѣленія. Въ то самое время, какъ Викторъ Гюго

воспѣвалъ эту коронацію, народный поэтъ тогдашней Франціи, Беранже, писалъ „Le sacre de Charles-le-Simple“, въ которомъ осмѣивалъ всю эту церемонію. Въ народѣ на Карла X смотрѣли крайне неблагопріятно за его связи съ духовенствомъ и съ „конгрегаціей“, и даже возникъ слухъ, будто король — самъ іезуитъ и по временамъ, надѣвая монашескій капюшонъ, даетъ отчетъ своему духовному начальству о томъ, какъ пользуется властью на славу и во благо ордена. Вліяніе духовенства и іезуитовъ на Карла X было и на самомъ дѣлѣ весьма значительно, а потому, чувствуя свою силу, духовенство теперь подняло голову и начало дѣйствовать съ крайнею нетерпимостью.

Клерикальный характеръ, какой приняла реакція при Карлѣ X, встрѣтилъ оппозицію даже среди самыхъ ультра-роялистовъ. Въ господствующей партіи образовался теперь глубокій расколъ, и между клерикальной и свѣтской фракціями реакціонеровъ началась борьба, въ выигрышѣ отъ которой могли быть только либералы. И дѣйствительно, какъ въ парламентскихъ преніяхъ, такъ и въ печати стали заодно выступать и консервативные оппоненты клерикализма, и либералы, видѣвшіе въ культурной реакціи новую опасность, съ которою передъ этимъ имъ еще почти не приходилось считаться. Двѣ либеральныя газеты были привлечены къ суду за анти-церковное направленіе, но судъ ихъ оправдалъ. Зато духовенство, негодовавшее на свободу печати и на независимую юстицію, было утѣшено тѣмъ, что три профессора антиклерикальнаго направленія (между ними Вильменъ и роялистъ Мишо) лишились своихъ мѣстъ, и что епископъ страсбургскій Таренъ, написавшій по примѣру другихъ епископовъ пастырское посланіе, наполненное яростною бранью противъ либераловъ, былъ назначенъ воспитывать маленькаго внука короля. Министерство Виллеля выработало въ это время проектъ весьма суроваго закона противъ свободы прессы, который, будучи уже принятъ палатой депутатовъ, встрѣтилъ, однако, сопротивленіе въ палатѣ пэровъ и былъ взятъ правительствомъ обратно.

Между тѣмъ при Карлѣ X либерализмъ началъ дѣлать несомнѣнные успѣхи во всей странѣ. Правда, заговоры съ цѣлью совершенія военнаго переворота прекратились и вмѣстѣ съ тѣмъ сошли

съ политической сцены немногочисленные наполеонисты и республиканцы того времени, но за то остальные враги Бурбоновъ усилили чисто легальную оппозицію. У нихъ явилась теперь новая тактика — при каждомъ удобномъ случаѣ показывать правительству, что хартія 1814 г. имѣетъ массу защитниковъ, и что нація прежде всего требуетъ строгаго соблюденія конституціи. Осенью 1825 г. Парижъ съ особымъ почетомъ хоронилъ генерала Фуа, бывшаго однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей либеральной партіи въ палатѣ депутатовъ. Въ процессіи участвовала весьма внушительная масса народа, а въ пользу семьи покойнаго была открыта національная подписка, давшая цѣлый милліонъ. Когда палата пэровъ отвергла проектъ закона о майоратахъ, предложенный по настоянію Карла X, въ Парижѣ это событіе было отпраздновано иллюминаціей. Въ 1827 г. умеръ одинъ либеральный пэръ, восьмидесятилѣтній герцогъ Ларошфуко-Ліанкуръ, котораго очень не любилъ Виллель, и опять рѣшено было на похоронахъ этого дѣятеля устроить либеральную манифестацію. Полиція хотѣла помѣшать задуманной демонстраціи, и дѣло дошло до свалки, во время которой гробъ упалъ на мостовую, что привело въ негодованіе и все общество, и въ особенности палату пэровъ. Въ это время Виллель приводилъ самые реакціонные законы противъ печати; боясь послѣ такого происшествія — отверженія закона палатой пэровъ, министерство взяло назадъ свой проектъ, и это снова было отпраздновано въ Парижѣ и въ другихъ городахъ иллюминаціями, фейерверками, торжественными шествіями съ музыкой и пѣніемъ. Вскорѣ послѣ этого Карлъ X дѣлалъ смотръ національной гвардіи на Марсовомъ полѣ. Короля привѣтствовали съ восторгомъ за взятіе назадъ министерскаго проекта, но къ крикамъ: „да здравствуетъ король“! — примѣшивалось немало и криковъ: „да здравствуетъ хартія“! Когда одинъ національный гвардеецъ рѣшился чуть не въ лицо королю повторить послѣднія слова, Карлъ X нахмурился, что, конечно, кричавшій тотчасъ замѣтилъ. „Развѣ васъ оскорбляетъ, что привѣтствуютъ конституцію“? спросилъ онъ. „Я, отвѣчалъ ему на это король, пріѣхалъ сюда для того, чтобы выслушивать привѣтствія, а не наставленія“, — и вся національная гвардія единодушно закричала:

„да здравствуетъ король“! Карлъ X въ концѣ концовъ былъ так доволенъ смотромъ, что, вернувшись домой, приказалъ одному из приближенныхъ составить дневной приказъ съ выраженіемъ королев скаго благоволенія къ національной гвардіи. Тогда онъ не зналъ ещ что послѣ его отъѣзда двѣ принцессы (герцогини Ангулемская Беррійская), присутствовавшія на смотру въ коляскѣ, были осви станы при крикахъ: „долой министерство! долой іезуитовъ“! С тѣми же криками и съ крикомъ: „долой Виллеля“!—часть націо нальной гвардіи прошла мимо отеля министра. Послѣ этого об принцессы и особенно Виллель настояли на томъ, чтобы Карлъ X распустилъ національную гвардію. Осенью того же 1827 г. проис ходили общіе выборы въ палату депутатовъ, бывшіе весьма выгод ными для либераловъ. Такой результатъ былъ достигнутъ, благо даря, между прочимъ, обществу „Aide-toi, le ciel t'aidera“ которое было основано съ прямою цѣлью оказывать вліяніе на вы боры въ оппозиціонномъ смыслѣ. Когда въ Парижѣ сдѣлалось из вѣстнымъ, что въ самой столицѣ одержали побѣду всѣ оппозиціон ные кандидаты, это событіе было отпраздновано съ настоящим восторгомъ. Была устроена иллюминація, во время которой народ началъ выбивать стекла во всѣхъ неосвѣщенныхъ окнахъ; потом дѣло дошло до попытокъ сооруженія баррикадъ и уличныхъ схва токъ съ полиціей и съ войсками.

Результатомъ побѣды, хотя и неполной, одержанной либералам на выборахъ 1827 г., была замѣна въ началѣ 1828 г. мини стерства Виллеля министерствомъ болѣе умѣреннаго роялист Мартиньяка. Новое министерство настояло на томъ, чтобы въ тронно рѣчи при открытіи сессіи 1828 г. были обѣщаны уступки. Карлъ X сдѣлалъ это очень неохотно и не безъ нѣкотораго сопротивленія. Уже в первомъ засѣданіи новыхъ министровъ онъ заявилъ имъ, что раз стался съ Виллелемъ съ крайнимъ сожалѣніемъ, — и прибавилъ к этому, что общественное мнѣніе, очевидно, обманулось на счет этого министра: „его система, сказалъ король, — моя система“ Между тѣмъ Мартиньякъ именно и не хотѣлъ держаться этой си ..., осужденной общественнымъ мнѣніемъ. Если и удавалось скло Карла X къ принятію тѣхъ или другихъ непріятныхъ рѣшеній

то лишь посредствомъ угрозы выхода въ отставку. Сама новая палата въ отвѣтномъ адресѣ осудила министерство Виллеля, включивъ въ адресъ слѣдующія строки по поводу обѣщанныхъ уступокъ: „Франція съ глубокимъ вниманіемъ прислушивалась къ памятнымъ словамъ. Она требуетъ отъ исполнителей вашей воли только одного, именно, чтобы благодѣянія ваши дѣйствительно приводились въ исполненіе. Въ своихъ жалобахъ она обвиняетъ прискорбную систему, превращающую ихъ часто въ иллюзію". Карлъ X былъ этимъ крайне раздраженъ, и министрамъ стоило большого труда отговорить его отъ распущенія палаты указаніемъ на возможность возстанія, которое было бы трудно подавить. Сами ультра-роялисты, окружавшіе короля, совѣтовали ему до поры, до времени вооружиться терпѣніемъ. Благодаря этому, Мартиньяку и сдѣлалось возможнымъ провести нѣсколько законовъ, нашедшихъ сочувствіе у либераловъ, но встрѣченныхъ враждебно ультра-роялистами. Пользуясь поддержкой либераловъ и умѣренныхъ консерваторовъ, Мартиньякъ провелъ законы, изъ которыхъ одинъ обезпечивалъ свободу выборовъ отъ административнаго вмѣшательства, другой облегчалъ положеніе печати посредствомъ отмѣны королевскаго дозволенія на изданіе газетъ и права правительства вводить въ случаѣ надобности цензуру путемъ королевскихъ повелѣній, а третій уничтожалъ „черный кабинетъ", гдѣ производилась перлюстрація частной переписки. Кромѣ того, Мартиньяку удалось настоять еще на одномъ важномъ дѣлѣ. Вопросъ о духовныхъ школахъ и іезуитахъ, давно служившій предметомъ спора въ палатахъ и въ печати, требовалъ рѣшенія, а между тѣмъ Карлъ X, не смотря даже на желаніе Виллеля подвергнуть разслѣдованію это дѣло, не давалъ на то своего согласія. Мартиньякъ, устранивъ религіозную и политическую сторону вопроса, поручилъ изслѣдовать его съ чисто юридической точки зрѣнія особой коммиссіи изъ членовъ обѣихъ палатъ. Коммиссія нашла, что многія изъ духовныхъ училищъ были основаны безъ разрѣшенія и даже вопреки законамъ, и что нѣкоторыя изъ нихъ, въ которыхъ притомъ учились молодые люди, вовсе не готовившіеся къ принятію духовнаго сана, были содержимы іезуитами. Тогда министерство вынудило у Карла X два ордоннанса, подчинявшіе іезуитскія школы государ-

ственному надзору, подъ условіемъ непринадлежности ихъ преподавателей къ какой бы то ни было неразрѣшенной конгрегаціи, и запрещавшіе во всѣхъ вообще церковныхъ школахъ имѣть болѣе двадцати тысячъ воспитанниковъ, причемъ директоры этихъ училищъ, назначаемые архіепископами и епископами, должны были утверждаться королемъ, и въ воспитанники могли приниматься только юноши, прямо готовящіеся къ духовному званію. Эти ордоннансы встрѣчены были со стороны духовенства самыми ярыми нападками. Клерикальная партія стала указывать на то, что ордоннансы противорѣчатъ конституціи, которая обезпечивала свободу вѣроисповѣданія и доступъ всѣмъ французамъ ко всякимъ должностямъ, и начала требовать безусловной свободы обученія. Многіе при этомъ обвиняли еще правительство въ томъ, что оно вступило въ союзъ съ безбожіемъ и революціей, хотя все дѣло сводилось, въ сущности, къ установленію правительственнаго контроля надъ школами духовенства и къ принятію мѣръ противъ конкурренціи этихъ школъ съ государственными въ дѣлѣ приготовленія воспитанниковъ къ свѣтскимъ профессіямъ. Епископы протестовали — и въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ, что сынъ короля, герцогъ Ангулемскій, жалѣлъ, что онъ не былъ королемъ, когда читалъ протестъ парижскаго архіепископа: въ противномъ случаѣ сидѣть бы архіепископу въ Венсенскомъ замкѣ. Іезуиты, не пожелавшіе подчиниться университету, закрыли свои школы и покинули Францію. Кромѣ того, Мартиньякъ выработалъ проектъ новаго закона о мѣстномъ самоуправленіи. Реставрація оставила въ силѣ наполеоновскую систему назначенія членовъ генеральныхъ совѣтовъ по предложенію префекта министромъ, а муниципальныхъ совѣтниковъ — самимъ префектомъ. Мартиньякъ задумалъ замѣнить эту систему системой избирательной. Объ этомъ проектѣ возвѣстила страну тронная рѣчь, которою была открыта сессія палатъ въ началѣ 1829 г. Либералы привѣтствовали восторгомъ эту рѣчь, но роялисты отнеслись къ ней весьма враждебно, усмотрѣвъ въ ней новую уступку гибельному духу революціи. Узнавъ, что самъ король совершенно несогласенъ съ содержаніемъ тронной рѣчи, правая воздержалась даже отъ голосованія отвѣтнаго адреса и рѣшила отвергнуть проектъ Мартиньяка. Хотя министер-

скимъ проектомъ избирательное право отдавалось лишь самому небольшому числу лицъ, наиболѣе обложенныхъ, и тѣмъ самымъ должно было быть весьма выгоднымъ для крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ какъ расширило бы ихъ вліяніе на мѣстную жизнь, тѣмъ не менѣе роялисты видѣли въ возстановленіи мѣстныхъ выборовъ примѣненіе революціоннаго принципа, не согласнаго съ монархическимъ порядкомъ. Но въ свою очередь и либералы, которымъ въ силу самаго принципа свободы, нужно было бы хлопотать о введеніи самоуправленія, стояли, наоборотъ, на точкѣ зрѣнія централизаціи, отчасти не довѣряя мѣстнымъ силамъ общества, находившимся подъ вліяніемъ представителей крупнаго землевладѣнія, отчасти вслѣдствіе того, что раздѣляли убѣжденіе въ спасительности наполеоновской централизаціи. Такъ какъ противъ проекта высказалось большинство, составившееся изъ либераловъ и роялистовъ, то Мартиньякъ по желанію Карла X взялъ свои проекты назадъ. Либералы тотчасъ же стали раскаяваться въ томъ, что сыграли въ руку королю и реакціонерамъ, но роялисты ликовали, да и самъ Карлъ X былъ тоже очень радъ пораженію Мартиньяка. Въ продолженіе нѣкотораго времени онъ еще держалъ его у власти, хотя отставки его настойчиво требовала вся ультра-роялистическая пресса. Пораженіе министерства совершилось 8 апрѣля, сессія палатъ была закрыта 31 іюля, и лишь 8 августа „Монитёръ“ объявилъ о назначеніи новаго министерства. Мартиньякъ и его товарищи узнали изъ городскихъ слуховъ о готовившейся имъ отставкѣ только тогда, когда новый кабинетъ былъ уже составленъ.

Во главѣ новаго министерства, менѣе чѣмъ въ одинъ годъ довершаго Бурбоновъ до потери престола, былъ князь Юлій Полиньякъ. Онъ вмѣстѣ съ Карломъ X участвовалъ въ эмиграціи, былъ замѣшанъ въ одномъ изъ заговоровъ противъ Наполеона, въ началѣ второй реставраціи выдвинулся, какъ самый рьяный ультра-роялистъ, отказавшись даже принести присягу хартіи. Въ обществѣ смотрѣли на него, какъ на человѣка, умственно ограниченнаго и малоспособнаго, какъ на абсолютиста и друга іезуитовъ. Въ сущности, однако, ни Карлъ X, ни Полиньякъ не думали о ниспроверженіи конституціи, а только о проведеніи въ жизнь ультра-роялистической

программы. Послѣ назначенія Полиньяка во многихъ городахъ Франціи стали основываться общества для сопротивленія уплатѣ налоговъ въ случаѣ отмѣны хартіи, а проѣздъ Лафайета черезъ разныя мѣстности превратился въ настоящій тріумфъ, причемъ говорились рѣчи и предлагались тосты, заключавшіе въ себѣ уже угрозы. Правительство начало рядъ процессовъ противъ обществъ сопротивленія, но суды большею частью оправдывали эти общества, не находя ихъ противными конституціи, или налагали на нихъ самыя легкія наказанія за оскорбленіе правительства заподозрѣваніемъ его въ противоконституціонныхъ замыслахъ. Оправданъ былъ судомъ и „Journal des Débats“ за статью по случаю назначенія Полиньяка, оканчивавшуюся восклицаніями: „Бѣдная Франція! Бѣдный король!“ Въ январѣ 1830 г. Тьеръ, Минье и Арманъ Каррель основали газету „Насіональ“, задачею которой поставили всячески содѣйствовать низверженію династіи Бурбоновъ для передачи короны герцогу Орлеанскому. Этотъ оппозиціонный органъ старался выводить изъ хартіи такія слѣдствія, при которыхъ легитимному правительству оставалось бы только прибѣгнуть къ государственному перевороту. Уже раньше этого и талантливый памфлетистъ Курье пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы показывать народу, какая еще у него остается надежда: этою надеждою настоящей свободы и для Курье былъ герцогъ Орлеанскій, котораго онъ всегда изображалъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ по сравненію съ старшей линіей Бурбоновъ.

О томъ, чего можно было ожидать отъ Карла X, объ этомъ судили между прочимъ потому, что на новогоднемъ пріемѣ 1830 г. онъ выразилъ свое неудовольствіе судьямъ, постановлявшимъ оправдательные приговоры по дѣламъ, которыя возбуждались правительствомъ противъ оппозиціонныхъ газетъ, и что когда судьи подошли съ поздравленіями къ невѣсткѣ короля, герцогинѣ Ангулемской, она движеніемъ вѣера отклонила ихъ привѣтствіе и довольно рѣзкимъ тономъ сказала имъ: „проходите дальше“. Черезъ два мѣсяца послѣ этого происшествія, 2 марта, Карлъ X торжественно открылъ засѣданія палатъ. Онъ прочиталъ тронную рѣчь, въ которой было одно мѣсто, включенное въ нее министерствомъ, по ходившимъ тогда слухамъ,

вслѣдствіе настоянія самого короля и наиболѣе близкихъ къ нему лицъ. „Я не сомнѣваюсь, говорилъ Карлъ X, что вы будете содѣйствовать осуществленію добра, къ которому я стремлюсь. Вы съ презрѣніемъ отвергнете злонамѣренныя инсинуаціи, которыя распространяютъ въ настоящее время. Если бы эти преступные происки стали создавать для моей власти препятствія, которыхъ я не могу и не хочу предвидѣть, то я нашелъ бы для ихъ преодолѣнія достаточную силу въ своей рѣшимости поддерживать общественный миръ въ справедливомъ довѣріи французовъ и въ той любви, которую они всегда обнаруживали къ своему королю". На громадное большинство палаты это заявленіе короля произвело самое тягостное впечатлѣніе. Въ немъ видѣли угрозу по отношенію ко всякой оппозиціи противъ министерства. Когда палата депутатовъ приступила къ выбору своего президента, громадное большинство голосовъ выпало на долю Ройе-Коллара, игравшаго роль одного изъ видныхъ вождей либеральной партіи. Затѣмъ назначена была коммиссія для выработки проекта отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь. Составъ коммиссіи былъ оппозиціонный, и написанный ею адресъ вызвалъ въ палатѣ горячія пренія, окончившіяся побѣдой либераловъ: адресъ былъ принятъ большинствомъ 221 голоса противъ 181. „Въ основѣ всѣхъ дѣйствій администраціи, говорилось между прочимъ въ этомъ адресѣ, лежитъ въ настоящее время недовѣріе къ чувству и разуму Франціи; недовѣріе это глубоко огорчаетъ вашъ народъ, потому что оно оскорбительно для него; оно безпокоитъ его, потому что угрожаетъ его вольностямъ. Это недовѣріе не должно проникать въ ваше благородное сердце. Нѣтъ, ваше величество! Франція такъ же мало желаетъ анархіи, какъ вы сами мало желаете деспотизма; она достойна, чтобы вы вѣрили въ ея преданность, какъ она вѣритъ въ ваши обѣщанія. Пусть ваше величество выскажетъ, кого вы выбираете: тѣхъ ли, кто обнаруживаетъ столь полное непониманіе вашей націи, спокойной, тихой и вѣрной, или насъ, съ глубокимъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ повергающихъ къ стопамъ вашего величества горе плачу народа, который жаждетъ уваженія и довѣрія своего короля". Карлъ X и его министры увидѣли въ этомъ заявленіи палаты нарушеніе права короля выбирать своихъ министровъ и даже чуть

не прямое оскорбленіе, наносимое самому королю. 18 марта Карлъ X въ торжественной аудіенціи принялъ палатскую депутацію, которая была уполномочена поднести адресъ. Онъ холодно выслушалъ чтеніе этого адреса Ройе-Колларомъ и затѣмъ объявилъ слѣдующее: „Я имѣлъ основаніе расчитывать на содѣйствіе обѣихъ палатъ для выполненія задуманнаго мною добра. Я глубоко огорченъ тѣмъ, что депутаты отъ департаментовъ отказываютъ мнѣ въ этомъ содѣйствіи. Господа, я заявилъ вамъ о своемъ рѣшеніи въ тронной рѣчи, открывшей сессію. Рѣшеніе это непоколебимо: интересъ моего народа запрещаетъ мнѣ измѣнять его. Мои министры сообщатъ вамъ о моихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ". Эта короткая рѣчь Карла X выслушана была съ гробовымъ молчаніемъ. На другой день засѣданія палаты были отсрочены до 1-го сентября, но всѣ очень хорошо понимали, что непокорная палата будетъ распущена. Понятное дѣло, что съ обѣихъ сторонъ стали готовиться къ борьбѣ. Въ газетахъ обоихъ лагерей писались горячія политическія статьи. Оппозиціонные депутаты сдѣлались героями дня, которыхъ чествовали публичными банкетами въ то самое время, какъ ультрароялисты и клерикалы превозносили до небесъ твердость короля.

Вскорѣ послѣ этого съ прямымъ намѣреніемъ отвлечь общественное вниманіе отъ внутреннихъ дѣлъ правительство Карла X предприняло экспедицію противъ алжирскаго дея, поводомъ къ чему было оскорбленіе, нанесенное деемъ представителю Франціи. Въ іюлѣ французская армія заняла Алжиръ, и Карлъ X сильно расчитывалъ на то, что успѣхъ его оружія отзовется въ благопріятномъ для него смыслѣ на настроеніи всей націи. Еще 16-го мая палата депутатовъ была объявлена распущенной, и издано было распоряженіе о производствѣ новыхъ выборовъ съ тѣмъ, чтобы засѣданія новой палаты открылись 3-го августа. Со стороны министерства были пущены въ ходъ всѣ средства для того, чтобы получить результаты, благопріятные для правительства. Даже самъ Карлъ X вмѣшался въ избирательную борьбу, обратившись къ націи съ манифестомъ, въ которомъ онъ, какъ отецъ и король французовъ, приглашалъ своихъ подданныхъ собраться во-едино полъ его знаменемъ. Дѣйствовало съ своей стороны и извѣстное

уже намъ общество Aide-toi: именно оно организовало комитеты, поставившіе своею цѣлью переизбраніе 221 депутата, вотировавшихъ за отвѣтный адресъ. Выборы въ палату депутатовъ происходили въ серединѣ іюля. На нихъ оппозиція одержала блестящую побѣду, такъ какъ число либеральныхъ депутатовъ достигло до 272, и громадное большинство изъ 221 (именно 202) было переизбрано; правительство же пріобрѣло только 145 голосовъ. Передъ Карломъ X теперь была двоякая дорога: ему оставалось только или дать отставку Полиньяку и назначить новое министерство, которое управляло бы въ согласіи съ либеральнымъ большинствомъ новой палаты, или предпринять расширеніе королевской прерогативы въ томъ смыслѣ, въ какомъ уже давно добивались этого ультра-роялисты, говорившіе королю, что онъ долженъ быть полнымъ хозяиномъ въ своемъ домѣ. Гордость не позволила Карлу X идти по первому изъ этихъ двухъ путей; второй путь ближе подходилъ къ тому взгляду, какой у Карла X составился относительно конституціонной хартіи, тѣмъ болѣе, что уже давнымъ-давно шла рѣчь о возможности, будто бы даваемой самой хартіей, выступить болѣе рѣшительно съ королевской прерогативой. Дѣло въ томъ, что ст. 14 хартіи 1814 года предоставляла королю, между прочимъ, право „издавать регламенты и ордоннансы, необходимые для исполненія законовъ и безопасности государства“. Карлъ X и его министры задумали воспользоваться широкимъ толкованіемъ этой статьи для того, чтобы выйти изъ непріятнаго положенія. 25-го іюля Карлъ X, жившій тогда въ Сенъ-Клу, въ засѣданіи совѣта министровъ подписалъ знаменитые ордоннансы, опубликованіе которыхъ было ближайшимъ поводомъ взрыва революціи. Первый ордоннансъ уничтожалъ свободу періодической прессы и возстановлялъ цензуру: газеты и журналы могли впредь издаваться въ Парижѣ и департаментахъ только по особому королевскому разрѣшенію, даваемому отдѣльно авторамъ и типографщику, причемъ это разрѣшеніе должно было быть возобновляемо каждые три мѣсяца и во всякое время могло быть взято назадъ. (Въ департаментахъ временныя разрѣшенія могли даваться префектами). Вторымъ ордоннансомъ распускалась только-что избранная палата депутатовъ. Эта мѣра мотивиро-

валась „происками, имѣвшими мѣсто въ разныхъ частяхъ королевства съ цѣлью обмана и введенія въ заблужденіе избирателей“. Третій ордоннансъ совершенно измѣнялъ всю прежнюю избирательную систему въ смыслѣ расширенія административныхъ воздѣйствій и ограниченія избирательныхъ правъ лишь однимъ классомъ богатыхъ землевладѣльцевъ. Четвертый ордоннансъ предписывалъ совершеніе выборовъ на 6-ое и 18-ое сентября и созывалъ палаты на 28-е число того же мѣсяца. Кромѣ этихъ четырехъ ордоннансовъ, изданы были еще два, назначавшіе членами государственнаго совѣта лицъ, извѣстныхъ крайне реакціоннымъ направленіемъ. Издавая эти ордоннансы, правительство не приняло никакихъ мѣръ противъ возможности возстанія, полагаясь на увѣренія министра полиціи, что Парижъ останется совершенно спокойнымъ. Любопытно, что и для либеральной буржуазіи происшедшее въ Парижѣ возстаніе народа было, въ сущности, неожиданностью, такъ какъ народъ, который по конституціи 1814 года вслѣдствіе высокаго избирательнаго ценза не пользовался никакими политическими правами, не имѣлъ непосредственнаго интереса защищать хартію. Сами либералы или вовсе не расчитывали на содѣйствіе народной массы, или даже прямо говорили, что въ случаѣ ихъ пораженія народъ не воспрепятствуетъ ихъ казни.

Іюльскіе ордоннансы были опубликованы 26 числа, но на первыхъ порахъ лишь немногіе узнали объ ихъ существованіи и поняли ихъ значеніе. Въ этотъ день только депутаты и журналисты собирались для того, чтобы обсудить положеніе дѣлъ и свой будущій образъ дѣйствій, да кое-гдѣ на улицахъ кричали: „да здравствуетъ хартія! долой министровъ!“ 27 іюля въ двухъ газетахъ появился протестъ журналистовъ, и на улицахъ и площадяхъ стали составляться толпы народа, и начали происходить стычки съ полиціей и войсками; въ этотъ же день было разграблено нѣсколько оружейныхъ лавокъ и стали строиться баррикады. Къ вечеру волненіе, повидимому, стало успокаиваться, но за ночь на главныхъ улицахъ Парижа уже выстроены были громадныя баррикады. Утромъ 28 іюля колокольный звонъ на всѣхъ парижскихъ церквахъ сталъ призывать народъ къ возстанію. Скоро громадная толпа овладѣла ратушей и водрузила на

ней трехцвѣтное знамя, бывшее знаменемъ первой революціи и имперіи Наполеона. При этомъ все чаще и чаще раздавались крики: „долой Бурбоновъ!“ Тогда же изъ либеральныхъ депутатовъ стало образовываться временное правительство. Маршалъ Мармонъ, у котораго было слишкомъ мало войска для того, чтобы справиться съ движеніемъ, послалъ въ Сенъ-Клу сказать королю о необходимости уступокъ, но прежде чѣмъ могъ прійти оттуда какой-либо отвѣтъ, побѣда уже склонилась на сторону революціи. Солдаты не особенно были расположены сражаться съ народомъ, и отдѣльные отряды начали прямо переходить на сторону инсургентовъ. За ночь на 29 іюля были выстроены новыя баррикады, а днемъ народъ овладѣлъ Тюльерійскимъ и Луврскимъ дворцами, заставивъ маршала Мармона отступить съ остатками своего войска. Теперь окончательно организовалось временное правительство, и собралась національная гвардія, во главѣ которой сталъ Лафайетъ. Лишь послѣ этого Карлъ X взялъ назадъ свои ордоннансы, назначилъ трехъ новыхъ министровъ, разрѣшилъ снова собрать національную гвардію и объявилъ созывъ палаты на 3 августа. Эти уступки пришли слишкомъ поздно: 30 іюля уже поставлена была кандидатура герцога Орлеанскаго, которому депутаты, находившіеся въ Парижѣ, предложили стать во главѣ движенія съ титуломъ намѣстника королевства. 31 іюля герцогъ принялъ этотъ титулъ, но это было лишь прелюдіей къ возведенію его на престолъ. Карлъ X поспѣшилъ, однако, утвердить герцога въ новомъ санѣ въ надеждѣ на то, что Людовикъ-Филиппъ будетъ дѣйствовать въ его интересахъ. Въ это время его положеніе въ Сенъ-Клу сдѣлалось не безопаснымъ, и онъ переѣхалъ въ Рамбулье, гдѣ, желая, по крайней мѣрѣ, спасти корону для своей династіи, онъ въ формѣ письма на имя намѣстника королевства подписалъ отреченіе отъ престола за себя и за дофина въ пользу своего внука, герцога Бордоскаго. Послѣдній былъ тогда еще ребенкомъ, и во время его малолѣтства управлять государствомъ въ качествѣ намѣстника королевства долженъ былъ герцогъ Орлеанскій. И эта мѣра оказалась запоздалою. Въ началѣ августа Карлу X съ семействомъ пришлось покинуть территорію Франціи для того, чтобы искать убѣжища

въ Англіи, гдѣ, какъ извѣстно, онъ и прожилъ до 1832 года, переселившись затѣмъ въ Австрію [1]).

Таковъ былъ общій ходъ революціи 1830 г., получившій въ исторіи названіе „іюльской", но нѣкоторые ея моменты заслуживаютъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Сначала оппозиціонные депутаты, собравшіеся уже въ Парижъ, совершенно растерялись и не знали, что предпринять. На одномъ изъ частныхъ ихъ собраній (28 іюля) депутатъ Могенъ первый заявилъ, что представителямъ народа приходится стать во главѣ революціи, выбирая между королевскою гвардіей и народомъ, который уже началъ тогда возстаніе. Но многіе присутствовавшіе съ этимъ не соглашались и говорили о необходимости вступить въ переговоры съ маршаломъ Мармономъ. Правда, Гизо составилъ протестъ депутатовъ „противъ мѣръ, которыя совѣтники короны, искажая намѣренія монарха, только-что предприняли для низверженія законной системы выборовъ и на гибель свободы печати", но въ немъ все-таки говорилось о неизмѣнной вѣрности королю и конституціонной хартіи. Только къ вечеру нѣкоторые депутаты стали понимать, что возстаніе парижскаго народа должно будетъ имѣть болѣе рѣшительныя слѣдствія, и 29 іюля, когда побѣда была уже окончательно на сторонѣ народа, тридцать депутатовъ, собравшихся у Лафитта, рѣшились стать во главѣ движенія и учредили особый комитетъ для завѣдованія дѣлами управленія до возстановленія порядка. Въ составъ этого комитета вошли Лафиттъ, Казиміръ Перье и нѣкоторые другіе депутаты, но они не рѣшились назвать себя временнымъ правительствомъ, принявъ имя муниципальной коммиссіи. Гораздо рѣшительнѣе и опредѣленнѣе вели себя журналисты, уже 26 іюля постановившіе протестовать противъ нарушенія хартіи. Въ редакціи газеты „Насіональ", во главѣ которой стояли Тьеръ, Минье и Арманъ Каррель, собрались редакторы и сотрудники оппозиціонныхъ газетъ. Здѣсь по иниціативѣ Тьера былъ составленъ протестъ, который рѣшено было на другой же день опубликовать во всѣхъ либеральныхъ газетахъ. „Правительство, говорилось въ

[1]) Онъ умеръ въ 1836 году, а восемь лѣтъ спустя скончался и сынъ его, герцогъ Ангулемскій. Что касается до герцога Бордоскаго (Генриха V), то онъ умеръ въ Австріи же въ 1883 году.

этомъ протестѣ, нарушило законность. Мы освобождены отъ обязанности повиноваться; мы попробуемъ издавать наши газеты, не испрашивая разрѣшенія, къ чему насъ принуждаютъ, и мы употребимъ всѣ усилія, чтобы, по крайней мѣрѣ, сегодня наши листки могли распространиться по всей Франціи". Въ заключеніе къ этому протесту журналисты высказывали свой взглядъ и на положеніе вопроса о выборахъ. „Намъ нечего, говорили они, указывать незаконно распущенной палатѣ, какъ она должна исполнить свой гражданскій долгъ. Но мы можемъ умолять ее отъ имени всей Франціи опереться на свое очевидное право и, насколько ей это будетъ возможно, оказать сопротивленіе нарушенію законовъ. Избранные депутаты, которые созваны на 3 августа, избраны и созваны совершенно правильно и законно. Ихъ право сегодня такое же, какимъ было вчера. Франція ихъ умоляетъ этого не забывать. Все, что будетъ въ ихъ власти сдѣлать для того, чтобы доставить торжество этому праву, — они обязаны это сдѣлать". Протестъ оканчивался указаніемъ на то, что журналисты намѣрены сопротивляться незаконнымъ требованіямъ власти, поскольку послѣднія касаются ихъ самихъ, предоставляя уже всей Франціи судить о томъ, до какого предѣла ей нужно будетъ довести свое собственное сопротивленіе. Но одно дѣло было составить и полписать протестъ, другое дѣло — его напечатать. Хотя весьма многія редакціи присоединились къ протесту, однако, не всѣ имѣли возможность его опубликовать. На другой день, т. е. 27 іюля, полиція приступила къ закрытію типографій оппозиціонныхъ газетъ. Въ типографіи газеты „Насіональ", въ которой былъ напечатанъ протестъ, полиція выломала двери и испортила станки, при протестахъ главнаго редактора и его сотрудниковъ. При этой сценѣ присутствовала толпа, кричавшая: „да здравствуетъ хартія! долой министровъ!". Полиція явилась сдѣлать то же самое и въ типографіи газеты „Temps". Собственники газеты выставили весь персоналъ редакціи и типографіи въ два ряда передъ своимъ домомъ, а сами стали у входныхъ дверей. Конечно, на это зрѣлище сбѣжалось много народа. Когда появился полицейскій коммиссаръ съ цѣлымъ отрядомъ сержантовъ, одинъ изъ собственниковъ газеты, Бодъ, отказался его впустить. Дѣло кончилось тѣмъ, что коммиссаръ послалъ въ пре-

фектуру полиціи, откуда и былъ присланъ рабочій, занимавшійся заковываніемъ преступниковъ въ кандалы; онъ и сломалъ замокъ входной двери. Тѣмъ не менѣе обѣ газеты выходили и въ послѣдующіе дни, разъясняя публикѣ совершавшіяся событія. Вообще изъ всѣхъ журналистовъ самую видную и вліятельную роль въ эти дни игралъ Тьеръ.

На массу парижскаго населенія ордоннансы 25 іюля подѣйствовали еще рѣшительнѣе. 27 іюля содержатели типографій, полагая, что новое распоряженіе о печати значительно сократитъ ихъ работу, распустили своихъ рабочихъ; такъ же поступили нѣкоторые фабриканты; многіе лавочники тоже закрыли свои заведенія, и ихъ приказчики и служащіе оказались въ этотъ день свободными. Быть можетъ, что все это сдѣлано было не безъ умысла, дабы вызвать волненіе. На улицахъ и площадяхъ, дѣйствительно, стали собираться народныя толпы. Протестъ журналистовъ, который жадно читался всѣми, производилъ свое дѣйствіе. Назначеніе въ высшей степени непопулярнаго Мармона главнокомандующимъ только подливало масла въ огонь. Чѣмъ болѣе разросталось это движеніе, тѣмъ все болѣе и болѣе хозяева торговыхъ и промышленныхъ заведеній закрывали свои конторы, магазины, мастерскія, и весь служащій и рабочій людъ выходилъ на улицу. Появились и прокламаціи, обращенныя къ уничтоженной въ 1827 году національной гвардіи: ее убѣждали выступить на защиту законовъ противъ произвола. Мѣстами стали даже появляться мундиры національной гвардіи. Къ движенію присоединились многочисленная учащаяся молодежь Парижа и бывшіе наполеоновскіе солдаты; послѣдніе оказались потомъ особенно полезными возставшимъ, благодаря своимъ военнымъ знаніямъ. Возстаніе 27 іюля было чисто стихійнымъ народнымъ движеніемъ: оно никѣмъ не было подготовлено; у него не было еще вождей; инсургенты еще сами не знали, къ какому опредѣленному результату имъ нужно было стремиться. Старый боевой крикъ: „да здравствуетъ хартія!“ и теперь, повидимому, объединялъ движеніе. На другой день, т. е. 28 іюля, возстаніе въ Парижѣ было уже въ полномъ разгарѣ, тѣмъ болѣе, что со всѣхъ колоколенъ раздался набатный звонъ. Въ этотъ-то день и выступила и національная гвардія, во главѣ

которой впослѣдствіи сталъ Лафайетъ, и уже кое-гдѣ ломали королевскіе гербы и эмблемы, кричали: „долой Бурбоновъ!" и вывѣшивали трехцвѣтное знамя. Однако, даже 30 іюля газеты еще не рѣшались объяснить, что совершалось, и сдѣлать отсюда какіе-либо опредѣленные выводы. Депутаты, еще разъ собравшіеся у Лафитта, все еще думали уладить дѣло новыми переговорами съ королемъ; но журналисты Тьеръ и Минье рѣшительно заявили, что послѣ всего совершившагося рѣчь можетъ идти только о перемѣнѣ династіи,—мнѣніе, къ которому присоединился и Лафиттъ. На слѣдующій день Тьеръ и Минье выпустили цѣлую массу летучихъ листковъ, въ которыхъ высказывались въ смыслѣ перемѣны династіи въ пользу герцога Людовика-Филиппа Орлеанскаго. Уличная борьба окончилась 29 іюля. Въ три дня этой борьбы со стороны народа пало 780 человѣкъ, со стороны солдатъ — 163. Одною изъ замѣчательныхъ особенностей „іюльскихъ дней" было то, что народная толпа сама остановила всѣ попытки къ совершенію кражъ и грабежей.

Только подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ событій и депутаты, собравшіеся 30 іюля у Лафитта, стали говорить о низложеніи Карла X. Между тѣмъ они назначили формальное засѣданіе, а Тьеръ отправился лично въ Нейльи, помѣстье герцога Орлеанскаго, гдѣ тотъ въ это время проживалъ,—и началъ настаивать на томъ, чтобы герцогъ поскорѣе пріѣхалъ въ Парижъ и вмѣшался въ событія, совершавшіяся въ городѣ. Заявленіе кандидатуры герцога Орлеанскаго въ прокламаціи 30 іюля было встрѣчено многими весьма сочувственно, но у этого кандидата были противники: это были сравнительно немногочисленные республиканцы, которые тоже выпустили и развѣсили на стѣнахъ Парижа прокламацію, требовавшую предоставить рѣшеніе судьбы Франціи самому народу и вмѣстѣ съ тѣмъ заявлявшую о необходимости до рѣшенія дѣла соблюдать слѣдующіе принципы: королевская власть отмѣняется; право прямого или косвеннаго участія въ выборѣ депутатовъ предоставляется всѣмъ гражданамъ; повсемѣстно должна быть возстановлена національная гвардія и т. д. Либеральные депутаты менѣе всего думали о демократической республикѣ и потому не особенно благопріятно отнеслись

къ этой прокламаціи, но она нашла за то очень много сторонниковъ въ парижскомъ населеніи, наканунѣ совсѣмъ еще и не думавшемъ о республикѣ. Поэтому для либераловъ при ихъ желаніи сохранить монархію для Франціи наиболѣе подходящимъ кандидатомъ на престолъ былъ герцогъ Орлеанскій. Депутаты, собравшіеся 30 іюля уже въ самомъ зданіи палаты, послали къ нему депутацію съ приглашеніемъ поскорѣе прибыть въ Парижъ для исполненія обязанностей намѣстника королевства. Пѣшкомъ и въ партикулярномъ платьѣ Людовикъ-Филиппъ въ ночь съ 30 на 31 іюля прибылъ изъ своей загородной резиденціи въ Пале-Рояль, но, повидимому, въ этотъ моментъ у него не было еще твердаго рѣшенія, какъ поступить. Лишь послѣ того, какъ уполномоченные депутатовъ сказали ему, что всякое промедленіе съ его стороны будетъ лишь на руку республиканцамъ, онъ принялъ сдѣланное ему предложеніе. Онъ самъ вслѣдъ за этимъ продиктовалъ декларацію на имя парижскаго населенія, въ которой говорилось о принятіи имъ званія намѣстника королевства отъ депутатовъ, находящихся въ Парижѣ, для предотвращенія междоусобной войны и анархіи и давалось обѣщаніе въ томъ, что палаты займутся обсужденіемъ вопроса о способахъ обезпечить господство законовъ и права націи, послѣ чего „хартія будетъ истиной". Въ народѣ эта прокламація была встрѣчена довольно равнодушно. Въ дальнѣйшемъ герцогу Орлеанскому была, однако, оказана весьма существенная услуга со стороны Лафайета, который попрежнему пользовался громадной популярностью и авторитетомъ среди парижскаго населенія. Его сочувствіе было на сторонѣ республики, но онъ не рѣшился идти противъ большинства депутатовъ, и заявилъ, что „герцогъ Орлеанскій есть лучшая изъ республикъ". Когда герцогъ рѣшился въ сопровожденіи почти цѣлой сотни депутатовъ пріѣхать изъ Пале-Рояля въ ратушу, чтобы принять тамъ власть отъ членовъ муниципальной коммиссіи, Лафайетъ съ трехцвѣтнымъ знаменемъ подъ руку съ герцогомъ Орлеанскимъ вышелъ на балконъ передъ собравшимся народомъ. Это вызвало цѣлую бурю восторга, и на обратномъ пути въ Пале-Рояль герцога даже привѣтствовали съ особою горячностью. Республиканцы не захотѣли сейчасъ же уступить. Такъ называемое „Общество друзей народа" продолжало требовать,

чтобы созвано было національное собраніе для измѣненія хартіи въ смыслѣ идеи народовластія и чтобы этой хартіи новый монархъ присягнулъ до своего вступленія на престолъ. Въ такомъ смыслѣ была составлена въ ратушѣ программа, о которой Лафайетъ высказался весьма сочувственно, но практическаго значенія она не получила. Все дѣло ограничилось только тѣмъ, что Лафайетъ съѣздилъ къ герцогу Орлеанскому и заявилъ ему, что „Франціи нуженъ тронъ, окруженный республиканскими учрежденіями". Онъ вполнѣ удовлетворился отвѣтомъ герцога, сказавшаго, что онъ вполнѣ предоставляетъ палатамъ опредѣлить условія его будущей королевской власти. Лафайетъ и другихъ увѣрялъ, что герцогъ будетъ настоящимъ конституціоннымъ монархомъ и что республиканское королевство для Франціи лучшая форма правленія.

3 августа герцогъ Орлеанскій открылъ засѣданіе палаты рѣчью, въ которой указалъ на совершенныя правительствомъ нарушенія конституціи, приведшія къ возстанію, и объявилъ объ отреченіи отъ престола Карла X и его старшаго сына, ни словомъ, ни строчемъ, не упомянувъ, что это отреченіе сдѣлано было въ пользу малолѣтняго Генриха V. Съ своей стороны онъ обѣщалъ употребить всѣ усилія для обезпеченія законности и свободы, равно какъ неприкосновенности хартіи. Громадное большинство депутатовъ старалось замять вопросъ о правѣ палаты безъ особаго полномочія народа измѣнять конституцію, и особая коммиссія передѣлала хартію 1814 года, изложивъ всѣ измѣненія въ особой декларації, которая и была принята большинствомъ 219 голосовъ противъ 33. Это объявленіе было отнесено собраніемъ герцогу Орлеанскому 7 августа. Выслушавъ чтеніе всего этого документа, Людовикъ-Филиппъ сказалъ, что видитъ въ немъ выраженіе народной воли, что ему самому всегда были дороги изложенные здѣсь принципы и что онъ согласенъ на предложенныя ему условія. И на этотъ разъ онъ вмѣстѣ съ Лафайетомъ вышелъ на балконъ, и оба они предъ собравшимся народомъ пожали другъ другу руку. Въ тотъ же день къ Людовику-Филиппу явилась депутація пэровъ, чтобы сообщить о присоединеніи и верхней палаты къ объявленію палаты депутатовъ и принести „королю гражданину" увѣреніе въ своей преданности. 9 августа Людовикъ-Фи-

липпъ принесъ торжественную присягу конституціи, составленной на основаніи объявленія 7 августа, и вступилъ на престолъ подъ именемъ Людовика-Филиппа, короля французовъ.

Конституція, которая управляла Франціей съ 1830 по 1848 г., была въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ видоизмѣненіемъ хартіи 1814 года. Въ предпосланной ей декларації говорилось, что герцогъ Орлеанскій призывается на французскій тронъ, т. е. что онъ будетъ царствовать не въ силу какого-либо своего наслѣдственнаго права, а по приглашенію французскаго народа. Такимъ образомъ въ 1830 г. во Франціи снова принципъ народнаго верховенства приходилъ на смѣну принципу божественнаго права династіи, хотя, нужно замѣтить, принципъ народнаго верховенства и не былъ достаточно ясно выраженъ ни въ этой декларації, ни въ измѣненной конституціонной хартіи. Собственно говоря, депутаты ссылались болѣе на обстоятельства, чѣмъ на какую-либо теорію. Они говорили именно „о повелительной необходимости", созданной іюльскими событіями, объ „общемъ положеніи, въ какомъ очутилась Франція вслѣдствіе нарушенія конституціонной хартіи", объ „общемъ и настоятельномъ интересѣ французскаго народа". Дальнѣйшія измѣненія хартіи были такого рода Католическая церковь переставала считаться государственной религіей и превращалась въ религію, исповѣдуемую большинствомъ французовъ, какъ это было сказано и въ наполеоновскомъ конкордатѣ. Религіозная церемонія коронаціи уничтожалась и замѣнялась королевскою присягой конституціи въ присутствіи обѣихъ палатъ. Возстановленіе цензуры запрещалось самымъ положительнымъ образомъ, и давалось обѣщаніе, что преступленія по дѣламъ печати, равно какъ преступленія политическія, будутъ подлежать только суду присяжныхъ. Знаменитая 14 статья хартіи 1814 года, на основаніи которой Карлъ X считалъ себя въ правѣ издать свои іюльскіе ордоннансы, была измѣнена въ такомъ смыслѣ, чтобы подобныя нарушенія конституціи сдѣлались невозможными. Вмѣсто „права издавать регламенты и ордоннансы для исполненія законовъ и безопасности государства", какъ было сказано въ конституціи 1814 года, король получалъ теперь право издавать „регламенты и ордоннансы, необходимые для исполненія законовъ, но безъ права когда-

либо останавливать дѣйствіе самихъ законовъ и разрѣшать ихъ неисполненіе". Хартія понижала, далѣе, возрастъ депутатовъ съ 40 до 30 лѣтъ, а возрастъ избирателей — съ 30 до 25 лѣтъ. Вмѣстѣ съ этимъ она обѣщала реорганизацію національной гвардіи съ правомъ подчиненныхъ участвовать въ выборѣ офицеровъ, реформу департаментскихъ и муниципальныхъ учрежденій на выборномъ началѣ, свободу образованія и т. п. Въ палатѣ депутатовъ хартія была принята 219 голосами противъ 33. Три члена протестовали во имя божественнаго права; одинъ членъ требовалъ, чтобы формально былъ провозглашенъ принципъ народовластія; другой доказывалъ необходимость подвергнуть новый конституціонный актъ всенародному принятію; третій предлагалъ созвать избирательныя коллегіи для выбора особыхъ депутатовъ, которые уже и выбрали бы короля. Палата пэровъ, въ которой собралось очень мало членовъ, тоже приняла эту хартію. Существенными къ ней дополненіями были законы о пониженіи ценза для избирателей съ 300 до 200 франковъ, а для избираемыхъ — съ 1000 до 500 и о составѣ палаты пэровъ. Благодаря первому закону, число избирателей болѣе, чѣмъ удвоилось: прежде ихъ было около 90 т., теперь стало около 200 т. Что касается до палаты пэровъ, то въ концѣ 1831 г. былъ изданъ законъ, ограничивавшій право короля назначать новыхъ пэровъ извѣстными категоріями лицъ, изъ которыхъ онъ только и могъ выбирать пэровъ, но при этомъ каждый разъ нужно было указывать на заслуги даннаго лица и на основанія его назначенія, причемъ само званіе пэра могло быть только пожизненнымъ.

IV. Іюльская монархія [1]).

Буржуазный характеръ іюльской монархіи. — Личныя свойства Людовика-Филиппа.—Политическія партіи первыхъ лѣтъ іюльской монархіи.—Возстанія и покушенія тридцатыхъ годовъ.—Недовольство внѣшней политикой іюльской монархіи. — Буржуазный либерализмъ эпохи. — Политическій радикализмъ и соціальныя идеи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. — Министерство Гизо. — Вопросъ о парламентской реформѣ.—Дѣятельность парламентской оппозиціи.— Начало реформистскихъ банкетовъ. - Открытіе сессіи 1848 г.—Настроеніе и поведеніе оппозиціонныхъ группъ въ началѣ 1848 г. — Февральскій переворотъ. — Образованіе временнаго правительства.

Іюльская революція, совершенная въ концѣ концовъ населеніемъ Парижа, утвердила во Франціи на долгое время господство буржуазіи. Паденіе легитимной династіи наносило смертельный ударъ роялистической партіи, пониженіе ценза расширяло кругъ лицъ средняго сословія, пользовавшійся политическими правами. Іюльская монархія была поэтому настоящимъ царствомъ буржуазіи, и самъ новый король французовъ былъ настоящимъ ея воплощеніемъ.

Людовикъ-Филиппъ родился въ 1773 г., и, слѣдовательно, ему шолъ только 16 годъ, когда вспыхнула великая французская революція. Извѣстно, какую печальную роль въ событіяхъ этой эпохи игралъ его отецъ, мечтавшій самъ сѣсть на французскій престолъ, а потомъ отрекшійся отъ своего фамильнаго имени и отъ герцогскаго титула, чтобы назваться гражданиномъ Эгалите, подававшій затѣмъ голосъ за казнь Людовика XVI и самъ сложившій голову на гильотинѣ. Молодой принцъ по примѣру своего отца примкнулъ къ новому порядку вещей, созданному революціей, вступилъ въ національную гвардію, а въ 1790 году вошелъ въ число членовъ якобинскаго клуба. Въ слѣдующемъ 1791 году онъ началъ дѣятельную военную

---

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ V, главы V, VI, VII, XIII, XIV и XIX.

службу, въ которой, благодаря своему происхожденію, сразу сталъ занимать весьма важныя должности. Въ 1792 году онъ участвовалъ въ канонадѣ при Вальми и въ битвѣ при Жемаппѣ, имѣвшихъ такое важное значеніе въ исторіи начинавшихся революціонныхъ войнъ. Когда во Франціи пала монархія, молодой принцъ послѣдовалъ примѣру своего отца и также началъ называться гражданиномъ Эгалите, но послѣ несчастной битвы при Неервиденѣ, гдѣ онъ командовалъ центромъ, онъ вынужденъ былъ вмѣстѣ съ Дюмурье спасаться отъ ярости конвента бѣгствомъ за границу. Въ изгнаніи онъ, однако, не примкнулъ къ эмигрантамъ и не помышлялъ о томъ, чтобы вмѣстѣ съ ними вернуться на родину при помощи иностранныхъ войскъ. Одно время онъ снискивалъ себѣ пропитаніе въ качествѣ учителя математики и географіи въ одной швейцарской школѣ, потомъ путешествовалъ по Даніи, Германіи, Швеціи и Норвегіи, нерѣдко крайне нуждаясь въ матеріальныхъ средствахъ. Его матери и обоимъ братьямъ, герцогу Монпансье и графу Божоле, директорія разрѣшила возвратиться во Францію, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы самъ онъ, принявшій по смерти своего отца титулъ герцога Орлеанскаго, оставилъ Европу, и Людовикъ-Филиппъ вынужденъ былъ тогда уѣхать въ Америку, гдѣ оставался до 1800 г., когда переселился въ Англію. Въ 1807 г. онъ переѣхалъ на жительство въ Палермо и черезъ два года женился на дочери короля Фердинанда I. Въ эту пору своей жизни онъ дважды дѣлалъ попытку противодѣйствія въ Испаніи владычеству Іосифа Бонапарта, но оба раза не имѣлъ удачи. Во Францію онъ возвратился въ 1814 г. послѣ паденія Наполеона, и при этомъ получилъ обратно громадныя имущества своей фамиліи, конфискованныя во время революціи, но съ самаго же начала Людовикъ XVIII сталъ относиться къ нему съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Это недовѣріе усилилось послѣ того, какъ герцогъ Орлеанскій послѣ „ста дней“ сдѣлался въ глазахъ французскихъ либераловъ однимъ изъ кандидатовъ на престолъ. Вообще его положеніе при реставраціи, какъ сына „цареубійцы“ Филиппа Эгалите и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ ближайшаго родственника королевскаго дома, было довольно щекотливымъ. Людовикъ-Филиппъ много зналъ, вращался среди наиболѣе

замѣчательныхъ людей своего времени, знакомъ былъ съ жизнью чужихъ странъ, испыталъ нужду и необходимость тяжелымъ личнымъ трудомъ зарабатывать средства къ существованію, и вообще испыталъ превратности судьбы. Ему нельзя было отказать въ умѣніи понимать людей и вещи и пользоваться обстоятельствами, равно какъ въ добродѣтеляхъ семьянина и частнаго человѣка. При своемъ живомъ умѣ и общительномъ характерѣ онъ долженъ былъ сильно тяготиться вынужденнымъ бездѣйствіемъ. Въ 1830 г. Людовикъ-Филиппъ, однако, не сразу далъ согласіе занять то мѣсто, на которое его призывали.

Въ самый же день своего избранія на престолъ новый король совершилъ одинъ поступокъ, который произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе на націю. По старому обычаю французскіе короли, вступая на престолъ, обыкновенно присоединяли свою личную собственность къ государственнымъ имуществамъ въ знакъ полнаго бракосочетанія особы короля съ государствомъ. Людовикъ-Филиппъ отступилъ отъ этого обычая. Будучи человѣкомъ весьма предусмотрительнымъ, онъ хотѣлъ обезпечить свое многочисленное семейство и потому раздѣлилъ свое личное имѣніе между сыновьями. Это очень не понравилось французамъ, среди которыхъ вскорѣ утвердилось мнѣніе о крайней любостяжательности новаго короля. Вскорѣ представился и другой случай обвинить Людовика-Филиппа въ томъ же недостаткѣ. Въ числѣ принцевъ, вернувшихся во Францію съ Бурбонами, былъ престарѣлый принцъ Конде, отецъ несчастнаго герцога Ангіенскаго. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ находился вполнѣ въ рукахъ своей любовницы, англичанки Фешеръ, которая была хорошо принята въ Пале Роялѣ. Подъ ея вліяніемъ старый принцъ завѣщалъ все свое громадное состояніе крестнику своему, герцогу Омальскому, четвертому сыну Людовика-Филиппа, назначивъ при этомъ на долю г-жи Фешеръ около 15.000.000 франковъ. Іюльская революція произвела ужасное впечатлѣніе на его разслабленный разсудокъ, и онъ въ концѣ августа кончилъ жизнь самоубійствомъ. Въ обществѣ стали говорить, будто онъ хотѣлъ покинуть Францію и передѣлать свое духовное завѣщаніе въ пользу герцога Бордоскаго и въ предупрежденіе этого былъ задушенъ своею

любовницею. Въ довершеніе скандала семья де-Рогановъ, имѣвшая права на наслѣдство, начала искъ о возвращеніи ей достоянія принца Конде. Въ общественныхъ толкахъ по этому поводу нерѣдко произносилось имя новаго короля съ весьма обидными намеками, и многіе находили, что Людовику-Филиппу при такихъ обстоятельствахъ слѣдовало бы отказаться отъ наслѣдства, оставленнаго его сыну. Людовикъ-Филиппъ этого, однако, не сдѣлалъ, и тогда еще больше заговорили о жадности и корыстолюбіи новаго короля.

Вообще Людовикъ-Филиппъ, котораго приверженцы старой династіи называли „королемъ баррикадъ", не долго пользовался въ народѣ популярностью, созданною ему іюльскими днями 1830 г. Главная ошибка новаго короля заключалась въ томъ, что онъ не понялъ своего жизненнаго принципа. Его тронъ имѣлъ революціонное происхожденіе, и онъ сдѣлался королемъ „не потому, что былъ Бурбонъ, а несмотря на то, что былъ Бурбонъ". Другими словами, настоящею основою его власти былъ принципъ народнаго верховенства, а между тѣмъ Людовикъ-Филиппъ поддерживалъ себя quasi-легитимизмомъ. Это была его личная ошибка, но, кромѣ того, несчастіемъ для Людовика-Филиппа было то, что ему и трудно было править, сообразуясь съ голосомъ страны, такъ какъ страна была раздѣлена на партіи, угодить которымъ всѣмъ за-разъ было прямо немыслимо, но изъ которыхъ ни одна не могла считаться вполнѣ господствующей и представлять собою прочную опору для власти. „Король гражданинъ" обращался поочередно къ разнымъ партіямъ, но каждую изъ нихъ онъ призывалъ къ власти лишь для того, чтобы ее ослабить, а затѣмъ и удалить отъ себя, являясь во всѣхъ правительственныхъ комбинаціяхъ дѣйствительно своего рода „неподвижною мыслью" — одна изъ кличекъ, дававшихся ему впослѣдствіи недовольными людьми. Хотя Людовикъ-Филиппъ легко бы могъ, слѣдуя извѣстной формулѣ, „парствовать, не управляя", но на самомъ дѣлѣ онъ хотѣлъ и управлять, прячась за спины своихъ министровъ. Ища популярности въ парижскомъ населеніи, онъ часто появлялся на улицахъ пѣшкомъ, въ партикулярномъ платьѣ и съ зонтикомъ въ рукахъ, какъ самый обыкновенный буржуа, любезно раскланивался съ прохожими, пожималъ руки встрѣчнымъ національнымъ

гвардейцамъ и даже принималъ отъ рабочихъ угощеніе вродѣ стакана вина. Въ этомъ стремленіи къ простотѣ и общенію съ своими подданными онъ, что называется, даже пересаливалъ и весьма скоро сдѣлался предметомъ насмѣшекъ—прежде всего въ аристократическихъ салонахъ и въ газетахъ, оставшихся вѣрными старой монархіи.

На первыхъ порахъ Людовикъ-Филиппъ окружилъ себя людьми, которымъ былъ обязанъ своимъ возведеніемъ на престолъ, но ему они были, въ сущности, непріятны, тѣмъ болѣе, что на нихъ, особенно на Лафайета, стоявшаго во главѣ національной гвардіи, косо смотрѣли иностранные дворы, опасавшіеся возобновленія воинственныхъ предпріятій первой революціи, между тѣмъ какъ самъ Людовикъ-Филиппъ старался расположить монархическія правительства Европы въ свою пользу. Въ самомъ началѣ новый король былъ вынужденъ возбудить процессъ противъ министровъ Карла X, заключенныхъ въ Венсенскій замокъ, но онъ вовсе не хотѣлъ, чтобы ихъ приговорили къ смертной казни, какъ того требовало населеніе Парижа. Въ столицѣ по случаю этого процесса происходили довольно значительные безпорядки, и когда пэры присудили министровъ лишь къ пожизненному заключенію, дѣло чуть не дошло до новаго возстанія. За все это время Лафайетъ защищалъ политику короля, и только благодаря его вмѣшательству съ національной гвардіей, дѣло не дошло до новаго междоусобія. Вскорѣ, однако, Людовикъ-Филиппъ съумѣлъ отъ него отдѣлаться, и Лафайетъ подалъ въ отставку. Его примѣру послѣдовали и нѣкоторые солидарные съ нимъ министры, когда-то бывшіе вождями антидинастической оппозиціи, въ ихъ числѣ Лафиттъ.

Уже въ началѣ 1831 г. Лафайетъ и Лафиттъ стояли въ рядахъ оппозиціи, которая стала теперь называться „партіей движенія“. Эта партія стремилась къ тому, чтобы іюльская революція обнаружила всѣ свои послѣдствія путемъ поддержки демократическаго движенія въ самой Франціи и оказанія помощи другимъ народамъ въ ихъ борьбѣ за свободу. Въ самомъ началѣ своего царствованія Людовикъ-Филиппъ вынужденъ былъ призвать къ власти представителей этой партіи, но въ то же время онъ при-

звалъ къ власти и представителей прежней легальной оппозиціи (Гизо, Броля, Дюпэна), которые стали теперь во главѣ „партіи сопротивленія", считавшей революцію законченною и потому поддерживавшей консервативную буржуазію внутри страны, а во внѣшней политикѣ искавшей сближенія съ монархическими державами. Образованіе министерства Лафитта осенью 1830 г. знаменовало собою усиленіе „партіи движенія"; но скоро Людовикъ-Филиппъ постарался придать своему царствованію консервативный характеръ. Дѣло въ томъ, что въ это время революція, которая вспыхнула сначала въ Бельгіи, а затѣмъ въ Польшѣ, стала распространяться и на Италію [1]). Во Франціи общественное мнѣніе было на сторонѣ возставшихъ и требовало, чтобы правительство оказало поддержку революціи за границей. Людовику-Филиппу было очень непріятно, что Лафиттъ благопріятствовалъ общественному движенію въ этомъ смыслѣ, такъ какъ самъ вовсе не желалъ начинать войну, къ которой непремѣнно привело бы вмѣшательство въ иностранныя дѣла. Вообще недовѣряя Лафитту, Людовикъ-Филиппъ скрылъ отъ него одну депешу, полученную изъ Вѣны, и министру болѣе не оставалось ничего дѣлать, какъ выйти въ отставку. „Партія движенія" должна была теперь уступить свое мѣсто „партіи сопротивленія" въ лицѣ Казимира Перье, которому послѣ выхода Лафитта въ отставку Людовикъ-Филиппъ и поручилъ составить новое министерство.

Казиміръ Перье (банкиръ, какъ и Лафиттъ) въ послѣдніе годы реставраціи принадлежалъ къ буржуазной оппозиціи противъ клерикально-феодальнаго направленія Карла X, но не обнаруживалъ ни малѣйшаго сочувствія къ революціи. Когда послѣдняя произошла, онъ призналъ совершившійся фактъ, но не для того, чтобы сдѣлать изъ него какія-либо дальнѣйшіе выводы, а именно, чтобы стать на стражѣ существующаго порядка вещей и остановить дальнѣйшее развитіе революціи. Его программа заключалась въ томъ, чтобы создать прочное и твердое правительство, обезпечить преобладаніе за буржуазіей, положить конецъ демократическому движенію и сохранить миръ съ другими державами, отказавшись отъ поддержки

[1]) См. главу III пятаго тома «Исторіи Западной Европы».

революціонныхъ движеній за границей. По личному характеру это былъ человѣкъ властный и надменный, страстно и ревниво относившійся къ малѣйшимъ поползновеніямъ ему противорѣчить, приходившій въ раздраженіе, когда его воля не исполнялась безпрекословно. Будучи президентомъ министерства, онъ безусловно господствовалъ надъ своими товарищами и менѣе всего способенъ былъ допустить, чтобы король велъ сколько-нибудь самостоятельную политику. Людовикъ-Филиппъ долженъ былъ подчиниться своему министру и исполнять его желанія. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Казимира Перье было распущеніе палаты, собранной въ 1830 г. Новая палата, выбранная уже по повому избирательному закону, заключала въ себѣ громадное министерское большинство. Правительство объявило теперь войну революціи и внутри страны, и за границей. Всѣ политическіе союзы, существовавшіе въ это время во Франціи, нашли въ Казимирѣ Перье врага; но онъ старался дѣйствовать противъ нихъ легальными мѣрами. Революцію въ Польшѣ и въ Италіи онъ рѣшилъ предоставить ихъ собственной судьбѣ, положивъ конецъ той косвенной поддержкѣ, какую оказывало возставшимъ прежнее министерство [1]). Такая политика, тоже весьма сильно содѣйствовавшая потерѣ Людовикомъ-Филиппомъ его популярности, неизмѣнно и твердо держалась до 16 мая 1832 г., когда энергичный министръ былъ похищенъ свирѣпствовавшей въ то время холерой. При извѣстіи о смерти Казимира Перье у самого Людовика-Филиппа словно свалилась съ плечъ гора. Но результатами системы онъ не могъ быть недоволенъ. Внѣшній миръ былъ обезпеченъ, пошатнувшійся общественный кредитъ былъ возстановленъ, и не удалось только положить конецъ революціонному броженію, все еще продолжавшемуся въ странѣ.

Октябрьскіе и декабрьскіе безпорядки 1830 г. по случаю процесса бывшихъ министровъ Карла X были только первыми въ цѣломъ ряду другихъ волненій, которыми наполнены первые годы іюльской монархіи. 14 февраля 1831 г., въ годовщину смерти герцога Беррійскаго, легитимисты устроили на заупокойной службѣ нѣчто

[1]) О внѣшней политикѣ іюльской монархіи см. тамъ же, гл. VII

вродѣ политической демонстраціи, во время которой былъ выставленъ портретъ „законнаго короля", герцога Бордоскаго. Толпы народа въ весьма враждебномъ настроеніи собрались вокругъ церкви, и когда богослуженіе окончилось, церковь подверглась полному разгрому, а на другой день народныя толпы двинулись на дворецъ архіепископа, и онъ тоже подвергся настоящему разгрому. Подобныя же сцены происходили и около другихъ церквей, а потомъ стали повторяться и въ провинціи. Бурбонскія лиліи при этомъ вездѣ уничтожались, такъ что Людовикъ-Филиппъ поспѣшилъ устранить лиліи и изъ своего фамильнаго герба. Затѣмъ произошло большое волненіе по поводу медали, которою рѣшено было наградить людей, дравшихся на баррикадахъ въ іюльскіе дни 1830 г. На этой медали министерство захотѣло сдѣлать надпись: „дана королемъ"; но извѣстіе объ этомъ встрѣчено было крайне враждебно, и чуть было не началось возстаніе. Правительство отказалось дѣлать на медали предположенную подпись, и волненіе скоро успокоилось. Сильное неудовольствіе производила и внѣшняя политика Франціи. Въ палатѣ депутатовъ было очень много горячихъ сторонниковъ польской революціи. Въ адресъ королю, заключавшій въ себѣ отвѣтъ на тронную рѣчь, включено было пожеланіе, чтобы польская національность не погибла. Между тѣмъ польское возстаніе было подавлено, и 15 сентября 1831 г. въ Парижѣ узнали о паденіи Варшавы. Въ этотъ день въ городѣ были отмѣнены всѣ театральныя представленія, а на другой день начались серьезные безпорядки: грабили лавки, продававшія оружіе, и пробовали строить баррикады; только присутствіе войска на всѣхъ опасныхъ пунктахъ не дало этому движенію разгорѣться со всею силою. И впослѣдствіи оппозиціонныя партіи постоянно нападали на правительство за то, что оно не поддержало Польши. Фраза о томъ, что „польская національность не должна погибнуть", вставлялась затѣмъ въ адресы Людовику-Филиппу въ теченіе всего его царствованія. Во второй половинѣ того же года и въ провинціальныхъ городахъ — въ Страсбургѣ, въ Перпиньянѣ, въ Марсели, въ Ліонѣ — происходили народныя волненія, имѣвшія, впрочемъ, чисто мѣстныя причины, но извѣстіе о взятіи Варшавы тоже вызвало значительные безпорядки на югѣ

Франціи, въ Тулузѣ, Гренобле и Тулонѣ. Начало слѣдующаго 1832 г. было ознаменовано новыми волненіями въ Парижѣ. Ночью 1 января на церкви Парижской Богоматери раздался набатный звонъ, а изъ ея башенъ показался густой дымъ и огонь. Полиція бросилась внутрь башенъ; но тамъ ее встрѣтили пистолетными выстрѣлами. Оказалось, что на башни проникла цѣлая толпа молодыхъ людей изъ простонародья, которые набатнымъ звономъ и пожаромъ башенъ хотѣли подать сигналъ къ началу настоящаго возстанія. Другое возстаніе по плану заговорщиковъ, на этотъ разъ легитимистовъ, должно было вспыхнуть въ ночь съ 1 на 2 февраля. Предполагалось сдѣлать нападеніе на Тюльери, чтобы овладѣть Людовикомъ-Филиппомъ и его семьею и провозгласить королемъ Генриха V, т. е. герцога Бордоскаго. Такъ какъ полиція была предупреждена о всѣхъ подробностяхъ заговора, то своевременно были приняты мѣры, и заговорщики были арестованы въ моментъ, когда стали собираться въ назначенномъ мѣстѣ для немедленнаго начатія дѣйствій. Особенно же много хлопотъ правительству Людовика-Филиппа доставила попытка легитимистическаго возстанія, сдѣланная въ 1832 г. герцогиней Беррійской, матерью малолѣтняго „Генриха V“. Она убѣдила своего свекра Карла X назначить ее регентшею за малолѣтствомъ его внука и поставить во главѣ возстанія противъ Людовика-Филиппа, а затѣмъ заранѣе назначила временное правительство, вступила въ дѣятельныя сношенія съ вождями легитимистовъ въ разныхъ пунктахъ Франціи и даже отправила довѣренныхъ лицъ къ русскому, испанскому и голландскому дворамъ, чтобы заручиться ихъ содѣйствіемъ. Начать дѣйствіе рѣшено было въ Вандеѣ, населеніе которой, какъ и за сорокъ лѣтъ предъ тѣмъ, не мирилось съ новыми порядками, а вмѣстѣ съ тѣмъ возстаніе должно было вспыхнуть и въ Провансѣ. Въ концѣ апрѣля 1832 г. герцогиня съ главными своими приверженцами высадилась недалеко отъ Марсели. Предпріятіе, однако, не удалось, и сама герцогиня въ концѣ концовъ была арестована. Правительство не знало, что дѣлать съ этой плѣнницей. Впрочемъ, она сама вывела его изъ затрудненія, объявивши въ февралѣ 1833 г. о своей беременности отъ тайнаго брака съ однимъ сицилійскимъ графомъ. Это сильно ее скомпрометтировало въ глазахъ

легитимистовъ, и, когда въ началѣ мая она разрѣшилась отъ бремени дочерью, правительство, считая герцогиню уже совершенно безопасной на будущее время, отправило ее на одномъ изъ своихъ военныхъ кораблей въ Палермо.

Около этого-то времени и умеръ Казимиръ Перье. Едва только онъ скончался, какъ появилась книга „Отчетъ депутатовъ оппозиціи“, авторы которой, Корменэнъ и Одилонъ Барро, собрали подъ своимъ произведеніемъ около полутораста подписей разныхъ товарищей по палатѣ депутатовъ. Это былъ цѣлый обвинительный актъ противъ правительства. Іюльская революція должна была доставить торжество принципамъ 1789 г., а между тѣмъ, говорили депутаты, правительство смотритъ на себя, какъ на продолженіе реставраціи. Оно, указывали далѣе авторы „Отчета“, не исполнило данныхъ имъ же самимъ обѣщаній и только то и дѣлало, что мѣшало осуществленію мѣръ, предлагавшихся оппозиціонными депутатами. „Отчетъ“ произвелъ весьма сильное впечатлѣніе и въ Парижѣ, и въ департаментахъ, гдѣ общее политическое броженіе выразилось снова цѣлымъ рядомъ безпорядковъ, потребовавшихъ военнаго вмѣшательства. Въ самомъ Парижѣ въ началѣ іюня произошло возстаніе, которое вспыхнуло совершенно неожиданно и застало правительство врасплохъ. Дѣло было такъ. 1 іюня умеръ генералъ Ламаркъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей либеральной партіи, и она рѣшила устроить ему 5 іюня самыя пышныя похороны. Этимъ задумали воспользоваться всѣ враги іюльской монархіи, чтобы произвести на улицахъ Парижа новые безпорядки, за которыми послѣдовало бы крушеніе іюльскаго трона. Въ этомъ дѣлѣ участвовали посредствомъ подстрекательствъ и обѣщаній, а также посредствомъ денежныхъ раздачъ одинаково и легитимисты, и республиканцы, и сформировавшіеся въ отдѣльную партію бонапартисты. Энергичнѣе всѣхъ и съ наибольшими надеждами на успѣхъ дѣйствовали республиканцы. Къ нимъ присоединились многочисленные польскіе, итальянскіе и нѣмецкіе эмигранты, побѣжденные на родинѣ и расчитывавшіе, что новая французская республика вступится за свободу угнетенныхъ націй. Къ движенію примкнули также студенты, ремесленники и старые напо-

леоновскіе солдаты. Съ ранняго утра 5 іюня весь Парижъ высыпалъ на улицы. Члены тайныхъ революціонныхъ обществъ рѣшились выступить сплоченными отрядами и даже со знаменами, причемъ многіе вооружились кинжалами и пистолетами. Учащаяся молодежь задумала было везти на себѣ траурную колесницу въ Пантеонъ; но конный отрядъ загородилъ ей дорогу. Произошла стычка, и въ разныхъ мѣстахъ народъ сталъ нападать на караулы и казармы, грабить оружейные магазины, строить баррикады. Многіе ожидали, что дѣло окончится новой революціей, но войско осталось вѣрнымъ правительству, и республиканскіе депутаты и журналисты, собравшіеся въ редакціи газеты „Насіональ", должны были убѣдиться, что при такомъ условіи побѣда народа немыслима, хотя у нихъ уже и заходила рѣчь объ образованіи временнаго правительства, и между прочимъ называлось имя Лафайста, какъ вождя новой революціи. Возстаніе продолжалось цѣлую ночь, и только въ четыре часа дня 6 іюня наиболѣе значительныя баррикады были разрушены пушечными выстрѣлами. За подавленіемъ возстанія началось возмездіе. Уже 7 іюня оффиціальный органъ правительства (Moniteur) объявилъ закрытіе Политехнической и Ветеринарной школъ и распущеніе артиллеріи національной гвардіи за участіе въ возстаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Парижѣ было введено осадное положеніе, вслѣдствіе чего инсургенты подлежали военному суду. Это послѣднее распоряженіе прямо нарушало конституціонную хартію, которою запрещалось установленіе какихъ бы то ни было чрезвычайныхъ судовъ. Однако, на практикѣ правительство съ этой мѣрой потерпѣло неудачу. Парижскій королевскій судъ призналъ себя не компетентнымъ разсматривать дѣло о возстаніи 5—6 іюня. Наоборотъ, офицеры, изъ которыхъ образовали военный судъ, поспѣшили начать свою дѣятельность, приговоривъ къ смертной казни одного подсудимаго, несшаго революціонное знамя, нокассаціонный судъ не утвердилъ этого приговора, признавъ его совершенно незаконно постановленнымъ, и этимъ была подорвана компетентность военнаго суда во всемъ дѣлѣ. Правительство вынуждено было послѣ этого предать обвинявшихся въ возстаніи обыкновенному суду съ присяжными засѣдателями.

Но число такихъ подсудимыхъ оказалось весьма незначительнымъ, и изъ 22 лицъ, противъ которыхъ возбуждено было преслѣдованіе, 16 человѣкъ было оправдано, и только шестерыхъ наказали тюрьмою и ссылкою.

Въ 1832 г. палаты были закрыты еще за мѣсяцъ до смерти Казимира Перье. Передъ открытіемъ новой сессіи оказалось необходимымъ преобразовать министерство, что и было исполнено 11 октября (откуда оно и получило названіе „министерства 11 октября"). Во главѣ кабинета былъ поставленъ маршалъ Сультъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ герцогъ Броль, внутреннія дѣла и народное просвѣщеніе были поручены Тьеру и Гизо. Въ сущности, новый кабинетъ продолжалъ политику Казимира Перье, опираясь на орлеанистское большинство палаты депутатовъ. Но въ населеніи министерство не пользовалось популярностью. Оно скоро получило кличку juste milieu (золотая середина), — выраженіе, которое было однажды употреблено самимъ королемъ въ рѣчи, излагавшей политическую программу правительства. Когда Людовикъ-Филиппъ 19 ноября ѣхалъ на открытіе новой сессіи, противъ него сдѣлано было покушеніе. Впослѣдствіи выяснилось, что пистолетный выстрѣлъ, раздавшійся около Людовика-Филиппа, былъ произведенъ нѣкіимъ Бержерономъ, но такъ какъ противъ послѣдняго не было сильныхъ уликъ, то онъ былъ оправданъ присяжными, равно какъ и другой заподозрѣнный, по имени Бенуа. Около того же времени министерство предприняло процессъ противъ „Общества друзей народа", но и этотъ процессъ окончился для правительства неблагопріятно. Хотя судъ и постановилъ закрыть общество, но сами обвиняемые въ образованіи противозаконнаго общества были оправданы. Періодическая пресса, въ которой было много оппозиціонныхъ органовъ, пользовалась всякимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы критиковать дѣйствія правительства и возбуждать противъ него народное недовольство. Съ своей стороны, министерство начало преслѣдовать судебными процессами оппозиціонную печать. Въ 1834 г. мелкая книжная торговля, а, слѣдовательно, и уличная продажа газетъ и брошюръ была подчинена полицейскому усмотрѣнію. Около того же

времени прошли законы, запрещавшіе такъ называемые мятежные возгласы и храненіе у себя оружія; за употребленіе оружія при какихъ бы то ни было безпорядкахъ полагалась прямо смертная казнь. Наконецъ, правительство предложило палатамъ окончательно воспретить всякія политическія общества, и въ мартѣ 1834 года этотъ законъ былъ принятъ обѣими палатами. Демократическое „Общество правъ человѣка“ не пожелало подчиниться такому рѣшенію, и къ нему примкнули другія политическія ассоціаціи, изъ которыхъ наиболѣе виднымъ было „Общество для защиты свободы печати“, руководимое Лафайетомъ.

Внѣ Парижа наибольшее количество членовъ подобныхъ организацій было въ Ліонѣ. Послѣ чисто рабочаго возстанія 1831 г., бывшаго въ этомъ городѣ, мѣстные республиканцы устроили здѣсь особое „Общество мютюелистовъ“. Когда въ Ліонѣ сдѣлалось извѣстнымъ постановленіе палатъ, запрещавшее политическія общества, а вслѣдъ затѣмъ въ первыхъ числахъ апрѣля начался судъ надъ вожаками одной рабочей стачки, въ городѣ вспыхнуло возстаніе. Несмотря на то, что были приняты военныя мѣры, и что въ рядахъ войска господствовало страшное ожесточеніе противъ инсургентовъ, возстаніе удалось подавить только на четвертый и даже на пятый день (9—13 апр.). Ліонское возстаніе произошло вопреки желанію вожаковъ республиканской партіи въ Парижѣ: они не особенно полагались на свои силы или не считали себя еще достаточно приготовившимися. Когда, однако, въ столицу прибыло извѣстіе о ліонскихъ событіяхъ, „Общество правъ человѣка“ тоже пришло въ движеніе, но попытка возстанія въ Парижѣ сдѣлана была уже тогда, когда въ Ліонѣ успѣхъ перешелъ на сторону арміи, да и само правительство приняло свои мѣры, приготовивъ значительное количество войска. Первыя баррикады были построены, и начались стычки съ военными отрядами 13 апрѣля, но уже 14 числа эти баррикады были разрушены пушечными выстрѣлами, и въ тотъ же самый день начавшееся возстаніе было совершенно подавлено.

Эти событія только усиливали реакцію. Новая палата, выбранная въ іюнѣ того же года, уже заключала въ себѣ гораздо менѣе оппозиціонныхъ элементовъ, какъ легитимистскихъ, такъ и республи-

канскихъ. Правда, въ это время въ министерствѣ происходили довольно частыя перемѣны въ зависимости отъ партійныхъ и личныхъ интригъ, но отъ этого нисколько не мѣнялось общее направленіе политики. Весьма долгое время правительство было занято слѣдствіемъ надъ виновниками апрѣльскихъ возстаній 1834 г. Когда это слѣдствіе было закончено, всѣхъ обвиняемыхъ рѣшено было предать суду палаты пэровъ, такъ какъ она по конституціонной хартіи признавалась компетентною въ дѣлахъ государственной измѣны и въ покушеніяхъ на безопасность государства. Наиболѣе видные подсудимые пригласили въ свои защитники самыхъ знаменитыхъ адвокатовъ и журналистовъ, и когда сдѣлался извѣстнымъ длинный списокъ лицъ, которыя должны были выступить въ процессѣ въ качествѣ защитниковъ подсудимыхъ, правительство пришло въ смущеніе и объявило, что только одни профессіональные адвокаты будутъ допущены къ защитѣ. Это распоряженіе, въ сущности противорѣчившее и законамъ, и судебной практикѣ, и въ обществѣ, и въ печати было встрѣчено бурей негодованія. Процессъ начался 5 мая 1835 г., и только въ январѣ 1836 г. произнесенъ былъ приговоръ надъ послѣднею группою подсудимыхъ. Наказанія были наложены весьма строгія — до 20 лѣтъ тюремнаго заключенія. Впрочемъ, главные подсудимые успѣли бѣжать изъ тюрьмы. Во всякомъ случаѣ, однако, попытки республиканскихъ возстаній послѣ этого прекратились, если не считать еще одну неудачную попытку, сдѣланную въ 1839 г. Зато начались единичныя покушенія на жизнь короля, каковыхъ съ 1835 г. по 1846 г. было шесть. Самое опасное изъ нихъ было первое — въ 1835 г., и непосредственный результатъ его выразился въ еще большемъ усиленіи реакціи.

За нѣсколько дней до празднованія въ 1835 г. годовщины іюльской революціи уже ходили слухи, что въ этотъ день должно произойти нѣчто особенное. 28 іюля король производилъ смотръ регулярному войску и національной гвардіи, и пріемъ ему былъ оказанъ довольно холодный. Когда въ сопровожденіи своей свиты онъ проѣзжалъ по бульварамъ, въ одномъ мѣстѣ выступилъ впередъ какой-то національный гвардеецъ, чтобы подать прошеніе, но едва только Людовикъ-Филиппъ, пріостановивъ лошадь, нагнулся къ про-

сителю, какъ раздался ружейный залпъ и посыпались пули. Король и его сыновья остались цѣлы, но вокругъ нихъ остались убитыми два генерала, нѣсколько офицеровъ и національныхъ гвардейцевъ и даже кое-кто изъ любопытныхъ, стоявшихъ на тротуарѣ. Оказалось, что залпъ послѣдовалъ изъ окна одного сосѣдняго дома, гдѣ и найденъ былъ особый станокъ съ двумя дюжинами ружейныхъ стволовъ, связанныхъ вмѣстѣ. При выстрѣлѣ нѣкоторые изъ этихъ стволовъ были разорваны, при чемъ получилъ раны и виновникъ покушенія, корсиканецъ Фіески, преданный потомъ смертной казни. 4 августа наканунѣ дня, назначеннаго для торжественнаго погребенія жертвъ этого покушенія, правительство вошло въ палату съ тремя предложеніями, клонившимися къ тому, чтобы еще болѣе стѣснить оппозиціонныя партіи. Одинъ изъ этихъ законопроектовъ предлагалъ сократить формальности уголовнаго судопроизводства при политическихъ процессахъ, а другой — понизить число голосовъ, необходимыхъ для постановленія присяжныхъ, съ 8 на 7. Третій законопроектъ касался прессы и состоялъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ предложеній. Подъ угрозой сильныхъ наказаній запрещалось, между прочимъ, нападать на существующую форму правленія, требовалось введеніе цензуры для печатныхъ изображеній и театральныхъ представленій, запрещалось устраивать какія бы то ни было подписки для уплаты штрафовъ, къ которымъ присуждались редакторы газетъ, и т. п. Въ обществѣ и въ печати такіе планы были встрѣчены крайне враждебно, но палаты, наоборотъ, не только приняли эти предложенія, но даже отъ себя кое-что къ нимъ прибавили (вродѣ повышенія залога, вносившагося издателями газеты, съ 48.000 до 100.000 фр.).

Во все время этихъ возстаній, покушеній и процессовъ подавляющее большинство въ палатѣ депутатовъ принадлежало сторонникамъ Орлеанской династіи, и всѣ министерства за данный періодъ дѣйствовали въ духѣ этого большинства, представлявшаго собою компактную массу, внѣ которой находились, съ одной стороны, легитимисты, съ другой — разные оттѣнки лѣвой. Мало-по-малу, однако, въ самомъ большинствѣ обнаружились три партіи: правый центръ, во главѣ котораго стоялъ Гизо, лѣвый центръ, руководимый

Тьеромъ, и между ними небольшая группа, носившая названіе „третьей партіи“ (tiers parti), главнымъ дѣятелемъ въ которой былъ Дюпэнъ. Перевѣсъ принадлежалъ то сторонникамъ Гизо, то сторонникамъ Тьера, и лишь однажды въ ноябрѣ 1834 г., да и то только на три дня, удалось-было „третьей партіи“ очутиться у власти. Своихъ собственныхъ принциповъ она, впрочемъ, не имѣла, и все сводилось просто къ личному честолюбію и антагонизму. Въ сентябрѣ 1836 г. обѣ большія соперничающія партіи соединились между собою, послѣ того, какъ Тьеръ, только въ февралѣ этого года смѣнившій Гизо, вышелъ въ отставку вслѣдствіе прямого желанія короля, сдѣлавшаго первымъ министромъ своего личнаго друга Моле. На сторону новаго министерства перешли многіе депутаты обоихъ центровъ, которые были готовы подавать голоса за всякое министерство. Началась глухая борьба между королемъ и палатой, — борьба, вызвавшая новую комбинацію партій, благодаря чему на первый планъ выступали и новые политическіе вопросы. Дѣло дошло въ 1839 г. до распущенія палаты по требованію Моле, но въ новой палатѣ министерство не имѣло большинства и принуждено было выйти въ отставку (8 марта). Королю предстояла въ высшей степени трудная задача образовать новое министерство въ виду того, что большинство, низвергшее Моле, само состояло изъ соперничавшихъ между собою партій. Людовикъ-Филиппъ дѣлалъ видъ, будто онъ всего ожидаетъ отъ соглашенія между вождями большинства, но на самомъ дѣлѣ велъ себя такъ, чтобы этого никогда не могло случиться, желая самъ оставаться господиномъ положенія. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ продолжался этотъ министерскій кризисъ, и ему не было видно конца. Франціей управляло временное министерство, состоявшее изъ мало извѣстныхъ людей. Такимъ состояніемъ правительства задумала воспользоваться республиканская партія, чтобы произвести новое возстаніе и низвергнуть Людовика-Филиппа.

На этотъ разъ во главѣ революціоннаго предпріятія стояло тайное общество, носившее названіе „Общества временъ года“ и руководимое Барбесомъ, Бланки и Бернаромъ. 12 мая заговорщики овладѣли нѣсколькими караулами и сдѣлали попытку построить баррикаду, но не нашли поддержки въ населеніи столицы. Возстаніе

было подавлено въ самомъ началѣ, и главные зачинщики были арестованы. Барбесъ былъ приговоренъ палатой пэровъ къ смертной казни, но потомъ помилованъ королемъ и заключенъ въ тюрьму; къ тюремному заключенію былъ приговоренъ и Бланки. Въ то самое время, когда была сдѣлана эта революціонная попытка, образовалось новое министерство подъ предсѣдательствомъ маршала Сульта. Но и оно, будучи, въ сущности, вполнѣ послушнымъ королю, оказалось весьма непрочнымъ. Правительству не удалось составить въ свою пользу большинства въ палатѣ, и за министерствомъ Сульта въ мартѣ 1840 г. слѣдовало столь же недолговѣчное министерство Тьера. Въ общей сложности за десять лѣтъ во Франціи смѣнилось десять министерствъ. Зато Гизо, занявшій мѣсто Тьера 29 октября, оставался министромъ въ теченіе всѣхъ остальныхъ восьми лѣтъ царствованія Людовика-Филиппа. Революціонная попытка 1839 г. была послѣднею въ ряду другихъ подобныхъ попытокъ, ознаменовавшихъ собою тридцатые годы во Франціи. Послѣднія восемь лѣтъ царствованія Людовика-Филиппа въ этомъ отношеніи прошли спокойно. Равнымъ образомъ и большая часть покушеній, которымъ такъ часто подвергался Людовикъ-Филиппъ, относится къ тридцатымъ же годамъ.

Во всякомъ случаѣ въ 1840 г. іюльская монархія считалась упроченною. Легитимисты ничего болѣе не предпринимали, а республиканская партія была подавлена, и обѣщанія 1830 г. могли оставаться неисполненными. Правда, намѣтился было еще новый политическій факторъ, опасный для іюльской монархіи, но и онъ потерпѣлъ пораженіе. Дѣло въ томъ, что за все это время во Франціи не прерывалась наполеоновская традиція. Въ первые два года іюльской монархіи былъ еще въ живыхъ сынъ Наполеона, герцогъ Рейхштадтскій, наслѣдникъ имени и правъ императора, но въ 1832 г. онъ скончался, и хотя въ это время жили еще братья Наполеона Іосифъ и Луціанъ, наслѣдникомъ династическихъ правъ объявилъ себя принцъ Людовикъ-Наполеонъ, сынъ бывшаго голландскаго короля Людовика. Двадцати трехъ лѣтъ отъ роду онъ принималъ уже участіе въ итальянскомъ движеніи 1831 г., а затѣмъ поселился у своей матери на берегу Констанцскаго озера. Отсюда онъ вошелъ въ сношеніе съ нѣсколькими недовольными французскими офицерами

съ цѣлью произвести во Франціи при ихъ помощи переворотъ въ свою пользу. Расчитывая главнымъ образомъ на популярность своего историческаго имени, молодой принцъ въ концѣ октября 1836 г. пріѣхалъ въ Страсбургъ, гдѣ у него было нѣсколько единомышленниковъ среди офицеровъ мѣстнаго гарнизона. Артиллерійскій полковникъ Водрей рано утромъ 30 октября собралъ свой полкъ, и передъ офицерами и солдатами, ожидавшими чего-то необыкновеннаго, внезапно появился принцъ, нарочно одѣвшійся такъ, какъ одѣвался Наполеонъ I. Солдаты привѣтствовали принца криками „да здравствуетъ императоръ"! и двинулись по улицамъ города, повторяя тотъ же возгласъ. Комендантъ и префектъ были арестованы, но когда взбунтовавшійся полкъ пришелъ въ пѣхотныя казармы, то встрѣтилъ тамъ отпоръ. Дѣло окончилось тѣмъ, что претендентъ былъ арестованъ вмѣстѣ со своими сторонниками. Узнавъ объ этомъ происшествіи, правительство разсудило, что будетъ лучше всего придать попыткѣ принца характеръ мальчишеской выходки, за которую нельзя и наказывать строго. Подъ полицейскимъ конвоемъ онъ былъ отвезенъ въ Шербургъ, откуда долженъ былъ уѣхать въ Америку. Но общественное мнѣніе было крайне недовольно тѣмъ, что главный виновникъ ушелъ безнаказаннымъ. На это послѣднее обстоятельство особенно напирали адвокаты разныхъ соучастниковъ Людовика-Наполеона передъ судомъ присяжныхъ въ Страсбургѣ; именно они указывали на то, что, отпустивъ зачинщика всего дѣла, правительство лишило судъ возможности разобрать, какъ слѣдуетъ, вину каждаго изъ подсудимыхъ. Оппозиціонная пресса равнымъ образомъ эксплуатировала это обстоятельство въ свою пользу. Всѣ подсудимые были оправданы, и въ ихъ честь даже устраивались потомъ разныя овація. Людовикъ-Наполеонъ между тѣмъ не покидалъ своей мысли. Въ 1840 г., живя въ Англіи, онъ рѣшился повторить свое неудавшееся предпріятіе, выбравъ для этого, какъ ему казалось, самый подходящій моментъ, когда во Франціи снова оживилась память о Наполеонѣ по случаю перенесенія въ Парижъ его останковъ съ острова св. Елены. Энтузіазмъ къ имени Наполеона и воинственное настроеніе, охватившее весьма многихъ французовъ по случаю ожидавшейся тогда войны съ Германіей, и дали

поводъ принцу Людовику-Наполеону еще разъ воспользоваться памятью своего дяди, чтобы низвергнуть Орлеанскую династію, обманувшую ожиданія большинства французской націи. На этотъ разъ онъ даже заручился согласіемъ нѣсколькихъ видныхъ военныхъ; кромѣ того, его отчасти поощряла иностранная дипломатія, которая, не вѣря въ успѣхъ предпріятія, не прочь была, однако, вызвать во Франціи какое-либо замѣшательство. 4 августа Людовикъ-Наполеонъ отплылъ изъ Англіи къ берегамъ Франціи съ нѣсколькими единомышленниками и высадился съ ними 6 августа недалеко отъ Булони. На берегу ихъ ожидала другая горсть заговорщиковъ, и всѣ они вмѣстѣ двинулись въ названный городъ, гдѣ расчитывали увлечь за собою одинъ изъ стоявшихъ тамъ полковъ, въ числѣ офицеровъ котораго былъ одинъ изъ соумышленниковъ принца. Онъ разбудилъ спавшихъ солдатъ и выстроилъ ихъ на дворѣ казармы, и явившійся передъ ними принцъ произнесъ патетическую рѣчь. На шумъ сбѣжались другіе офицеры и стали уговаривать солдатъ не измѣнять своему долгу. Принцу и его спутникамъ пришлось спасаться бѣгствомъ. Сначала они пытались было собрать приверженцевъ наполеоновской идеи въ самомъ городѣ, но потомъ должны были отказаться и отъ этого. На сей разъ принцъ не избѣжалъ суда пэровъ. Въ то самое время, какъ отецъ претендента, проживавшій тогда во Франціи, напечаталъ въ газетахъ письмо, которымъ желалъ смягчить участь сына ссылкою на то, что онъ обнаружилъ полное отсутствіе здраваго человѣческаго смысла, самъ Людовикъ-Наполеонъ выступилъ на судѣ въ роли защитника народнаго верховенства, какъ законный наслѣдникъ императора, получившаго корону для себя и своего семейства въ силу всенароднаго голосованія. 6 октября Людовикъ-Наполеонъ былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію и вскорѣ отвезенъ въ крѣпость Гамъ; здѣсь онъ занялъ ту самую комнату, въ которой прежде содержался Полиньякъ.

Послѣ подавленія республиканскаго возстанія 1839 и неудачи бонапартистской попытки 1840 г. іюльская монархія считала себя вполнѣ упрочившеюся. Въ 1840 г. десятая годовщина іюльской революціи была ознаменована открытіемъ на площади Бастиліи памятника, извѣстнаго подъ названіемъ іюльской колонны, но никто изъ

членовъ королевской фамиліи не удостоилъ своимъ присутствіемъ этого торжества. Обязанная своимъ происхожденіемъ революціи, монархія Людовика-Филиппа старалась по возможности заставить объ этомъ забыть. То же антиреволюціонное направленіе проявляло тогдашнее правительство и во внѣшней политикѣ. Иностранные государи долго съ подозрѣніемъ смотрѣли на „короля баррикадъ“ или не особенно вѣрили въ его прочность, ожидая новой революціи, которая выдвинетъ впередъ „партію дѣйствія“. Людовикъ-Филиппъ всячески старался увѣрить иностранные кабинеты въ своемъ миролюбіи и консерватизмѣ и такъ далеко заходилъ въ этомъ отношеніи, что національное чувство французовъ очень часто казалось серьезно задѣтымъ, почему внѣшняя политика правительства и была предметомъ особенно рѣзкой критики парламентской и публицистической оппозиціи. Одно время Людовикъ-Филиппъ особенно дружилъ съ Англіей, и тогда Франція съ Англіей составляли особую группу западныхъ конституціонныхъ державъ въ отличіе отъ трехъ абсолютныхъ монархій въ центрѣ и на востокѣ Европы, но весьма многія причины разстраивали это „сердечное согласіе“ парижскаго и лондонскаго кабинета. Мало-по-малу Людовикъ-Филиппъ особенно сталъ искать сближенія съ вождемъ австрійской и общеевропейской реакціи Меттернихомъ, и къ концу сороковыхъ годовъ между Франціей и Австріей было полное соглашеніе на счетъ противодѣйствія національнымъ и демократическимъ движеніямъ у сосѣдей.

Разсмотримъ теперь, какія партіи существовали во французскомъ обществѣ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ и какія измѣненія произошли въ стремленіяхъ отдѣльныхъ классовъ этого общества въ ту эпоху.

Іюльская революція доставила во Франціи власть людямъ, которые во время реставраціи составляли либеральную оппозицію противъ реакціонныхъ стремленій трона, духовенства и аристократіи. Роялисты, игравшіе также важную роль при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X, потеряли всякое значеніе при Людовикѣ-Филиппѣ. Они образовали изъ себя въ палатахъ такъ называемую правую, стали называться легитимистами, но сколько-нибудь видной роли уже совершенно не играли. Всѣ остальныя политическія группы, состав-

лявшія подавляющее большинство, вели свое начало отъ прежней оппозиціи. Правда, нѣкоторымъ изъ этихъ группъ и впослѣдствіи пришлось находиться въ оппозиціи, но это было весьма незначительное меньшинство. Крайнюю лѣвую составляла небольшая кучка радикаловъ-республиканцевъ, и къ ней примыкала другая небольшая группа, во главѣ которой стоялъ Лафиттъ. Далѣе мы видимъ династическую лѣвую, стоявшую за орлеанскій тронъ, но требовавшую расширенія народныхъ правъ; ея вождемъ былъ Одилонъ Барро. И членамъ этой партіи не удавалось получить политическаго значенія вплоть до самыхъ послѣднихъ дней іюльской монархіи. Между правою и разными оттѣнками лѣвой стояли двѣ большія партіи, попеременно получавшія правительственное значеніе и носившія названіе праваго и лѣваго центровъ, а между ними, какъ мы уже видѣли, находилась еще менѣе значительная группа, называвшаяся третьей партіей. Вождями этихъ двухъ партій были Гизо и Тьеръ. Въ это время старые вожаки либераловъ сходили одинъ за другимъ со сцены. Бенжаменъ Констанъ, идеи котораго восторжествовали въ 1830 г., умеръ вскорѣ послѣ переворота. Лафайетъ, подобно Лафитту разочаровавшійся въ іюльской монархіи, скончался четыре года спустя. Ройе-Колларъ послѣ 1830 г. уже почти не принималъ никакого участія въ политическихъ дѣлахъ вслѣдствіе старости. Въ концѣ концовъ, наиболѣе крупными фигурами парламентскаго режима во Франціи въ эту эпоху такимъ образомъ оставались Тьеръ и Гизо, оба уже вполнѣ сформировавшіеся еще до іюльской революціи. До 1836 г. они дѣйствовали сообща, но потомъ между ними произошелъ разрывъ. Обоимъ имъ приходилось стоять у власти, но наиболѣе подходящимъ къ характеру короля и къ стремленіямъ правящаго класса оказался Гизо, потомъ и сохранявшій власть въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ іюльской монархіи. Руководимые обоими правый и лѣвый центры сходились между собою и въ приверженности къ іюльскому трону, и въ защитѣ буржуазныхъ интересовъ, и въ своемъ невниманіи къ требованіямъ демократіи; разница же между ними заключалась только въ томъ, что и во внутренней, и во внѣшней политикѣ Гизо былъ консервативнѣе Тьера, т. е. упорнѣе сопротивлялся новымъ требованіямъ и охотнѣе прибѣгалъ къ реакціоннымъ мѣрамъ. А между

тѣмъ и Гизо въ эпоху реставраціи былъ однимъ изъ представителей тогдашняго либерализма и даже подвергался непріятностямъ со стороны правительства за свой образъ мыслей. Такимъ образомъ либерализмъ, который уже въ двадцатыхъ годахъ имѣлъ весьма замѣтную буржуазную окраску, изъ направленія оппозиціоннаго превращался теперь въ направленіе консервативное.

Съ самаго начала своей общественной дѣятельности еще при Бурбонахъ Гизо заявилъ себя защитникомъ среднихъ классовъ общества и оставался имъ въ эпоху іюльской монархіи. Ему даже пришлось создать особую теорію, на которой можно было бы основать права буржуазіи, такъ какъ противники ставили ему на видъ, что онъ проповѣдуетъ возстановленіе въ новой формѣ стараго привилегированнаго сословія. Противъ такого обвиненія онъ протестовалъ. Въ буржуазіи онъ хотѣлъ видѣть цвѣтъ націи, классъ людей, обязанныхъ своимъ возвышеніемъ личнымъ способностямъ, трудолюбію, бережливости, — классъ, въ который всѣмъ открытъ свободный доступъ. И вотъ ему казалось, что тѣ, которые противополагаютъ буржуазіи какую-то демократію, заслуживаютъ названія людей неблагодарныхъ по отношенію къ благодѣяніямъ современнаго общества, наиболѣе, по его мнѣнію, свободнаго и наиболѣе осуществляющаго принципъ равенства. Гизо думалъ также, что истинный суверенитетъ долженъ заключаться въ верховенствѣ человѣческаго разума, представительницею же его въ его глазахъ была просвѣщенная буржуазія, такъ сказать, уполномоченная всею націей на то, чтобы управлять ея судьбами. На этой точкѣ зрѣнія Гизо держался съ упрямствомъ доктринера, создавшаго себѣ политическую систему и не желавшаго видѣть дѣйствительности, какъ она есть.

Тьеръ принадлежалъ къ тому же общественному классу, какъ и Гизо, но и по уму, и по характеру отличался гораздо большею живостью и меньшею прямолинейностью. Оба они тѣмъ не менѣе были политическими дѣятелями, защищавшими одни и тѣ же соціальные интересы, служившіе однѣмъ и тѣмъ же политическимъ идеямъ. Вся разница между ними касалась скорѣе оттѣнковъ общаго имъ направленія, чѣмъ самаго существа направленія. И Тьеръ во время іюльскаго переворота былъ уже совсѣмъ сформировавшимся человѣ-

комъ, съ вполнѣ опредѣленными идеями. Сначала онъ поддерживалъ самыя дружественныя отношенія съ либералами, но въ скоромъ времени строгость, съ какою онъ отнесся къ демократическимъ возстаніямъ, отвратила отъ него многихъ изъ его прежнихъ политическихъ друзей. Въ 1836 г. онъ сдѣлался главою министерства, взявъ на себя завѣдованіе иностранными дѣлами. Несмотря на то, что во внутренней политикѣ онъ оказался весьма уступчивымъ по отношенію къ Людовику-Филиппу, послѣдній былъ крайне недоволенъ его иностранной политикой, находя ее черезъ-чуръ либеральною. Вышедши въ отставку вслѣдствіе разногласія съ королемъ, Тьеръ послѣ кратковременнаго удаленія отъ дѣлъ перешелъ на сторону оппозиціи. Весною 1840 г. онъ сдѣлался снова министромъ. Это было какъ-разъ въ то время, когда Европа переживала опасный кризисъ, грозившій войною, и Людовикъ-Филиппъ поспѣшилъ снова избавиться отъ министра, казавшагося ему слишкомъ воинственнымъ. Послѣ того, какъ образовалось министерство, имѣвшее фактическимъ главою Гизо, Тьеръ снова сдѣлался однимъ изъ вождей оппозиціи, направивъ ее главнымъ образомъ противъ личной политики короля. Однимъ изъ политическихъ принциповъ, которыхъ онъ держался, былъ знаменитый девизъ, имъ же и формулированный: „король царствуетъ, но не управляетъ".

И Гизо, и Тьеръ одинаково стояли за сочетаніе свободы и порядка, разумѣя подъ нимъ неизмѣнность извѣстнаго уклада жизни. Оба они думали, что лучше всего во Франціи сочетаніе свободы и порядка могло бы быть достигнуто конституціонной монархіей. Но въ Тьерѣ было гораздо больше податливости, и на практикѣ онъ былъ гораздо большимъ оппортунистомъ, нежели Гизо, который былъ скорѣе лишь теоретикомъ оппортунизма. Если Гизо болѣе всего хлопоталъ о томъ, чтобы примирить съ новымъ положеніемъ вещей тѣхъ людей, которые были напуганы переворотомъ 1830 г., то Тьеръ, наоборотъ, стремился примирить съ существующимъ порядкомъ людей, не вполнѣ имъ довольныхъ въ виду новыхъ требованій, какія стали теперь предъявляться политической жизни. Поэтому-то Гизо, пожалуй, и не прочь былъ бы отъ реформъ, лишь бы онѣ проводились консервативными силами общества, а Тьеръ, наоборотъ, вовсе не былъ

противъ политики консервативнаго характера, лишь бы она осуществлялась при содѣйствіи либеральныхъ элементовъ того же общества. Въ сущности это были лишь различные оттѣнки одного и того же политическаго пониманія. Они были такъ близки одинъ къ другому, что сначала Гизо и Тьеръ могли дѣйствовать сообща. Заботясь о сочетаніи свободы съ порядкомъ, оба политическіе соперника вовсе не думали о томъ, чтобы сочетать эту свободу съ равенствомъ, стремленіе къ которому столь характеристично для французскаго общества, начиная еще съ эпохи великой революціи. Правда, и въ этомъ отношеніи одинъ былъ прямолинейнѣе и упорнѣе, другой обнаруживалъ болѣе способности склоняться передъ силою и успѣхомъ. Однако, и тотъ, и другой пытались задержать демократическое движеніе, — Гизо въ союзѣ съ консерваторами, Тьеръ—думая умѣрить требованія новаторовъ. Ни тотъ, ни другой не понимали, какой могучій историческій факторъ заключался въ стремленіи къ равенству. Въ концѣ концовъ они считали возможнымъ задержать демократическое движеніе и не ставили себѣ задачи хотя бы теоретически опредѣлить, при какихъ условіяхъ демократія можетъ пользоваться политическою свободою, какъ это сдѣлалъ Токвиль въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Демократія въ Америкѣ", вышедшемъ въ свѣтъ въ 1835—1840 гг. [1]).

Въ то самое время, какъ господствующее меньшинство французской націи, вполнѣ довольное установившимся режимомъ, держалось за конституціонную монархію и Орлеанскую династію, въ другихъ общественныхъ классахъ все сильнѣе и сильнѣе распространялись республиканскія стремленія. Среди самой буржуазіи мало-помалу образовалась оппозиція противъ финансовой аристократіи, сдѣлавшейся госпожею положенія и не всегда удовлетворявшей желаніямъ промышленнаго класса. Одна часть недовольныхъ, оставаясь вѣрною іюльскому трону, думала только о томъ, чтобы посредствомъ реформы выборовъ лишить финансовую аристократію ея привилегированнаго положенія, тогда какъ другая часть склонялась къ республикѣ, полагая, что эта политическая форма лучше обезпечитъ

[1]) См. Ист. Зап. Евр., т. V, стр. 271—280.

интересы господствующаго класса, взятаго въ его цѣломъ. Эта часть болѣе зажиточной буржуазіи рядомъ переходныхъ ступеней постепенно сливалась съ мелкой буржуазіей, состоявшей изъ ремесленниковъ, торговцевъ и т. п. Въ ней также распространялись республиканскія идеи, и, отдѣляя себя отъ буржуазіи, обладавшей цензомъ, причисляя себя къ „народу" вмѣстѣ съ пролетаріатомъ, она до извѣстной степени вмѣстѣ съ послѣднимъ и выступала подъ общимъ знаменемъ въ тѣхъ республиканскихъ демонстраціяхъ и попыткахъ возстаній, которыя дѣлались въ первую половину царствованія Людовика-Филиппа. Такимъ образомъ республиканская идея объединяла нѣкоторыя части буржуазіи и народа, въ послѣднемъ — и торговцевъ, и ремесленниковъ, и фабричныхъ рабочихъ. Но между наиболѣе отдаленными въ классовомъ отношеніи разрядами республиканцевъ существовало громадное различіе въ пониманіи соціальныхъ отношеній. Республиканцы изъ буржуазіи были противниками какихъ бы то ни было соціальныхъ реформъ; наоборотъ, въ пролетаріатѣ все болѣе распространялась та мысль, что республика безъ коренного измѣненія соціальнаго строя не будетъ имѣть никакого смысла. Между этими воззрѣніями, представлявшими два полюса республиканской идеи, были еще мнѣнія, такъ сказать, переходнаго характера, болѣе демократическія, чѣмъ мнѣнія буржуазныхъ республиканцевъ, и не столь рѣшительно соціалистическія, какъ тѣ, которыя начинали получать перевѣсъ среди рабочихъ.

Республиканская партія зародилась во Франціи еще до іюльской революціи, а въ 1830 г. даже думала воспользоваться народнымъ возстаніемъ для того, чтобы провозгласить республику. Ей это не удалось, но зато она формулировала тогда свою программу въ знаменитой прокламаціи, которая и была принята такъ называемой муниципальной коммиссіей. Попытки республиканскихъ возстаній, дѣлавшіяся въ первые годы іюльской монархіи, имѣли своею цѣлью осуществленіе этой программы, но съ теченіемъ времени демократическія стремленія начинали все болѣе и болѣе осложняться требованіями соціальнаго характера. Привести въ исполненіе свои политическіе планы французскіе республиканцы тридцатыхъ годовъ думали посредствомъ вооруженнаго возстанія въ Парижѣ. Съ этою цѣлью

они организовались въ тайныя общества, вербовавшія своихъ членовъ преимущественно среди учащейся молодежи и рабочихъ. Предыдущая исторія Франціи указывала на то, что стоило только овладѣть Парижемъ, и вся страна безпрекословно подчинялась новой власти. Республиканцевъ воодушевлялъ примѣръ конвента, управлявшаго всею Франціей при поддержкѣ столичнаго населенія, а потому и республика понималась ими въ духѣ принциповъ 1793 г. и якобинской диктатуры. Мало-по-малу, однако, республиканцы распались на политическихъ и соціальныхъ революціонеровъ. И тѣ, и другіе сходились между собою въ томъ, что во Франціи должна быть возстановлена республика со всеобщей подачей голосовъ и даже съ конституціей 1793 года, какъ наилучшимъ государственнымъ устройствомъ. „Общество правъ человѣка“ даже приняло за свою программу якобинскую декларацію правъ человѣка и гражданина. Но именно по вопросу объ этой декларации и произошли первыя несогласія среди вождей республиканской партіи. Сторонники чисто политической революціи вполнѣ довольствовались декларацією правъ, принятой въ 1793 г. конвентомъ. Но тѣ члены, которые думали, что будущая революція должна произвести перемѣны не только въ устройствѣ государства, но и въ общественномъ строѣ, предпочитали принять редакцію декларации, проектированную въ 1793 году Робеспьеромъ. Въ этой послѣдней, между прочимъ, былъ такой параграфъ: „Собственность состоитъ въ правѣ каждаго гражданина пользоваться и располагать по своему усмотрѣнію тою частью имуществъ, которая обезпечивается за нимъ закономъ“. Этимъ параграфомъ собственность признавалась не за одно изъ естественныхъ правъ человѣка, а за созданіе государственнаго закона, который потому можетъ и измѣнять самое право собственности. Когда часть членовъ „Общества правъ человѣка“, руководимая Годефруа Кавальякомъ, приняла взглядъ на собственность, выраженный Робеспьеромъ, противъ этого протестовалъ Арманъ Каррель, къ которому присоединились и многіе другіе республиканцы. Это раздѣленіе съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе обострялось. Сторонники соціальныхъ перемѣнъ постоянно высказывали свое недовольство исключительно политическими стремленіями демократовъ, полагавшихъ, что

весь вопросъ—въ перемѣнѣ правительственной формы. Когда послѣ неудачи республиканскаго возстанія 1834 г. „Общество правъ человѣка" должно было прекратить свою прежнюю дѣятельность, его мѣсто заняло другое, руководимое Бланки и Барбесомъ. Въ „Обществѣ правъ человѣка" преобладали представители буржуазіи, названныя лица начали организовать пролетаріатъ. Бланки былъ типичный заговорщикъ, прожившій на бѣломъ свѣтѣ 76 лѣтъ, и изъ нихъ 37 въ нѣсколько пріемовъ просидѣвшій въ тюрьмѣ. Въ серединѣ тридцатыхъ годовъ вмѣстѣ съ Барбесомъ онъ основалъ новое республиканское „Общество семействъ", превратившееся въ „Общество временъ года", потребовавъ „соціальной и радикальной революціи" и „истребленія аристократіи, финансистовъ, банкировъ, поставщиковъ, монополистовъ, спекулянтовъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, жирѣющихъ на счетъ народа". Для Бланки республика была лишь средствомъ для передачи имуществъ отъ „людей, ничего не дѣлающихъ, народу, ничего не имѣющему". Общественный идеалъ членовъ новой республиканской организаціи былъ коммунистическій въ духѣ ученія Бабёфа. Одинъ изъ старыхъ „бабувистовъ", Буонаротти, возвратившійся въ 1830 г. въ Парижъ, сталъ распространять въ революціонно настроенныхъ кружкахъ свою „Исторію заговора Бабёфа", изданную имъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ въ Брюсселѣ. Въ эпоху реставраціи это сочиненіе во Франціи было вообще очень мало извѣстно, но въ тридцатыхъ годахъ, наоборотъ, оно пріобрѣло большую славу. Республиканское возстаніе 1834 г. одно время наполнило парижскія тюрьмы массой заключенныхъ, среди которыхъ уже были люди, знакомые съ сочиненіемъ Буонаротти; вотъ здѣсь-то и велась дѣятельная бабувистская пропаганда. Бланки и Барбесъ вполнѣ прониклись идеями Бабефа. Будучи заправилами „Общества временъ года", они приняли въ его катехизисъ идею коммунизма. Та же идея пропагандировалась въ тайной періодической прессѣ. Бланки и Барбесъ думали подражать Бабефу не только въ цѣли, но и въ тактикѣ: 12 мая 1839 г. съ самыми незначительными силами они-то и рѣшились овладѣть Парижемъ, чтобы начать соціальную революцію. Попытка сразу была подавлена, и вожди, приговоренные сначала съ смерт-

ной казни, были посажены въ тюрьму, изъ которой они освободились только въ 1848 г., благодаря февральской революціи.

Сравнивая республиканскія возстанія 1834 и 1839 годовъ, мы можемъ сказать, что въ серединѣ тридцатыхъ годовъ французскій пролетаріатъ впервые начинаетъ организоваться подъ знаменемъ соціальнаго переворота, заимствуя свои идеи изъ временъ первой революціи. Неудача, постигшая попытку „Общества временъ года" произвести соціальную революцію, не охладила пыла коммунистовъ, и многіе изъ нихъ основали новое тайное общество рабочихъ, получившее названіе „Société des travailleurs égalitaires". Одинъ изъ тайныхъ коммунистическихъ журналовъ (l'Humanitaire) издавался членами именно этого общества. Въ 1840 г. коммунистъ Пилло, раздѣлявшій идею Бабефа о томъ, что новый общественный строй нужно ввести путемъ террора, не взирая на желанія и чувства населенія страны, предсѣдательствовалъ даже на банкетѣ своихъ единомышленниковъ, которыхъ собралось на эту манифестацію до 1200 человѣкъ. И это движеніе сводилось къ якобинизму, отданному на службу коммунистической идеѣ.

Въ сущности и политическіе, и соціальные революціонеры тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ вдохновлялись одинаково идеями и примѣрами первой французской революціи. Демократія разсматриваемой эпохи самымъ очевиднымъ образомъ возвращалась къ принципу и образу дѣйствій якобинизма, и въ этомъ отношеніи весьма любопытна та перемѣна, которая произошла во взглядахъ на исторію революціи. Взгляды историковъ, писавшихъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, складывались подъ вліяніемъ совершавшагося вокругъ нихъ демократическаго движенія и въ свою очередь придавали этому движенію извѣстный характеръ, извѣстное направленіе. Въ двадцатыхъ годахъ Тьеръ и Минье писали свои исторіи французской революціи съ точки зрѣнія буржуазной оппозиціи противъ стараго порядка, легитимизма и реставраціи. Теперь противъ самой буржуазіи возникла оппозиція, имѣвшая демократическій характеръ, притомъ оппозиція и политическая, и соціальная, принимавшая якобинскую окраску. Это отразилось и на исторіографіи французской революціи, въ которой теперь возродилась якобинская тра-

лиція. Это мы видимъ главнымъ образомъ въ исторіяхъ революціи Бюшеза и Луи Блана, вышедшихъ въ свѣтъ въ эпоху іюльской монархіи [1]). Въ то же время появились и имѣли большой успѣхъ проникнутыя демократическимъ же, но не якобинскимъ духомъ „Исторія жирондистовъ“ Ламартина и „Исторія французской революціи“ Мишле [2]). Вообще это была эпоха сильнаго развитія во французской передовой интеллигенціи интереса къ народу, и однимъ изъ любимыхъ видовъ изящной литературы сдѣлался въ сороковыхъ годахъ такъ называемый соціальный романъ (Эженъ Сю и Жоржъ Зандъ), главнымъ содержаніемъ котораго было изображеніе бѣдствій, происходящихъ отъ дурного устройства общества [3]). Въ числѣ авторовъ, страстно критиковавшихъ это общество, были и такіе, которые стояли на католической точкѣ зрѣнія (Ламеннэ, Бюшезъ и др.).

Это умственное броженіе происходило какъ-разъ въ то время, когда обострились во Франціи взаимныя отношенія буржуазіи и пролетаріата не только въ политической, но и въ экономической области, и возникъ рабочій вопросъ, бывшій результатомъ такъ называемой промышленной революціи конца XVIII и начала XIX в. [4]). Сущность его извѣстна. Это были превращеніе мелкой, ремесленной промышленности въ крупную, фабричную, замѣна ручного труда машиннымъ, развитіе пролетаріата, удлиненіе рабочаго дня, возникновеніе частыхъ кризисовъ, сопровождавшихся безработицей, эксплуатація дѣтскаго труда и т. д. Ранѣе всего подверглась этому экономическому перевороту Англія, но въ ней уже довольно рано было поставлено на очередь рабочее законодательство, во Франціи же переворотъ совершился позднѣе, и буржуазія, достигшая власти въ 1830 г., ничего не дѣлала для того, чтобы законодательнымъ порядкомъ хоть сколько-нибудь оградить интересы рабочихъ (если не считать одного закона 1841 г., нѣсколько, но въ сущности очень слабо ограждавшаго дѣтей и подростковъ, работавшихъ на

[1]) См. Исторія Западной Европы, т. V, стр. 320 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 326 и слѣд.

[3]) Тамъ же, стр. 336 и слѣд.

[4]) Общій очеркъ этого предмета мы дали въ главахъ XXIV и XXV четвертаго тома «Исторіи Западной Европы».

фабрикахъ, отъ чрезмѣрной эксплуатаціи). Французскіе политическіе и экономическіе писатели либеральнаго лагеря были защитниками экономической свободы, невмѣшательства государства въ промышленную дѣятельность общества, принципа „laisser passer, laisser faire", и главнымъ авторитетомъ въ области экономической политики былъ Жанъ-Батистъ Сэй, авторъ „Полнаго курса практической политической экономіи" (1828), прославлявшій царство свободной конкурренціи. Между тѣмъ, въ самомъ началѣ іюльской монархіи въ Ліонѣ произошло очень опасное возстаніе рабочихъ [1]), написавшихъ на своемъ знамени: „или жизнь работой, или смерть въ бою"! Причины возстанія были чисто экономическія — дурныя условія труда, и агитаторы разныхъ политическихъ партій, которые думали воспользоваться бунтомъ для своихъ цѣлей, не имѣли въ этомъ своемъ предпріятіи ни малѣйшаго успѣха. Возстаніе было сурово подавлено, и палата даже вотировала королю благодарственный адресъ. Господствующій классъ вообще далѣе простой репрессіи въ этой борьбѣ не шелъ. Первый, кто выяснилъ, французамъ историческое значеніе ліонскаго рабочаго возстанія, какъ соціальнаго симптома, былъ Луи Бланъ въ „Исторіи десяти лѣтъ" (1830—1840), вышедшей въ свѣтъ черезъ десять лѣтъ послѣ іюльской революціи и бывшей цѣлой критикой всей буржуазной системы іюльскаго правительства.

Въ тридцатыхъ и особенно сороковыхъ годахъ во Франціи особенно быстро происходило развитіе классового сознанія среди рабочихъ Парижа и другихъ крупныхъ промышленныхъ центровъ. Въ этомъ классѣ, главнымъ образомъ, и были популярны демократическія идеи политическихъ радикаловъ и соціалистическія и коммунистическія теоріи разныхъ общественныхъ реформаторовъ. Еще до іюльской революціи во Франціи существовали двѣ системы утопическаго соціализма — сенъ-симонизмъ и фурьеризмъ [2]), которыя, не смотря на свои разногласія во многихъ отношеніяхъ, одинаково осуждали ка-

[1]) Подробности о немъ въ пятомъ томѣ «Ист. Зап. Евр.», стр. 103—112.

[2]) См. о нихъ главу XXVII четвертаго тома «Ист. Зап. Евр.». Кромѣ того, объ этомъ будетъ идти рѣчь особо въ отдѣльной книжкѣ нашей коллекціи, посвященной соціальной исторіи XIX в.

питалистическій строй общества и рекомендовали замѣнить систему частныхъ хозяйствъ хозяйствомъ общественнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ относясь съ полнымъ недовѣріемъ къ однимъ политическимъ преобразованіямъ, а къ либерализму — даже съ презрѣніемъ и ненавистью. Главными адептами обоихъ ученій были интеллигентные молодые люди изъ зажиточной и даже богатой буржуазіи, думавшіе осуществить свои принципы устройствомъ образцовыхъ ассоціацій, которыя могли бы служить примѣромъ для другихъ. Сенъ-Симонизмъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ успѣлъ даже превратиться въ своего рода религіозную секту, въ которой образовалась и ортодоксія, и возникли ереси. Іюльская революція вызвала и сенъ-симонистовъ, и фурьеристовъ на арену публичной жизни, но скоро оба эти направленія смѣнились другими, болѣе новыми.

До іюльскаго переворота сенъ-симонисты не рѣшались на публичную проповѣдь. Свое ученіе они пропагандировали на собраніяхъ въ частныхъ квартирахъ, куда могли являться лишь одни приглашенные. Притомъ они держали себя совершенно въ сторонѣ отъ политическаго движенія, приведшаго къ революціи. Послѣдняя произвела на нихъ сильное впечатлѣніе, и въ ней они увидѣли какъ бы подтвержденіе того, что вся современная соціальная система никуда болѣе не годится и что общество должно быть перестроено на совершенно новыхъ началахъ. Уже 30 іюля на парижскихъ улицахъ былъ расклеенъ манифестъ за подписью тогдашнихъ „начальниковъ ученія С.-Симона“, Базара и Анфантена. Въ немъ французамъ обѣщалось окончательное уничтоженіе феодализма со всѣми привилегіями рожденія, дабы каждый занималъ въ обществѣ мѣсто, соотвѣтственное его заслугамъ, и вознаграждался соотвѣтственно своимъ дѣламъ. Успѣха среди парижскаго населенія этотъ манифестъ не имѣлъ, но весьма скоро о сенъ-симонизмѣ заговорили въ палатѣ депутатовъ, какъ о новой сектѣ, требующей общности имуществъ и даже женъ. Это дало поводъ Базару и Анфантену написать письмо къ президенту палаты съ цѣлью выясненія, въ чемъ на самомъ дѣлѣ заключается новое ученіе. Такъ какъ, собственно говоря, оно было предназначено для публики, то и было напечатано въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ и получило широкое

распространеніе. Авторы письма указывали на то, что сенъ-симонистамъ совершенно невѣрно приписывается ученіе объ общности имуществъ и женъ, и что ихъ задача заключается въ возрожденіи общества на религіозныхъ началахъ, провозглашенныхъ христіанствомъ. Однако, и это письмо большого впечатлѣнія въ широкихъ кругахъ общества не произвело. Одновременно сенъ-симонисты весьма энергично вели свою пропаганду въ періодической прессѣ и на лекціяхъ, причемъ было особое вниманіе обращено на рабочихъ и на женщинъ. Въ концѣ 1830 г. парижскіе сенъ-симонисты, бывшіе большею частью представителями свободныхъ профессій и учащейся молодежи, основали нѣчто въ родѣ религіознаго общежитія, которому дали названіе „семейства". „Отцы и дѣти, братья и сестры о Сенъ-Симонѣ", — какъ они себя называли, — собирались ежедневно на общую трапезу, вели между собою бесѣды о разныхъ вопросахъ своего ученія, принимали новыхъ „братьевъ" и „сестеръ", разсылали миссіонеровъ по провинціальнымъ городамъ, устраивали праздники и т. п. Въ это время въ парижскомъ пролетаріатѣ они уже начали основывать потребительскія товарищества и производительныя ассоціаціи. Сенъ-симонистамъ удалось пристроить на свой счетъ около четырехъ тысячъ рабочихъ, что, конечно, стоило имъ большихъ денегъ. Сначала матеріальныя средства новой секты были сравнительно незначительны и составлялись изъ пожертвованій отдѣльныхъ лицъ. Такъ какъ къ движенію примкнули многіе люди съ весьма крупными денежными средствами, то по мѣрѣ расширенія дѣятельности общины послѣ іюльской революціи и пожертвованія должны были увеличиваться. Неумѣлое веденіе дѣлъ и внутренніе раздоры въ общинѣ сильно, однако, пошатнули организацію, и въ 1832 г. „семейство" удалилось изъ Парижа въ Менильмонтанъ, гдѣ устроило по своимъ принципамъ нѣчто въ родѣ монашеской общины для лицъ обоего пола. Власти обратили вниманіе на это общежитіе и обвинили его членовъ передъ судомъ въ безнравственности и устройствѣ противозаконнаго сообщества, и процессъ сенъ-симонистовъ, надѣлавшій въ свое время много шуму, окончился ихъ осужденіемъ [1]). Въ этомъ

[1]) Подробности см. въ «Ист. Зап. Евр»., т. V, стр. 283 и слѣд.

движеніи, которому процессъ нанесъ почти смертельный ударъ, приняли участіе главнымъ образомъ люди обезпеченные. Среди нихъ особенно много было студентовъ Политехнической школы, но всѣ они были мало знакомы съ жизнью и еще менѣе знакомы съ философіей и общественными науками. Сенъ-симонизмъ казался имъ новымъ религіознымъ откровеніемъ, долженствующимъ улучшить бытъ „самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса народа". Вмѣстѣ съ этимъ они думали, что стоитъ только имѣть добрую волю, и легко будетъ осуществить идеальное общество, первообразомъ котораго должно было быть ихъ „семейство". Въ ихъ попыткахъ заниматься физическимъ трудомъ было гораздо больше прихоти и забавы, чѣмъ серьезнаго дѣла. Ни одинъ настоящій рабочій не былъ допущенъ въ составъ этой общины, да и въ ней самой притомъ, особенно на первыхъ порахъ, все время проходило преимущественно въ разговорахъ и увеселеніяхъ. Мало-по-малу бывшіе члены сенъ-симонистской общины стали совершенно отрѣшаться отъ своего былого увлеченія. Правда, нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Пьеръ Леру, продолжали говорить и писать въ духѣ религіозно-мистическаго соціализма, но другіе подѣлались учеными, писателями, журналистами, чиновниками, банкирами, инженерами, адвокатами, фабрикантами и т. п.

Параллельно съ движеніемъ сенъ-симонистовъ развивалось движеніе и среди послѣдователей Фурье. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до взрыва іюльской революціи Фурье обращался къ тогдашнему реакціонному правительству съ мемуаромъ, заключавшимъ въ себѣ проектъ общественной реорганизаціи Франціи на началахъ, лежавшихъ въ основаніи его ученія. Революція окрылила его надежды, и онъ съ подобнаго же рода предложеніями сталъ обращаться къ наиболѣе видным дѣятелямъ новаго режима—къ Лафитту, къ Казиміру Перье и др. Когда съ этой стороны Фурье не получилъ ожидаемаго, онъ сталъ искать сближенія съ сенъ-симонистами и даже предлагалъ имъ соединиться вмѣстѣ для общей цѣли переустройства вселенной на новыхъ началахъ, но тѣ отвергли это предложеніе, и тогда между обѣими школами произошелъ полный разрывъ. Внутреннее разложеніе сенъ-симонизма и постигшая его катастрофа фурьеризму принесли только пользу, потому что многіе

послѣдователи перваго изъ этихъ ученій одинъ за другимъ стали переходить на сторону Фурье. Нашлись среди сторонниковъ и этого реформатора довольно богатые люди, которые готовы были жертвовать большія суммы рали торжества новой общественной системы. Фурьеристы тоже дѣлали попытки основанія ассоціацій (фаланстеровъ), но и ихъ попытки кончались неудачами. Системѣ Фурье, несомнѣнно, грозила судьба сенъ-симонизма, но отъ этой участи его ученіе было спасено однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ его учениковъ, Викторомъ Консидераномъ, который, примкнувъ къ нему еще во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ, принималъ затѣмъ участіе въ неудачной попыткѣ устроить „фаланстеръ", но послѣ крушенія этой затѣи не упалъ духомъ и съумѣлъ ободрить своихъ товарищей. Самъ Фурье писалъ крайне тяжело, и собственныя его сочиненія были плохимъ орудіемъ пропаганды. Наоборотъ, Консидеранъ обладалъ литературнымъ талантомъ, и его книга „La destinée sociale" (1837—1838) привлекла къ фурьеризму новыхъ послѣдователей. Вообще много тридцатые и сороковые годы были эпохой сильнаго развитія фурьеристической литературы, указывающаго на то, что у Фурье и Консидерана было довольно значительное число послѣдователей. Въ школѣ Фурье были свои поэты и художники, сочинявшіе пѣсни, рисовавшіе заманчивыя картины жизни въ фаланстерѣ или изображавшіе въ сатирическомъ видѣ современную цивилизацію. Идейное движеніе, вызванное сенъ-симонизмомъ и фурьеризмомъ, не прекратилось съ неудачею, постигшею на практикѣ оба эти ученія, и тридцатые и сороковые года во Франціи были особенно богаты разными соціальными ученіями.

Къ числу сенъ-симонистовъ, отдѣлившихся отъ школы еще до катастрофы, постигшей „семейство", принадлежали между прочимъ два писателя, которые вскорѣ выступили съ собственными соціальными ученіями, отразившими на себѣ вліяніе сенъ-симонизма. Одинъ изъ нихъ былъ Бюшезъ, другой—Леру.

Бюшезъ до своего сближенія съ сенъ-симонистами принималъ дѣятельное участіе въ тайной политической агитаціи, которая происходила во Франціи при Людовикѣ XVIII, и самая принадлежность его къ сенъ-симонизму продолжалась сравнительно недолго.

Когда школа видимо стала превращаться въ какую-то религіозную секту, Бюшезъ заявилъ, что никакихъ новыхъ догматовъ вѣры не нужно. Пламенный католикъ съ юныхъ лѣтъ, онъ еще сильнѣе утвердился теперь въ прежнихъ христіанскихъ вѣрованіяхъ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ старался доказать полное внутреннее сродство между христіанствомъ, понимаемымъ въ католическомъ духѣ, и французской революціей, понятой съ чисто якобинской точки зрѣнія. Заявивъ себя противникомъ индивидуализма религіознаго и политическаго, Бюшезъ не могъ, конечно, не быть въ то же самое время и противникомъ личнаго интереса и свободной конкурренціи въ экономической сферѣ. Мало того: онъ говорилъ, что индивидуализмъ,— подъ которымъ онъ разумѣетъ преимущественно эгоизмъ, — никогда не въ состояніи былъ „измѣнить хотя бы одну іоту въ дѣлахъ этого міра"; всякій прогрессъ, по его ученію, совершается „массами, человѣчествомъ, націей, а не индивидуумомъ". Особаго распространенія ученіе Бюшеза не получило, но нѣкоторыя его идеи оказали довольно значительное вліяніе на соціальныя и историческія воззрѣнія Луи Блана. Кромѣ того, Бюшезъ повліялъ и на рабочее движеніе во Франціи, такъ какъ у него были постоянныя связи въ рабочей средѣ. Въ 1832 г. подъ его вліяніемъ устроилось производительное товарищество столяровъ, а въ 1834 г. ему удалось организовать еще и производительную ассоціацію изъ нѣсколькихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Одинъ изъ учениковъ Бюшеза, работникъ Карбонъ, въ 1840 г. началъ издавать газету „Atelier", въ которой проповѣдовалась необходимость основанія кооперативныхъ товариществъ.

Родственное этому направленіе развивалъ въ своихъ сочиненіяхъ и Пьеръ Леру. Онъ также примкнулъ сначала къ сенъ-симонистамъ, но оставилъ ихъ во время одного изъ раздоровъ, которые между ними происходили. Онъ тоже писалъ очень много, а въ 1845 г. съ пятьюдесятью двумя своими послѣдователями задумалъ организовать на новыхъ началахъ человѣческой солидарности земледѣльческую общину въ департаментѣ Крезы, на что получилъ между прочимъ довольно значительную сумму денегъ отъ Жоржъ Зандъ, своей большой пріятельницы и поклонницы. Подобно Бюшезу, Леру

выступилъ съ анти-индивидуалистическою проповѣдью. Личность, всѣмъ обязанная обществу, должна жить исключительно для человѣчества. Стоитъ только стать на эту точку зрѣнія, и въ обществѣ не будетъ болѣе погони за личной выгодой. Индивидуализмъ въ экономическомъ отношеніи приводитъ къ прославленію капитала, научающему лишь презирать бѣдность. Свое ученіе Леру называлъ религіей человѣчества, и она, по его представленію, идетъ на смѣну христіанству. Идеи Леру были, впрочемъ, вообще слишкомъ своеобразны, слишкомъ фантастичны и вмѣстѣ съ этимъ слишкомъ противорѣчивы, чтобы его проповѣдь могла имѣть какой-либо успѣхъ, кромѣ чисто литературнаго.

Гораздо болѣе важное значеніе получила коммунистическая проповѣдь Кабе, автора философскаго и соціальнаго романа „Путешествіе въ Икарію“ (1839). Его, пожалуй, съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ кого-либо изъ тогдашнихъ соціальныхъ реформаторовъ, можно назвать утопистомъ. Кабе строилъ свой общественный идеалъ путемъ чистой фантазіи, руководимый идеями равенства и братства, изъ которыхъ онъ выводилъ необходимость общности имуществъ, какъ единственнаго залога людского счастья. Подобно другимъ современнымъ ему реформаторамъ, онъ полагалъ, что для осуществленія этого идеала нужна одна мирная пропаганда. Но у этого фантазера была еще политическая жилка, была якобинская закваска, и онъ требовалъ политическаго господства демократіи, какъ переходной ступени къ идеальному устройству общества. Поэтому онъ настаивалъ передъ рабочими на необходимости избирательной реформы. Пользуясь громадною популярностью среди пролетаріата, Кабе вообще сильно вліялъ на развитіе въ немъ классового сознанія. „Путешествіе въ Икарію“ и вообще произведенія Кабе имѣли необычайный успѣхъ. Рабочіе въ Парижѣ и въ другихъ большихъ городахъ Франціи буквально зачитывались фантастическимъ романомъ, и цѣлые десятки тысячъ дѣлались послѣдователями Кабе. Одинъ изъ сторонниковъ „икаризма“ утверждалъ даже, будто число лицъ, принявшихъ это ученіе, дошло до 400.000 человѣкъ. Такой успѣхъ заставилъ Кабе подумать объ осуществленіи своей системы на практикѣ. Ему удалось выхлопотать въ Сѣв. Америкѣ милліонъ акровъ пустопорожней

земли въ Техасѣ для основанія новой колоніи. Въ Парижѣ былъ основанъ особый „икарійскій“ комитетъ, который долженъ былъ снаряжать и отправлять партіи колонистовъ. Число лицъ, выразившихъ желаніе переселиться въ Америку, было громадное. Вся пресса заговорила объ этомъ предпріятіи, и у него оказалось очень много благожелателей. Разумѣется, Кабе самъ стоялъ во главѣ всего дѣла, и отъ каждаго, желавшаго переселиться въ Америку, онъ бралъ подписку въ томъ, что его будутъ признавать безпрекословно за единственнаго главнаго распорядителя. Первая партія „икарійцевъ“ отправилась въ дорогу 3 февраля 1848 года, всего за три недѣли до февральской революціи. Переворотъ этотъ былъ настоящею неожиданностью. Многіе изъ собиравшихся эмигрировать въ Америку стали говорить, что гораздо разумнѣе будетъ остаться на родинѣ, чтобы придать совершившейся революціи соціальный характеръ и осуществить коммунистическую систему въ широкихъ размѣрахъ, и самъ Кабе раздѣлялъ такой же взглядъ [1]).

Одновременно съ Кабе выступилъ со своимъ планомъ общественной реформы и Луи Бланъ, которому пришлось потомъ играть значительную роль въ исторіи революціи 1848 г. Онъ рано началъ заниматься публицистикой, а въ 1839 г. основалъ собственный органъ подъ названіемъ „La revue du progrés politique, social et littéraire“. Всѣ газеты, въ которыхъ ранѣе участвовалъ Луи Бланъ, принадлежали къ демократическому направленію, но господствующая въ нихъ точка зрѣнія была главнымъ образомъ политическая, хотя уже и въ нихъ Луи Бланъ касался и чисто соціальныхъ отношеній. Наоборотъ, новая газета съ самаго начала сдѣлалась органомъ соціальной реформы. Въ ней впервые появилось и главное публицистическое произведеніе Луи Блана „Организація труда“ (1839), имѣвшее громадный успѣхъ среди рабочихъ. Вскорѣ послѣ того Луи Бланъ издалъ другое сочиненіе бо́льшихъ размѣровъ, которое произвело сильное впечатлѣніе и на буржуазію. Это была знаменитая „Исторія десяти лѣтъ“ (1830—1840), т. е.

[1]) Изложеніе ученія Кабе въ главѣ XIII пятаго тома «Исторіи Западной Европы».

первой половины царствованія Людовика-Филиппа. Въ этомъ трудѣ Луи Блану удалось воспользоваться весьма многими матеріалами, остававшимися до него совершенно неизвѣстными публикѣ. Іюльское правительство подвергалось въ этой книгѣ весьма суровой и во общемъ очень справедливой критикѣ. Въ самое короткое время книга выдержала нѣсколько изданій. Можно даже сказать, что своей „Исторіей десяти лѣтъ" Луи Бланъ сильно повредилъ іюльской монархіи, какъ другими своими сочиненіями до извѣстной степени опредѣлилъ общій характеръ и направленіе самой революціи, ожививъ якобинскую традицію и давъ соціальному движенію опредѣленную программу. Такой успѣхъ заставилъ Луи Блана приняться за крупный историческій трудъ уже по исторіи великой революціи. Первый томъ этого сочиненія появился уже въ 1846 г., но оканчивать ее Луи Блану пришлось уже въ изгнаніи послѣ декабрьскаго переворота 1851 г. Занявшись историческими работами, Луи Бланъ вынужденъ былъ прекратить изданіе собственнаго органа, и только продолжалъ участвовать въ газетѣ Каваньяка. Подъ его вліяніемъ эта газета приняла мало-по-малу опредѣленно соціалистическій характеръ. Между прочимъ, въ началѣ 1848 г., когда было весьма сильно броженіе, подготовлявшее февральскую революцію, „La Réforme" обнародовала свою политическую программу, въ которой, собственно говоря, повторялись основныя положенія „Организаціи труда". Уже въ 1846 г. Луи Блану предлагали занять мѣсто въ палатѣ депутатовъ, но тогда онъ отклонилъ отъ себя кандидатуру.

Въ исторіи соціальнаго движенія сороковыхъ годовъ Луи Блану по справедливости принадлежитъ видное мѣсто, такъ какъ въ своихъ публицистическихъ и историческихъ сочиненіяхъ онъ выступилъ дѣйствительно съ весьма опредѣленною идеей. Живя въ эпоху обострившейся классовой борьбы между буржуазіей и пролетаріатомъ, въ своей „Исторіи десяти лѣтъ" онъ взглянулъ на современность именно съ точки зрѣнія этой классовой борьбы, распространивъ такое толкованіе историческихъ событій и перемѣнъ и на предшествующія десятилѣтія XIX в. Та же самая мысль красною нитью проходитъ равнымъ образомъ и черезъ всю его „Исторію французской революціи". Луи Бланъ заявляетъ здѣсь себя горячимъ

сторонникомъ якобинцевъ, какъ защитниковъ пролетаріата, провозвѣстниковъ, по его мнѣнію, принципа „братства“. Наоборотъ, къ жирондистамъ Луи Бланъ относится съ нескрываемымъ несочувствіемъ: въ нихъ онъ видитъ представителей буржуазіи, защитниковъ существующаго общественнаго строя, людей, которые поставили на своемъ знамени „индивидуализмъ“. У своихъ непосредственныхъ предшественниковъ Луи Бланъ заимствовалъ всю свою критику системы свободной конкурренціи съ ея laisser faire, laisser passer, какъ системы, основанной на частномъ интересѣ и приводящей на практикѣ лишь къ экономическому неустройству, къ крайне неравномѣрному распредѣленію матеріальнаго достатка и къ прямой нищетѣ наиболѣе трудящагося класса общества. Все зло, по Луи Блану, заключается въ „индивидуализмѣ“. Въ немъ онъ готовъ еще признать силу, которая въ свое время была призвана сокрушить господство „авторитета“, воплощавшагося въ католической церкви и въ абсолютной монархіи, но въ его глазахъ это — сила по существу своему противообщественная и противонравственная. Индивидуализмъ есть жизненный принципъ буржуазіи; индустріализмъ, чисто матеріальный взглядъ на жизнь, есть настоящая ея религія. Современный порядокъ вещей не только заставляетъ бѣдствовать народныя массы, но и портитъ душу народа. Принципъ индивидуализма долженъ уступить мѣсто принципу братства, провозвѣстниками котораго Луи Бланъ и считалъ якобинцевъ. Вся суть его „Организаціи труда“ заключалась въ слѣдующемъ. Каждый имѣетъ право на трудъ, а для того, чтобы это право осуществлялось въ дѣйствительности, необходимо возложить на общество обязанность организовать трудъ въ соотвѣтствіи съ такимъ требованіемъ. Государство должно посредствомъ большого національнаго займа образовать денежный фондъ, при помощи котораго для главныхъ отраслей промышленности были бы основаны такъ называемыя „общественныя мастерскія“. Для работы въ этихъ заведеніяхъ должны быть допущены рабочіе, стоящіе на извѣстномъ нравственномъ уровнѣ, и всѣ они за свой трудъ получали бы совершенно одинаковую плату. На первыхъ порахъ внутренніе распорядки въ такихъ мастерскихъ были бы установлены самимъ правительствомъ;

оно же назначило бы и руководителей для совершающихся въ нихъ работъ, но по истеченіи перваго года слѣдовало бы предоставить право выбирать своихъ начальниковъ самимъ рабочимъ. Главная задача такихъ учрежденій, по представленію Луи Блана, заключалась въ томъ, чтобы нанести ударъ всѣмъ частнымъ промышленнымъ предпріятіямъ. Будучи принципіальнымъ врагомъ свободной конкурренціи, онъ думалъ воспользоваться какъ разъ ею же самою для того, чтобы сдѣлать ее въ будущемъ совершенно невозможною. Частныя промышленныя предпріятія постепенно исчезнутъ, и вся промышленность получитъ тогда строго соціальную организацію. Соціальныя мастерскія одной и той же спеціальности могли бы уживаться между собою совершенно мирно, и прежнюю конкурренцію замѣнило бы теперь совпаденіе усилій, и въ концѣ же концовъ явилась бы и солидарность между различными отраслями промышленности. Но чтобы государство могло выполнять свое назначеніе, Луи Бланъ считалъ нужнымъ дать ему большую силу, иначе—возстановить въ его пользу принципъ авторитета. Съ этой точки зрѣнія онъ даже нападалъ въ „Исторіи десяти лѣтъ“ на либераловъ эпохи реставраціи за то, что они ослабляли власть, и высказывалъ сочувствіе сенъ-симонистамъ, которые, наоборотъ, работали въ пользу усиленія общественнаго авторитета. Тѣмъ не менѣе Луи Бланъ желалъ сохранить за меньшинствомъ извѣстную свободу отъ тиранніи большинства. Ему не хотѣлось доводить свой соціализмъ до крайности, и въ его сочиненіяхъ встрѣчаются прямыя заявленія противъ коммунизма. По его мнѣнію, въ обществѣ распредѣленіе благъ должно совершаться даже не по той формулѣ, которую провозгласили сенъ-симонисты [1]). „Каждому по его способностямъ, каждому по его нуждамъ“,—вотъ собственный принципъ Луи Блана, выраженный имъ, кромѣ того, и въ слѣдующей формулѣ: „долгъ соразмѣрно со способностями и силами, право соразмѣрно съ нуждами“.

Совершенно особое мѣсто среди французскихъ соціалистовъ сороковыхъ годовъ занимаетъ Пьеръ-Жозефъ Прудонъ. Въ 1840 г. появился его первый мемуаръ „О собственности“ (Qu'est ce qu'est

[1]) «Каждому по его способности, каждой способности по ея дѣламъ».

были защищать въ 1840 году общество и правительство, несмотря на существованіе и упроченіе внѣшняго порядка". Людовикъ-Филиппъ тоже только и думалъ о томъ, чтобы упрочить на французскомъ престолѣ свою династію. Въ 1842 г. его постигло большое горе: старшій его сынъ, герцогъ Орлеанскій, съумѣвшій пріобрѣсти себѣ нѣкоторую популярность, умеръ отъ несчастнаго случая, бывшаго съ нимъ неподалеку отъ Парижа во время одной изъ его поѣздокъ въ Нельи. Лошади чего-то испугались и понесли, герцогъ выпрыгнулъ изъ экипажа, но при этомъ расшибся на смерть. Послѣ него осталось двое сыновей, изъ которыхъ старшему, графу Парижскому, было только четыре года, и поэтому приходилось назначать регентство на случай вступленія на престолъ малолѣтняго короля. Для іюльской монархіи это было большимъ ударомъ. Между тѣмъ въ своей собственной семьѣ Людовикъ-Филиппъ не встрѣчалъ одобренія своей политикѣ, хотя ему и не всегда рѣшались высказывать это. Сама королева начала наконецъ говорить ему, что нужно сдѣлать уступку общественному мнѣнію и распроститься съ непопулярнымъ министромъ. Но Людовикъ-Филиппъ все болѣе и болѣе утверждался въ той мысли, что министерство Гизо должно и впредь управлять Франціей.

И король, и министръ старались соблюдать внѣшнія формы конституціи. Гизо все время имѣлъ на своей сторонѣ парламентское большинство: выборы 1842 и 1846 г. посылали въ палату сторонниковъ министерства. Но это большинство было на самомъ дѣлѣ искусственнымъ: подкупались избиратели, подкупались и депутаты. Правительство раздавало мѣста, пенсіи, концессіи, подряды и т. д. до казенныхъ табачныхъ лавочекъ включительно, а затѣмъ и сами депутаты давали охотно избирателямъ обѣщанія на счетъ разныхъ мѣстныхъ благополучій (дорогъ, казармъ, школъ и т. п.). Все это дѣлалось открыто, и Гизо даже утверждалъ, что „злоупотребленіе вліяніемъ",—какъ онъ предлагалъ называть случаи, у другихъ слывшіе за подкупы,—„присуще нѣкоторымъ образомъ всѣмъ свободнымъ странамъ". Въ избраніи депутата, угоднаго властямъ, а потому и могущаго доставить выгоды своимъ избирателямъ, онъ видѣлъ „обмѣнъ услугъ между избирателемъ и депутатомъ", „своего рода

патронатъ, которому слѣдуетъ скорѣе радоваться, чѣмъ жаловаться на него". Дѣло дошло до того, что чуть не половина всего числа депутатовъ занимала разныя должности на государственной службѣ; понятно, что такіе депутаты-чиновники не могли быть вполнѣ независимыми дѣятелями. На свѣтъ божій начали всплывать скандальные факты казнокрадства, продажности, безчестныхъ сдѣлокъ. Одно за другимъ открывались злоупотребленія въ разныхъ военныхъ учрежденіяхъ, въ арсеналахъ, магазинахъ, интендантствѣ. Въ 1847 г. на скамью подсудимыхъ попали и были признаны виновными въ мошенничествѣ два члена палаты пэровъ, бывшіе министры (Кюбьеръ и Тестъ). Талантливый журналистъ Эмиль де Жирарденъ ежедневно печаталъ въ своей газетѣ (La Presse), что министръ внутреннихъ дѣлъ Дюшатель принялъ участіе въ сдѣлкѣ, по которой основатель одного театра за данное ему разрѣшеніе заплатилъ сто тысячъ франковъ, которые пошли на субсидію новой министерской газетѣ, издававшейся Гранье де Кассаньякомъ. Система подкуповъ распространялась и на печать, которая должна была поддерживать министерство.

Такое народное представительство, какимъ были французскія палаты сороковыхъ годовъ, не могло стоять на высотѣ своей законодательной задачи. Время уходило главнымъ образомъ на парламентскіе турниры, на борьбу партій, для которой обильную пищу доставляла внѣшняя политика. Въ сороковыхъ годахъ во Франціи было предпринято не мало общественныхъ работъ, которыя независимо отъ своей важности интересовали буржуазію и потому, что, многимъ давали случай пристроиться къ выгодному дѣлу. Таковы были, напримѣръ, укрѣпленія Парижа, предпринятыя еще въ предыдущій періодъ. Далѣе, въ эту же эпоху во Франціи происходила усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ, равнымъ образомъ привлекавшая къ себѣ вниманіе палаты. Существовала мысль о необходимости взять на себя это дѣло государству, но палаты были противъ этого, и постройка желѣзныхъ дорогъ велась акціонерными компаніями, которымъ предоставлялось право заключать займы съ гарантіей государства. Особенно важенъ былъ законъ 1842 г., который привлекалъ къ расходамъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ

заинтересованные этимъ общины и департаменты, а также частью и государственную казну. Рискъ предпріятій подобнаго рода брало на себя государство, а барыши шли въ карманъ акціонеровъ желѣзнодорожныхъ компаній, и называлось это — „поощреніемъ духа предпріимчивости и содѣйствіемъ промышленности". Тѣ же самыя лица, которыя въ качествѣ законодателей рѣшали вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ въ палатѣ, были вмѣстѣ съ тѣмъ и акціонерами строившихъ ихъ компаній. Другимъ видомъ легкой наживы были государственные займы. Іюльская монархія вела свои финансовыя дѣла съ постоянными дефицитами, требовавшими частыхъ займовъ, а это выдвигало на первый планъ банкировъ и биржевиковъ: какъ правительство, такъ и депутаты очень хорошо знали, какими путями можно было извлекать выгоды изъ разныхъ денежныхъ операцій на счетъ мелкихъ капиталистовъ, обращавшихъ свои сбереженія въ процентныя бумаги.

Въ свое министерство Гизо пришлось выдержать вообще не мало сильныхъ парламентарныхъ бурь со стороны оппозиціи, руководимой такими парламентскими бойцами, какъ Тьеръ, Одилонъ Барро и др. Независимая печать тоже доставляла Гизо много непріятностей, и министерство пользовалось всякимъ случаемъ, когда представлялась возможность привлекать газеты къ суду. Поводы къ этому возникали, между прочимъ, благодаря тому, что оппозиціонныя газеты задѣвали самого короля, вліяніе котораго на политику министерства всѣми хорошо чувствовалось и сознавалось. Правительство какъ бы совсѣмъ не обращало вниманія на то, что чѣмъ больше возбуждало оно судебныхъ преслѣдованій противъ печати, тѣмъ чаще присяжные выносили оправдательные приговоры подсудимымъ. Неудачными преслѣдованіями министерство только себя дискредитировало, а газеты дѣлались только смѣлѣе. Даже самъ Людовикъ-Филиппъ иногда подвергался нападеніямъ въ печати.

Главнымъ политическимъ вопросомъ за весь этотъ періодъ была парламентская реформа, которая распадалась на двѣ части. Съ одной стороны, оппозиція требовала исключенія изъ палаты или, по крайней мѣрѣ, сокращенія числа депутатовъ, которые въ то же время занимали разныя мѣста на государственной службѣ. Это была

парламентская реформа въ собственномъ смыслѣ, и съ 1830 по 1847 г. предложенія въ указанномъ смыслѣ вносились въ палату восемнадцать разъ. Съ другой стороны, въ сороковыхъ годахъ трижды вносилось предложеніе объ избирательной реформѣ, т. е. о расширеніи избирательнаго права. Въ 1830 г. число избирателей опредѣлялось въ 200.000, въ 1847 г. оно доходило уже до 241.000, благодаря развитію благосостоянія въ среднихъ классахъ общества. Между тѣмъ общественное мнѣніе еще въ первые годы послѣ іюльской революціи требовало пониженія ценза и замѣны его въ нѣкоторыхъ случаяхъ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ, предполагающимъ высшее умственное развитіе (такъ называемыя capacités, напримѣръ, профессора, врачи, адвокаты, нотаріусы и др. представители либеральныхъ профессій). Вопросъ о положеніи чиновниковъ въ палатѣ и вопросъ о расширеніи избирательнаго права то ставились отдѣльно одинъ отъ другого, то соединялись между собою, а относительно избирательнаго права существовали разныя мнѣнія. Демократическая партія ставила вопросъ вполнѣ послѣдовательно въ смыслѣ введенія во Франціи всеобщаго избирательнаго права. Это требованіе особенно пугало господствующую буржуазію, и она не хотѣла дѣлать ни малѣйшихъ уступокъ, боясь, что всякая уступка будетъ только первымъ шагомъ къ введенію всеобщей подачи голосовъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что въ самой палатѣ даже представители радикальной партіи не шли дальше пониженія ценза до 50 франковъ. Любопытно и то, что за всеобщую подачу голосовъ стояли легитимисты, надѣявшіеся при этомъ, что громадное большинство сельскихъ избирателей будетъ подавать голоса по указанію духовенства и крупныхъ землевладѣльцевъ. Когда оппозиціонные депутаты увидѣли, что обыкновеннымъ путемъ реформы не добьешься, то рѣшились дѣйствовать на общественное мнѣніе путемъ политическихъ банкетовъ. Это было средство, практиковавшееся и раньше: въ царствованіе Людовика-Филиппа къ нему прибѣгали довольно часто разныя партіи, но теперь оно получило новое значеніе. Оппозиція задумала обратиться къ банкетамъ, дабы показать, что страна дѣйствительно желаетъ реформы,

такъ какъ имѣлось въ виду устроить какъ можно болѣе подобныхъ манифестацій.

Въ этой агитаціи приняли участіе разныя фракціи тогдашней оппозиціи, но далеко не всѣ. Именно легитимисты, желавшіе гибели іюльскому трону, отнюдь не думали поддерживать реформу, которая, по господствовавшему тогда мнѣнію, имѣла бы своимъ результатомъ упроченіе существующаго порядка вещей. Иниціатива агитаціи принадлежала династической лѣвой, руководимой Одилономъ Барро, а она прямо заявляла, что ею защищается „реформа во избѣжаніе революціи". Послѣдній лозунгъ не нравился, съ другой стороны, и крайнимъ республиканцамъ, органомъ которыхъ была „Реформа", и они даже упрекали чисто политическихъ радикаловъ, державшихся идей „Національ", въ томъ, что тѣ идутъ за одно съ династической лѣвой. Но если партія Одилона Барро стояла за „реформу во избѣжаніе революціи" желая именно, преобразованіями предупредить переворотъ, то республиканцы, наоборотъ, въ агитаціи во имя реформы видѣли самое удобное средство для того, чтобы вызвать переворотъ. И вотъ даже тѣ изъ нихъ, которые первоначально не хотѣли принимать участія въ банкетахъ, впослѣдствіи, когда увидѣли, что агитація вызываетъ въ народѣ сильное броженіе, рѣшили, что и имъ нужно присоединиться къ политической лѣвой. Примкнули къ кампаніи и многіе члены лѣваго центра, руководимаго Тьеромъ, который, однако, лично отказался принять участіе въ движеніи. Повидимому, ему желательны были результаты всего этого похода на правительство, но онъ не хотѣлъ ни рисковать, ни брать на себя отвѣтственность. Въ общемъ большинство оппозиціи, начиная агитацію за реформу, вовсе не думало, чтобы дѣло могло кончиться революціей. То обстоятельство, что республиканцы сначала держались въ сторонѣ, не менѣе характерно. Еще за пять мѣсяцевъ до революціи Герценъ писалъ, что во Франціи многіе знали, чѣмъ они недовольны, но почти никто не зналъ, чѣмъ и какъ исправить положеніе, „ни даже соціалисты, прибавляетъ онъ, люди дальняго идеала, едва виднѣющагося въ будущемъ". Если кто и начиналъ, однако, тревожиться въ виду разыгрывавшихся событій, такъ это были вожди радикальной партіи, лучше

знавшіе настроеніе народа, но совсѣмъ не приготовившіеся къ тому, чтобы встрѣтить грядущія событія. Революція даже и ихъ застала врасплохъ.

Въ послѣдніе мѣсяцы, непосредственно предшествовавшіе революціи 1848 г., особенно выдвинулись Ламартинъ и Ледрю-Ролленъ. Первый изъ нихъ, когда-то сторонникъ Гизо, обратилъ на себя всеобщее вниманіе своей „Исторіей жирондистовъ“, а потомъ смѣлою рѣчью на одномъ изъ банкетовъ 1847 г., пророчески предсказывавшей Франціи „революцію презрѣнія“. Другой, Ледрю-Ролленъ, членъ палаты депутатовъ съ 1841 г., еще въ своей первой рѣчи передъ избирателями объявилъ себя республиканцемъ и говорилъ, что намѣренъ искать опоры не въ палатахъ, а въ народѣ и только въ народѣ. Попавъ въ палату, Ледрю-Ролленъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей демократической партіи; онъ нападалъ не только на правительство, но и на династическую лѣвую, требуя при каждомъ удобномъ случаѣ проведенія демократическихъ принциповъ. Не будучи соціалистомъ и даже прямо высказываясь противъ соціализма, онъ стоялъ тѣмъ не менѣе за самое широкое осуществленіе демократическихъ началъ и для пропаганды ихъ принялъ участіе въ основаніи радикальной „Реформы“. Такъ какъ въ этой газетѣ сталъ работать Луи-Бланъ, выступившій въ ней со своею соціалистическою программою, то многіе соціалисты считали Ледрю-Роллена своимъ единомышленникомъ. Когда началась компанія банкетовъ, онъ сначала сторонился отъ этого движенія.

Первый банкетъ въ Парижѣ состоялся 9 іюля 1847 г., и за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ банкетовъ въ другихъ городахъ, но лишь черезъ четыре мѣсяца (7 ноября въ Лиллѣ) Ледрю-Ролленъ примкнулъ къ этой агитаціи. При первой же встрѣчѣ между Одилономъ Барро и Ледрю-Ролленомъ произошла размолвка, и сторонники послѣдняго стали устраивать свои особые банкеты, причемъ Ледрю-Ролленъ объѣхалъ нѣсколько городовъ и вездѣ говорилъ рѣчи. Сначала министерство давало полную свободу этой агитаціи, только осыпая ихъ описанія сарказмами въ своихъ газетахъ и даже противопоставляя династической оппозиціи радикальную партію,

какъ болѣе заботящуюся о реальныхъ интересахъ народа. Послѣдняя законодательная сессія палатъ іюльской монархіи открылась 28 декабря 1847 г. Въ своей тронной рѣчи Людовикъ-Филиппъ заявилъ между прочимъ о существованіи во Франціи „агитаціи, возбуждаемой враждебными или слѣпыми страстями", и при этомъ довольно ясно далъ понять, что никакихъ перемѣнъ не будетъ. Министерскія газеты комментировали рѣчь короля въ томъ же смыслѣ. Пренія по поводу отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь отличались большою страстностью. Въ палатѣ пэровъ даже высказано было однимъ членомъ желаніе, чтобы министры поскорѣе перешли со своей скамьи на скамью подсудимыхъ. Въ палатѣ депутатовъ, гдѣ снова былъ поднятъ вопросъ о подкупахъ по поводу нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ, пренія объ адресѣ продолжались чуть не цѣлый мѣсяцъ (съ 17 января по 12 февраля), въ теченіе котораго произнесено было не мало замѣчательныхъ рѣчей, бывшихъ какъ бы рядомъ обвинительныхъ актовъ противъ министерства Гизо и всей правительственной системы. Во многихъ рѣчахъ говорилось, что оппозиція болѣе не намѣрена жаловаться большинству на министерство, а думаетъ жаловаться на большинство странѣ, стоящей внѣ и выше палаты. Банкетная агитація казалась теперь оппозиціи болѣе, чѣмъ необходимою. Во время преній по поводу адреса депутаты оппозиціи не разъ отстаивали право собраній, но министерство на этотъ разъ рѣшительно заявило, что такого права во Франціи не существуетъ. 19 января 1848 г. задумали-было устроить банкетъ избиратели 12 округа Парижа, но префектъ полиціи его запретилъ. Правительство рѣшилось положить конецъ агитаціи.

Въ Парижѣ возбужденіе росло, но оппозиціонные депутаты старались успокоить народъ, въ то же время заявляя о необходимости устроить грандіозную манифестацію, спокойствіе которой должно было, какъ было сказано въ одной газетѣ, внушить ужасъ правительству. 10 февраля комитетъ, устраивавшій банкетъ, объявилъ, что банкетъ состоится 22 числа, и что „манифестація въ пользу права и противъ произвола не достигнетъ цѣли, если не будетъ происходить мирно и въ полномъ порядкѣ". Правительство отнеслось съ высокомѣріемъ къ этой „бурѣ въ стаканѣ воды", какъ выра-

зился Людовикъ-Филиппъ, и маршалъ Бюжо обѣщалъ „дать хорошій урокъ“ либераламъ. Министерскія газеты тоже писали, что приняты всѣ мѣры для подавленія малѣйшихъ безпорядковъ. Самоувѣренный тонъ правительственной прессы вселялъ и въ членовъ династической оппозиціи убѣжденіе въ томъ, что никакой опасности нѣтъ, а потому, какъ признавался впослѣдствіи Одиллонъ Барро, всѣ и „относились съ меньшею тревогою къ агитаціи, которую должны были возбудить въ отвѣтъ на вызовъ правительства“. Только передъ самою катастрофою династическая лѣвая ясно увидѣла, что дѣло можетъ кончиться не такъ, какъ она того желала бы. Между нѣкоторыми представителями оппозиціонной и министерской партій произошло даже совѣщаніе, на которомъ было постановлено обѣимъ сторонамъ отказаться отъ своихъ плановъ, предоставивъ рѣшеніе вопроса о правѣ собраній суду. Составлена была цѣлая программа поведенія обѣихъ сторонъ во время банкета—что говорить коммиссару полиціи, который явится протестовать противъ банкета, что отвѣчать Одилону Барро, который предложитъ собранію спокойно разойтись, уступая силѣ, и какъ, наконецъ, будетъ оппозиція успокаивать публику и газеты указаніемъ на то, что она добилась своего—передачи спорнаго вопроса на авторитетное рѣшеніе суда. Оппозиціонныя газеты напечатали и воззваніе къ публикѣ съ приглашеніемъ вести себя мирно во время готовившейся манифестаціи, а между тѣмъ министерство узнало черезъ полицію, что провожать на мѣсто собранія оппозиціонныхъ депутатовъ будетъ толпа въ сто тысячъ человѣкъ. Этого было довольно для правительства, чтобы отказаться отъ даннаго имъ согласія разыграть комедію съ діалогомъ полицейскаго коммиссара и Одилона Барро: депутаты могли исполнить свое обѣщаніе разойтись, но стотысячная толпа представляла собою уже нѣчто иное, чѣмъ депутаты. Предлогомъ для взятія назадъ согласія было обнародованіе газетами воззванія къ публикѣ о готовящейся манифестаціи. Префектъ полиціи формальнымъ приказомъ запретилъ устройство объявленнаго банкета, а главный начальникъ парижской національной гвардіи напомнилъ національнымъ гвардейцамъ существованіе закона, который не дозволялъ имъ собираться вмѣстѣ безъ приказа начальства. На улицахъ Парижа было расклеено

объявленіе, гласившее, что правительство прибѣгнетъ къ военной силѣ противъ всякихъ народныхъ сборищъ на площадяхъ и улицахъ столицы. Въ виду такого оборота дѣлъ оппозиціонные депутаты и журналисты стали собираться на совѣщанія, не зная, что предпринять. Наконецъ, громаднымъ большинствомъ собравшихся было рѣшено не участвовать въ банкетѣ. Къ этому рѣшенію присоединился и главный редакторъ „Насіоналя", Маррастъ, который сначала убѣждалъ депутатовъ явиться на банкетъ, говоря, что сами же они съ журналистами созвали народъ, а теперь отказываются явиться, боясь междоусобія, которое, наоборотъ, какъ-разъ и могло бы быть предотвращено только присутствіемъ депутатовъ. Безъ этого послѣдняго условія и онъ, и устроители банкета находили манифестацію лишенною всякаго политическаго значенія. Изъ записавшихся на банкетъ заявило намѣреніе придти всего семь-восемь человѣкъ, въ ихъ числѣ Ламартинъ, который сказалъ, что онъ пошелъ бы даже „и одинъ въ сопровожденіи своей тѣни". Рѣшеніе оппозиціи было тотчасъ же обнародовано ея газетами, которыя обратились вмѣстѣ съ тѣмъ къ населенію Парижа съ убѣдительною просьбою отказаться отъ какихъ бы то ни было демонстрацій въ виду положенія, занятаго правительствомъ, и неизбѣжности столкновенія съ военною силою. Это заявленіе было принято крайне несочувственно и національной гвардіей, и избирательнымъ комитетомъ парижскаго округа, и учащеюся молодежью, тоже собиравшимися для обсужденія вопроса, какъ слѣдуетъ себя вести. Въ редакціи „Реформы" очень многіе изъ дѣятелей республиканской партіи настаивали на необходимости немедленнаго возстанія, но противъ этого высказались Ледрю-Ролленъ, Луи Бланъ и Флоконъ, находившіе, что шансы борьбы слишкомъ неравны. Ихъ мнѣніе взяло верхъ, и скоро министерство внутреннихъ дѣлъ узнало, что даже „реформа" отказывается отъ банкета. Это окончательно успокоило правительство. Между тѣмъ многіе изъ тѣхъ, которые были недовольны отступленіемъ оппозиціонныхъ депутатовъ и журналистовъ, начали дѣятельно готовиться къ возстанію, разсѣявшись по предмѣстьямъ, среди рабочаго населенія, уже сильно волновавшагося въ эти дни.

22 февраля, въ день, назначенный для банкета, въ мѣстахъ,

прилегающихъ къ площади Магдалины, гдѣ онъ долженъ былъ происходить, еще съ утра начали собираться большія толпы народа, двигавшіяся туда со всѣхъ концовъ Парижа. Кричали: „да здравствуетъ реформа! долой министровъ! долой Гизо!“, а затѣмъ началось то, что обыкновенно бывало въ Парижѣ въ подобныхъ случаяхъ,—грабили оружейные магазины, пробовали строить баррикады, и въ разныхъ пунктахъ города начинались стычки съ военными отрядами. Между тѣмъ въ палатѣ Одилонъ Барро, Дювержье де Гораннъ и Гарнье Пажесъ внесли обвинительный актъ противъ министровъ, извратившихъ принципы конституціи и предавшихъ честь Франціи, но президентъ палаты поспѣшилъ закрыть засѣданіе. Около пяти часовъ дня правительство рѣшило созвать національную гвардію, которая въ тридцатыхъ годахъ постоянно принимала участіе въ подавленіи безпорядковъ, но теперь національная гвардія относилась къ правительству, по меньшей мѣрѣ, равнодушно. Поэтому сборъ національныхъ гвардейцевъ шелъ вяло, да и среди собравшихся оказывалось много сторонниковъ реформы. Къ вечеру, повидимому, въ Парижѣ все успокоилось, и правительство могло думать, что ничего серьезнаго не произойдетъ, тѣмъ болѣе, что погода не благопріятствовала возстанію: было холодно и сыро, шелъ безпрерывный дождь. На другой день, однако, опять начались попытки постройки баррикадъ, и въ разныхъ отрядахъ національной гвардіи кричали о необходимости перемѣнить министерство и дать реформу. Узнавъ о поведеніи національной гвардіи, король совершенно растерялся: эта вооруженная сила состояла изъ той же самой буржуазіи, которая образовала собою pays légal, и эта сила теперь его оставляла. Сначала онъ утѣшалъ себя мыслью, что у возставшихъ нѣтъ лица, которымъ они могли бы его замѣнить, но ему возразили, что если у нихъ нѣтъ никого, то это еще не значитъ, чтобы у нихъ не было чего-нибудь въ родѣ, напримѣръ, республики. Поспѣшили призвать Гизо, и отставка министерства состоялась. Приглашенный Людовикомъ-Филиппомъ, Моле услышалъ отъ него, что, собственно говоря, онъ вовсе не желаетъ мѣнять свою систему, а готовъ сдѣлать маленькія уступки, чтобы зажать ротъ крикунамъ. Моле убѣждалъ короля призвать Тьера и

Одилона Барро, но король не хотѣлъ объ этомъ слышать.

Извѣстіе объ отставкѣ Гизо быстро распространилось по всему городу, и начавшаяся борьба прекратилась, хотя построенныя уже баррикады продолжали охраняться инсургентами. Между тѣмъ Моле пріискивалъ себѣ будущихъ товарищей, для чего обращался за содѣйствіемъ и къ Тьеру, но депутаты, собравшіеся у Одилона Барро находили, что въ данный моментъ возможно было только министерство изъ членовъ лѣвой. Вечеромъ во многихъ частяхъ города зажглась иллюминація, и на главныхъ улицахъ устроилось настоящее гулянье съ радостными криками и пѣснями. Народъ сознавалъ свою побѣду, и многіе республиканцы считали свое дѣло потерянным, такъ какъ лозунгомъ возстанія была реформа выборовъ, а она, думали, была гарантирована отставкой Гизо. Но народное ликованіе было непродолжительно. Передъ зданіемъ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ около восьми часовъ вечера собралась очень густая толпа, неизвѣстно кѣмъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ, на который караулъ отвѣтилъ залпомъ изъ пятидесяти ружей, и на мѣстѣ оказалось много раненыхъ и убитыхъ. Это сдѣлалось сигналомъ къ общему возстанію. Немедленно образовалась процессія съ трупами убитыхъ, которыми нагрузили проѣзжавшій мимо дилижансъ. Шествіе съ крикомъ: „мщеніе“! двигалось по разнымъ улицамъ города далеко за полночь. Между прочимъ эта процессія останавливались передъ редакціями „Насіоналя“ и „Реформы“, гдѣ на этотъ разъ рѣшено было дѣйствовать заодно съ народомъ. Весьма быстро весь городъ былъ охваченъ возстаніемъ: почти во всѣхъ церквахъ ударили въ набатъ, и вездѣ воздвигались новыя баррикады.

Моле отказался образовать министерство, и въ ночь на 24-е число Людовикъ-Филиппъ пригласилъ къ себѣ Тьера и предложилъ ему немедленно составить новое министерство. Тьеръ посовѣтовалъ королю присоединить къ его имени еще имя Одилона Барро, на что немедленно же получилъ согласіе. Это обозначало, что правительство шло на уступки, но каково было удивленіе Тьера, когда онъ узналъ, что за нѣсколько часовъ передъ этимъ во главѣ военныхъ силъ столицы былъ поставленъ маршалъ Бюжо, имя котораго было крайне непопулярно въ массахъ. Всю ночь населеніе

Парижа строило баррикады и готовилось къ борьбѣ. Готовился къ ней и Бюжо. Но еще утромъ 24-го февраля мало кто думалъ о возможности низверженія монархіи, и обѣ республиканскія газеты требовали отъ правительства только болѣе значительныхъ уступокъ. Извѣстіе о назначеніи Бюжо главнокомандующимъ лишь ожесточило народную массу, и вѣсть о томъ, что образовалось министерство Тьера-Барро, уже не производила особаго впечатлѣнія. Борьба продолжалась, но національная гвардія все болѣе и болѣе переходила на сторону народа. Людовикъ-Филиппъ, который еще ночью ни за что не хотѣлъ согласиться на распущеніе палаты, утромъ наконецъ уступилъ требованіямъ Тьера и Одилона Барро. Вмѣстѣ съ этимъ по ихъ же настоянію былъ отданъ приказъ войскамъ прекратить огонь. Однако, власти до такой степени растерялись, что своевременно не было дано знать во всѣ отряды войска о прекращеніи военныхъ дѣйствій, и кровавыя столкновенія продолжались въ разныхъ частяхъ города. Утромъ, между десятью и одиннадцатью часами, возставшіе овладѣли Пале-Роялемъ, гдѣ когда-то жилъ Людовикъ-Филиппъ, будучи еще герцогомъ Орлеанскимъ. Королевское семейство только-что садилось за завтракъ, когда нѣкоторые депутаты прибѣжали предупредить короля, что и Тюльери грозитъ опасность со стороны возставшихъ. Гизо еще ночью спасся бѣгствомъ, переодѣтый, какъ разсказываютъ, въ женское платье. Теперь Людовику-Филиппу говорили о необходимости спасать королевское семейство. Онъ попробовалъ-было явиться лично съ двумя своими сыновьями передъ рядами линейныхъ войскъ и національной гвардіи. Со стороны солдатъ встрѣча была холодная, а изъ рядовъ національной гвардіи слышны были крики: „да здравствуетъ реформа!“, а это были отряды, которые должны были защищать Тюльери отъ нападенія. Во дворцѣ, куда вернулся король послѣ этой неудачной попытки, его ждало новое огорченіе: Тьеръ прямо заявилъ ему, что чувствуетъ себя совершенно безсильнымъ въ виду совершающихся событій, и что развѣ только Одилонъ Барро настолько популяренъ, чтобы остановить движеніе. Около полудня, когда битва на улицахъ Парижа все еще продолжалась, къ Людовику-Филиппу безъ доклада, ворвался Эмиль де Жирарденъ съ готовою уже прокламаціей

объявлявшей объ отреченіи короля отъ престола, о регентствѣ герцогини Орлеанской, о распущеніи палаты и о всеобщей амнистіи. Людовикъ-Филиппъ сталъ-было возражать, но Жирарденъ началъ говорить такъ настойчиво о необходимости отреченія, а среди окружавшихъ столь многіе стали его поддерживать, что Людовикъ-Филиппъ наконецъ уступилъ. „Актъ отреченія" былъ собственноручно написанъ Людовикомъ-Филиппомъ, передававшимъ теперь корону, „носить которую онъ былъ призванъ голосомъ народа", своему малолѣтнему внуку, графу Парижскому. Послѣ этого оставалось только бѣжать черезъ Тюльерійскій садъ на площадь Согласія, куда съ большимъ трудомъ привели два извозчичьихъ экипажа. Бѣгство было такъ поспѣшно, что Людовикъ-Филиппъ не принялъ никакихъ мѣръ для того, чтобы обезпечить передачу короны своему внуку. Вслѣдъ за этимъ герцогиня Орлеанская, взявъ за руки своихъ маленькихъ сыновей, пѣшкомъ направилась въ палату депутатовъ, гдѣ какъ ей говорили, находился и Одилонъ Барро. Не успѣла она еще достигнуть зданія палаты, какъ народная толпа овладѣла Тюльерійскимъ дворцомъ, въ которомъ произвела настоящій разгромъ. Многіе инсургенты уже кричали при этомъ: „да здравствуетъ республика!". Въ другихъ частяхъ Парижа происходили подобныя же сцены. Еще одна толпа овладѣла ратушей, съ давнихъ временъ считавшейся главнымъ пунктомъ парижскихъ революцій. Полицейская префектура была также въ рукахъ возставшаго народа. Часть толпы, овладѣвшей Тюльерійскимъ дворцомъ, понесла съ тріумфомъ королевскій тронъ на площадь Бастиліи, гдѣ онъ былъ сожженъ у подножія іюльской колонны. Другая часть совершила вторженіе въ палату депутатовъ какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда тамъ рѣшался вопросъ о регентствѣ герцогини Орлеанской. Между тѣмъ въ редакціяхъ „Насіоналя" и „Реформы" составили списокъ членовъ временнаго правительства, который былъ сообщенъ толпѣ, находившейся по близости и принявшей его громкими знаками одобренія. Въ сопровожденіи своихъ друзей и случайно находившихся здѣсь лицъ Араго направился въ палату депутатовъ, чтобы объявить ей волю народа. Герцогиня Орлеанская пришла туда же лишь немного ранѣе его появленія. Въ палатѣ депутатовъ царило величайшее смятеніе.

На одну минуту забѣжалъ въ палату Тьеръ, чтобы сказать свою исторически знаменитую фразу: „Волна растетъ, растетъ, растетъ; все погибло!“ — „Вы министръ?“ спросили его, еще не зная объ отреченіи Людовика-Филиппа, но Тьеръ отрицательно покачалъ головой, оставилъ палату и болѣе не появлялся на сцену во всѣ эти дни. Затѣмъ произошло появленіе въ палатѣ герцогини Орлеанской съ обоими сыновьями. Сторонники династической оппозиціи, среди которыхъ наиболѣе видную роль продолжалъ играть Одилонъ Барро, думали увлечь палату, чтобы провозгласить графа Парижскаго королемъ, а его мать — регентшею, но въ это же самое время въ палатѣ уже произносились слова: „временное правительство“. Среди крайняго безпорядка одни говорили за регентство, другіе—за образованіе временнаго правительства, третьи требовали обращенія къ народу, доказывая, что палата депутатовъ не существуетъ болѣе, какъ палата, что теперь она ничто. Еще большій безпорядокъ начался, когда въ палату ворвалась толпа, не задолго передъ тѣмъ взявшая Тюльери. На трибуну стали взбѣгать совершенно посторонніе люди, и большею частью нельзя было разобрать, что они говорили. Только съ большимъ трудомъ Ледрю-Роллену удалось наконецъ произнести рѣчь, въ которой онъ протестовалъ противъ регентства и требовалъ установленія временнаго правительства, назначеннаго, однако, не палатой, а народомъ. Его рѣчь прерывалась постоянными апплодисментами. За нимъ говорилъ Ламартинъ, который тоже предлагалъ учредить временное правительство, но во время его рѣчи въ палату ворвалась новая толпа народа съ криками: „долой палату! долой подкупленныхъ депутатовъ“! Герцогиня Орлеанская и ея дѣти едва спаслись бѣгствомъ. Среди шума состоялось образованіе временнаго правительства. Сначала написаны были наскоро на билетикахъ присутствующими депутатами, національными гвардейцами, студентами и т. д. имена кандидатовъ.

И на основаніи этихъ билетиковъ, Ламартинъ по своему усмотрѣнію составилъ списокъ, не включивъ въ него, напримѣръ, Луи Блана за его соціалистическій образъ мыслей. Многіе стали протестовать, но Ламартинъ объявилъ, что засѣданіе временнаго правительства переносится въ ратушу. Уже послѣ его удаленія Ледрю-Р

V. Вторая республика [1]).

Общій взглядъ на революцію 1848 г.—Временное правительство и отраженіе въ немъ партійныхъ отношеній.—Роль соціализма въ движеніи 1848 г.—«Право на трудъ» и національныя мастерскія.—Выборы въ учредительное собраніе 1848 г.—Общій его характеръ.—Возстаніе 15 мая и іюньскіе дни. Вліяніе ихъ на усиленіе реакціи.—Внѣшняя политика второй республики.—Конституція 1848 г.—Избраніе Людовика-Наполеона въ президенты республики.—Его прошлое и личный характеръ.—Внутренняя исторія республики въ 1849—1851 гг.—Государственный переворотъ 2 декабря.—Конституція 1852 г.—Возстановленіе имперіи во Франціи.

Общій характеръ февральской революціи былъ довольно удачно опредѣленъ Жюлемъ Симономъ: „агитація велась либералами въ пользу республики, которой они боялись, а затѣмъ сами республиканцы провозгласили всеобщую подачу голосовъ въ пользу соціализма, къ которому они относились съ ужасомъ“. Въ самомъ дѣлѣ, результатами переворота прежде всего воспользовалась республиканская партія, изъ которой и были взяты члены временнаго правительства. Но въ эту эпоху сами республиканцы дѣлились на двѣ фракціи, изъ которыхъ одна стремилась исключительно къ политическому переустройству Франціи, тогда какъ другая думала и о переустройствѣ соціальномъ. Уже съ самаго начала во временномъ правительствѣ, въ которомъ представлены были обѣ партіи, стали происходить несогласія, отражавшіяся, конечно, на общемъ ходѣ дѣлъ. Собственно говоря, временное правительство представляло собою двѣ республики, и одна изъ нихъ должна была побѣдить, другая — погибнуть. Это различіе скоро сдѣлалось общеизвѣстнымъ и, напримѣръ, въ апрѣлѣ Леру писалъ къ Кабе: „будущее грозитъ опасностями, потому что теперь стоятъ одна противъ другой двѣ республики“. Большинство

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ V, главы XX и XXIV.

парижскаго населенія, остававшееся вооруженнымъ послѣ 24 февраля, стояло на сторонѣ республики соціальной. Соціалистическая и коммунистическая идеи были, какъ мы видѣли, очень популярны въ парижскомъ пролетаріатѣ, а когда совершилась революція, въ городѣ образовалось нѣсколько политическихъ клубовъ, основателями которыхъ являлись большею частью члены тайныхъ обществъ, привлекавшіе на свои засѣданія и рабочихъ. Правда, каждый изъ этихъ клубовъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно, и вожаки ихъ даже ссорились между собою, но проповѣдовалось въ этихъ клубахъ одно и то же — необходимость общественнаго переустройства. Такъ какъ регулярное войско въ Парижѣ совсѣмъ исчезло со сцены, а полицейская служба была организована бывшимъ заговорщикомъ Коссидьеромъ, то пролетаріатъ столицы очутился настоящимъ господиномъ положенія. Зато во временномъ правительствѣ его стремленія были представлены слабо. Большинство членовъ было противъ соціализма, и потому оно могло расчитывать на поддержку не только радикальныхъ элементовъ буржуазіи, но и всѣхъ нереспубликанскихъ элементовъ общества, которые подчинились республикѣ, боясь ея въ глубинѣ души. Въ провинціяхъ крупные землевладѣльцы, большею частью дворяне, затѣмъ буржуазія, наконецъ, крестьянская масса, не говоря о духовенствѣ не чувствовали особаго расположенія къ новому образу правленія. Однимъ словомъ, какъ и въ девятидесятыхъ годахъ XVIII в., республиканской партіи, очутившейся у власти, предстояла въ высшей степени трудная задача основать республику въ странѣ съ монархическимъ прошлымъ, въ націи, громадное большинство которой относилось къ этой государственной формѣ по меньшей мѣрѣ съ неловѣріемъ. Для выполненія такой задачи нужна была въ правительствѣ прежде всего солидарность, а ея-то какъ-разъ здѣсь и не было.

Двумя наиболѣе видными и вліятельными членами временнаго правительства были Ламартинъ и Ледрю-Ролленъ. Первый изъ нихъ — болѣе поэтъ, чѣмъ политикъ — выступилъ рѣшительнымъ противникомъ какихъ бы то ни было стремленій соціальнаго характера и сталъ напрягать всѣ свои усилія къ тому, чтобы прекратить революцію и вообще остановить движеніе. Взявъ на себя министерство

иностранныхъ дѣлъ, онъ въ первые же дни постарался успокоить Европу оффиціальнымъ заявленіемъ, въ которомъ обѣщалъ, что новая французская республика будетъ вести миролюбивую политику. Кажется, онъ особенно опасался, какъ бы война въ случаѣ успѣха не создала военной диктатуры. Съ другимъ, болѣе рѣшительнымъ характеромъ выступалъ Ледрю-Ролленъ. Взявъ на себя министерство внутреннихъ дѣлъ, онъ хотѣлъ пользоваться имъ не для обузданія революціи, а для того, чтобы предупредить реакцію и сдѣлать контръ-революцію невозможною. Онъ не прочь былъ также перенести революцію въ Бельгію и въ Германію. Кромѣ того, Ледрю-Ролленъ довольно близко стоялъ къ соціалистической партіи, хотя самъ не былъ соціалистомъ, и когда ему пришлось выбирать между двумя республиками, онъ сталъ не на сторону соціалистовъ. Большинство временнаго правительства относилось къ нему недружелюбно, а также онъ былъ непопуляренъ и среди буржуазіи, боявшейся его республиканизма. Тѣмъ сильнѣе за то была его популярность въ рабочемъ населеніи Парижа. Другіе члены правительства не всегда понимали, въ чемъ была ихъ задача. Маррастъ, захвативній должность парижскаго мэра, четыре дня спустя, принимая депутацію представителей періодической прессы, обратился къ ней съ такими словами: „при свободѣ печати невозможно управлять страною“. Весь служебный персоналъ оставался прежній, и, разумѣется, отъ людей, которые служили іюльской монархіи, нельзя было ожидать особой вѣрности республикѣ. Между прочимъ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ Ламартинъ довѣрялъ самыя важныя дипломатическія тайны лицамъ, которыя наканунѣ служили реакціонной политикѣ Гизо. Нѣчто худшее дѣлалось въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Многочисленные шпіоны прежняго правительства предложили свои услуги новому, и оно приняло ихъ всѣхъ на службу вмѣстѣ съ новыми добровольцами той же профессіи. Сразу въ Парижѣ образовалось три тайныхъ полиціи, шпіонившихъ одна за другою. Кромѣ министра внутреннихъ дѣлъ, тайныхъ агентовъ имѣлъ Маррастъ, слѣдившій одновременно за поведеніемъ Ледрю-Роллена, Луи Блана и Коссидьера, радикализмъ которыхъ внушалъ ему опасенія. Равнымъ образомъ и Коссидьеръ, изъ заговорщика

попавшій въ префекты полиціи, хорошо знакомый съ разнаго рода тайными махинаціями, устроилъ свою особую секретную полицію, которая извѣщала его чуть не о каждомъ словѣ, произнесенномъ Маррастомъ. Затруднительность положенія временнаго правительства усугублялась тѣмъ, что населеніе Парижа было до-нельзя взволновано событіями. Какъ и въ эпоху великой революціи, Парижъ стремился диктовать свою волю людямъ, стоявшимъ у власти, бурно предъявляя имъ тѣ или другія требованія, которыя часто и при всемъ желаніи правительства не могли быть удовлетворены.

Самыми популярными среди пролетаріата членами временнаго правительства были Луи Бланъ и Альберъ. Послѣдній самъ принадлежалъ къ рабочему классу и уже ранѣе былъ извѣстенъ среди народа, какъ агитаторъ. Онъ принималъ живое участіе въ разныхъ движеніяхъ сороковыхъ годовъ и очень близко стоялъ къ Луи Блану, когда вспыхнула революція. Но особенно большимъ вліяніемъ пользовался въ рабочемъ классѣ самъ авторъ „Организаціи труда“. Его положеніе во временномъ правительствѣ было совершенно особенное. Товарищи относились къ нему очень недружелюбно и всячески противодѣйствовали его проектамъ, не довѣряя ему и боясь его вліянія на массу, но самъ онъ, наоборотъ, старался всячески ладить съ товарищами и изыскивалъ средства къ успокоенію народа, хотя именно эти самыя средства и казались опасными другимъ членамъ правительства. Если бы на его мѣстѣ былъ другой человѣкъ, то онъ могъ бы при малѣйшемъ желаніи захватить въ свои руки диктатуру отъ имени революціоннаго пролетаріата. Луи Бланъ не только не шелъ на встрѣчу такой возможности, но, наоборотъ, всѣми силами старался поддерживать авторитетъ временнаго правительства.

Уже 25 февраля вооруженная толпа требовала „права на трудъ“, и на другой день въ самомъ правительствѣ зашла рѣчь о національныхъ мастерскихъ, которыя и рѣшено было учредить. Однако, онѣ не имѣли ничего общаго съ соціальными мастерскими, проектированными Луи Бланомъ въ „Организаціи труда“ [1]). Иниціа-

[1]) См. выше, стр. 170—171.

торомъ національныхъ мастерскихъ былъ членъ временнаго правительства и министръ общественныхъ работъ Мари, который надѣялся, что онѣ на опытѣ докажутъ рабочимъ всю свою непрактичность и тѣмъ подорвутъ опасное вліяніе Луи Блана. Онъ хотѣлъ также, выдавая казенныя деньги на содержаніе нѣкоторой части рабочихъ, привлечь ее на свою сторону и, создавъ изъ нея вооруженную силу, тѣмъ самымъ сдѣлать неопасною другую часть пролетаріата. 28 февраля парижскими рабочими была устроена новая демонстрація. Къ ратушѣ двинулись толпы народа со знаменами, на которыхъ красовался девизъ: „уничтоженіе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ". Манифестанты потребовали отъ временнаго правительства учрежденія особаго министерства прогресса, долженствовавшаго подготовить обѣщанную организацію труда. Это требованіе поддерживалъ предъ своими товарищами и Луи Бланъ, говорившій, что министерство прогресса было бы администраціей, которая посредствомъ распространенія просвѣщенія предотвращала бы народныя насилія. Всѣ члены временнаго правительства, кромѣ Альбера, возстали, однако, противъ этого. Тогда Луи Бланъ и Альберъ объявили, что они подадутъ въ отставку, если не будетъ дано согласія на учрежденіе новаго министерства. Остальные члены правительства хорошо понимали, что отставка Луи Блана и Альбера была бы сигналомъ къ революціи, и пошли на уступку, предложивъ, вмѣсто министерства прогресса, учредить особую коммиссію для разработки вопросовъ, относящихся къ труду, и къ матеріальному и нравственному положенію рабочихъ. Луи Бланъ противъ собственнаго желанія сдѣлался предсѣдателемъ этой коммиссіи, Альберъ—товарищемъ предсѣдателя; мѣстопребываніемъ коммиссіи былъ назначенъ Люксембургскій дворецъ. Этимъ актомъ временное правительство торжественно признавало соціальный характеръ революціи, но въ то же время, давая Луи Блану и Альберу особое порученіе, устраняло ихъ изъ своего состава, единственныхъ людей, которые представляли въ немъ какъ-разъ эту самую соціальную идею. Вмѣсто министерства, Луи Блану дали предсѣдательство въ ученой коммиссіи, у которой не было никакого авторитета и никакихъ матеріальныхъ средствъ. Въ Люксембургскомъ дворцѣ Луи Бланъ и Альберъ созвали уполномоченныхъ

отъ рабочихъ изъ разныхъ промышленныхъ заведеній, чтобы выслушать, въ чемъ заключались ихъ желанія. На основаніи выраженныхъ ими требованій былъ составленъ декретъ, сокращавшій рабочій день съ одиннадцати на десять часовъ въ Парижѣ и съ двѣнадцати на одиннадцать въ провинціи. Но этотъ декретъ остался мертвою буквою, такъ какъ хозяева промышленныхъ заведеній вовсе не обнаруживали намѣренія ему подчиниться. Коммиссія, приглашавшая въ свои засѣданія и ученыхъ экономистовъ, выработала еще нѣсколько практическихъ мѣръ, оставшихся, впрочемъ, также безъ осуществленія. Занятые своимъ дѣломъ, Луи Бланъ и Альберъ совсѣмъ были устранены отъ того, что дѣлалось въ ратушѣ. Между тѣмъ рабочіе возлагали большія надежды на коммиссію. Народъ вѣрилъ, что она осуществитъ обѣщаніе, данное ему декретомъ 25 февраля въ отвѣтъ на требованіе „права на трудъ“: правительство французской республики обязалось въ этомъ отвѣтѣ обезпечивать существованіе рабочихъ трудомъ и доставить работу всѣмъ гражданамъ.

За манифестаціей 28 февраля, приведшей къ учрежденію люксембургской коммиссіи, послѣдовала другая. 16 марта передъ ратушею произошла буржуазная демонстрація, имѣвшая чисто реакціонный характеръ. Въ толпѣ раздавались крики, враждебные соціализму, и многіе даже требовали смерти Ледрю-Роллена. Узнавъ объ этомъ происшествіи, рабочіе страшно взволновались и на другой день, 17 марта, имѣя во главѣ свои клубы, снова двинулись къ ратушѣ, чтобы не дать буржуазіи восторжествовать надъ временнымъ правительствомъ, а главное, чтобы принудить его къ болѣе рѣшительному образу дѣйствій и даже въ случаѣ надобности произвести перемѣны въ его составѣ. Однимъ изъ главныхъ требованій манифестантовъ была отсрочка выборовъ въ учредительное собраніе, назначенныхъ на 9-ое апрѣля, такъ какъ республиканцы хотѣли имѣть время, чтобы подготовить народъ къ этимъ выборамъ. По всеобщимъ отзывамъ, эта демонстрація отличалась необыкновеннымъ порядкомъ, спокойствіемъ и сдержанностью; на слѣдующій день само временное правительство благодарило народъ за устроенную имъ величественную манифестацію. Практическимъ результатомъ событія

17 марта была отсрочка выборовъ на двѣ недѣли, — срокъ слишкомъ короткій для того, чтобы можно было укрѣпить въ умахъ избирателей республиканскую идею, и, наоборотъ, оказавшійся совершенно достаточнымъ для того, чтобы враги республики успѣли оправиться отъ душевнаго потрясенія, испытаннаго ими подъ вліяніемъ внезапнаго крушенія іюльской монархіи. Черезъ мѣсяцъ, 16 апрѣля, произошла новая народная манифестація, имѣвшая своею цѣлью еще разъ напомнить временному правительству, что главная его задача заключалась въ изысканіи средствъ улучшить бытъ пролетаріата. Но теперь временное правительство заранѣе приготовилось къ возможности повторенія такого движенія, какое произошло 17 марта. Оно рѣшило во что бы то ни стало организовать вооруженную силу для противодѣйствія. По предложенію Араго, въ Парижъ введено было нѣсколько полковъ, а Маррастъ, съ своей стороны, старался расположить въ свою пользу національную гвардію, распространяя въ ней мысль о томъ, что она должна „защищать семью и собственность“ противъ „коммунистовъ“. Въ то же время Ламартинъ занялся организаціей подвижной гварліи изъ всякаго сброда, а Мари дѣйствовалъ среди рабочихъ, занятыхъ въ національныхъ мастерскихъ. Собственно говоря, никакихъ мастерскихъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова устроено не было. Мари сталъ принимать безработныхъ на земляныя работы, платя всѣмъ по два франка въ день, хотя подъ рукой и распространялъ слухъ, будто это какъ-разъ и было то, о чемъ хлопоталъ Луи Бланъ. Такъ какъ февральская революція повлекла за собой промышленно-торговый кризисъ, то безработныхъ было очень много, и пришлось давать занятія такому громадному числу нуждающихся, что въ общей сложности на это предпріятіе было затрачено около семи милліоновъ франковъ. Въ апрѣлѣ такихъ рабочихъ были уже десятки тысячъ, и Мари записалъ ихъ до 60,000 въ національные гвардейцы, не жалѣя денегъ на то, чтобы организовать изъ нихъ вѣрную правительству вооруженную силу. Рабочіе смотрѣли на подвижную гвардію, какъ на плоть отъ плоти своей, но на дѣлѣ она состояла изъ людей, у которыхъ не было никакого классового чувства; это были настоящіе наемники. Съ другой стороны, буржуазія воображала, что

рабочіе, навербованные и организованные Мари, будутъ послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ, хотя въ сущности онъ создавалъ армію для возстанія пролетаріевъ. Манифестація 16 апрѣля страшно напугала Ледрю-Роллена, все еще продолжавшаго пользоваться большимъ вліяніемъ въ народѣ. Онъ приказалъ генералу Шангарнье организовать защиту ратуши, и когда уполномоченные манифестантовъ явились на площадь передъ ратушей, то нашли все это мѣсто занятымъ національными гвардейцами, которые встрѣтили процессію корпораціи клубовъ криками: „долой коммунистовъ!“ Манифестантамъ пришлось отступить, ровно ничего не добившись. Вечеромъ національная гвардія торжествовала свою побѣду, а ночью потребовала у правительства, чтобы въ Парижъ было введено войско, и ей обѣщано было исполнить это „желаніе народа“. 20-го апрѣля временное правительство устроило парадный смотръ національной гвардіи, на который было приглашено и нѣсколько линейныхъ полковъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого совершены были выборы въ учредительное собраніе. Они происходили, съ одной стороны, подъ вліяніемъ страха передъ пролетаріатомъ, которому приписывалось намѣреніе произвести раздѣлъ собственности, а съ другой, подъ вліяніемъ реакціи, бывшей результатомъ событія 16 апрѣля. Кромѣ того, на громадное большинство избирателей весьма неблагопріятно подѣйствовало объявленное временнымъ правительствомъ увеличеніе налоговъ. Оно вообще поторопилось отмѣнить наиболѣе непопулярные налоги, но не имѣя денежныхъ средствъ и потерпѣвъ неудачу съ заключеніемъ займа, вынужденно было прибѣгнуть къ чрезвычайной мѣрѣ, прибавивъ 45% къ существовавшимъ уже прямымъ налогамъ. Для массы плательщиковъ, въ особенности для крестьянъ, это распоряженіе создавало очень неблагопріятное представленіе о республикѣ.

По распоряженію временнаго правительства, право участвовать въ выборахъ получалъ каждый французъ, достигшій гражданскаго совершеннолѣтія, депутаты же должны были имѣть не менѣе двадцати пяти лѣтъ. Общее ихъ число было опредѣлено въ 900, и каждый депутатъ долженъ былъ получать суточныхъ денегъ 25 франковъ. Избирательная агитація отличалась необыкновенною живостью,

потому что всѣ партіи и отдѣльные дѣятели выбивались изъ всѣхъ силъ, чтобы доставить торжество своимъ идеямъ. Въ концѣ концовъ въ учредительное собраніе страна послала весьма сильное большинство, враждебное какимъ бы то ни было соціальнымъ перемѣнамъ. Въ самомъ Парижѣ большинство голосовъ было на сторонѣ Ламартина (260.000), Араго, Гарнье-Пажеса, Марраста, Мари и т. п., тогда какъ Ледрю-Ролленъ, Луи Бланъ и Альберъ прошли въ меньшинствѣ. Въ общемъ соціалистамъ въ учредительномъ собраніи принадлежало лишь нѣсколько мѣстъ. Остальные депутаты, сходившіеся между собою на почвѣ противодѣйствія соціальной республикѣ, раздѣлялись на монархистовъ и республиканцевъ. Преобладаніе принадлежало послѣднимъ, вслѣдствіе чего монархисты (легитимисты и орлеанисты), выбранные подъ вліяніемъ духовенства и крупныхъ землевладѣльцевъ и составлявшіе все-таки весьма сильное меньшинство, были вынуждены подчиниться республикѣ, требуя только, чтобы она держалась строго консервативной политики. Все это было слѣдствіемъ того, что главную массу избирателей составляли крестьяне и мелкая буржуазія, сплотившіеся теперь вокругъ крупной буржуазіи и даже землевладѣльческаго дворянства, которое въ предыдущую эпоху почти совсѣмъ не имѣло избирателей. Въ собраніи было и большое число ревностныхъ католиковъ и въ частности. священниковъ, не игравшихъ вообще никакой роли при іюльскомъ режимѣ.

Національное собраніе открыло свои засѣданія 4 мая съ торжественной церемоніей, для которой было снова введено въ Парижъ нѣсколько отрядовъ войска, парадировавшаго во время церемоніи. Собраніе провозгласило республику съ девизомъ: „свобода, равенство, братство“ и, выслушавъ отчеты членовъ временнаго правительства, выбрало исполнительную коммиссію изъ пяти членовъ (Араго, Гарнье-Пажесъ, Мари, Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ), которая сама распредѣлила министерскіе портфели (причемъ военное министерство досталось Каваньяку). Луи Бланъ и Альберъ оказались исключенными изъ состава новаго правительства. Парижскій пролетаріатъ не могъ быть доволенъ подобнымъ результатомъ, и въ маѣ и іюнѣ имъ сдѣланы были поэтому попытки снова занять то положеніе, которое

онъ уже занималъ послѣ февральскаго переворота. Къ его вождямъ присоединились еще иностранные эмигранты, особенно поляки, требовавшіе, чтобы Франція заступилась за угнетенныя національности. Уже 13 мая толпа въ пять-шесть тысячъ человѣкъ съ криками: „да здравствуетъ Польша!“ отправилась къ національному собранію и черезъ особую депутацію представила ему адресъ съ просьбою заступиться за польскую націю. 15 мая демонстрація повторилась, принявъ на этотъ разъ характеръ настоящаго возстанія. Народъ снова долженъ былъ сдѣлать манифестацію въ пользу поляковъ, но власти узнали, что вожди движенія имѣли другую цѣль — низвергнуть правительство и разогнать національное собраніе. Поэтому съ его стороны приняты были мѣры. Утромъ 15 мая члены демократическихъ клубовъ, имѣя во главѣ Бланки, Распайля и др. агитаторовъ, собрались на площади Бастиліи и оттуда съ громадной толпой народа двинулись къ національному собранію. Народъ, не встрѣтивъ на пути серьезнаго сопротивленія, ворвался въ засѣданіе и произвелъ страшный безпорядокъ. Національное собраніе было объявлено распущеннымъ; овладѣвшіе его залой члены демократическихъ клубовъ приступили даже къ избранію новаго правительства. Въ число членовъ были предложены Луи Бланъ и Альберъ, хотя первый изъ нихъ еще раньше старался удержать народъ отъ демонстраціи. Остальными кандидатами были Бланки, Распайль, Коссидьеръ, Кабе, Леру, Консидеранъ. Когда, однако, пришло извѣстіе о приближеніи національной и подвижной гвардіи, инсургенты оставили національное собраніе и подъ начальствомъ Барбеса и Альбера пошли къ ратушѣ, которою и овладѣли почти безъ всякаго сопротивленія. Здѣсь ихъ вожди образовали новое правительство, въ составъ котораго должны были войти нѣкоторые изъ намѣченныхъ ранѣе лицъ и, кромѣ того, Ледрю-Ролленъ, вовсе, однако, не думавшій становиться на сторону возставшихъ. Между тѣмъ подъ защитою военной силы члены національнаго собранія возвратились на свои мѣста. Среди нихъ было два члена исполнительной коммиссіи, Ламартинъ и Ледрю-Ролленъ, рѣшившіе не допустить образованія новаго правительства. Они стали во главѣ національной и подвижной гвардіи и двинулись на ратушу, которою вскорѣ и овладѣли. Въ тотъ же день нѣкоторые вожди инсурген-

товъ были арестованы, а другіе были задержаны въ слѣдующіе дни и всѣ посажены въ Венсенскій замокъ. 21 мая правительство устроило для народа великолѣпное зрѣлище съ военнымъ парадомъ, такъ называемый „праздникъ согласія“, ухлопавъ на это цѣлый милліонъ франковъ. День прошелъ совершенно спокойно, и результатомъ его было новое увеличеніе вооруженной силы въ Парижѣ.

Между національнымъ собраніемъ и исполнительной коммиссіей не существовало, однако, полнаго согласія. Поводъ къ одному изъ столкновеній былъ слѣдующій. Въ первыхъ числахъ іюня, во время дополнительныхъ выборовъ, въ числѣ новыхъ представителей народа оказался избраннымъ въ Парижѣ и въ трехъ департаментахъ принцъ Людовикъ Бонапартъ. Посаженный за свое второе покушеніе въ крѣпость, онъ съумѣлъ бѣжать оттуда (1846), а немедленно послѣ февральской революціи рѣшился поселиться въ Парижѣ. Временное правительство, однако, намекнуло ему тогда, что ему лучше было бы уѣхать, и онъ повиновался. Избраніе его въ четырехъ округахъ уже само по себѣ кое-что значило, но когда на парижскихъ бульварахъ стали по временамъ раздаваться крики: „да здравствуетъ Наполеонъ! да здравствуетъ императоръ!“, исполнительная коммиссія постановила примѣнить къ принцу, какъ къ претенденту на престолъ, законы 1816 и 1832 гг. объ изгнаніи всѣхъ членовъ фамиліи Наполеона. Но національное собраніе высказалось противъ этого, увлеченное отчасти Луи Бланомъ, который говорилъ, что примѣненіе такого закона было бы недостойно республики и что возстановленіе имперіи совершенно невозможно. Кромѣ того, національное собраніе и исполнительная коммиссія не могли сойтись между собою по вопросу о національныхъ мастерскихъ. Для имущихъ классовъ онѣ казались осуществленіемъ соціализма. Мелкая буржуазія, переживавшая тяжелый кризисъ, съ ненавистью смотрѣла на это учрежденіе: она разорялась, а государство за какую-то никому ненужную работу платило ея же деньги. Впослѣдствіи ту же ненависть къ пролетаріату и соціализму проявили и крестьяне, которые сначала были раздражены „сорока пятью сантимами“, а затѣмъ прослышали о существованіи опасныхъ „partageux“, думающихъ отнять у нихъ землю для всеобщаго раздѣла.

И національное собраніе весьма косо смотрѣло на національныя мастерскія, находя ихъ дорого стоющими, совершенно ненужными, а сверхъ того и опасными, такъ какъ многіе работники этихъ мастерскихъ принимали участіе въ возстаніи 15 мая. Въ средѣ національнаго собранія возникло даже подозрѣніе, будто исполнительная коммиссія держится за національныя мастерскія лишь ради того, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи стотысячную революціонную армію рабочихъ, которую можно было бы пустить въ ходъ противъ народнаго представительства. На самомъ дѣлѣ такое мнѣніе было совершенно неосновательно. Исполнительная коммиссія сама начинала подумывать объ уничтоженіи національныхъ мастерскихъ, хотя и понимала, что такое предпріятіе было бы въ высшей степени труднымъ и даже опаснымъ. Ее самоё пугалъ громадный ростъ числа рабочихъ, потому что въ Парижъ стало стекаться множество народа изъ провинцій ради полученія раздававшейся правительствомъ поденной платы: въ началѣ іюня цифра рабочихъ, занятыхъ въ національныхъ мастерскихъ, опредѣлялась въ 117,000, и были всѣ основанія ожидать новаго прилива рабочихъ. Въ сущности, и національное собраніе, и исполнительная коммиссія были одинаково противъ національныхъ мастерскихъ, но исполнительная коммиссія только хотѣла соблюдать извѣстную осторожность или, по крайней мѣрѣ, выгородить себя, сваливъ отвѣтственность за всѣ непріятныя для пролетаріата мѣры на національное собраніе. Наиболѣе нетерпѣливые депутаты, наоборотъ, желали поскорѣе положить конецъ непріятному для нихъ положенію дѣлъ, хотя бы при этомъ пришлось подвергнуться опасности новаго возстанія.

Съ 15 мая начался рядъ мѣръ, направленныхъ противъ національныхъ мастерскихъ. Уже въ этотъ день было предписано предложить всѣмъ холостымъ рабочимъ отъ 18 до 25 лѣтъ поступить въ солдаты или уйти. Затѣмъ было сдѣлано распоряженіе удалить всѣхъ рабочихъ, не жившихъ передъ тѣмъ въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ, въ теченіи шести мѣсяцевъ, или такихъ, которые отказывались отъ предлагавшейся имъ частной работы, причемъ работа въ мастерскихъ, оплачивавшаяся поденно, должна была оплачиваться издѣльно. Наконецъ, рѣшено было отправить часть

рабочихъ въ отдаленныя провинціи, гдѣ они должны были быть заняты земляными работами. Это вызвало въ пролетаріатѣ волненіе, которое усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе рабочіе, отправленные въ провинцію, возвращались въ Парижъ и разсказывали, что никакихъ работъ тамъ они не нашли, что ихъ обманули, что съ ними дурно обращались. Декретъ, предписывавшій удалить или записать въ солдаты всѣхъ холостыхъ рабочихъ, появившійся 21 іюня въ „Монитерѣ“, еще болѣе раздражилъ пролетаріатъ.

Не лучше шли дѣла люксембургской коммиссіи. При открытіи національнаго собранія Луи Бланъ настаивалъ на томъ, чтобы эту безцѣльную коммиссію преобразовали въ министерство труда и прогресса, предсказывая возможность новой революціи. Когда его предложеніе не было принято, ему осталось только удалиться, а послѣ его ухода и коммиссія прекратила свое существованіе. Это тоже внесло немало озлобленія въ пролетаріатъ.

Съ каждымъ днемъ національное собраніе и исполнительная коммиссія принимали все болѣе и болѣе вызывающее положеніе. Борьба казалась неизбѣжной, и чтобы выйти изъ тягостнаго ожиданія, правительство стало даже желать, чтобы на него какъ можно скорѣе было сдѣлано нападеніе. Побѣда 15 мая вселяла правительству увѣренность въ своихъ силахъ. Народные вожди сидѣли въ тюрьмѣ. Въ Парижѣ и его окрестностяхъ въ распоряженіи властей было около тридцати тысячъ линейнаго войска, не считая тысячъ двадцати подвижной гвардіи. Генералъ Каваньякъ, незадолго передъ тѣмъ прибывшій въ Парижъ изъ Алжира, чтобы принять военное министерство и вмѣстѣ съ тѣмъ главное начальство надъ войсками, выработалъ планъ уличной войны противъ пролетаріата, открыто теперь обвинявшагося въ стремленіи къ поджигательству, грабежамъ и безначалію.

Между тѣмъ, прежде чѣмъ начать возстаніе, рабочіе дѣлали разныя попытки прійти къ какому-либо соглашенію. При извѣстіи о томъ, что въ собраніи требуютъ закрытія національныхъ мастерскихъ, они обращались къ начальству съ просьбою дать имъ настоящую работу, которой они сами желаютъ, и ставили при этомъ вопросъ, чѣмъ же будутъ кормиться сто тысячъ человѣкъ съ ихъ

женами и дѣтьми, если національныя мастерскія будутъ закрыты. 22 іюня они толпою ходили къ Люксембургскому дворцу спрашивать, что значитъ объявленіе о насильственной вербовкѣ рабочихъ въ армію, но Мари далъ такой рѣзкій отвѣтъ, что только раздражилъ толпу. Вечеромъ произошла большая народная сходка на площади Пантеона, и здѣсь было рѣшено на другой день возстать противъ правительства и собранія за нарушеніе обѣщанія, даннаго февральской революціей. Въ теченіе ночи возстаніе было уже вполнѣ организовано. Рано утромъ 23 іюня въ разныхъ частяхъ города выростали одна за другою баррикады, выростали совершенно безпрепятственно, такъ какъ планъ Каваньяка, подъ начальство котораго была отдана и національная гвардія, заключался въ томъ, чтобы избѣгать стычекъ съ мелкими отрядами, а дѣйствовать большими массами. Араго и Ламартинъ дѣлали попытки уговаривать народъ, но всѣ ихъ старанія были безуспѣшны. „Мы не дурные граждане, отвѣчали Ламартину, мы просто несчастные рабочіе. Мы требуемъ, чтобы вы обратили вниманіе на нашу бѣдность. Подумайте о насъ, управляйте нами и мы будемъ вамъ помогать. Мы хотимъ жить для республики и умереть за нее“. Рабочіе требовали распущенія собранія и возстановленія національныхъ мастерскихъ. На знаменахъ инсургентовъ рядомъ съ надписью: „хлѣба и работы!“ была и другая: „смерть ворамъ!“

Уличный бой начался 23 іюня и окончился только на четвертый день, 26 числа. Національное собраніе въ первый же день объявило себя непрерывнымъ и засѣдало, по крайней мѣрѣ, pro forma, всю ночь; на другой день оно громаднымъ большинствомъ объявило Парижъ въ осадномъ положеніи и поручило всю исполнительную власть Каваньяку. Всѣ классы общества, не принимавшіе участія въ возстаніи, съ радостью привѣтствовали эти мѣры національнаго собранія, радовались даже осадному положенію, которое такъ ненавидѣли при Людовикѣ-Филиппѣ, радовались и назначенію военной диктатуры. На свою задачу генералъ смотрѣлъ исключительно съ военной точки зрѣнія: ему хотѣлось прежде всего „защитить честь знамени“, одержавъ блестящую побѣду, а для этого требовалось дать разыграться возстанію и потомъ нанести ему рѣши-

тельный ударъ. Громадное большинство національнаго собранія сочувствовало этому безпощадному человѣку, не давая говорить своимъ товарищамъ, дѣлавшимъ попытки взывать къ чувствамъ состраданія и великодушія. Линейные полки, среди которыхъ воскресло озлобленіе за февральскіе дни, національная гвардія, раздраженная требованіями рабочихъ, подвижная гвардія, состоявшая изъ всякаго сброда,— соперничали между собой въ жестокости. Возставшіе тоже дошли до крайней степени ожесточенія.

Нѣсколько разъ обѣ стороны вступали между собой въ переговоры. Въ качествѣ посредника выступилъ 25 іюня архіепископъ парижскій Аффръ. Съ двумя своими викаріями онъ отправился на площадь Бастиліи, гдѣ возвышалась громадная баррикада, защищавшая входъ въ сильно укрѣпленное Сентъ-Антуанское предмѣстье. Защитники баррикады приняли архіепископа со знаками уваженія и пропустили его за первую баррикаду, но въ это время почему-то снова началась перестрѣлка, и одна пуля (повидимому, солдатская) попала въ Аффра,—къ непритворному огорченію защитниковъ баррикады. Тяжело раненаго архіепископа большая толпа провожала до его жилища, гдѣ черезъ день онъ и скончался. Особенно упорно защищались инсургенты въ кварталахъ съ чисто рабочимъ населеніемъ. Предмѣстьемъ Тампль генералъ Ламорисьяръ овладѣлъ лишь послѣ кровопролитнаго боя. Было сожжено множество домовъ, чтобы вытѣснить изъ нихъ возставшихъ; въ другихъ домахъ пробивались стѣны, и въ бреши врывались, убивая всѣхъ встрѣчныхъ, озвирѣлые солдаты. Сентъ-Антуанское предмѣстье, на одной главной улицѣ котораго было около семидесяти громадныхъ баррикадъ, сдалось только послѣ страшной канонады. Съ обѣихъ сторонъ были совершены жестокости (между прочимъ разстрѣливаніе плѣнныхъ), но месть побѣдителей превосходила всякія вѣроятія. Парижская національная гвардія, подкрѣпленная національной гвардіей изъ сосѣднихъ мѣстностей, разстрѣливала и мирныхъ жителей, разъ послѣдніе внушали подозрѣніе. Терроръ не прекращался еще нѣсколько дней послѣ подавленія возстанія, тѣмъ болѣе, что къ разнаго рода жестокостямъ подстрекали своими зажигательными статьями и нѣкоторыя газеты. „Горе тому, писалъ Луи Бланъ, кто осмѣлился

бы высказать слово милосердія, оплакивать заблужденія инсургентовъ, напомнить, что многіе изъ нихъ вовлечены въ возстаніе голодомъ: это значило бы явиться ихъ сообщникомъ. Даже родителямъ и друзьямъ убитыхъ инсургентовъ запрещено было оплакивать ихъ смерть". За „іюньскими днями" наступила страшная реакція. По окончаніи борьбы начались настоящія облавы противъ инсургентовъ, которыхъ было взято въ плѣнъ отъ 12 до 14 тысячъ человѣкъ. Уже на другой день послѣ побѣды надъ рабочими національное собраніе рѣшило сослать всѣхъ инсургентовъ безъ суда во французскія колоніи, а ихъ вождей подвергнуть военному суду. 28 іюня Каваньякъ получилъ отъ собранія благодарность и продленіе своихъ полномочій въ качествѣ „главы исполнительной власти и президента кабинета". Національныя мастерскія были уничтожены. Были закрыты вмѣстѣ съ тѣмъ многіе клубы, и запрещенъ цѣлый рядъ газетъ. Противъ преступленій печати былъ изданъ строгій законъ, и для газетъ возстановлены были залоги. Кромѣ того, полиція получила новыя полномочія. Наконецъ, осадное положеніе не только не было снято, но даже продолжено на неопредѣленное время. Однимъ словомъ, то, что считалось совершенно невозможнымъ при монархіи, низвергнутой всего лишь за четыре мѣсяца передъ тѣмъ, теперь вводилось республикой при общемъ одобреніи громаднаго большинства націи. Еще 26 іюня національное собраніе назначило особую коммиссію (подъ предсѣдательствомъ Одилона Барро) для слѣдствія надъ майскимъ и іюньскимъ возстаніями. Результаты ея работъ въ августѣ были представлены собранію въ докладѣ, авторомъ котораго былъ Бошаръ. Докладчикъ считалъ виновными во всемъ Ледрю-Роллена, но особенно Луи Блана, люксембургскую коммиссію и національныя мастерскія, соціалистическую прессу и клубы. Ледрю-Роллену удалось оправдать себя, а Луи Бланъ бѣжалъ въ Англію.

Побѣда буржуазіи надъ пролетаріатомъ во Франціи отразилась и на общеевропейской политикѣ. Февральская революція, какъ извѣстно, была сигналомъ къ началу сильнаго революціоннаго движенія во всей Западной Европѣ, въ Германіи съ Австріей и Пруссіей, въ Италіи, въ Венгріи, въ славянскихъ земляхъ Австріи. Передъ

Франціей въ 1848 г. снова стояла дилемма — или поддерживать европейскую революцію, или стать на сторону реакціи. Революціонная партія требовала, чтобы республика оказала поддержку свободѣ другихъ народовъ, да и часть нѣмецкихъ и итальянскихъ патріотовъ дѣйствовала въ расчетѣ на содѣйствіе французскихъ республиканцевъ, хотя болѣе умѣренные элементы и въ Германіи, и въ Италіи были противъ вмѣшательства Франціи въ ихъ внутреннія дѣла. И здѣсь, и тамъ часть націи, и особенно государи, боялись побѣды демократическихъ партій съ ихъ республиканскими стремленіями. Съ другой стороны, вездѣ опасались и завоевательныхъ предпріятій Франціи. Временное правительство съ самаго начала стало на точку зрѣнія совершенно миролюбивой политики, хотя нѣкоторые его члены и увлекались идеей революціонной пропаганды. Новые правители Франціи, очутившись у власти, плохо знали дипломатическія отношенія эпохи, но не могли не знать, что французская армія была неважная, причемъ лучшая часть ея находилась въ Алжирѣ. Къ этому присоединялось, съ одной стороны, то соображеніе, что временное правительство не имѣетъ полномочій для начатія такого важнаго дѣла, какъ война, съ другой—общее желаніе временнаго правительства не дать революціи дальнѣйшаго развитія. Этимъ и объясняется декларація Ламартина отъ 5 марта 1848 г., которая должна была успокоить другія правительства на счетъ намѣреній республики. Совершенно иначе думала парижская демократія, которая продолжала дѣлать воинственныя демонстраціи и, какъ мы видѣли, особенно громко требовала возстановленія Польши. Іюньскіе дни, бывшіе полнымъ пораженіемъ соціальной демократіи и началомъ внутренней реакціи, рѣшили вопросъ и о будущей внѣшней политикѣ Франціи. Являясь однимъ изъ кандидатовъ въ президенты, побѣдитель парижскаго пролетаріата уже старался расположить въ свою пользу клерикаловъ и католиковъ; онъ тогда еще предлагалъ убѣжище Пію IX во Франціи и даже дѣлалъ видъ, что готовится на этотъ случай дать ему военную охрану.

Между тѣмъ національное собраніе окончило 4 ноября 1848 г. выработку республиканской конституціи, какъ „окончательной формы правленія“ во Франціи. Во вступленіи къ конституціи говори-

лось, что, устраиваясь въ качествѣ республики, Франція ставитъ своею цѣлью шествовать болѣе свободнымъ образомъ по пути прогресса и цивилизаціи; что французская республика, демократическая, единая и нераздѣльная, признаетъ права и обязанности, существовавшія раньше положительныхъ законовъ и болѣе ихъ важныя; что своимъ принципомъ она принимаетъ свободу, равенство и братство; что между гражданами и республикой существуютъ взаимныя обязанности; что граждане должны любить отечество, служить республикѣ, защищать ее, не щадя своей жизни и т. п.

Верховная власть признавалась за всею совокупностью французскихъ гражданъ. Затѣмъ шли статьи о правахъ гражданъ, обезпеченныхъ конституціей. Въ сущности, новаго здѣсь почти ничего не было за исключеніемъ совершенной отмѣны смертной казни за политическія преступленія и обѣщанія содѣйствовать развитію труда посредствомъ дарового начальнаго образованія и образованія профессіональнаго, а также путемъ установленія равенства отношеній между патрономъ и рабочимъ и организаціи сберегательныхъ и кредитныхъ учрежденій, добровольныхъ ассоціацій и государственныхъ „общественныхъ работъ“, которыя могли бы занять незанятыхъ рабочихъ. Въ проектѣ конституціи, составленномъ до іюньскихъ дней, находилось еще „право на трудъ“, которое было потомъ вычеркнуто. Во главѣ статей о государственныхъ властяхъ поставлены были два принципа: „всѣ общественныя власти, каковы бы онѣ ни были, истекаютъ отъ народа“, и „раздѣленіе властей есть первое условіе свободнаго правленія“. Суверенный народъ делегировалъ всю полноту своей законодательной власти единому національному собранію, а всю полноту власти исполнительной— „гражданину, который получитъ титулъ президента республики“. Такимъ образомъ, конституція 1848 г. ставила другъ противъ друга законодательную диктатуру національнаго собранія и исполнительную диктатуру президента республики. Національное собраніе должно было состоять изъ 750 (и 900 въ случаѣ пересмотра конституціи) „представителей народа“, выбранныхъ всеобщею, прямою и тайною подачею голосовъ на три года, при чемъ избирателями могли быть безъ какихъ бы то ни было условій ценза „всѣ фран-

цузы, достигшіе двадцати одного года и пользующіеся гражданскими и политическими правами", а выбираться – граждане, достигшіе двадцатипятилѣтняго возраста; представителямъ назначалось вознагражденіе, отъ котораго они не имѣли права отказываться. Въ коммиссіи, изготовлявшей проектъ конституціи, разсматривались разные способы организаціи исполнительной власти. Выборъ президента можно было предоставить или самому національному собранію, или по сѣверо-американскому образцу особымъ избирательнымъ коллегіямъ (за что былъ Токвиль), или же всенародному голосованію. Уже тогда нѣкоторые предусмотрительные люди обращали вниманіе на то, что президентъ, выбранный всеобщею подачею голосовъ дѣлался бы весьма опаснымъ для собранія, и даже прямо говорили о возможности повторенія государственнаго переворота 18 брюмера. Ламартинъ противъ этого возражалъ болѣе краснорѣчиво, чѣмъ основательно: „чтобы дойти до 18 брюмера, мы должны были бы имѣть позади себя длинную эпоху террора, а впереди—побѣды при Маренго и Аустерлицѣ". Ни самъ Ламартинъ, ни собраніе, увлеченное его доводами, не понимали, что роль длинной эпохи террора сыграетъ въ ихъ дни „красный призракъ" соціальной революціи, и не предвидѣли, что новое 18 брюмера постарается оправдать себя и новыми побѣдами французскаго оружія надъ внѣшними врагами. По конституціи 1848 года президентъ республики, которому французскій народъ делегировалъ всю исполнительную власть, долженъ былъ выбираться прямою подачею голосовъ всѣхъ избирателей французскихъ департаментовъ и Алжира, т. е. онъ одинъ долженъ былъ имѣть за себя столько же голосовъ, сколько всѣ 750 членовъ національнаго собранія, что создавало для президента страшное преобладаніе надъ народнымъ представительствомъ. Правда, конституція старалась ослабить общее значеніе этого факта разнаго рода ограниченіями. Президентъ выбирался на четыре года и не могъ подвергаться переизбранію въ теченіе четырехъ лѣтъ. Онъ распоряжался вооруженною силою, но не имѣлъ права лично ею командовать. Акты президента республики должны были быть скрѣпляемы однимъ изъ министровъ, бравшимъ на себя тѣмъ самымъ отвѣтственность за каждый подобный актъ. Рядомъ съ отвѣтственностью

министровъ и вообще всѣхъ органовъ власти отвѣтственность за всѣ дѣйствія правительства и администраціи распространялась и на президента республики. „Всякая мѣра, гласила еще конституція, посредствомъ которой президентъ республики распускаетъ національное собраніе, отсрочиваетъ его засѣданія или препятствуетъ въ отправленіи его обязанностей, есть государственная измѣна. Однимъ этимъ поступкомъ президентъ отрѣшается отъ должности; граждане обязываются отказывать ему въ повиновеніи; исполнительная власть по полному праву переходитъ къ національному собранію; судьи верховнаго суда немедленно собираются и созываютъ присяжныхъ въ мѣсто, которое сами назначаютъ, чтобы судить президента и его сообщниковъ". Въ учредительномъ собраніи эта конституція была принята подавляющимъ большинствомъ 739 голосовъ противъ 30. Чрезъ мѣсяцъ съ небольшимъ, 10 декабря, происходили выборы президента республики, и на эту должность былъ выбранъ принцъ Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, получившій около 5.430.000 голосовъ изъ 7.300.000. Каваньякъ получилъ менѣе полутора милліона, Ледрю-Ролленъ—только 370 т.; Ламартинъ—даже неполныхъ 18 т.

Конституція 1848 г. была дѣломъ крупной буржуазіи. Устранивъ „право на трудъ", подъ знаменемъ котораго шелъ пролетаріатъ, учредительное собраніе самымъ рѣшительнымъ образомъ высказалось и противъ прогрессивнаго налога, введеніе котораго было бы выгодно мелкой буржуазіи. Но какъ разъ этимъ же самымъ классамъ общества — съ крестьянами на придачу — конституція посредствомъ всеобщей подачи голосовъ передавала всю политическую власть, лишивъ тѣмъ самымъ настоящей гарантіи соціальное господство буржуазіи. Авторы конституціи какъ-бы предполагали, что демократія, удовлетворившись политической эманципаціей, не станетъ добиваться эманципаціи соціальной, и что буржуазія для обезпеченія соціальной реставраціи не станетъ обращаться и къ реставраціи политической. Президентскимъ кандидатомъ буржуазіи былъ Каваньякъ, который еще въ октябрѣ призвалъ на министерскіе посты двухъ бывшихъ министровъ Людовика-Филиппа, но выборы доставили побѣду принцу Бонапарту. На немъ сошлись всѣ тѣ классы общества,

которые не могли сочувствовать „республикѣ богатыхъ“. Таковы были прежде всего крестьяне, недовольные республикой за увеличеніе налоговъ, враждебно настроенные по отношенію къ пролетаріату, руководимые монархистами и клерикалами, а также прельщенные громкимъ именемъ кандидата. Далѣе, для пролетаріата имя принца Бонапарта было лозунгомъ противъ ненавистнаго Каваньяка. Мелкая буржуазія подавала голоса тоже противъ послѣдняго. Въ самой крупной буржуазіи сторонники монархической реставраціи были за Бонапарта. Въ ихъ числѣ были Тьеръ, Моле, Монталамберъ, даже Одилонъ Барро. Наконецъ, въ арміи одно имя этого кандидата возбуждало дорогія воспоминанія былой славы.

Принцъ Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, какъ мы уже видѣли, началъ свою карьеру въ рядахъ итальянскихъ революціонеровъ 1831 г. Въ 1836 и 1840 гг. онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими безумными выходками въ Страсбургѣ и Булони. За второе покушеніе онъ былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію и около шести лѣтъ просидѣлъ въ тюрьмѣ, но въ 1846 г. ему удалось бѣжать. Живя послѣ этого въ Лондонѣ, онъ написалъ свои знаменитыя „Наполеоновскія идеи“, въ которыхъ перемѣшивались бонапартистскія традиціи съ принципами 1789 г., англійскіе политическіе взгляды съ отголосками соціальныхъ идей середины XIX в. Въ 1848 г. принцъ возвратился во Францію и попалъ въ число членовъ учредительнаго собранія. Республиканская партія смотрѣла на него, какъ на человѣка весьма ограниченнаго, но когда его кандидатура стала пріобрѣтать успѣхъ, противъ нея были приняты мѣры, и въ памфлетахъ и въ карикатурахъ республиканцевъ принцъ выставлялся совершеннымъ ничтожествомъ, достойнымъ лишь насмѣшки и презрительнаго сожалѣнія. На самомъ дѣлѣ, республиканцы ошибались, какъ ошибались и тѣ изъ его сторонниковъ, которые думали только о томъ, чтобы сдѣлать изъ него слѣпое орудіе своихъ плановъ. Людовикъ-Наполеонъ въ эту пору отличался большою простотою и даже скромностью въ обхожденіи, любезнымъ и покладистымъ характеромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ большою сдержанностью и неразговорчивостью, вполнѣ гармонировавшими съ неподвижностью чертъ его лица и неопредѣленностью выраженія его

тусклыхъ глазъ. По натурѣ это былъ мечтатель, вѣчно носившійся съ разными химерическими планами, которые онъ привыкъ создавать вдали отъ всякаго соприкосновенія съ дѣйствительностью и общенія съ людьми. Хотя онъ и чувствовалъ влеченіе къ теоретическому изложенію своихъ идей, менѣе всего онъ могъ бы назваться мыслителемъ вслѣдствіе нескладности и туманности своего ума. Его поведеніе тоже давало поводъ къ неблагопріятной оцѣнкѣ его личнаго характера. Онъ былъ очень привязанъ къ удовольствіямъ и притомъ не особенно разборчивъ въ выборѣ способовъ удовлетворенія своихъ инстинктовъ. Въ практической жизни онъ проявлялъ часто большую нерѣшительность и удивлялъ другихъ своими колебаніями. Но когда ему нужно было дѣйствовать, у него находились и ясно сознанная цѣль, и вѣрно расчитанныя средства, и холодная отвага; вообще у него былъ какой-то фатализмъ, какая-то вѣра въ свою судьбу и свое предназначеніе. Изъ идей своего времени онъ воспринялъ какое-то преклоненіе передъ народомъ, но народомъ, взятымъ совершенно абстрактно, къ политическимъ же собраніямъ у него было прямое отвращеніе. Онъ не любилъ и окружать себя людьми сколько-нибудь выдающагося характера и ума. Обмѣнъ мыслей вообще его тяготилъ, и ему нравились лишь люди, которые вѣрили въ его звѣзду. Вотъ почему около него тотчасъ же стали группироваться люди легкой наживы, безъ всякихъ принциповъ, разные проходимцы и авантюристы, которымъ онъ охотно оказывалъ покровительство. Они изъ президента дѣйствительно умѣли извлекать личныя выгоды, но люди, которые его поддерживали, надѣясь сдѣлать его своимъ орудіемъ въ достиженіи тѣхъ или другихъ политическихъ плановъ, оказывались чаще всего обойденными.

20 декабря 1848 г. Людовикъ-Наполеонъ принесъ установленную присягу и въ особой рѣчи, произнесенной въ національномъ собраніи, далъ обѣщаніе, „какъ честный человѣкъ, исполнить свои обязанности“. Министерство, составленное президентомъ, заключало въ себѣ людей разныхъ оттѣнковъ отъ легитимистовъ и клерикаловъ (Фаллу) до представителей прежней династической лѣвой (Одилонъ Барро), но все это были въ то же время и представители консервативнаго большинства собранія. Посты начальника парижскаго гар-

низона и національной гвардіи были соединены въ однѣхъ рукахъ (генерала Шангарнье), а полицейскимъ префектомъ, чего ранѣе вообще не дѣлалось, былъ назначенъ военный. Президентъ переѣхалъ на жительство въ Елисейскій дворецъ, гдѣ онъ устроилъ настоящій монархическій дворъ и гдѣ его величали не „господиномъ президентомъ", а „принцемъ".

Между началомъ президентства Людовика-Наполеона и государственнымъ переворотомъ, имъ совершеннымъ, прошло три года, бывшихъ постепеннымъ усиленіемъ реакціи. Весь этотъ періодъ былъ наполненъ борьбою между президентомъ и народнымъ представительствомъ, и многіе уже съ самаго начала предвидѣли возможность государственнаго переворота. И настроеніе націи, и общее положеніе дѣлъ, и характеръ конституціи, не говоря уже о личности самого президента,—все подготовляло этотъ переворотъ. „Нація, говоритъ Токвиль, выбрала Людовика-Наполеона съ правомъ дерзать на все". Самъ Токвиль признаётся, что во время выработки конституціи 1848 г. онъ болѣе стремился къ тому, чтобы „поскорѣе поставить во главѣ республики сильнаго главу, чѣмъ выработать совершенную республиканскую конституцію. Не нужно забывать, прибавляетъ онъ, что соціализмъ стучался тогда въ нашу дверь и что мы приближались къ іюньскимъ днямъ". Послѣ избранія президента учредительное собраніе продолжало сохранять власть еще въ теченіе пяти мѣсяцевъ слѣдующаго 1849 года. Оно окончило свои засѣданія лишь 26 мая, а 28 мая вступило въ отправленіе своихъ обязанностей національное собраніе, выбранное уже на основаніи конституціи 1848 г. Въ учредительномъ собраніи уже существовало весьма сильное меньшинство, которое было избрано подъ вліяніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ и духовенства, въ новомъ же собраніи эта партія, усиленная голосами и роялистической буржуазіи, уже составляла большинство двухъ третей (около 500 изъ 750). Большинство учредительнаго собранія потерпѣло на майскихъ выборахъ 1849 г. рѣшительное пораженіе, такъ какъ было представлено въ законодательномъ собраніи лишь какими-нибудь семьюдесятью голосами. Среднюю по численности своей партію (около 180 голосовъ) составляли монтаньяры, заимствовавшіе свое названіе изъ вос-

помнаній первой революціи, у своихъ же противниковъ слывшіе подъ названіемъ „красныхъ“. Подобно тому, какъ монархическое большинство образовалось изъ союза клерикаловъ и легитимистовъ съ орлеанистами (съ Тьеромъ во главѣ), и монтаньяры включили въ свой составъ радикаловъ и соціалистовъ. Такъ какъ послѣ іюньскихъ дней 1848 г. въ націи господствовало реакціонное настроеніе, то всѣ усилія большинства были направлены на борьбу съ монтаньярами. Среди самихъ монархистовъ стала даже формироваться особая бонапартистская партія, поставившая главною своею цѣлью противодѣйствіе „краснымъ“. Противъ монтаньяровъ дѣйствовало также и правительство съ президентомъ во главѣ. Пока засѣдало учредительное собраніе, президентъ былъ не въ ладахъ съ народнымъ представительствомъ. Собраніе, напримѣръ, крайне неодобрительно отнеслось къ римской экспедиціи, предпринятой правительствомъ съ цѣлью возстановленія власти папы. Ледрю-Ролленъ даже требовалъ отдачи подъ судъ президента республики и министровъ за нарушеніе конституціи, обѣщавшей не употреблять французскаго оружія для угнетенія другихъ народовъ, но дѣло окончилось только порицаніемъ итальянской политики правительства. Въ законодательномъ собраніи реакціонное большинство сначала дѣйствовало въ полномъ согласіи съ президентомъ и министерствомъ, главнымъ образомъ имѣя противъ себя одного врага—„красную республику“.

Въ эту эпоху постоянно усиливавшейся реакціи вся сила демократической оппозиціи сосредоточивалась въ партіи Горы. Въ составъ ея входили Ледрю-Ролленъ, кандидатъ въ президенты чистыхъ демократовъ; Распайль, кандидатъ соціалистовъ, сидѣвшій, впрочемъ, въ тюрьмѣ; Феликсъ Піа, одинъ изъ наиболѣе основательныхъ критиковъ проекта о всенародномъ избраніи президента, требовавшій соціальныхъ реформъ, права на трудъ, введенія прогрессивнаго налога и т. п. Изъ прежнихъ вождей движенія многихъ уже не было на сценѣ. 2 апрѣля 1849 г. состоялся приговоръ суда, засѣдавшаго въ Буржѣ подъ охраною вооруженной силы по дѣлу о возстаніи 15 мая. Къ отвѣтственности были привлечены Луи Бланъ, Коссидьеръ, Альберъ, Барбесъ, Распайль и др. Первые двое спаслись бѣгствомъ въ Англію, другіе были приговорены къ тюрем-

ному заключенію или ссылкѣ. Въ началѣ 1849 г. демократы еще надѣялись добиться своего путемъ новаго возстанія. Уже 29 января 1849 г. была въ Парижѣ небольшая народная вспышка, подавленная правительствомъ. Въ самомъ началѣ законодательнаго собранія монтаньяры сдѣлали нападеніе на правительство по поводу римской экспедиціи. 11 іюня Ледрю-Ролленъ отъ имени своей партіи внесъ предложеніе о преданіи суду президента республики и министровъ за нарушеніе конституціи бомбардированіемъ Рима французскими войсками, но законодательное собраніе 12 іюня отвергло это предложеніе. Въ концѣ своей страстной рѣчи по этому поводу Ледрю-Ролленъ сказалъ даже, что въ крайнемъ случаѣ онъ вмѣстѣ съ своей партіей будетъ защищать конституцію съ оружіемъ въ рукахъ, и когда предсѣдатель собранія призвалъ его къ порядку, онъ сослался на статью конституціи, въ которой послѣдняя отдавалась подъ защиту патріотизма всѣхъ французовъ. 13 іюня въ радикальныхъ газетахъ появилось воззваніе, объявлявшее президента, его министровъ и часть національнаго собранія внѣ закона и приглашавшая національную гвардію, народъ и войско на защиту конституціи. Слѣдствіемъ этого воззванія была большая народная демонстрація, во время которой Ледрю-Ролленъ и нѣкоторые члены его партіи собрались для того, чтобы организовать революціонное правительство, надѣясь на успѣхъ возстанія. Но оно немедленно было подавлено войскомъ (равно какъ и возмущеніе, вспыхнувшее въ Ліонѣ, гдѣ тоже вѣрили въ успѣхъ новой парижской революціи). На этотъ разъ пораженіе потерпѣла мелкая буржуазія, истиннымъ вождемъ которой былъ Ледрю-Ролленъ. Главные виновники этой революціонной попытки—Ледрю-Ролленъ, Феликсъ Піа, Викторъ Консидеранъ—спаслись бѣгствомъ за границу, другіе поплатились тюрьмой и ссылкой. Съ этого момента внутреннее спокойствіе во Франціи болѣе не нарушалось: это была послѣдняя вспышка революціи, давшая правительству и собранію только поводъ принять рядъ мѣръ противъ печати и публичныхъ собраній. Во внѣшней политикѣ реакціонное направленіе французскаго правительства стало выступать теперь еще болѣе открыто. Французскимъ радикаламъ оставалось послѣ этого дѣйствовать только на выборахъ да прибѣгать къ прежнему средству тайныхъ обществъ.

Партія Горы опиралась преимущественно на мелкую буржуазію и имѣла противъ себя всѣ консервативныя силы націи. Ея вожди, пропитанные воспоминаніями 1793 г., плохо, однако, понимали положеніе вещей въ современномъ имъ обществѣ. Вообще они жили больше традиціями первой революціи и стремились нерѣдко рабски копировать дѣятелей конвента. Ихъ постоянныя ссылки на эпоху террора и ихъ фразеологія, заимствованная опять-таки изъ временъ конвента, только усиливали реакціонное настроеніе большинства. Въ 1849—51 гг. цѣлый рядъ репрессивныхъ и ретроградныхъ мѣръ отразилъ на себѣ это настроеніе. Всѣ эти мѣры оправдывались правомъ общества на самозащиту, и депутаты, издавая разные законы, стѣснявшіе свободу, сваливали всю вину на людей, злоупотреблявшихъ этою свободою. Дѣятели, ранѣе стоявшіе въ оппозиціи іюльской монархіи, теперь заходили гораздо далѣе того, что позволяло себѣ правительство Людовика-Филиппа. Одилонъ Барро однажды даже воскликнулъ: „насъ губитъ законность!“ Не говоря уже о прежнихъ реакціонерахъ, бывшіе оппозиціонные элементы поставили своею задачею охрану консервативныхъ интересовъ общества, лозунгомъ которыхъ выставлялись „собственность, семья, религія и порядокъ“. Вслѣдъ за 13 іюня были изданы законы противъ печати (введеніе газетнаго залога и право запрещать розничную продажу газетъ) и публичныхъ собраній, а также законъ, дававшій правительству большія полномочія относительно введенія осаднаго положенія. Въ 1850 г. собраніе приняло законъ о народномъ образованіи, бывшій всецѣло созданіемъ клерикаловъ. Мысль объ обязательномъ и безвозмездномъ обученіи была отвергнута, и свѣтскіе преподаватели, какъ распространители ученій революціи и соціализма, были взяты подъ подозрѣніе; въ высшій учебный совѣтъ введены были представители духовенства, и префекты получили право (временное, правда) отставлять отъ должности всѣхъ учителей народныхъ школъ съ вреднымъ образомъ мыслей. Удерживая право государства контролировать всѣ учебныя заведенія, законъ во имя „свободы обученія“ отмѣнялъ монополію „университета“, но что эта отмѣна расчитана была въ пользу церкви, это явствуетъ изъ постановленія, по которому уже одна принадлежность къ духовенству

безъ государственнаго экзамена и удостовѣренія въ способности давала право на преподаваніе. Правомъ открывать среднія и низшія школы воспользовались главнымъ образомъ разныя религіозныя корпораціи, а женское образованіе и цѣликомъ попало въ руки монахинь. Авторомъ даннаго закона былъ клерикалъ Фаллу, въ 1849 г. занимавшій постъ министра народнаго просвѣщенія, но въ собраніи въ числѣ его защитниковъ выступилъ и Тьеръ. Такимъ образомъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія клерикаламъ удалось достигнуть того, къ чему они тщетно стремились при реставраціи и о чемъ не смѣли мечтать въ эпоху іюльской монархіи. Въ 1850 г. должны были произойти выборы на мѣста, сдѣлавшіяся вакантными по случаю осужденія на тюремное заключеніе или ссылку нѣсколькихъ депутатовъ за участіе ихъ въ возстаніи 13 іюня 1849 г. Выборы были благопріятны для радикаловъ, особенно въ Парижѣ. Это встревожило партію порядка. Она стала бояться, что всеобщее голосованіе приведетъ къ торжеству „красныхъ“ безъ всякихъ возстаній и революцій. Главнымъ образомъ нужно было затруднить пользованіе этимъ правомъ для фабричныхъ рабочихъ, ремесленныхъ подмастерьевъ и поденщиковъ, которыхъ сорвавшееся у Тьера съ языка слово обозначило во время преній, какъ „низкую чернь“. Прямо отмѣнить всеобщую подачу голосовъ было невозможно, но можно было создать разныя ограниченія. Законъ 31 мая 1850 повышалъ съ шести мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ срокъ жительства въ одномъ мѣстѣ для пользованія избирательнымъ правомъ и лишалъ права голоса лицъ, осужденныхъ за участіе въ тайныхъ обществахъ, мятежахъ и оскорбленіи властей.

Послѣ того, какъ «красная республика» была побѣждена, раздоръ начался между самими побѣдителями. Консервативное большинство распалось на союзъ монархическихъ партій и партію президента. При голосованіяхъ по вопросамъ, которые раздѣляли обѣ партіи, большинство составлялось случайное, смотря по тому, на чью сторону становились республиканцы. Бывали случаи соединенія послѣднихъ и съ монархистами, и съ партіей президента, а кромѣ того, бывали случаи и раздѣленія самаго монархическаго союза на легитимистовъ и орлеанистовъ. Это давало возможность Людовику-Напо-

леону назначать въ министры людей, лично ему преданныхъ и исполнявшихъ только его волю. Страшная административная централизація, созданная Наполеономъ I, ставила въ полную зависимость отъ президента и его министровъ всѣ мѣстныя власти, начиная съ префектовъ и кончая сельской полиціей. Конституція 1849 г. ввѣрила военную силу государства президенту республики и его военному министру, и Людовикъ-Наполеонъ пользовался этимъ своимъ положеніемъ, чтобы создать себѣ въ арміи приверженцевъ. Ни реставрація, ни іюльская монархія не отличались милитаризмомъ, и войско какъ при Бурбонахъ, такъ и при Людовикѣ-Филиппѣ не играло большой роли. Принцъ-президентъ, наслѣдникъ великаго военнаго имени, сознательно сталъ выдвигать на первый планъ армію, въ которой и всѣ консервативные элементы націи видѣли главную силу, только и поддерживающую внутренній порядокъ. Президентъ любилъ устраивать смотры солдатамъ и съ этою цѣлью предпринималъ даже поѣздки по провинціямъ. Все болѣе и болѣе начинало входить въ обычай привѣтствовать его криками: „да здравствуетъ Наполеонъ“! Иногда ему приходилось даже слышать возгласы: „да здравствуетъ императоръ“!

Главными пунктами столкновенія президента съ собраніемъ сдѣлались конституціонные вопросы. Конституція 1848 года не допускала переизбранія президента республики на новый срокъ. Между тѣмъ Людовику-Наполеону хотѣлось продлить свою власть, и вотъ началась въ пользу пересмотра конституціи агитація, которую успѣшно вели президентская партія и администрація. Въ законодательное собраніе посылались адресы съ просьбами о пересмотрѣ, и собрано было болѣе милліона подписей. Въ самомъ собраніи были приверженцы пересмотра, и хотя въ немъ въ пользу проекта и состоялось большинство (446 противъ 278), но все-таки не такое, какого въ подобныхъ случаяхъ требовала конституція (три четверти голосовъ). Вскорѣ послѣ этого рѣшенія наступили парламентскія вакаціи, и этимъ временемъ воспользовалась президентская партія, чтобы усилить агитацію въ странѣ, особенно же чтобы расположить въ пользу пересмотра генеральные совѣты. Дѣло велось такъ ловко, что послѣдніе почти всѣ высказались за пересмотръ.

Срокъ полномочій президента истекалъ въ маѣ 1852 г., и очень многіе боялись, что президентскіе выборы послужатъ только поводомъ для новыхъ смутъ, правительство же Людовика-Наполеона уже доказало свою способность справляться съ крамолою. Притомъ оппозиціонныя партіи не имѣли въ данную минуту никакихъ опредѣленныхъ программъ, которыя могли бы противопоставить программѣ партіи президента. Среди легитимистовъ и орлеанистовъ возникла-было мысль о сліяніи (фузіонисты), но если бы даже послѣднее и удалось, думать о реставраціи было еще слишкомъ смѣло, республиканская же партія была въ полномъ разгромѣ. Правда, въ разныхъ мѣстахъ стали возникать тайныя общества, которыя пробовали организоваться для борьбы, но ихъ было мало, весьма часто они расходились между собою въ самыхъ существенныхъ пунктахъ своихъ программъ, а иногда слишкомъ уже копировали старый карбонаризмъ своими эмблемами, обрядами и паролями. Результатами ихъ тайной агитаціи и сношеній съ заграничными революціонерами разныхъ національностей, нашедшихъ убѣжище въ Англіи и Швейцаріи, было то, что въ націи объ ихъ дѣятельности стали распространяться самые преувеличенные слухи, повидимому, нарочно поддерживавшіеся бонапартистами. Говорили, напримѣръ, что эти общества запасаются оружіемъ, заранѣе организуютъ революціонные суды и составляютъ списки ихъ будущихъ жертвъ, чтобы сдѣлать нападеніе на существующій порядокъ при президентскихъ выборахъ. Самъ Людовикъ-Наполеонъ оффиціально говорилъ объ обширномъ демагогическомъ заговорѣ, будто бы охватывавшемъ Францію и всю Европу: этимъ онъ какъ-бы рекомендовалъ себя въ спасители „собственности, семьи, религіи и порядка“. Кандидаты оппозиціонныхъ партій (принцъ Жуанвильскій со стороны орлеанистовъ и Карно со стороны республиканцевъ) на успѣхъ не имѣли ни малѣйшихъ шансовъ. Притомъ могло случиться и такъ, что сама нація вторичнымъ выборомъ Людовика-Наполеона нарушила бы статью конституціи, которую собраніе не хотѣло отмѣнить, и на такой исходъ принцъ имѣлъ всѣ основанія расчитывать. Ему только нужно было подготовить для этого вполнѣ надежную почву, и потому онъ задумалъ потребовать у законодательнаго собранія

отмѣны закона 31 мая о выборахъ. Этотъ законъ былъ весьма непопуляренъ въ массахъ, и начать агитацію противъ него значило сильно содѣйствовать подъему своей собственной популярности.

Осенью 1851 г. національное собраніе открыло снова свои засѣданія лишь 4 ноября. Президентъ обратился къ нему съ посланіемъ, въ которомъ представлялъ Францію наканунѣ страшныхъ потрясеній — какъ-разъ въ то самое время, когда единственный спасительный принципъ, способный оказать сопротивленіе общественной опасности, потерпѣлъ ущербъ отъ постановленія 31 мая. Президентъ требовалъ, чтобы вопросъ объ отмѣнѣ этого закона былъ подвергнутъ немедленному обсужденію. Консервативное большинство, видѣвшее въ новомъ законѣ якорь спасенія противъ „красной“ республики и думавшее, что Людовикъ-Наполеонъ хочетъ осуществить свои честолюбивые замыслы при помощи демократовъ и соціалистовъ, сначала не признало за предложеніемъ правительства неотложности, а вскорѣ (13 ноября) и самый проектъ былъ отвергнутъ, правда, незначительнымъ большинствомъ голосовъ. Вслѣдъ за этимъ произошелъ новый конфликтъ. Передъ самымъ открытіемъ осенней сессіи собранія президентъ образовалъ министерство исключительно изъ своихъ креатуръ, отдавъ постъ военнаго министра генералу Сентъ-Арно. Новый военный министръ первымъ дѣломъ обратился къ командирамъ отдѣльныхъ частей съ циркуляромъ, требовавшимъ отъ нихъ безусловнаго повиновенія правительству. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предписалъ снять въ казармахъ со стѣнъ декретъ учредительнаго собранія, дававшій право предсѣдателю собранія призывать въ свое распоряженіе войска. Въ законодательномъ собраніи это вызвало бурю со стороны монархистовъ, которые потребовали, чтобы собраніе самымъ категорическимъ образомъ утвердило свое право распоряжаться военною силою. Монтаньяры, поддерживавшіе правительство въ вопросѣ о всеобщей подачѣ голосовъ, не хотѣли быть на сторонѣ монархистовъ по вопросу о военной силѣ, опасаясь государственнаго переворота въ монархическомъ духѣ или, по крайней мѣрѣ, не сочувствуя тому, чтобы „законъ 31 мая получилъ еще и оружіе“. По этому вопросу они голосовали съ бонапартистами и провалили своимъ содѣйствіемъ предложеніе о

правѣ собранія пользоваться военною защитою (17 ноября). Черезъ какія-либо двѣ недѣли послѣ этого Людовикъ-Наполеонъ и совершилъ государственный переворотъ.

Главными дѣятелями переворота 2 декабря были жадные честолюбцы, связавшіе свою судьбу съ интересами претендента ради достиженія личныхъ цѣлей путемъ захвата власти. Въ министерствѣ, назначенномъ въ концѣ октября, самымъ преданнымъ Людовику-Наполеону агентомъ былъ военный министръ Сентъ-Арно, человѣкъ съ сомнительнымъ прошлымъ, и въ будущемъ правительствѣ ему также предназначалось мѣсто военнаго министра. Министерство внутреннихъ дѣлъ было предназначено для второго главнаго помощника переворота, Морни, считавшагося побочнымъ братомъ принца. Въ числѣ заговорщиковъ былъ и префектъ полиціи Мопа, содѣйствіе котораго было особенно важно. Въ замыселъ былъ посвященъ и начальникъ первой дивизіи, генералъ Маньянъ. Наконецъ, нужно назвать бывшаго унтеръ-офицера Персиньи, который еще въ Страсбургѣ и Булони оказывалъ свою помощь претенденту. Въ ночь съ 1 на 2 декабря, послѣ бала во дворцѣ президента республики, Мопа, собравшій въ префектурѣ полиціи около тысячи городовыхъ по случаю яко-бы открытаго имъ заговора „красныхъ“, пригласилъ затѣмъ къ себѣ болѣе сорока полицейскихъ коммиссаровъ, устроивъ такъ, чтобы они не могли другъ съ другомъ переговариваться. Затѣмъ имъ было объявлено, будто уже совершился государственный переворотъ, и что теперь остается лишь арестовать людей, не желающихъ признать новое правительство. Этими людьми, конечно, были наиболѣе видные и вліятельные члены законодательнаго собранія (Шангарнье, Каваньякъ, Тьеръ, Викторъ Гюго и др.), члены тайныхъ обществъ и кое-кто изъ народа, кого считали опаснѣе. Почти всѣ были захвачены врасплохъ еще во время сна (въ 6 часовъ утра), и лишь немногіе сдѣлали попытку сопротивленія. Одновременно самыя важныя въ военномъ отношеніи мѣста Парижа были заняты отрядами солдатъ въ виду возможности со стороны жителей возстанія. Ночью же были отпечатаны и расклеены на стѣнахъ домовъ прокламаціи, изъ которыхъ населеніе и армія должны были узнать обо всемъ происшедшемъ. Отъ имени

французскаго народа президентъ республики распускалъ законодательное собраніе и уничтожалъ государственный совѣтъ, возстановлялъ статью конституціи о всеобщей подачѣ голосовъ и призывалъ народъ къ новымъ выборамъ, причемъ Парижъ и десять ближайшихъ департаментовъ объявлялись въ осадномъ положеніи. Это нарушеніе конституціи оправдывалось особымъ воззваніемъ къ народу, въ которомъ законодательное собраніе представлялось скопищемъ заговорщиковъ, готовящихъ междоусобную войну: самъ народъ призывался быть судьей между этимъ собраніемъ и избранникомъ шести милліоновъ голосовъ. Конституція 1848 г. объявлялась негодною, и были намѣчены необходимыя въ ней перемѣны, всѣ въ духѣ конституціи VIII года. Послѣдняя уже однажды „дала Франціи спокойствіе и порядокъ“, и французскій народъ приглашался отвѣтить своимъ „да“ или „нѣтъ“ на предложенныя измѣненія. Президентъ обѣщалъ при этомъ созвать новое національное собраніе и сложить передъ нимъ свою власть въ томъ случаѣ, если бы народъ отвѣтилъ отрицательно на его предложенія. Особая, въ высшей степени льстивая прокламація была составлена для арміи и прочитана утромъ 2 декабря во всѣхъ казармахъ. Когда Парижъ проснулся 2 декабря, онъ съ изумленіемъ узналъ, что конституціи уже болѣе не существуетъ, и что власть находится въ рукахъ наслѣдника имени Наполеона. Дворецъ національнаго собранія съ ранняго утра былъ окруженъ солдатами; хотя многимъ депутатамъ, а въ ихъ числѣ и президенту собранія, удалось туда проникнуть, ихъ скоро заставили силою покинуть залу засѣданій. Другая часть депутатовъ, собравшаяся предварительно у одного изъ вице-президентовъ, подошла къ дворцу, но была встрѣчена штыками на перевѣсъ; многіе при этомъ получили легкія раны и подверглись другимъ насиліямъ. И тѣ, и другіе депутаты сошлись тогда въ меріи X округа, и туда же пришли депутаты, собравшіеся въ квартирѣ Одилона Барро, гдѣ составлена была прокламація, объявлявшая президента республики виновнымъ въ государственной измѣнѣ и потому лишеннымъ должности. Передъ меріей собралась толпа народа, но скоро явились полиція и солдаты, которые арестовали всѣхъ депутатовъ; послѣдніе были потомъ развезены по

разнымъ тюрьмамъ и фортамъ Парижа. Другой отрядъ солдатъ разогналъ членовъ высшаго суда въ тотъ самый моментъ, когда онъ приступилъ къ составленію прокламаціи о государственной измѣнѣ президента республики. Члены государственнаго совѣта нашли тоже мѣсто своихъ собраній занятымъ солдатами и вынуждены были сойтись въ другомъ мѣстѣ, чтобы составить и свой протестъ. Солдатами заняты были также типографіи, гдѣ печатались оппозиціонныя газеты.

Республиканцы все-таки рѣшились сопротивляться. Избѣжавшіе ареста депутаты изъ партіи монтаньяровъ въ союзѣ съ вождями тайныхъ обществъ начали организовать возстаніе въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ и прилегающихъ кварталахъ, но бороться съ 80 тысячами солдатъ было трудно. Въ ночь съ 2 на 3 декабря были устроены во многихъ мѣстахъ баррикады, и утромъ началась уличная борьба, во время которой на одной баррикадѣ былъ убитъ депутатъ Боденъ. Новое правительство отвѣтило на попытку возстанія прокламаціей, въ которой обвиняло инсургентовъ въ стремленіи къ убійствамъ, грабежамъ и поджогамъ и грозило разстрѣливать всякаго, взятаго на баррикадахъ или съ оружіемъ въ рукахъ. Солдаты, которымъ щедро раздавались деньги и вино, дрались съ ожесточеніемъ и 4 декабря одержали наконецъ побѣду. Одновременно съ войскомъ дѣйствовала и полиція, которая всѣ эти дни очень энергично занималась арестами. Возстаніе и потому не могло имѣть успѣха, что собственно народъ остался равнодушенъ къ перевороту и почти не принялъ участія въ борьбѣ, которую вела преимущественно буржуазія и интеллигенція. Только въ департаментахъ кое-гдѣ были сдѣланы попытки возстанія, но они были скоро усмирены. Правительство всюду распространяло убѣжденіе, что ведетъ борьбу противъ соціалистовъ, которые только пользуются предлогомъ защиты конституціи, чтобы путемъ убійствъ, поджоговъ и грабежей начать низверженіе собственности, семьи, религіи и общественнаго порядка. Для устрашенія народа военные отряды даже прошли въ Парижѣ по большимъ бульварамъ и стрѣляли въ безоружныхъ прохожихъ и зрителей. По случаю декабрьскаго переворота было арестовано болѣе 26 т. человѣкъ, изъ которыхъ

потомъ около 10 т. было сослано въ Алжиръ, около 3 т.— посажено въ тюрьму, болѣе 5 т.— отдано подъ надзоръ полиціи и т. п., а меньшія партіи отправлены въ Кайенну или высланы изъ предѣловъ Франціи. Высылались на границу (часто съ жандармами) депутаты, арестованные 2 декабря и въ слѣдующіе дни. Между ними были самые видные политическіе дѣятели разныхъ партій: Тьеръ, Эмиль де-Жирарденъ, Дювержье де-Гораннъ, Шангарнье, Каваньякъ и пр. Въ числѣ изгнанниковъ былъ и Викторъ Гюго, сдѣлавшійся однимъ изъ самыхъ заклятыхъ враговъ узурпатора. Въ своемъ „Napoléon le Petit" онъ заклеймилъ виновника 2 декабря, какъ „самаго гнуснаго тиранна, разбойника и врага человѣческаго рода", назвавъ соучастниками въ его преступленіи всѣхъ, кто только призналъ его власть,— и судей, и чиновниковъ, и самый народъ. Разстрѣливая, сажая въ тюрьмы и ссылая или изгоняя противниковъ, правительство 2 декабря всячески ласкало и награждало солдатъ. (Другою общественною силою, у которой видимо заискивалъ принцъ, было духовенство). Народнымъ голосованіемъ 20 и 21 декабря французская нація приняла предложеніе президента семью съ половиною милліоновъ утвердительныхъ отвѣтовъ противъ 647 тысячъ отрицательныхъ. Когда Людовику-Наполеону были поднесены результаты народнаго голосованія, къ нему немедленно явился со своими поздравленіями дипломатическій корпусъ, а въ первый день новаго, 1852 года въ церкви Парижской Богоматери духовенство отслужило благодарственный молебенъ, на которомъ уже молилось за Наполеона (Domine, salvum fac Napoleonem). Папа со своей стороны написалъ начальнику французскаго отряда въ Римѣ письмо, призывавшее благословеніе Божіе на виновника радостнаго событія 2 декабря. Около этого же времени Людовикъ-Наполеонъ переселился на жительство во дворецъ французскихъ королей.

14 января 1852 года появилась новая конституція, которая была „дана въ силу полномочій, врученныхъ французскимъ народомъ Людовику-Наполеону Бонапарту всеобщимъ голосованіемъ 20 и 21 декабря". Эта конституція, лишь основанія которой были утверждены народомъ, была измѣненнымъ воспроизведеніемъ конституціи VIII года съ послѣдующими ея дополненіями. Первая же

статья этой конституціи „признавала, утверждала и обезпечивала великіе принципы, провозглашенные въ 1789 г. и составляющіе основу публичнаго права французовъ". Принципомъ народовластія конституція 1852 года воспользовалась лишь для того, чтобы на широкой основѣ всенароднаго избранія основать единоличную власть президента республики. Народъ ввѣрялъ правленіе президенту, который долженъ былъ править при посредствѣ министровъ, государственнаго совѣта, сената и законодательнаго корпуса. Вопреки конституціонному принципу неотвѣтственности главы государства и, наоборотъ, отвѣтственности министровъ, конституція 1852 года признавала отвѣтственность президента республики предъ народомъ, министры же объявлялись зависящими исключительно отъ главы государства. Вся отвѣтственность президента республики по французской конституціи 1852 года заключалась въ его правѣ аппеллировать къ народу, т.-е. обращаться къ нему за плебисцитами, результаты которыхъ, какъ показывалъ опытъ, заранѣе всегда можно было предвидѣть. Министры не только объявлялись подчиненными лишь главѣ государства, но и не могущими находиться въ солидарныхъ отношеніяхъ между собою. Понятно, что такіе министры могли быть только слѣпыми орудіями президентской воли, тѣмъ болѣе, что отъ нихъ (наравнѣ, впрочемъ, съ государственнымъ совѣтомъ, законодательнымъ корпусомъ и сенатомъ, а также со всѣми военными, судьями и чиновниками) требовалась присяга въ „повиновеніи конституціи и *вѣрности* президенту". Президентъ республики, какъ глава государства, начальствовалъ надъ сухопутными и морскими силами, объявлялъ войну, заключалъ мирные, союзные и торговые договоры, назначалъ на всѣ должности, издавалъ регламенты и декреты, необходимые для исполненія законовъ. Правосудіе отправлялось отъ его имени. Ему одному принадлежала иниціатива законовъ. Онъ имѣлъ право объявлять осадное положеніе въ одномъ или нѣсколькихъ департаментахъ. Что касается до конституціонныхъ учрежденій, то положеніе ихъ вполнѣ было подчиненное. Члены государственнаго совѣта назначались и смѣнялись президентомъ. Законодательный корпусъ долженъ былъ состоять изъ депутатовъ, избранныхъ всеобщею подачею голосовъ, причемъ

они выбирались на шесть лѣтъ и не получали никакого жалованья. Президентъ и вице-президенты законодательнаго корпуса съ жалованьемъ назначались президентомъ республики. Хотя засѣданія законодательнаго корпуса были объявлены публичными, обнародованію подлежали лишь оффиціальные протоколы. Это учрежденіе было лишено законодательной иниціативы; оно только вотировало законы и налоги, но не могло дѣлать никакихъ поправокъ въ законопроектахъ. Министры не могли быть членами законодательнаго корпуса. Наконецъ, конституціей 1852 года устанавливался еще сенатъ, который долженъ былъ состоять, во-первыхъ, изъ кардиналовъ, маршаловъ и адмираловъ и, во-вторыхъ, изъ гражданъ, назначенныхъ пожизненно президентомъ республики. Хотя въ принципѣ сенаторамъ не полагалось жалованья, однако, президенту республики дозволялось назначать имъ „личныя дотаціи“ до 30.000 франковъ въ годъ. Сенатъ объявлялся „стражемъ основного договора и общественныхъ вольностей“, и ему давалось право посредствомъ сенатусъ-консультовъ дѣлать постановленія по всѣмъ вопросамъ, которые не были предусмотрѣны конституціей, но рѣшеніе которыхъ необходимо для ея дѣйствія, или же которые являлись болѣе или менѣе спорными. Сенатъ могъ дѣлать предложенія относительно перемѣнъ въ конституціи, и если предложеніе принималось исполнительною властью, оно въ качествѣ сенатусъ-консульта входило въ силу. Наконецъ, въ случаѣ роспуска законодательнаго корпуса, право на которое принадлежало президенту республики, до созыва новаго законодательнаго корпуса сенатъ, по предложенію президента республики, имѣлъ право принимать чрезвычайныя мѣры, необходимыя для правительственной дѣятельности. Другими словами, всѣ эти статьи дѣлали и изъ сената простое орудіе власти президента республики. Въ самомъ дѣлѣ, однимъ изъ первыхъ примѣненій права сената измѣнять конституцію было возведеніе органическимъ сенатусъ-консультомъ 7 ноября 1852 года принца Людовика-Наполеона Бонапарта въ императоры французовъ подъ именемъ Наполеона III.

Конституція 1852 года ввѣряла президенту власть на десять лѣтъ, но не прошло и полнаго года со дня введенія конституціи,

какъ Людовикъ-Наполеонъ сдѣлался императоромъ французовъ. Весь 1852 г. прошелъ въ подготовленіи этой перемѣны. 29 февраля происходили выборы въ законодательный корпусъ, число членовъ котораго было сокращено до 261 (по одному депутату на 35 т. жителей). Были выставлены оффиціальныя кандидатуры, и администрація поддерживала ихъ самымъ энергичнымъ образомъ, такъ что почти всѣ мѣста (за исключеніемъ какихъ-нибудь 5—6) достались бонапартистамъ. Правительство дѣятельно „очищало“ служебный персоналъ отъ непріятныхъ ему людей и все болѣе и болѣе располагало въ свою пользу армію и духовенство. 2 декабря была введена цензура, которую, правда, скоро отмѣнили, но только для того, чтобы облечь правительство правомъ давать и брать назадъ разрѣшенія на изданіе любой газеты; вмѣстѣ съ тѣмъ залогъ и штемпельная пошлина были повышены. Лѣтомъ Людовикъ-Наполеонъ предпринялъ путешествіе по Франціи, бывшее для него цѣлымъ рядомъ тріумфовъ, и въ Бордо онъ самъ провозгласилъ: „имперія, это—миръ“. Искусственно поддерживаемая чиновниками агитація вызвала подачу адресовъ о скорѣйшемъ возстановленіи имперіи. По возвращеніи въ Парижъ принцъ-президентъ обратился къ сенату съ проектомъ въ этомъ смыслѣ, ссылаясь на общее желаніе народа. 7 ноября сенатъ постановилъ, а 21 числа того же мѣсяца народъ 7.824.189 голосами противъ 250.145 утвердилъ возстановленіе имперіи (причемъ было подано 63.326 пустыхъ бюллетеней). Наконецъ, въ годовщину государственнаго переворота произошло торжественное провозглашеніе „Наполеона III, милостію Божіею и волею народа императоромъ французовъ“.

Конституціонная монархія 1814—1848 гг. уступила мѣсто республикѣ 1848—1852 гг., а послѣдняя—абсолютной по существу своему имперіи совершенно такъ же, какъ то было съ первой попыткой конституціонной монархіи, смѣненной республикою, которую самоё смѣнила первая имперія. Побѣждали въ обоихъ случаяхъ—и въ обоихъ же случаяхъ терпѣли пораженіе—однѣ и тѣ же соціальныя силы.

VI. Вторая имперія [1]).

Международное положеніе Франціи при Наполеонѣ III. — Вліяніе внѣшней политики на внутреннія дѣла Франціи. — Внѣшній блескъ второй имперіи. — Экономическая и соціальная политика Наполеона III. — Правительственный гнетъ. — Положеніе печати. — Клерикализмъ имперіи. — Ослабленіе реакціи въ шестидесятыхъ годахъ и начало оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ. — Разладъ между бонапартистами. — Республиканская агитація 1868—1870 гг. — Плебисциты. — Начало франко-прусской войны. — Революція 4 сентября 1870 г.

Эпоха второй французской имперіи была, какъ и эпоха первой имперіи, временемъ политическаго преобладанія Франціи въ Европѣ. Если, однако, имперія Наполеона I была во многихъ отношеніяхъ для остальной Европы какъ бы продолженіемъ великой революціи, особенно въ смыслѣ разрушенія стараго католико-феодальнаго строя общества, то, наоборотъ, имперія Наполеона III являлась въ глазахъ всѣхъ консервативныхъ классовъ охранительницею ихъ положенія въ обществѣ и ихъ интересовъ. Соціальныя, политическія и національныя движенія, почти повсемѣстно въ 1848 г. происходившія въ Западной Европѣ, были повсемѣстно же подавлены уже къ серединѣ 1849 г., и всюду началась страшная реакція правительствъ и имущихъ классовъ, направленная главнымъ образомъ противъ политической и соціальной демократіи. Нѣкоторыя правительства въ это время даже готовы были идти на уступки умѣренному либерализму, когда этимъ можно было купить содѣйствіе либераловъ противъ демократіи, и сами либералы не прочь были поступиться своими принципами въ пользу сильной власти, если послѣдняя обезпечивала порядокъ. Реакція, наступившая въ Европѣ послѣ революціонныхъ движеній 1830 г., имѣла преимущественно правительственный характеръ, но послѣ 1848 г. реакція овладѣла

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ V, глава XXVI. Впрочемъ, въ сравненіи съ указываемою главою настоящая глава нашего очерка расширена и дополнена.

и обществомъ—въ виду „краснаго призрака", грозившаго „собственности, порядку и религіи". Порядокъ нуженъ былъ для охраны угрожаемой собственности, религія—для упроченія порядка, и даже въ самой Франціи на сторону Наполеона III, какъ представителя порядка, опиравшагося на матеріальную силу арміи и духовное вліяніе клира, перешли многіе люди, раньше стоявшіе за парламентскую систему [1]). Во всей Европѣ защитники status quo вздохнули свободнѣе, когда узнали о государственномъ переворотѣ 2 декабря. До этого времени все еще опасались новой революціи во Франціи, а потому недаромъ представители иностранныхъ дворовъ въ Парижѣ поспѣшили поздравить новаго владыку Франціи и выразить ему чувства признательности и даже уваженія; недаромъ радовался также и папа—и послалъ благословеніе новому „защитнику религіи". Только принятіе принцемъ-президентомъ императорскаго титула и имени Наполеона Третьяго, съ особымъ подчеркиваніемъ того, что и Наполеонъ II былъ законнымъ государемъ Франціи, было сочтено за нарушеніе трактатовъ 1815 г., навѣки устранявшихъ династію Бонапартовъ отъ занятія французскаго престола. Императоромъ, однако, Наполеона III всетаки признали, и лишь русскій государь Николай I, не хотѣлъ въ письмахъ величать его „дорогимъ братомъ", называя его только „добрымъ другомъ". Правда, и то, что ни одна династія не выразила желанія породниться съ новымъ французскимъ императоромъ, и онъ взялъ себѣ въ жены испанскую дворянку Евгенію Монтихо, которая должна была, по его словамъ, „воскресить добродѣтели императрицы Жозефины" (1853), но это, конечно, не мѣшало Наполеону III въ глазахъ реакціонеровъ и консерваторовъ всѣхъ странъ оставаться „спасителемъ общества". Но за то новый государь Франціи не оправдалъ обѣщанія, заключавшагося въ словахъ: „имперія, это—миръ". Съ 1815 г. по 1853 г. въ Европѣ почти не было международныхъ войнъ, тогда какъ эпоха второй имперіи была, наоборотъ, временемъ безпрерывныхъ войнъ, въ которыхъ опять, какъ и въ началѣ XIX в., главную роль играла Франція.

[1]) См. общую характеристику реакціи пятидесятыхъ годовъ въ XXV главѣ пятаго тома «Ист. Зап. Евр.».

Въ самомъ началѣ царствованія Наполеона III единственными опасными соперницами Франціи были Англія и Россія, между которыми, однако, тоже существовалъ антагонизмъ изъ-за разныхъ взглядовъ на возможное рѣшеніе восточнаго вопроса. Въ 1853 г. началась между Россіей и Турціей война, однимъ изъ поводовъ къ которой былъ споръ, возгорѣвшійся въ Палестинѣ между православными и католиками изъ за святыхъ мѣстъ. Этотъ вопросъ задѣвалъ и французское правительство, такъ какъ въ Палестинѣ католики издавна пользовались протекторатомъ Франціи, хотя со временъ революціи она и не особенно ревностно исполняла свою обязанность защищать католицизмъ въ Св. землѣ. Людовикъ-Наполеонъ, сдѣлавшись президентомъ республики, увидѣлъ въ этомъ правѣ превосходный поводъ показать свою ревность къ католицизму и къ національному престижу Франціи на Востокѣ и поднялъ вопросъ о правахъ Франціи передъ турецкимъ правительствомъ (1850). Какъ-разъ въ это время Англія, собираясь помѣшать Россіи на Востокѣ, нуждалась въ союзникѣ. Поэтому она чуть не первая признала Наполеона III императоромъ. Весьма естественно, что новый государь, которому нужна была война и для того, чтобы отвлечь вниманіе общества отъ внутреннихъ дѣлъ и вернуть его къ традиціямъ національной славы, ухватился за идею о защитѣ Турціи отъ Россіи въ союзѣ съ Англіей. Весною 1854 г. обѣ западныя державы также объявили войну Россіи, окончившуюся севастопольскимъ погромомъ. 25 февраля 1856 г. въ Парижѣ подъ предсѣдательствомъ одного изъ французскихъ уполномоченныхъ (именно министра иностранныхъ дѣлъ Валевскаго) открылся конгрессъ, въ которомъ приняли участіе представители Франціи, Англіи, Россіи, Турціи, Австріи, Сардиніи и Пруссіи. Выборъ мѣста для конгресса и предсѣдательство на немъ представителя Франціи были естественнымъ слѣдствіемъ первенствующей и руководящей роли, какую Франція играла во все время войны. 30 марта 1856 г. былъ подписанъ мирный договоръ, обезпечивавшій цѣлость и полную внутреннюю независимость Турціи. Это было для Наполеона III эпохой величайшаго торжества. Французская имперія, будущность которой, казалось, упрочивалась еще и рожденіемъ у Наполеона III сына какъ-

разъ во время парижскаго конгресса, сдѣлалась первенствующей державой во всей Европѣ. Другіе государи стали искать сближенія съ Наполеономъ III и его расположенія. Въ Парижъ начали ѣздить одинъ за другимъ европейскіе монархи, совсѣмъ забывъ, какъ недавно еще относились они къ новому французскому государю. Успѣхъ внѣшней политики Наполеона III упрочивалъ его положеніе и въ самой Франціи, такъ какъ военныя и дипломатическія побѣды, политическое преобладаніе въ Европѣ, посѣщенія Парижа коронованными особами и т. п. льстили національному самолюбію французовъ.— Внѣшняя политика вообще сдѣлалась любимымъ дѣломъ Наполеона III. Съ молодыхъ лѣтъ склонный къ мечтательности, онъ и на императорскомъ престолѣ постоянно создавалъ въ своемъ воображеніи новые и новые политическіе планы, но постоянно подчиняясь чужимъ вліяніямъ, онъ и планы создавалъ довольно-таки противорѣчивые. Въ то самое время, какъ вполнѣ опутанная клерикалами императрица дѣйствовала на своего супруга въ интересахъ политики консервативной, вполнѣ притомъ соотвѣтствовавшей тому, что дѣлалось правительствомъ внутри самой Франціи, другіе близкіе къ нему люди, напротивъ, толкали его на совершенно революціонный путь разрушенія старой международной системы въ пользу новыхъ политическихъ комбинацій, хотя бы это и шло въ разрѣзъ съ внутренней реакціей. Императоръ часто не зналъ, на что рѣшиться, и потому его поступки отличались крайнею непослѣдовательностью. Отсюда всѣ противорѣчія и неожиданности внѣшней политики второй имперіи, ставившія совершенно втупикъ дипломатовъ и постоянно заставлявшія всѣхъ предполагать у Наполеона III существованіе необыкновенно коварныхъ замысловъ и самыхъ хитрыхъ плановъ. Впрочемъ, и ему самому нравилось держать Европу въ вѣчной тревогѣ, заставлять постоянно ожидать, что-то скажетъ или сдѣлаетъ Франція, и такимъ образомъ разыгрывать роль вершителя судебъ Европы. Новогодніе пріемы дипломатическаго корпуса обыкновенно сопровождались рѣчами, въ которыхъ „тюльерійскій сфинксъ“ знакомилъ Европу со своими намѣреніями, нерѣдко въ намекахъ, требовавшихъ еще разгадки. Не завися во внѣшней политикѣ отъ народнаго представительства и мало обращая вниманія на общественное мнѣніе

страны, имѣя по конституціи право вступать въ союзы, объявлять войны, заключать мирные договоры единственно своею собственною властью, стоя, наконецъ, во главѣ преданной арміи, которая стала считаться лучшей во всей Европѣ, Наполеонъ III могъ руководствоваться въ своихъ отношеніяхъ къ иностранцамъ чисто личными соображеніями. Тревожныя опасенія другихъ правительствъ онъ успоканвалъ постоянными увѣреніями въ безкорыстіи своихъ стремленій, говоря, что пользуется силами Франціи лишь ради исполненія цивилизаторской ея миссіи на благо человѣчества, для торжества свободы и мирнаго преуспѣянія народовъ. И это также льстило честолюбію французовъ, многіе изъ которыхъ вполнѣ серьезно считали себя призванными устраивать судьбы другихъ націй. Успѣхъ парижскаго конгресса внушилъ Наполеону III мысль о созваніи новаго конгресса, который передѣлалъ бы границы, созданныя трактатами 1815 года, этимъ вѣчнымъ позоромъ Франціи. Политическому равновѣсію Европы, основанному на братскомъ союзѣ легитимныхъ государей, онъ противопоставлялъ въ своихъ мечтахъ гармоническое сочетаніе свободныхъ и независимыхъ національностей, хотя его династическіе интересы и выгоды текущей минуты нерѣдко заставляли его поступать совсѣмъ не такъ, какъ того требовалъ „принципъ національностей“. Онъ мечталъ, напримѣръ, о томъ, чтобы соединить всѣ „латинскія расы“ (Италію, Испанію, Португалію) подъ гегемоніей Франціи, предоставивъ подобнымъ же образомъ устроиться германскимъ и славянскимъ „расамъ“, но Францію будущаго онъ рисовалъ себѣ не иначе, какъ въ ея „естественныхъ границахъ“—съ Бельгіей до Рейна и до Альповъ, что едва ли соотвѣтствовало принципу національностей. Такимъ образомъ политика національностей совсѣмъ не исключала въ его умѣ политики приращенія территоріи. Наиболѣе реальною частью этой политики національностей были только итальянскіе планы Наполеона III. Въ молодости онъ принималъ участіе въ заговорѣ для освобожденія Италіи; у него кромѣ того, была итальянская родня, нѣкоторые члены которой сами принимали дѣятельное участіе въ революціи 1848—49 гг., а его двоюродный братъ принцъ Наполеонъ (сынъ бывшаго вестфальскаго короля), женившійся (въ 1859 г.) на дочери короля

сардинскаго, даже особенно настойчиво требовалъ освобожденія Италіи. Сверхъ всего этого своею римскою политикою Наполеонъ III вооружилъ противъ себя итальянскихъ патріотовъ, и вотъ люди, когда-то бывшіе его друзьями, стали смотрѣть на него, какъ на предателя, измѣнившаго данной раньше клятвѣ и потому достойнаго смерти. Изъ разныхъ покушеній на жизнь Наполеона III ни одно не произвело на него такого сильнаго впечатлѣнія, какъ покушеніе (въ январѣ 1858 г.) графа Орсини, итальянскаго патріота, сражавшагося раньше за республику и бывшаго членомъ учредительнаго собранія въ Римѣ. Схваченный полиціей послѣ того, какъ имъ брошены были въ императора бомбы, онъ прямо на допросѣ заявилъ, что хотѣлъ убить Наполеона III, который долженъ былъ бы стать освободителемъ Италіи, а сдѣлался главнымъ препятствіемъ къ ея освобожденію. Боясь новыхъ покушеній на свою жизнь, Наполеонъ III рѣшился взять въ свои руки итальянскій вопросъ. Первымъ крупнымъ его шагомъ послѣ парижскаго конгресса было заключеніе въ 1858 г. тайнаго союза съ Сардиніей, за которымъ въ 1859 г. послѣдовала ихъ война съ Австріей. Чтобы примирить свой принципъ національностей со свѣтской властью папы, за которую горой стояли императрица, клерикалы и крупная буржуазія, Наполеонъ III думалъ превратить Италію въ федерацію, независимую отъ Австріи и связанную съ Франціей тѣсными узами благодарности, но въ концѣ-концовъ онъ вынужденъ былъ признать образованіе Итальянскаго королевства, получивъ за это въ награду отъ Виктора-Эммануила Савойю и Ниццу. Вмѣшательство въ итальянскія дѣла было во Франціи очень популярно среди либераловъ и республиканцевъ, которые были только недовольны тѣмъ, что Наполеонъ III продолжалъ поддерживать свѣтскую власть папы. Кромѣ того въ качествѣ покровителя угнетенныхъ національностей Наполеонъ III въ 1863 г. заступился и за поляковъ, поднявшихъ новое возстаніе противъ Россіи. И въ этомъ случаѣ на его сторонѣ было сочувствіе общественнаго мнѣнія во всей Западной Европѣ, и скоро къ дипломатическому вмѣшательству въ польскія дѣла, предпринятому Франціей, присоединились Англія и Австрія. Вражда Наполеона III къ Австріи заставляла его дѣйствовать заодно съ ея врагами не только въ

Италіи, но и въ Германіи. Еще до начала итальянской войны, въ виду задуманной борьбы съ Австріей императоръ, не желая имѣть противъ себя весь Германскій союзъ, — который безъ Пруссіи не пошелъ бы воевать съ Франціей, — всѣми способами старался склонить на свою сторону прусскаго короля, льстя его честолюбію заманчивыми обѣщаніями на счетъ преобладанія въ германскомъ мірѣ, если только Пруссія будетъ дѣйствовать въ союзѣ съ Франціей. Въ Берлинѣ довольно рано поняли, какую выгоду можно извлечь отсюда, и вотъ когда наступило время, Пруссія, готовясь къ войнѣ съ Австріей, добилась у Наполеона III разрѣшенія для Италіи вступить въ союзъ съ нею противъ Австріи (1865 г.). Давая свое согласіе на эту комбинацію, онъ думалъ довершить объединеніе Италіи присоединеніемъ Венеціи во вредъ Австріи и усилить Пруссію увеличеніемъ и улучшеніемъ ея границъ и образованіемъ изъ сѣверной Германіи особаго прусскаго союза, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мечталъ въ надлежащій моментъ явиться посредникомъ и въ награду получить, быть можетъ, Бельгію. Когда наконецъ вспыхнула война, Пруссія, обезпеченная нейтралитетомъ Франціи, имѣла полную возможность двинуть всѣ свои военныя силы на Австрію и на тѣ нѣмецкія государства, которыя вступили съ послѣднею въ союзъ. Пруссія необычайно быстро нанесла Австріи рѣшительное пораженіе, тогда какъ Италія, наоборотъ, сама потерпѣла неудачу. Австрійское правительство обратилось тогда къ посредничеству Наполеона III, уступивъ ему Венеціанскую область, лишь бы онъ помогъ Австріи заключить миръ съ Италіей. Французскій императоръ снова явился въ роли вершителя судебъ Европы. Онъ мечталъ при этомъ получить владѣнія Баваріи и Гессена на лѣвомъ берегу Рейна, но Пруссія ему въ этомъ отказала, продолжая, впрочемъ, лелѣять его мечты о пріобрѣтеніи Бельгіи и Люксембурга. Когда, однако, въ 1867 г. Наполеонъ III вступилъ съ голландскимъ королемъ, какъ государемъ Люксембурга, въ переговоры объ уступкѣ этого великаго герцогства за деньги и сдѣлка на этотъ счетъ была уже вполнѣ готова, Пруссія объявила голландскому королю, что уступка Люксембурга Франціи можетъ быть поводомъ къ войнѣ. Продажа не состоялась, и Наполеонъ III затаилъ злобу противъ Пруссіи.

Принципъ національностей, который Наполеонъ III хотѣлъ ввести въ международную жизнь Европы, вполнѣ соотвѣтствовалъ стремленіямъ, проявившимся въ 1848 г. въ Италіи и въ Германіи. Выступивъ противъ Австріи, которая была главною противницей національныхъ движеній въ обѣихъ странахъ, Наполеонъ III явился союзникомъ Сардиніи и Пруссіи, ставшихъ во главѣ итальянскаго и германскаго объединенія. Французскій императоръ допускалъ, однако, это объединеніе двухъ сосѣднихъ съ Франціей націй лишь до извѣстныхъ предѣловъ, далѣе которыхъ онѣ не должны были идти, и, кромѣ того, подъ условіемъ вознагражденія Франціи. Въ обѣихъ націяхъ на него начали поэтому смотрѣть, какъ на главную помѣху окончательнаго объединенія, и это создало ему и тамъ, и здѣсь массу враговъ.

Въ промежутокъ между войнами въ Европѣ Наполеонъ III занималъ вниманіе цивилизованнаго міра и внѣ-европейскими предпріятіями. Въ 1860 г. въ Сиріи произошелъ взрывъ мусульманскаго фанатизма, и Франція для защиты христіанъ отъ рѣзни послала туда свое войско, которое и произвело оккупацію этой провинціи. Тогда же въ союзѣ съ Англіей Наполеонъ III послалъ еще экспедицію въ Китай. Въ 1862 г. онъ воспользовался дурнымъ состояніемъ финансовъ въ Мексикѣ, отъ котораго страдали европейскіе кредиторы, чтобы при содѣйствіи Англіи и Испаніи вмѣшаться въ дѣла и этой страны. Когда, однако, англійское и испанское правительства увидѣли, что Наполеонъ III затѣваетъ что-то большее, они предоставили ему свободу дѣйствовать одному. Онъ послалъ тогда въ Мексику цѣлую армію съ цѣлью завоеванія этого государства и образованія изъ него вассальной имперіи подъ властью австрійскаго эрцгерцога Максимиліана, но потомъ подъ давленіемъ Соединенныхъ Штатовъ отозвалъ свои войска обратно, оставивъ въ Мексикѣ „императора“ Максимиліана на произволъ судьбы (1867). Извѣстно, что послѣдній былъ взятъ въ плѣнъ президентомъ Хуаресомъ и разстрѣлянъ. Такой позорный исходъ мексиканской экспедиціи и неудача съ Люксембургомъ немало содѣйствовали потерѣ Наполеономъ III прежняго престижа. Въ это время у Наполеона III явился опасный соперникъ въ лицѣ прусскаго

министра Бисмарка, который впослѣдствіи очень зло называлъ повелителя Франціи „непризнанной, но крупной бездарностью".

Внѣшняя политика, игравшая такую большую роль въ царствованіе Наполеона III, оказывала громадное вліяніе и на направленіе политики внутренней. Каждый дипломатическій и военный успѣхъ упрочивалъ положеніе императора во Франціи и укрѣплялъ систему управленія, введенную имъ послѣ переворота 2 декабря, и наоборотъ, каждая неудача колебала его власть и наносила ударъ установленнымъ имъ порядкамъ. Съ другой стороны, въ этой внѣшней политикѣ важное значеніе принадлежало отношеніямъ къ папству, которыя совершенно измѣнились послѣ того, какъ Наполеонъ III оказалъ содѣйствіе Сардиніи на Апеннинскомъ полуостровѣ. Въ зависимости отъ всего этого его царствованіе можетъ быть раздѣлено на три періода. Первый охватываетъ собою пятидесятые годы, періодъ наибольшей реакціи и вмѣстѣ съ тѣмъ начала политическаго преобладанія Франціи въ Европѣ. Это преобладаніе продолжается и во второмъ періодѣ, но реакція въ самой Франціи уже нѣсколько смягчается, благодаря тому, что послѣ 1859 г. клерикальная партія становится къ императору въ непріязненныя отношенія, и Наполеонъ III этимъ былъ вынужденъ сдѣлать нѣкоторыя уступки либерализму. Наконецъ, австро-прусская война и исходъ мексиканской экспедиціи заставили Наполеона III еще болѣе отступить отъ своей прежней системы въ либеральномъ направленіи. Впрочемъ, всѣ уступки, которыя были сдѣланы императоромъ во второмъ и третьемъ періодахъ, мало измѣняли существо системы.

Подобно своему дядѣ, Наполеонъ III вообще старался утѣшить націю, лишенную свободы, внѣшнимъ блескомъ и славою своего царствованія. Парижъ сдѣлался въ его время какъ бы столицею всей Европы, которую начали одинъ за другимъ посѣщать европейскіе монархи (короли бельгійскій и португальскій, англійская королева, короли сардинскій, вюртембергскій и баварскій, великій герцогъ тосканскій и др. въ пятидесятыхъ годахъ, русскій императоръ и прусскій король въ шестидесятыхъ годахъ). Двѣ всемірныя выставки, устроенныя Наполеономъ III въ Парижѣ въ 1855 и 1867 гг., тоже много содѣйствовали блеску его царствованія. Французскій

дворъ сдѣлался самымъ роскошнымъ и веселымъ во всей Европѣ, задавая тонъ обществу и по части беззаботнаго наслажденія удовольствіями, и по части легкости нравовъ. Вторая имперія имѣла для Франціи прямо растлѣвающее значеніе, и общественная нравственность вообще сильно понизилась въ эту эпоху. Желая доставить заработки пролетаріату и вмѣстѣ съ тѣмъ распланировать Парижъ такъ, чтобы уничтоженіемъ старыхъ узкихъ улицъ и проведеніемъ новыхъ широкихъ, сдѣлать въ немъ невозможною баррикадную борьбу, Наполеонъ III съ префектомъ Османомъ предпринялъ перестройку своей столицы, превратившую этотъ городъ въ самый красивый и блестящій во всей Европѣ. Императрица Евгенія, женщина невѣжественная и легкомысленная, но властолюбивая и душою преданная клерикализму, въ свою очередь сдѣлалась законодательницею модъ. Однимъ словомъ, Парижъ сталъ центромъ веселой свѣтской жизни, тонкихъ художественныхъ наслажденій, хорошаго вкуса и моды, и газеты взапуски раздували значеніе этого внѣшняго великолѣпія второй имперіи

Кромѣ блеска и веселой жизни, которые должны были заставить забыть потерю свободы, Наполеонъ III заботился и о томъ, чтобы вліятельные классы общества могли и обогащаться, какъ во времена Людовика-Филиппа. Грандіозная перестройка Парижа, проведеніе новыхъ желѣзныхъ дорогъ, учрежденіе всевозможныхъ акціонерныхъ обществъ (между прочимъ кредитныхъ), разныя поставки для обмундированія, вооруженія и прокормленія арміи, государственные займы, бывшіе результатомъ широкихъ внѣшнихъ и внутреннихъ предпріятій,—все это создавало массу случаевъ нажиться великому множеству лицъ, отдавшихся съ увлеченіемъ погонѣ за матеріальнымъ благосостояніемъ, и въ обществѣ временъ второй имперіи до крайности развилась страсть къ денежнымъ спекуляціямъ. Государственные займы, заключавшіеся правительствомъ Наполеона III, имѣли обыкновенно большой успѣхъ въ націи, а панегиристы имперіи каждый разъ комментировали успѣхъ подписки на тотъ или другой заемъ, какъ одобреніе націей политики императора. Финансисты сдѣлались снова большою силою, и биржа своей игрой на повышеніе и пониженіе отражала на себѣ всѣ перипетіи внѣшнихъ предпріятій прави-

тельства. Вообще экономическая политика Наполеона III имѣла буржуазный характеръ. Среди французскихъ экономистовъ и ранѣе была популярна идея промышленной свободы, а крушеніе соціализма въ 1848 г. только еще болѣе утвердило ихъ въ вѣрности принципу „laisser passer, laisser faire". Главнымъ авторитетомъ въ области политической экономіи сдѣлался теперь Бастіа, авторъ „Политическихъ гармоній" (1849), доведшій принципы манчестерской школы до самаго крайняго ихъ выраженія. Настоящимъ руководителемъ экономической политики второй имперіи былъ Мишель Шевальс, стоявшій на точкѣ зрѣнія свободы торговли въ то самое время, какъ Шарль Дюнойе проповѣдовалъ свободу промышленности. Англія незадолго передъ тѣмъ съ успѣхомъ перешла къ свободной торговлѣ, и ея примѣръ сильно импонировалъ континентальнымъ правительствамъ. Наполеонъ III сталъ усердно хлопотать объ увеличеніи сбыта за границу произведеній французской промышленности. Отступивъ въ этомъ отношеніи отъ традицій первой имперіи, онъ прямо дѣйствовалъ въ духѣ свободной торговли, понижая или совсѣмъ отмѣняя таможенныя пошлины и заключая торговые трактаты съ другими странами, облегчавшіе коммерческія сношенія съ ними. Съ Англіей въ 1860 г. онъ заключилъ торговый договоръ на новыхъ началахъ, не спросивъ мнѣнія законодательнаго корпуса, и этотъ договоръ сразу поднялъ ввозную и вывозную торговлю Франціи. Вообще за періодъ имперіи богатства Франціи прямо удвоились—съ 82 милліардовъ франковъ въ 1851 г. до 162 милліардовъ въ 1869 г. Всѣ выгоды шли при помощи биржевыхъ спекуляцій между прочимъ въ карманы лицъ, стоявшихъ во главѣ правленія, да и вообще сундуки богачей наполнялись нерѣдко на счетъ мелкихъ сбереженій, переливавшихся туда изъ кармановъ маленькихъ рантье. Биржа руководила даже внѣшней политикой, и, напр., мексиканская экспедиція была въ значительной мѣрѣ результатомъ закулиснаго вліянія биржи. Подобно первой имперіи и вторая не была правительствомъ одного какого-либо общественнаго класса, но за то она находила поддержку во всѣхъ классахъ, поскольку послѣдніе видѣли въ ней гарантію своихъ интересовъ. Наполеонъ III старался всѣхъ привлекать на свою сторону, а для этого ему при-

ходилось дѣлать частныя уступки, но то, что дѣлалось въ пользу однихъ, очень часто раздражало другихъ, и потому ни въ одномъ общественномъ классѣ имперія не могла пользоваться вполнѣ искреннимъ сочувствіемъ. Императору нравилось разыгрывать роль „просвѣщеннаго деспота" и содѣйствовать благосостоянію народа, но подъ условіемъ, чтобы никто ему не мѣшалъ дѣлать свое дѣло, чтобы ничего не предпринималось безъ его иниціативы или, по крайней мѣрѣ, безъ поощренія съ его стороны, и потому онъ хотѣлъ стоять выше притязаній отдѣльныхъ классовъ. Особенно ему хотѣлось, чтобы въ немъ видѣли друга всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, и самую прочную опору имперіи среди общественныхъ классовъ Франціи представляло собою крестьянство въ виду того, что еще первая имперія поддерживала мелкое землевладѣніе.

Хотя Наполеонъ III и выставлялъ себя защитникомъ рабочихъ классовъ и даже написалъ въ старыя времена брошюру объ уничтоженіи пауперизма, на самомъ дѣлѣ всѣ его мѣры, касавшіяся пролетаріата, вызывались только боязнью новыхъ возстаній, а не дѣйствительнымъ желаніемъ соціальныхъ реформъ. Вся соціальная политика второй имперіи заключалась въ томъ, чтобы всячески препятствовать буржуазіи и пролетаріату снова броситься другъ на друга. Поэтому правительство, такъ сказать, покровительствовало мирному соперничеству обоихъ классовъ, лишивъ, однако, и тотъ, и другой всякаго политическаго значенія. Хотя послѣ событій 1848 и 1849 гг. рабочій вопросъ считался похороненнымъ, но на самомъ дѣлѣ это было не такъ, и около 1860 г. правительство и буржуазія сами его возобновили въ довольно своеобразной, впрочемъ, формѣ. Еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ во Франціи заговорили о физическомъ вырожденіи рабочаго класса и о необходимости борьбы съ этимъ зломъ. Правда, многіе видѣли въ этомъ не зло само по себѣ, а опасность для преуспѣянія промышленности, но во всякомъ случаѣ вопросъ былъ поставленъ, и даже явилась мысль о необходимости международнаго его рѣшенія въ виду неудобства отдѣльнымъ странамъ дѣлать измѣненія въ своемъ законодательствѣ, разъ пришлось бы, напр., сократить рабочее время, когда въ другихъ странахъ не было бы принято подобной же мѣры. Заигрывая съ рабочими,

Наполеонъ III согласился на отправку въ Лондонъ на всемірную выставку 1862 г. французской делегаціи, избранной самими же рабочими. Далѣе, въ 1864 г. были отмѣнены старые законы противъ коалицій и стачекъ, причемъ въ тронной рѣчи 1865 г. самъ Наполеонъ III высказался въ томъ смыслѣ, что его намѣреніемъ было „устранить всѣ препятствія къ созданію сообществъ, ставящихъ своею цѣлью улучшить положеніе рабочаго класса". Тогда же было основано въ Лондонѣ „Международное общество рабочихъ", въ составѣ котораго образовалась и французская секція, и такъ какъ она принципіально не мѣшалась въ политику и прямо не имѣла ничего общаго съ республиканской оппозиціей, то правительство даже отнеслось весьма благосклонно къ этой ассоціаціи [1]).

Стараясь расположить къ себѣ своихъ подданныхъ политикой національной славы и національнаго богатства, Наполеонъ III въ то же время дѣйствовалъ на нихъ и путемъ устрашенія. „Свобода говорилъ онъ, никогда не была въ состояніи основать прочное политическое зданіе, она можетъ только его увѣнчать, когда его упрочитъ время". Въ пятидесятыхъ годахъ во Франціи воскресла вся деспотическая система Наполеона I. Агенты правительства пользовались самою широкою властью и ничѣмъ не стѣснялись въ ея проявленіи: аресты, обыски, полицейскій надзоръ, шпіонство и провокаторство были главными средствами этой системы. Покушеніе

[1]) Въ эпоху второй имперіи соціальное движеніе съ идейнымъ характеромъ заглохло во Франціи, и заставлялъ о себѣ говорить и имѣлъ извѣстный успѣхъ только Прудонъ. (Для дальнѣйшаго см. подробнѣе на стр. 814—818 пятаго тома «Ист. Зап. Евр.»). Между прочимъ онъ комментировалъ переворотъ 2 декабря брошюрой, которая разссорила его съ республиканцами, такъ какъ онъ въ ней доказывалъ, что государь, выбранный народомъ, долженъ быть и государемъ народа, а въ слѣдующемъ (1853 г.) Прудонъ даже посвятилъ Наполеону III свое «Изложеніе принциповъ соціальной организаціи». Въ 1862 г. на вопросъ рабочихъ, какъ они должны держать себя на выборахъ, онъ отвѣчалъ совѣтомъ совсѣмъ не голосовать. Рабочіе не послушались Прудона, и изъ ихъ среды вышелъ манифестъ, на который Прудонъ отвѣчалъ книжкой о политической способности рабочихъ классовъ, гдѣ онъ далъ полное изложеніе своей теоріи «мутуализма», бывшей своего рода идеологіей мелкой буржуазіи. Она сдѣлалась на время очень популярной среди части рабочихъ, которые и стали организовать ссудо-сберегательныя кассы, дешевыя столовыя, потребительныя и производительныя ассоціаціи. Съ открытіемъ Интернаціонала мутуалисты сдѣлались ревностными членами его французской секціи.

Орсини на жизнь императора, хотя и произведенное итальянцемъ и по поводу итальянскихъ дѣлъ, дало предлогъ правительству еще болѣе обострить систему, введенную послѣ 2 декабря. Наполеонъ III раздѣлилъ Францію на пять округовъ съ маршаломъ во главѣ каждаго изъ нихъ и соединилъ въ рукахъ одного изъ участниковъ 2 декабря, Эспинаса, министерства военное и полиціи. Вся Франція была подвергнута усиленной охранѣ, стѣснявшей даже переѣзды внутри страны, не говоря уже о заграничныхъ сообщеніяхъ. На таможняхъ стали обыскивать путешественниковъ, не везутъ ли они чего-либо печатнаго противъ императора. Въ законодательномъ корпусѣ былъ проведенъ „законъ объ общественной безопасности", дававшій правительству право безъ всякаго суда сажать въ тюрьму, ссылать и изгонять изъ государства всѣхъ, кто только раньше подвергался осужденію по политическимъ причинамъ, а также и тѣхъ, кто впослѣдствіи будетъ осужденъ. Приведеніе этого закона въ дѣйствіе началось съ того, что правительство предписало всѣмъ префектамъ примѣнить его къ извѣстному количеству (20—40) лицъ въ каждомъ департаментѣ, причемъ самый выборъ лицъ былъ предоставленъ усмотрѣнію префектовъ. Цѣлью Наполеона III было устрашить общество и отдѣлаться отъ наиболѣе непріятныхъ республиканцевъ. Лишь постепенно эта система стала замѣняться менѣе устрашительными мѣрами, которыя, однако, вообще не прекращались до самаго конца имперіи. Чтобы имѣть поводъ безконтрольно распоряжаться гражданами, полиція даже сама сочинила въ 1864 г. новое покушеніе на жизнь Наполеона III, за которое нѣсколько человѣкъ и поплатилось тюремнымъ заключеніемъ или ссылкою.

Совершенно такъ же, какъ и во времена первой имперіи, печать была сильно стѣснена и теперь. Въ 1852 г. залоги, которые вносились издателями, были повышены до 50 т. франковъ, но сверхъ того на изданіе газеты требовалось разрѣшеніе правительства, которое утверждало и редакторовъ. Процессы по дѣламъ печати изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ были переведены въ вѣдѣніе суда исправительной полиціи, и отчеты объ этихъ процессахъ не могли печататься въ газетахъ; запрещалось печатать и пренія въ законодательномъ корпусѣ. Администрація могла давать газетамъ

предостереженія и даже прямо ихъ закрывать. Одна провинціальная газета подверглась предостереженію за то, что въ извѣстіи о восторгѣ, съ какимъ была принята одна рѣчь императора, указала на источникъ этого извѣстія въ такой формѣ: „по словамъ агентства Гаваса“, ибо было истолковано въ смыслѣ сомнѣнія въ достовѣрности извѣстія. При Наполеонѣ III расплодилось во Франціи множество газетъ и брошюръ, издатели и авторы которыхъ получали внушенія и деньги отъ правительства, дабы вліять на общество въ благопріятномъ для имперіи смыслѣ. Научная дѣятельность тоже была крайне стѣснена, и въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія царила реакція. Многіе замѣчательные ученые (Мишле, Жюль Симонъ, Тэнъ и др.) должны были оставить свои каѳедры.

Въ пятидесятыхъ годахъ политическая жизнь во Франціи совершенно поэтому прекратилась. На сценѣ дѣйствовали только армія, чиновничество, духовенство и оффиціальная пресса. Военные заняли при Наполеонѣ III привилегированное положеніе, такъ какъ онъ охотно давалъ преданнымъ генераламъ самыя важныя государственныя должности. Національная гвардія въ 1852 г. была распущена въ виду предположеннаго преобразованія, но это преобразованіе такъ и осталось однимъ предположеніемъ. Политическихъ собраній уже не существовало въ послѣднія времена второй республики, и были даже запрещены избирательныя собранія подъ тѣмъ предлогомъ, что они нарушаютъ свободу избирателей. Послѣднее соображеніе, однако, не мѣшало правительству широко пользоваться системою оффиціальныхъ кандидатуръ, но уже на основаніи того принципа, что „правительство обязано просвѣщать гражданъ“. Сверхъ того, правительство и его агенты въ департаментахъ,—между прочимъ рукоозодившіе выборами мэры,—прибѣгали къ очень разнообразнымъ способамъ, чтобы въ законодательный корпусъ попадали лишь сторонники существующей системы. Избирательные округа распредѣлялись самымъ произвольнымъ образомъ и даже составлялись на половину изъ городскихъ и сельскихъ участковъ; оффиціальные кандидаты усиленно рекомендовались населенію, а ихъ соперники объявлялись чуть не бунтовщиками; счетъ голосовъ часто производился безъ всякаго контроля, и результаты прямо подтасовывались.

Немудрено, что составъ законодательнаго корпуса былъ самый послушный, и его сессіи корпуса были непродолжительными—всего три мѣсяца въ году, а права - весьма ограниченными. У него не было законодательной иниціативы; бюджетъ онъ вотировалъ не по отдѣльнымъ статьямъ, а по министерствамъ; публичность преній могла быть всегда уничтожена требованіемъ хотя бы пяти депутатовъ; газеты имѣли право печатать лишь сокращенный оффиціальный отчетъ о преніяхъ. Въ первые годы имперіи въ законодательномъ корпусѣ не было ни одного республиканца, а затѣмъ въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ ихъ была только знаменитая „пятерка“ представителей Парижа и Ліона (Оливье, Генонъ, Даримонъ, Жюль Фавръ и Эрнестъ Пикаръ), допущенныхъ подъ условіемъ принесенія особой присяги въ вѣрности императору. Только амнистія, вернувшая ссыльныхъ и опальныхъ въ 1857 г., и ослабленіе реакціи послѣ 1859 г. дали возможность нѣсколько усилиться республиканской оппозиціи. Немного свободнѣе дѣйствовали орлеанисты, среди которыхъ въ шестидесятыхъ годахъ опять игралъ первенствующую роль Тьеръ.

Однимъ изъ наболѣе вѣрныхъ средствъ, которыми Наполеонъ III старался поддерживать свою власть, было въ его глазахъ расширеніе вліянія духовенства въ обществѣ. Въ эпоху іюльской монархіи французская интеллигенція была настроена по отношенію къ клерикализму самымъ враждебнымъ образомъ, когда, какъ выразился одинъ писатель, „обнаруженіе религіозности на улицѣ считалось безуміемъ, а въ гостиныхъ—признакомъ дурного тона“. Подъ вліяніемъ событій 1848—1849 гг. во французской буржуазіи произошелъ поворотъ къ католицизму, которымъ и воспользовалась клерикальная партія въ своихъ цѣляхъ. Мы уже знакомы со школьнымъ закономъ 1850 г. [1]), отдававшимъ народное образованіе въ руки духовенства. Наполеонъ III еще президентомъ сочувствовалъ этому закону и вообще продолжалъ покровительствовать клерикализму. Приходскіе священники вмѣстѣ съ агентами административной власти поддерживали престижъ имперіи въ сознаніи народной массы и содѣйствовали тому, чтобы выборы въ законодательный корпусъ

[1]) См. выше, стр. 215—216.

давали бонапартистскіе результаты. Особымъ сочувствіемъ пользовался клерикализмъ у набожной и суевѣрной императрицы, которая тѣмъ настойчивѣе дѣйствовала въ этомъ смыслѣ на своего мужа, чѣмъ болѣе опасалась противоположныхъ на него вліяній. До рожденія въ 1856 г. императорскаго принца по декрету 1852 г. наслѣдство имперіи принадлежало лядѣ Наполеона III, бывшему королю вестфальскому Іерониму, и его сыну принцу Наполеону. Послѣдній, засѣдавшій на скамьяхъ партіи Горы въ законодательномъ собраніи, славился своимъ рѣзко выраженнымъ антиклерикальнымъ направленіемъ, и потому императрица Евгенія смотрѣла на него, какъ на главнаго своего врага. Вѣчно колебавшійся въ своихъ намѣреніяхъ, Наполеонъ III подчинялся то одному, то другому вліянію и въ вопросѣ объ отношеніи къ духовенству, какъ и во многихъ другихъ. Особенно отличалась клерикальнымъ направленіемъ первая половина царствованія Наполеона III. Императоръ нуждался въ поддержкѣ всѣхъ консервативныхъ силъ, а духовенство въ это время уже успѣло обнаружить свое значеніе на выборахъ въ учредительное собраніе 1848 г., и при посредствѣ клира Наполеону III удалось даже примирить съ имперіей нѣкоторое число замѣтныхъ легитимистовъ. Правда, среди видныхъ представителей католицизма была группа, которая носила названіе либеральныхъ католиковъ (Дюпанлу, Монталамберъ, Броль и др.), но папа не одобрялъ ихъ поведенія, и наиболѣе рьяные ультрамонтаны, — а изъ нихъ состояло большинство духовенства, — стояли на сторонѣ имперіи. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ фанатическій вождь крайнихъ клерикаловъ, Луи Вейльо, редакторъ газеты „Univers“, настойчиво прославлялъ Наполеона III за то, что тотъ поддерживалъ свѣтскую власть папы, покровительствовалъ духовенству въ дѣлѣ воспитанія юношества и поощрялъ всѣми средствами религіозныя конгрегаціи. Наполеонъ III расчитывалъ, что папа будетъ благодаренъ ему до конца и пріѣдетъ въ Парижъ помазать его на царство. Въ этомъ направленіи въ 1852 — 1854 гг. императоръ велъ съ Піемъ IX переговоры, но папа, съ своей стороны, хотѣлъ выторговать отмѣну органическихъ статей Наполеона I [1]) и закона,

[1]) См. выше, стр. 51—52.

запрещавшаго совершеніе церковнаго брака раньше гражданскаго. Отказъ папы пріѣхать въ Парижъ поселилъ въ Наполеонѣ сильное неудовольствіе, и когда Пій IX вскорѣ провозгласилъ догматъ о непорочномъ зачатіи Св. Дѣвы, французское правительство отнеслось къ нему очень холодно. Но особенно испортились отношенія между имперіей и церковью подъ вліяніемъ итальянской политики Наполеона III. Клерикалы стали бояться намѣреній императора относительно Италіи съ того момента, когда онъ заключилъ во время крымской войны союзъ съ Сардиніей, на которую итальянскіе патріоты смотрѣли, какъ на будущую объединительницу Италіи. Съ другой стороны, Наполеонъ III торопилъ Пія IX дать реформы своимъ подданнымъ, что тоже раздражило клерикаловъ. Когда произошло покушеніе Орсини, католики думали, что оно отвратитъ императора отъ коварныхъ замысловъ касательно Италіи, но вышло наоборотъ. Готовясь къ итальянской войнѣ 1859 г., Наполеонъ III разрѣшилъ либеральной прессѣ выражать сочувствіе дѣлу итальянскихъ патріотовъ. Когда совершилось объединеніе Италіи, причемъ папа лишился половины своихъ владѣній (послѣдняго Наполеонъ III вовсе не имѣлъ въ виду), императоръ посовѣтовалъ ему отказаться отъ потерянной области, но папа отвѣтилъ на это самымъ рѣзкимъ образомъ. Тогда во Франціи начался цѣлый походъ противъ императорской политики со стороны католиковъ обоихъ лагерей, т. е. и либеральнаго, и ультрамонтанскаго, — походъ въ рѣчахъ, въ проповѣдяхъ, въ пастырскихъ посланіяхъ, въ газетныхъ статьяхъ, въ петиціяхъ. Это движеніе было такъ сильно, что Наполеонъ III, собиравшійся вывести французскій гарнизонъ изъ Рима, оставилъ его тамъ. Распря съ клерикалами даже заставила правительство подумать о необходимости искать примиренія съ либеральными кругами французскаго общества, тѣмъ болѣе, что клерикалы и въ законодательномъ корпусѣ, и въ сенатѣ тоже очень рѣзкимъ образомъ нападали на итальянскую политику императора. Не смотря на все свое желаніе жить въ мирѣ и согласіи съ французскимъ духовенствомъ, его вызывающее поведеніе заставило правительство прибѣгнуть къ репрессивнымъ мѣрамъ. Оно запретило Вейлю издавать его газету, закрыло ассоціаціи, самовольно образовавшіяся

для сбора денегъ въ пользу папы, подвергло нѣсколькихъ епископовъ дисциплинарнымъ взысканіямъ и даже вступило въ борьбу съ религіозными конгрегаціями. Между прочимъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Персиньи, одинъ изъ участниковъ переворота 2 декабря, закрылъ центральный комитетъ „Общества св. Винцента де-Поль", бывшаго главной ультрамонтанской организаціей во Франціи, получавшаго приказы непосредственно изъ Рима, имѣвшаго подъ своею властью массу мѣстныхъ учрежденій во всей странѣ и распоряжавшагося громаднымъ бюджетомъ. Императрица Евгенія и ея клевреты съумѣли мало-по-малу убѣдить Наполеона III, что распря съ духовенствомъ вредитъ прочности имперіи, и что такая политика имѣетъ характеръ уступки революціи, на время распря затихла, хотя и ненадолго. Въ 1864 г. Пій IX издалъ энциклику „Quanta cura" и „Списокъ (Syllabus) современныхъ заблужденій", объявлявшіе войну всей новѣйшей цивилизаціи и независимости свѣтскаго государства. Наполеонъ III увидѣлъ въ этихъ публикаціяхъ вызовъ по отношенію къ себѣ, такъ какъ папа между прочимъ проклиналъ всеобщее голосованіе, на которомъ держалась власть самого Наполеона III. Онъ запретилъ было оффиціальное распространеніе Силлабуса, но епископы отказали ему въ повиновеніи. Тогда императоръ, открывая сессію 1865 г., заявилъ, что будетъ защищать права свѣтской власти, но въ концѣ концовъ онъ не рѣшился отнять у духовенства то положеніе, которое оно занимало съ 1850 г. Одно время онъ выпустилъ-было противъ него ненавистнаго ему министра народнаго просвѣщенія Дюрюи, но, кажется, больше для того лишь, чтобы попугать, а вовсе не для того, чтобы сдѣлать что-либо серьезное. Съ своей стороны, и клерикальная партія напала на Дюрюи, обвиняя его въ томъ, что онъ отравляетъ школьное преподаваніе духомъ матеріализма. Въ сущности, Наполеонъ III попрежнему нуждался въ поддержкѣ духовенства и клерикаловъ, а потому и не рѣшался идти до конца въ своей борьбѣ съ церковной оппозиціей. Этимъ пользовались клерикалы, чтобы, продолжая усиливать свое вліяніе въ обществѣ, въ то же время предъявлять и правительству все новыя и новыя требованія. Въ сенатъ стали поступать петиціи, требовавшія изъятія изъ народныхъ библіотекъ

сочиненій Вольтера и Руссо, Мишле и Ренана и т. д., а когда Сентъ-Бевъ вооружился въ защиту свободной мысли, и въ Высшей Нормальной Школѣ его сенатская рѣчь встрѣчена была съ сочувствіемъ, императрица Евгенія настояла на закрытіи этого учрежденія (1867). Натискъ клерикаловъ на правительство кончился полной его капитуляціей. Въ 1867 г. французскія ружья Шаспо спасли для папы Римъ отъ нападенія Гарибальди, а министръ Руэръ торжественно объявилъ, что Франція никогда не потерпитъ присоединенія Рима къ Италіи. Съ этого момента до конца имперіи клерикальная партія снова была въ полной силѣ, начавъ по всему фронту аттаку и на высшее, и на среднее образованіе страны. Въ это время папа Пій IX готовился къ открытію Ватиканскаго собора, и большинство французскихъ епископовъ уже заявляло, что намѣрено поддерживать догматъ о папской непогрѣшимости. Въ общемъ въ эпоху второй имперіи клерикализмъ сдѣлалъ во Франціи такіе громадные успѣхи, что до сихъ поръ третья республика не въ состояніи вполнѣ отдѣлаться отъ этого наслѣдства, оставленнаго ей Наполеономъ III.

Только въ шестидесятыхъ годахъ Наполеонъ III сталъ отчасти ослаблять свой деспотическій режимъ одновременно съ ослабленіемъ реакціи и въ другихъ государствахъ. Съ 1860 по 1870 г. въ конституціи 1852 г. было даже сдѣлано нѣсколько либеральныхъ измѣненій. Въ 1860 г. Наполеонъ III выразилъ желаніе „дать великимъ учрежденіямъ государства болѣе непосредственное участіе въ общей политикѣ“. Декретомъ 24 ноября этого года, за которымъ послѣдовало нѣсколько сенатусъ-консультовъ, онъ внесъ въ конституцію кое-какія перемѣны, которыя приближали ее къ обычаямъ парламентарнаго правленія. Сенату и законодательному корпусу предоставлено было право ежегодно при открытіи сессіи вотировать адресъ въ отвѣтъ на императорскую рѣчь; но адресъ долженъ былъ обсуждаться въ присутствіи правительственныхъ коммиссаровъ, отъ которыхъ объ стороны заранѣе могли бы получать необходимыя объясненія относительно внутренней и внѣшней политики правительства. Далѣе, разрѣшалось публиковать въ газетахъ стенографическіе отчеты о преніяхъ, происходившихъ въ сенатѣ и въ законодательномъ

корпусѣ. Кромѣ того, учреждались особые министры безъ портфелей, обязанностью которыхъ было поддерживать въ обѣихъ палатахъ правительственные законопроекты. Наконецъ, бюджетъ каждаго министерства сталъ раздѣляться на отдѣльныя статьи, и законодательный корпусъ могъ отвергнуть одну какую-либо статью, тогда какъ раньше онъ долженъ былъ принимать или отвергать весь бюджетъ цѣликомъ. Декретъ 19 января 1867 г. тоже расширялъ компетенцію сената и законодательнаго корпуса, предоставивъ имъ право интерпелляціи, т. е. право предлагать правительству запросы по разнымъ предметамъ внутренней и внѣшней политики и даже высказывать свои мнѣнія по даннымъ объясненіямъ. Одновременно съ этимъ и періодическая печать стала получать нѣкоторыя облегченія, что дало возможность газетамъ свободнѣе, хотя и съ большою осторожностью, часто лишь одними намеками обсуждать правительственную политику. По закону 1868 г. на изданіе газеты уже не требовалось предварительнаго разрѣшенія, а система предостереженій была замѣнена преслѣдованіемъ газетъ передъ исправительнымъ судомъ. Допущены были тогда же съ извѣстными ограниченіями и собранія: они разрѣшались подъ условіемъ извѣщенія полиціи, подписаннаго нѣсколькими лицами, но могли происходить лишь въ присутствіи полицейскаго коммиссара, которому предоставлено было право распускать собраніе, если онъ находилъ, что ораторы выступали изъ границъ законности.

Къ этимъ уступкамъ вынуждали Наполеона III многія обстоятельства и внѣшней, и внутренней политики и тѣ собственныя его противорѣчія въ обѣихъ, которыя поселяли нерасположеніе къ нему прежнихъ его союзниковъ и въ то же время давали оппозиціи поводъ указывать на его непослѣдовательность и предостерегать общество относительно рискованныхъ предпріятій. Всякая неудача во внѣшней политикѣ заставляла Наполеона III идти на уступки въ политикѣ внутренней, чтобы, по крайней мѣрѣ, удовлетворить наиболѣе умѣренныхъ представителей оппозиціи и имѣть ихъ на своей сторонѣ или, по крайней мѣрѣ, не противъ себя. Въ шестидесятыхъ годахъ въ законодательномъ корпусѣ появилась уже и настоящая парламентская оппозиція. Она состояла изъ монархистовъ

(легитимистовъ и орлеанистовъ) и тѣхъ умѣренныхъ республиканцевъ, которые были противъ всякой мысли о новой революціи, будучи увѣрены, что рано или поздно свободное пользованіе всеобщею подачею голосовъ на выборахъ въ законодательный корпусъ осуществитъ мирнымъ путемъ ихъ программу. Являясь слишкомъ слабыми каждая въ отдѣльности, оппозиціонныя партіи вступали между собою въ соглашенія, поддерживая одна другую на выборахъ и въ парламентскихъ голосованіяхъ (такъ называемый „либеральный союзъ“). На выборахъ 1863 г. Парижъ высказался исключительно за оппозиціонныхъ кандидатовъ. Въ законодательномъ корпусѣ ихъ было теперь уже 35, хотя подавляющее большинство (249) все-таки принадлежало сторонникамъ правительства. Въ 1863 г. впервые послѣ очень долгаго молчанія оппозиція стала критиковать внѣшнюю и внутреннюю политику правительства, нападать на мексиканскую экспедицію, на расточительность, на стѣсненія свободы. Тьеръ, который при республикѣ самъ содѣйствовалъ реакціи, заговорилъ о существованіи „необходимыхъ вольностей“ (libertés necéssaires), попираемыхъ правительствомъ. Нѣкоторое оживленіе либерализма заразило и кое-кого изъ представителей бонапартистскаго большинства, которые жаловались на своеволіе министровъ и стали добиваться для законодательнаго корпуса бо́льшаго вліянія. Они даже составили небольшую „третью партію“ (tiers parti) и въ слѣдующихъ годахъ уже прямо агитировали въ пользу отвѣтственнаго министерства, подчиненія печати суду и отмѣны закона, запрещавшаго собранія. Расколъ въ бонапартистской партіи касался и внѣшней политики. Въ то время, какъ реакціонеры, имѣя во главѣ императрицу и всесильнаго министра Руэра, хлопотали, чтобы Франція выступила противъ Пруссіи и Италіи, „третья партія“ стояла за сохраненіе мира. Ея вождемъ сдѣлался Оливье, бывшій республиканскій депутатъ, перешедшій на сторону Наполеона III. Самъ императоръ, сдѣлавшій этой партіи въ началѣ 1867 г. уступку, долго не рѣшался, однако, вполнѣ соединиться съ нею. Наступилъ періодъ колебаній, которыя поддерживались личнымъ соперничествомъ Руэра и Оливье. Первый изъ нихъ, достигшій такого значенія, что его даже прозвали „вице-императоромъ“, былъ поборникомъ абсолютизма и реакціи. За нимъ стояла

большая партія, которая была за сохраненіе старой системы сильной власти и воинственной политики. Планъ этой партіи состоялъ въ томъ, чтобы разгромить Пруссію въ отместку за 1866 годъ и, опираясь на военный успѣхъ, вернуться къ прежнему режиму внутри страны. Она, конечно, съ крайнимъ неудовольствіемъ смотрѣла на усиленіе оппозиціи. Дѣйствительно, пользуясь смягченіемъ законодательства о печати, сходкахъ и т. п., республиканцы начали рѣзко нападать на имперію. (Мы еще увидимъ, въ чемъ заключалось въ это время оживленіе во Франціи республиканской идеи). Выборы въ законодательный корпусъ 1869 г. дали большинство „третьей партіи“ и либеральной оппозиціи. У Наполеона III потребовали реформъ. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ далъ отставку Руэру и согласился на измѣненіе конституціи, расширявшее полномочія законодательнаго корпуса, который пріобрѣлъ теперь право законодательной иниціативы, право дѣлать запросы правительству и голосовать мотивированные переходы къ очереднымъ дѣламъ, причемъ и сенатъ какъ-бы превратился въ верхнюю палату съ публичными засѣданіями. Открывая сессію законодательнаго корпуса 29 ноября 1869 г., императоръ опредѣлилъ свою будущую политику слѣдующими словами: „Франція желаетъ свободы и порядка. За порядокъ отвѣчаю я, вы же помогайте мнѣ охранять свободу. Дабы выполнить эту задачу, станемъ держаться одинаково далеко и отъ реакціонныхъ стремленій, и отъ революціонныхъ ученій. Между людьми, противящимися всякимъ перемѣнамъ, и людьми, стремящимися къ ниспроверженію всего, можно занять похвальную середину“. Вскорѣ послѣ этого Наполеонъ III поручилъ Оливье составленіе однороднаго министерства, которое пользовалось бы довѣріемъ большинства законодательнаго корпуса, и 2 января 1870 г. Оливье вступилъ во власть.

До 1868 г. французская республиканская партія не могла играть видной роли въ политической исторіи родной страны. Часть республиканцевъ 1848 г. осталась жить въ изгнаніи—въ Англіи, въ Бельгіи, въ Швейцаріи—и послѣ амнистіи 1859 г., не желая возвращаться въ страну, гдѣ господствовалъ деспотическій режимъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр., Викторъ Гюго „Наполеономъ Малымъ“ и „Наказаніями“, вредили имперіи своими пи-

, саніями, но и только. Лишь очень немногіе (Делеклюзъ и Бланки) устраивали заговоры, не имѣвшіе, впрочемъ, ни малѣйшаго успѣха. Передъ нѣкоторыми открывалась возможность дѣйствовать въ качествѣ народныхъ представителей, но такъ какъ они не хотѣли присягать Наполеону III, то эта дѣятельность для нихъ оставалась закрытою (Каваньякъ и Карно). Правда, многаго они и не могли бы добиться въ учрежденіи, гдѣ ихъ мнѣнія были представлены лишь самою незначительною парламентскою кучкою. Неудачи имперіи въ 1867 г. и законы 1868 г. о печати и обществахъ сдѣлали республиканцевъ смѣлѣе и рѣшительнѣе. Во-первыхъ, появились республиканскія газеты „Пробужденіе" (Le Réveil) Делеклюза и „Фонарь" (La Lanterne) и „Марсельеза" Рошфора, которыя стали открыто нападать на имперію и проповѣдовать республику, за что правительство начало предавать ихъ суду. Делеклюзъ и редакторы другихъ оппозиціонныхъ органовъ открыли подписку на памятникъ депутату Бодену, убитому на баррикадѣ 3 декабря 1851 г. Правительство возбудило процессъ, во время котораго адвокатъ Леонъ Гамбетта произнесъ рѣзкую политическую рѣчь, бывшую настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ имперіи. Делеклюза приговорили къ тюрьмѣ, но рѣчь Гамбетты читалась всей Франціей. Большого шума надѣлалъ также и „Фонарь" Рошфора. Подъ такимъ названіемъ этотъ талантливый публицистъ сталъ издавать каждую недѣлю по небольшой брошюркѣ въ красной обложкѣ, на которой красовался рисунокъ—фонарь и веревка, повѣшенные на крюкѣ; послѣднему была придана форма первой буквы имени Наполеона. Въ „Фонарѣ" Наполеонъ III уже прямо подвергался оскорбленіямъ, и Рошфоръ былъ преданъ суду. Онъ, однако, предпочелъ бѣжать въ Бельгію, гдѣ и продолжалъ печатать свое изданіе, перевозившееся во Францію, какъ контрабанда. Съ другой стороны, Международное общество рабочихъ оказалось вовсе не такимъ невиннымъ, какъ его представляло себѣ правительство, и противъ его членовъ тоже стали возбуждаться уголовныя преслѣдованія. Между тѣмъ на законодательныхъ выборахъ 1869 г. республиканцы, отдѣлившись отъ либеральнаго союза съ монархистами, выступили самостоятельно, съ совею собственной программой, такъ называемой „Бельвилльской",

выработанною Гамбеттою, который поставилъ свою кандидатуру въ бельвилльскомъ округѣ Парижа. Сущность программы была въ самомъ радикальномъ примѣненіи всенароднаго голосованія къ избранію муниципальныхъ совѣтниковъ и депутатовъ, уничтоженіи сената, установленіи законномѣрной свободы личности, печати, ассоціацій, собраній, отдѣленіи церкви отъ государства, уничтоженіи постоянной арміи, устройствѣ всеобщаго обязательнаго, дарового и чисто свѣтскаго начальнаго образованія и т. п. Эта программа объединила республинцевъ, и самъ Гамбетта вмѣстѣ съ другими радикалами былъ выбранъ въ депутаты. При счетѣ голосовъ оказалось, что сторонники правительства получили въ общемъ $4^1/_2$ милліоновъ голосовъ, оппозиція же (монархисты и республиканцы)—$3^1/_2$, чего раньше никогда не бывало. На дополнительныхъ выборахъ былъ даже избранъ Рошфоръ, который и поспѣшилъ возвратиться изъ Бельгіи. Нужно прибавить, что уже въ это время среди республиканцевъ были и противники, и сторонники Интернаціонала. Въ Бельвилльской программѣ лишь глухо было упомянуно о „соціальной задачѣ, рѣшеніе которой почти цѣликомъ подчиняется политическимъ преобразованіямъ“, но вскорѣ авторъ программы, Гамбетта, еще яснѣе заявилъ, что можно говорить только о соціальныхъ реформахъ (во множественномъ числѣ), „ибо того цѣлаго, которое называютъ соціальнымъ вопросомъ, въ дѣйствительности не существуетъ“.

Въ іюнѣ 1869 г. открылись засѣданія законолательнаго корпуса. И бонапартисты, и оппозиція распались въ этомъ собраніи каждая на три группы. Крайняя правая, желавшая возстановленія политики репрессіи и объявленія войны Пруссіи, получила названіе аркадійцевъ (по имени улицы Аркадъ, гдѣ партія собиралась), другія двѣ группы были: умѣренная и правый центръ. Затѣмъ шли: лѣвый центръ, состоявшій изъ монархистовъ; непримиримые, или радикальная партія; наконецъ, крайняя лѣвая, открыто республиканская (всего два человѣка: Рошфоръ и старый революціонеръ Распайль, знаменитый ученый). Вмѣстѣ съ болѣе либеральными бонапартистами оппозиція образовала большинство, которое и заставило императора пойти на уступки. Тогда-то Наполеонъ III и расширилъ права законодательнаго корпуса и перемѣнилъ Руэра на Оливье.

Уже въ началѣ января 1870 г. Гамбетта обратился къ новымъ министрамъ съ словами: „вы—тотъ мостъ, по которому мы проходимъ отъ республики 1848 г. къ будущей республикѣ“. Это и другія болѣе или менѣе рѣзкія заявленія, дѣлавшіяся въ законодательномъ корпусѣ, сильно взволновали столицу и страну. Тогда же, въ началѣ 1870 г. республиканцы устроили демонстрацію, которая при иныхъ условіяхъ могла бы прямо перейти въ возстаніе. Императорскій кузенъ, принцъ Петръ Бонапартъ (сынъ Луціана), отличавшійся необузданнымъ характеромъ, раздраженный противъ нѣсколькихъ журналистовъ вслѣдствіе нападокъ на него и на его родню, убилъ выстрѣломъ изъ пистолета сотрудника рошфоровой газеты „Марсельеза“, Виктора Нуара, когда тотъ пришелъ къ принцу для личныхъ объясненій. Похороны убитаго собрали на улицу стотысячную толпу народа, и для предотвращенія безпорядковъ явились полиція и войска. Рошфоръ былъ преданъ суду и приговоренъ къ тюремному заключенію и большому денежному штрафу за преступную агитацію, а принцъ, наоборотъ, былъ оправданъ чрезвычайнымъ судомъ въ Турѣ, къ величайшему негодованію общества. Въ Парижѣ это вызвало новыя демонстраціи, давшія правительству поводъ произвести многочисленные аресты. Во время всѣхъ этихъ манифестацій обнаружилось, между прочимъ, что въ нихъ принимали участіе многіе члены французской секціи Международнаго общества рабочихъ. Это снова обратило вниманіе властей на названную организацію пролетаріата, тѣмъ болѣе, что въ то же время произошла громадная стачка на металлургическихъ заводахъ въ Крезо, въ которой члены Интернаціонала тоже играли видную роль. Въ свою очередь и процессы, которые возбуждались противъ Международнаго общества, производили большую сенсацію и содѣйствовали пропагандѣ его принциповъ, потому что подсудимые пользовались своимъ правомъ защиты для изложенія своихъ принциповъ. Обвиняемые въ принадложности къ заговорамъ, они протестовали противъ этого, указывая на то, что стоятъ за мирное рѣшеніе соціальнаго вопроса, такъ какъ всякая революція обходится рабочимъ слишкомъ дорого, и что не можетъ идти рѣчи о какихъ-то заговорахъ, когда дѣло—въ массовомъ движеніи цѣлаго соціальнаго класса.

Среди такихъ обстоятельствъ Наполеонъ III рѣшилъ произвести въ конституціи новыя перемѣны, которыя, съ одной стороны, удовлетворили бы умѣренныхъ либераловъ, съ другой упрочили бы самоё имперію и облегчили бы переходъ власти къ наслѣднику престола. Въ этихъ видахъ, и на сей разъ правительство прибѣгло къ старому бонапартовскому средству обращенія къ народу, бывшему весьма удобнымъ, когда нужно было найти опору противъ политическихъ партій. Таково было происхожденіе знаменитаго „плебисцита" 1870 г. Французскому народу было предложено отвѣтить „да" или „нѣтъ" на вопросъ, одобряетъ ли онъ либеральныя реформы, предпринятыя съ 1860 г. императоромъ при содѣйствіи высшихъ государственныхъ установленій и желаетъ ли народъ утвердить сенатусъ-консультъ 20 апрѣля 1870 г., вводившій въ конституцію новыя измѣненія, сущность которыхъ была въ превращеніи имперіи въ нѣкоторое подобіе парламентарной монархіи. По оффиціальному толкованію вопроса, дать утвердительный отвѣтъ значило выразить желаніе сохранить императора и вмѣстѣ съ этимъ облегчить переходъ короны къ его сыну. Правительство предписало своимъ агентамъ развить самую лихорадочную дѣятельность, чтобы получить какъ можно болѣе утвердительныхъ голосовъ, и администрація всѣми силами старалась внушить народу ту мысль, что утвердительный отвѣтъ только упрочитъ во Франціи и внутреннюю свободу, и внѣшній миръ. Между прочимъ Оливье доказывалъ своимъ избирателямъ, что кто будетъ противъ имперіи, тотъ тѣмъ самымъ выскажется за соціальную республику. Либералы стояли также за утвердительный отвѣтъ, но республиканцы объявили себя противъ предложенія, указавъ на то, что плебисцитъ, устроенный правительствомъ, въ сущности, былъ не чѣмъ инымъ, какъ давленіемъ на волю народа. Плебисцитъ происходилъ 8-го мая и далъ 7.350.142 утвердительныхъ голосовъ противъ 1.538.825 отрицательныхъ при 112.975 пустыхъ бюллетеняхъ. Побѣда была на сторонѣ правительства, но и полтора милліона „нѣтъ" кое-что значили, тѣмъ болѣе, что во многихъ крупныхъ городахъ большинство оказывалось отрицательнымъ, и что около 50 т. несогласныхъ нашлось даже въ арміи и флотѣ.

Плебисцитъ, семью слишкомъ милліонами голосовъ снова ут-

верждавшій Наполеона III и его династію на престолѣ, состоялся, какъ только что было сказано, въ началѣ мая, но не прошло и четырехъ мѣсяцевъ послѣ этого, какъ имперіи во Франціи болѣе не существовало. Въ послѣдніе годы передъ этимъ Наполеонъ III очень хворалъ, такъ что одно время даже опасались за его жизнь. Онъ начиналъ все болѣе и болѣе чувствовать усталость и даже самъ сравнивалъ себя съ утомленнымъ путешественникомъ, который понемногу облегчаетъ свою ношу. Вмѣстѣ съ этимъ онъ все чаще и чаще начиналъ впадать въ молчаливую задумчивость, сидя съ полузакрытыми глазами и не обращая вниманія на то, что дѣлалось вокругъ. И прежде склонный къ колебаніямъ, всегда доступный личнымъ вліяніямъ и потому принимавшій противорѣчивыя и неожиданныя рѣшенія, онъ теперь больше, чѣмъ когда бы то ни было, не былъ полнымъ господиномъ своихъ дѣйствій. Придворныя интриги, въ которыхъ замѣшана была императрица и которыя стояли въ извѣстной связи съ отношеніями къ папству (по поводу ватиканскаго собора и французскаго отряда въ Римѣ), внесли свою долю въ путаницу французской политики 1870 г. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Дарю, сторонникъ мира и противникъ папскихъ притязаній, былъ замѣненъ Грамономъ, который, наоборотъ, былъ настроенъ самымъ воинственнымъ образомъ. Несмотря на миролюбивое расположеніе больного императора, Грамонъ въ угоду императрицѣ, страстно желавшей войны съ Пруссіей, воспользовался первымъ предлогомъ, чтобы довести дѣло до этой войны, которая, какъ казалось ея сторонникамъ, должна была еще болѣе консолидировать имперію послѣ блестящаго результата, достигнутаго ею посредствомъ плебисцита.

Война съ Пруссіей въ 1870 г. предпринята была, однако, самымъ легкомысленнымъ образомъ. Возвышеніе этого государства въ 1866 г. страшно не нравилось Наполеону III, и онъ затаилъ ненависть къ державѣ, которая обманула всѣ его надежды. Предвидя войну съ Франціей, Пруссія поспѣшила заключить тайные договоры съ южными нѣмецкими государствами, но и Наполеонъ III не упускалъ изъ виду необходимости заручиться союзами. Съ этою цѣлью онъ сталъ вести переговоры съ Австріей и Италіей, но добился лишь

того, что и Францъ-Іосифъ, и Викторъ-Эммануилъ II обязались передъ нимъ не заключать никакихъ союзовъ, предварительно не сообщивъ объ этомъ взаимно другъ другу (1869). Правда, переговоры продолжали вестись и послѣ, но когда вспыхнула война, еще ничего не было рѣшено, и Франція очутилась одна противъ всей Германіи, т. е. Сѣверо-Германскаго Союза съ Пруссіей во главѣ и южныхъ нѣмецкихъ государствъ, которыя Бисмаркъ съумѣлъ возбудить противъ честолюбивыхъ притязаній Наполеона III. Австрія соглашалась на союзъ съ Франціей лишь подъ условіемъ, чтобы въ немъ участвовала и Италія, но послѣдняя требовала присоединенія Рима, на которое Наполеонъ III ни за что не хотѣлъ согласиться. И въ другихъ отношеніяхъ Франція была совсѣмъ не подготовлена къ войнѣ. Военное начальство имѣло самыя превратныя представленія о прусской арміи, не смотря на ея побѣды надъ Даніей и Австріей. Оно думало, что справиться съ пруссаками будетъ чрезвычайно легко, не видя въ то же время недостатковъ французской военной организаціи. Во Франціи можно было откупаться отъ военной службы, нанимая вмѣсто себя охотника, или, какъ онъ назывался, замѣстителя, и даже само правительство занималось поставкою не желающимъ идти въ солдаты такихъ замѣстителей, тогда какъ въ Пруссіи дѣйствовала система обязательной военной службы. Въ арміи на бумагѣ считалось 800 т. человѣкъ, но на дѣлѣ ихъ оказалось меньше, и цѣлые отряды, числившіеся въ спискахъ, въ дѣйствительности не существовали. Обучали солдатъ при этомъ главнымъ образомъ для смотровъ и парадовъ. Французское вооруженіе тоже очень скоро оказалось хуже прусскаго. И интендантская часть находилась въ полномъ разстройствѣ: припасовъ или не было, или они были негодными; часто они находились не тамъ, гдѣ значились въ вѣдомостяхъ, или же направлялись не по адресу. Беря съ собою карты Германія въ расчетѣ на быструю наступательную войну, не сочли нужнымъ запастись картами пограничныхъ департаментовъ Франціи. Плана мобилизаціи и перевозки войскъ тоже не было, равно какъ и общаго плана военныхъ дѣйствій. Въ довершеніе всего генералы соперничали и ссорились между собою, а нѣкоторые при своихъ операціяхъ имѣли въ виду нестолько движенія непріятеля, сколько

необходимость защиты имперіи отъ ея внутреннихъ враговъ. Наоборотъ, у нѣмцевъ былъ превосходный стратегическій планъ и полный порядокъ во всемъ, что касалось мобилизаціи арміи и снабженія ея одеждою, обувью, провіантомъ и вооруженіемъ. Ходъ войны самымъ блистательнымъ образомъ доказалъ, что режимъ имперіи совершенно деморализировалъ высшіе военные чины и даже внесъ полную анархію въ ту самую армію, которая была главною матеріальною опорою имперіи.

Послѣ дипломатическихъ пораженій, нанесенныхъ Наполеону III въ 1866 и 1867 г. Бисмаркомъ, въ націи была очень популярна мысль о войнѣ съ Пруссіей. Самъ Наполеонъ III долго колебался, но императрица Евгенія и вся ея партія употребляли всѣ усилія, чтобы добиться войны. „Мнѣ она нужна, говорила императрица, это — моя война“. Оффиціальный органъ имперіи „Pays“ выражался въ томъ же смыслѣ: „война намъ настоятельно необходима въ интересахъ Франціи и ради нуждъ династіи“. Оппозиція, которая была недовольна внѣшней политикой Наполеона III, ставила ему въ упрекъ, что онъ самъ подготовлялъ единую Германію, опасную для могущества Франціи, поощряя Пруссію въ ея захватахъ. Только республиканцы ничего не имѣли противъ объединенія Германіи, но они тоже упрекали императора за союзъ съ Пруссіей, внутренняя политика которой отличалась реакціоннымъ направленіемъ. Между тѣмъ и Бисмаркъ давно искалъ повода войны съ Франціей, которая не скрывала, что она всегда будетъ противъ дальнѣйшаго объединенія Германіи.

Поводъ скоро представился [1]). Въ 1868 г. испанцы свергли съ престола свою королеву Изабеллу, и конституціонно-монархическое большинство учредительныхъ конгрессовъ 1869 г. выбрало на престолъ принца Леопольда Гогенцоллернъ-Зигмарингенскаго, родственника прусскаго королевскаго дома. Бисмаркъ благопріятствовалъ этой кандидатурѣ, хотя и говорилъ, что она Пруссіи не касается, какъ дѣло, имѣющее отношеніе только къ самой Испаніи, да къ фамиліи Гогенцоллерновъ. Онъ зналъ, что Наполеону III эта канди-

[1]) См. Ист. Зап. Евр., т. V. стр. 743.

датура будетъ не по вкусу, и ожидалъ, что̀ скажетъ противъ нея императоръ, нѣсколько разъ уже заявлявшій о своемъ уваженіи къ національной волѣ. Въ іюнѣ 1870 г. принцъ далъ испанцамъ свое согласіе, и прусскій король тоже заявилъ, что онъ противъ этого, какъ глава фамиліи, ничего не имѣетъ. Извѣстіе о принятіи принцемъ кандидатуры произвело сильное впечатлѣніе во Франціи, и воинственная партія при тюйльерійскомъ дворѣ поспѣшила раздуть значеніе этого извѣстія въ глазахъ общества. Изъ Парижа обратились съ запросомъ въ Берлинъ, и когда въ началѣ іюля прусскій посланникъ поѣхалъ къ своему государю, лѣчившемуся въ Эмсѣ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Грамонъ, поручилъ ему передать Вильгельму I, что Франція не потерпитъ водворенія какого бы то ни было прусскаго принца въ Испаніи. То же самое повторилъ онъ и въ законодательномъ корпусѣ. Затѣмъ онъ отправилъ въ Эмсъ французскаго посланника при берлинскомъ дворѣ Бенедетти, чтобы потребовать у прусскаго короля приказанія принцу отказаться отъ кандидатуры. Отвѣтъ Вильгельма I, заявившаго, что лично онъ ничего не имѣетъ и противъ отказа принца, не удовлетворилъ французскаго правительства, и оно черезъ Бенедетти еще болѣе настойчиво потребовало отъ прусскаго короля заявленія, что и впредь принцъ никогда не согласится на испанское предложеніе, (хотя въ это время и отецъ принца оффиціально отказался отъ испанской короны, да и испанское правительство отступилось отъ своего плана). Наконецъ, Вильгельмъ I объявилъ Бенедетти, что не намѣренъ болѣе возвращаться къ этому вопросу, о чемъ и телеграфировалъ Бисмарку, уполномочивъ его, если онъ найдетъ нужнымъ, обнародовать телеграмму. Извѣстно, что Бисмаркъ такъ и сдѣлалъ, только значительно сгустивъ краски, т. е. и рѣзче выставивъ настойчивость Бенедетти, и нежеланію Вильгельма I вести съ нимъ дальнѣйшіе разговоры придавъ болѣе оскорбительный для французскаго дипломата оттѣнокъ. Подстрекаемыя правительствомъ французскія газеты писали крайне воинственныя статьи, и даже независимые органы говорили, что пруссаковъ нужно розгами прогнать за Рейнъ. На улицахъ Парижа происходили воинственныя манифестаціи, отчасти тоже возбуждавшіяся правительствомъ, причемъ его агенты, яко бы ра-

бочіе, въ новыхъ бѣлыхъ блузахъ бѣгали по городу, крича громче другихъ: „въ Берлинъ! въ Берлинъ! Намъ нуженъ Рейнъ!“ 15 іюля правительство потребовало въ законодательномъ корпусѣ чрезвычайнаго кредита на войну, которую оно „съ легкимъ сердцемъ“, какъ выразился Оливье, рѣшилось объявить Пруссіи. Напрасно противники войны, большею частью республиканцы, требовали у правительства доказательствъ, что представитель Франціи, дѣйствительно, былъ оскорбленъ, и настаивали на необходимости съ особою тщательностью разсмотрѣть это дѣло, — ихъ заявленія со стороны большинства встрѣчались только свистками и враждебными криками. Одному Тьеру удалось произнести среди шума рѣчь, бывшую своего рода пророчествомъ, но за это толпа перебила стекла въ его домѣ. Наоборотъ, Оливье на улицахъ устроили бѣшеную овацію. Въ ночь съ 15 на 16 іюля, послѣ доклада особой коммиссіи о томъ, что къ войнѣ „все готово и архи-готово“, законодательный корпусъ вотировалъ потребованныя у него правительствомъ деньги, а 19 іюля состоялось и самое объявленіе войны.

Событія послѣдовали одни за другими съ необычайною быстротою. Нѣмцы предупредили французовъ и въ первыхъ числахъ августа начали наступленіе. Въ самомъ началѣ войны французы вынуждены были покинуть Эльзасъ, и главная часть французскаго войска скоро была отрѣзана отъ сообщенія съ другими частями. Другая армія, двинувшаяся къ ней на выручку, была взята 2 сентября въ плѣнъ при Седанѣ, вмѣстѣ съ Наполеономъ III. Всѣхъ плѣнныхъ было взято въ этотъ день болѣе 80 т. человѣкъ съ 6000 лошадей и 648 пушками.

По отъѣздѣ Наполеона III въ армію, регентшей осталась императрица Евгенія, и первыя же извѣстія о неудачахъ въ войнѣ съ Пруссіей сдѣлали положеніе правительства крайне опаснымъ. Въ законодательномъ корпусѣ произошли бурныя сцены, Оливье вышелъ въ отставку, группа республиканцевъ подъ начальствомъ Бланки сдѣлала попытку возстанія. Наконецъ 3 сентября вечеромъ въ Парижъ пришла вѣсть о седанской катастрофѣ. Въ экстренномъ засѣданіи законодательнаго корпуса въ ночь съ 3 на 4 сентября отъ имени 31 республиканскаго депутата Жюль Фавръ внесъ

предложеніе о низложеніи „Людовика-Наполеона Бонапарта“ его и династіи. Когда въ два часа ночи депутаты возвращались изъ засѣданія, на площади Согласія громадная толпа народа уже кричала: „Низложеніе! Низложеніе!“ На другой день, какъ только о несчастьѣ узналъ весь Парижъ, у зданія законодательнаго корпуса собралось множество народа, кричавшаго: „Да здравствуетъ республика!“ Прежде чѣмъ палата успѣла принять какое-либо рѣшеніе, народъ прорвалъ караулы, охранявшіе входы въ зданіе, и занялъ всѣ корридоры, галлереи и залу засѣданій, и въ ея присутствіи отъ имени народнаго представительства Гамбетта объявилъ, что „Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ и его династія перестали царствовать во Франціи“. Затѣмъ въ ратушѣ произошло провозглашеніе республики, и образовалось „правительство національной обороны“, въ составъ котораго вошли депутаты Парижа Араго, Кремье, Доріанъ, Жюль Ферри, Жюль Фавръ, Гюйо, Монъ-Райру, Гамбетта, Гарнье-Пажесъ, Маньянъ, Ординеръ, Фашаръ, Пельтанъ, Эрнестъ Пикаръ, Жюль Симонъ и (позднѣе) Рошфоръ. Императрица Евгенія тогда же бѣжала изъ Парижа. У имперіи не нашлось защитниковъ, и многіе прежніе ея сторонники даже прямо стали открещиваться отъ солидарности съ низвергнутымъ революціей 4 сентября режимомъ [1]).

[1]) На картѣ № 3 отмѣчены: 1) территоріальныя пріобрѣтенія Наполеона III (Савойя и Ницца) и 2) движеніе нѣмецкой арміи къ Парижу въ 1870 г.

VII. Третья республика [1]).

Наслѣдіе второй имперіи. — Дѣятельность правительства національной обороны. — Осада Парижа. — Національное собраніе въ Бордо. Франкфуртскій миръ. — Коммуна. — Правительство Тьера. — Попытка легитимистической реставраціи.—Септеннатъ.—Конституція 1875 г.—Столкновеніе Макъ-Магона съ палатой.—Переходъ власти къ республиканской партіи. - Буланжизмъ.—Образованіе новыхъ партій.—Выступленіе рабочаго класса на политическую сцену.—«Панама».—Союзъ умѣренныхъ съ консерваторами.—Усиленіе клерикальной партіи. - Дѣло Дрейфуса.—Президентство Лубе.

Тяжелое наслѣдство оставила вторая имперія смѣнившей ее третьей республикѣ. Война 1870—1871 г., легкомысленно предпринятая ради упроченія династіи, съ самаго же начала обнаружила неспособность императорскаго правительства защитить страну отъ иноземнаго вторженія, имъ же самимъ вызваннаго. Планъ нѣмцевъ, составленный Мольтке, заключался въ томъ, чтобы идти прямо на Парижъ, и конечно, всѣ усилія французскихъ генераловъ должны были быть направлены къ тому, чтобы не дать осуществиться этому плану. Былъ моментъ, когда часть французской арміи подъ предводительствомъ маршала Макъ-Магона могла отступить къ Парижу, окруженному прекрасными фортификаціями, и обороняться тамъ до сформированія вспомогательныхъ силъ, но Наполеонъ III по чисто политическимъ соображеніямъ отказался отъ отступленія, боясь произвести дурное впечатлѣніе въ Парижѣ, и дѣло окончилось седанской катастрофой. Черезъ двѣ недѣли нѣмцы подступили уже къ самому Парижу, а въ концѣ октября сдалась пруссакамъ французская армія, еще въ началѣ войны запертая ими въ Мецѣ. Сдавшеюся арміей командовалъ маршалъ Базенъ, который не столько хлопо-

---

[1]) Болѣе подробное изложеніе исторіи третьей республики читатель найдетъ въ книгѣ *Инсарова* «Современная Франція» (Спб. 1900), стр. 176—460.

талъ объ изгнаніи изъ Франціи непріятеля, сколько о сохраненіи Бонапартовъ на престолѣ. Осажденный въ Мецѣ, онъ съ согласія пруссаковъ началъ переговоры съ императрицей Евгеніей объ условіяхъ мира. Его планъ состоялъ въ томъ, чтобы, заключивъ миръ съ непріятелемъ, идти на Парижъ и произвести тамъ возстановленіе имперіи. Эти переговоры были выгодны нѣмцамъ, потому что во все ихъ время армія Базена бездѣйствовала, а когда въ крѣпости начался голодъ, нѣмцы заставили ее сдаться на капитуляцію. Въ Мецѣ попало въ плѣнъ 120 т. человѣкъ, и правительство національной обороны, объявляя объ этомъ гражданамъ, назвало Базена „измѣнникомъ, агентомъ седанскаго героя и сообщникомъ завоевателя". Такимъ образомъ двѣ лучшія арміи Франціи должны были сдаться вслѣдствіе того, что командовавшіе ими генералы руководились не столько стратегическими, сколько политическими соображеніями: они служили не Франціи, а Бонапартамъ.

Война рано или поздно должна была кончиться, но наслѣдство, оставленное третьей республикѣ второю имперіею, заключалось не въ одной легкомысленно начатой и несчастно окончившейся войнѣ. Почти двадцатилѣтнее правленіе, вышедшее изъ государственнаго переворота 2 декабря, не только довело Францію до катастрофы 1870—1871 гг., но и страшно ее деморализировало общимъ духомъ своего режима, подавленіемъ свободы, покровительствомъ клерикализму и милитаризму, возбужденіемъ въ націи шовинизма, разжиганіемъ въ обществѣ страсти къ легкой наживѣ и къ удовольствіямъ самаго низменнаго свойства. Кромѣ того, вторая имперія оставила въ наслѣдство третьей республикѣ весь свой служебный персоналъ, воспитанный не для управленія свободною страною, цѣлую систему оффиціальной лжи, полицейскаго произвола, продажности и хищеній. Третьей республикѣ предстояла задача не только очистить территорію Франціи отъ вражескаго нашествія, не только дать ей новую организацію, но и перевоспитать націю, деморализованную режимомъ 2 декабря. Исторія третьей республики есть поэтому исторія борьбы съ наслѣдіемъ этого режима. Въ теченіи тридцати лѣтъ реакціонныя силы Франціи, имѣя союзниковъ въ клерикализмѣ и милитаризмѣ, пышно расцвѣтшихъ при Наполеонѣ III, то и дѣло дѣлали попытки

возстановить этотъ режимъ то путемъ интриги, то путемъ насилія. Въ первыя пять лѣтъ своего существованія республика не имѣла конституціи, потому что реакціонныя партіи все еще надѣялись низвергнуть республику; въ это время во Франціи даже ожидалась легитимистическая реставрація въ пользу внука Карла X, графа Шамбора („Генриха V"). Едва только утверждена была республиканская конституція, какъ конфликтъ палаты съ реакціоннымъ президентомъ Макъ-Магономъ чуть было не довелъ Францію до новыхъ 18 брюмера и 2 декабря. Позднѣе такъ называемая націоналистическая агитація выдвинула впередъ новаго „спасителя общества" въ лицѣ генерала Буланже, уже начавшаго разыгрывать роль будущаго цезаря. Наконецъ и послѣднее въ XIX в. избраніе президента республики тоже сопровождалось попыткой произвести государственный переворотъ. Съ другой стороны, не исчезъ во французской буржуазіи и духъ наживы и спекуляціи, ведущій свое начало изъ временъ іюльской монархіи и поощрявшійся въ эпоху второй имперіи. Республиканская партія, члены которой принадлежали къ этому классу, мало-по-малу сама умѣрила свое отрицательное отношеніе къ порядкамъ, установившимся или укрѣпившимся при имперіи, и знаменитая „Бельвилльская программа" осталась невыполненною. Республиканцы, очутившись у власти, не всегда пренебрегали и тѣми средствами, которыми удерживалъ за собою власть Наполеонъ III. Вопросъ о соціальныхъ реформахъ, поставленный на очередь революціей 1848 г., ожидалъ теперь своего разрѣшенія отъ третьей республики, но громадное большинство республиканской буржуазіи менѣе всего думало объ этихъ реформахъ.

Но возвратимся къ прерванному разсказу.

4 сентября 1870 г. во Франціи образовалось правительство національной обороны, первою задачею котораго было прогнать непріятеля изъ родной страны. Взявшій на себя завѣдованіе иностранными дѣлами Жюль Фавръ торжественно заявилъ всему міру, что Франція „не уступитъ ни одного вершка своей территоріи, ни одного камня своихъ крѣпостей". На ту же точку зрѣнія сталъ и Гамбетта, управлявшій внутренними дѣлами, объявивъ, что Франція будетъ бороться до послѣдней капли крови. Когда Парижъ былъ уже осажденъ нѣмецкой арміей, Гамбетта на воздушномъ шарѣ

вылетѣлъ изъ столицы, чтобы заняться въ провинціяхъ образованіемъ новыхъ армій. Центромъ его дѣятельности сдѣлался Туръ, гдѣ онъ, дѣйствительно, въ короткое время съ замѣчательной энергіей организовалъ громадное войско. Однако, дѣло поправить оказалось труднымъ, и вскорѣ послѣ капитуляціи Меца та часть членовъ временнаго правительства, которая находилась въ Турѣ, вынуждена была переселиться въ Бордо. Миссія Тьера къ иностраннымъ дворамъ съ просьбою о заступничествѣ тоже окончилась неудачею, равно какъ и переговоры Жюля Фавра съ Бисмаркомъ.

Между тѣмъ начавшаяся въ серединѣ сентября осада Парижа затянулась на цѣлые мѣсяцы. Сначала нѣмцы думали принудить громадный городъ съ двухмилліоннымъ населеніемъ къ сдачѣ голодомъ, и, дѣйствительно, скоро въ Парижѣ стала чувствоваться нужда въ съѣстныхъ припасахъ (ѣли лошадей, собакъ, кошекъ, крысъ и мышей), но городъ не сдавался, и черезъ три съ половиною мѣсяца послѣ начала осады, именно въ концѣ декабря нѣмцы открыли по Парижу артиллерійскій огонь. Бомбардировка Парижа продолжалась еще цѣлый мѣсяцъ. Все это время столица Франціи сносилась съ остальною страною лишь при помощи воздушныхъ шаровъ и почтовыхъ голубей. Населеніе геройски переносило бѣдствія осады, и всѣ взрослые мущины принимали участіе въ защитѣ, вступивъ въ національную гвардію. Во главѣ осажденнаго города стоялъ генералъ Трошю, старавшійся поддерживать духъ населенія красивыми фразами своихъ прокламацій, но самъ не вѣрившій въ возможность сдѣлать что либо при помощи національной гвардіи, и если подъ стѣнами Парижа и происходили сраженія, то больше ради одного удовлетворенія народнаго желанія. Между прочимъ парижане желали еще, чтобы были произведены выборы въ муниципальный совѣтъ, но временное правительство медлило удовлетворить это желаніе. Это поселило недовольство въ народѣ, которое и стало выражаться въ разнаго рода манифестаціяхъ. Въ Парижѣ въ это время возродились политическіе клубы, вожди которыхъ стали критиковать дѣйствія временнаго правительства, предлагая съ своей стороны болѣе рѣшительныя дѣйствія противъ не-

пріятеля. Извѣстіе о капитуляціи Меца поселило въ населеніи подозрѣніе, что и Парижъ будетъ тоже сданъ, и 31 октября часть національной гвардіи, руководимая Бланки, Феликсомъ Піа, Делеклюзомъ, сдѣлала даже попытку низвергнуть временное правительство для замѣны его новымъ. Особенно усилилось это возбужденіе парижанъ, когда узнали, что Тьеръ совѣтуетъ поскорѣе заключить миръ. Слухи о предстоящей капитуляціи вызвали 22 января 1871 г. новую революціонную попытку. Въ этотъ день Трошю отказался отъ должности губернатора Парижа, а назначенный на его мѣсто Винуа поспѣшилъ закрыть клубы и нѣкоторыя оппозиціонныя газеты. 24 января наконецъ послѣдовала и самая капитуляція, отдававшая въ руки нѣмцевъ внѣшніе форты и около 2 т. артиллерійскихъ орудій, кромѣ громадной военной контрибуціи. Вмѣстѣ съ этимъ было заключено перемиріе, сохранявшее за всѣми французскими войсками позиціи, которыя ими въ то время были заняты. Это перемиріе было нужно прежде всего для того, чтобы могло быть созвано національное собраніе для заключенія мира. Еще ранѣе капитуляціи Парижа, 18 января 1871 г. въ Версалѣ произошло провозглашеніе прусскаго короля императоромъ объединенной Германіи.

Выборы въ національное собраніе 1871 г. были произведены по образцу выборовъ 1848 г. Во время этихъ выборовъ страна раздѣлилась между двумя мнѣніями. Въ департаментахъ, занятыхъ нѣмцами, и на юго-востокѣ Франціи одержало мнѣніе Гамбетты, — въ то время вышедшаго изъ состава правительства, — что войну нужно продолжать, но въ остальной Франціи и вообще среди крестьянъ и буржуазіи восторжествовало мнѣніе Тьера, требовавшаго заключенія мира во что бы то ни стало. Большинство палаты оказалось консервативнымъ, и изъ 730 членовъ около 400 въ немъ было монархистовъ, большею частью орлеанистовъ съ значительною примѣсью легитимистовъ. Засѣданія національнаго собранія, получившаго у республиканцевъ названіе „собранія деревенщины“, (assemblée des ruraux), открылись въ Бордо 12 февраля, и Тьеръ, выбранный сразу въ 26 департаментахъ, былъ сдѣланъ главою исполнительной власти. Новый правитель Франціи вошелъ

въ соглашеніе съ монархическимъ большинствомъ собранія, въ силу котораго республика не должна была считаться окончательной государственной формой Франціи: она терпѣлась до заключенія мира, а потомъ должно было быть созвано учредительное собраніе. 26 февраля въ Версалѣ Тьеромъ и Бисмаркомъ были подписаны предварительныя условія мира. Франція лишалась Эльзаса и части Лотарингіи съ Мецемъ и должна была выплатить въ три года 5 милліардовъ франковъ, до уплаты же контрибуціи нѣмецкія войска сохранили право оставаться на территоріи побѣжденной страны [1]). Условія эти были утверждены подавляющимъ большинствомъ собранія, но очень многіе республиканцы протестовали, нѣкоторые же (между прочимъ и Гамбетта) даже сложили съ себя полномочія. Черезъ нѣсколько дней національное собраніе рѣшило перенести свои засѣданія, но не въ Парижъ, а въ Версаль (10 марта). Окончательное заключеніе мира состоялось во Франкфуртѣ-на-Майнѣ двумя мѣсяцами позднѣе (10 мая), когда во Франціи произошли новыя событія.

Населеніе Парижа, волновавшееся еще во время осады, было крайне недовольно капитуляціей, исходомъ выборовъ, рѣшеніями національнаго собранія (между прочимъ и разрѣшеніемъ, даннымъ нѣмцамъ въ началѣ марта занять на время нѣкоторыя части города). Это недовольство поддерживалось агитаціей политическихъ радикаловъ и соціалистовъ, въ томъ числѣ и членовъ Интернаціонала, и еще до капитуляціи дѣлались попытки 31 октября и 22 января низвергнуть правительство національной обороны для передачи власти парижской „коммунѣ“, какъ это было въ эпоху первой республики: она только одна, эта коммуна, могла бы, думали сторонники такой идеи, спасти Францію отъ внѣшняго врага. Но теперь миръ былъ заключенъ, а бордоская „деревенщина“ не только не признала республики окончательною формою правленія, но, повидимому, собралась еще „декапитализировать“ Парижъ, лишить его значенія столицы. Къ этому прибавились и новыя причины неудовольствія. Во время осады платежи по найму квартиръ и

[1]) См. карту № 4.

торговымъ обязательствамъ были отсрочены, и у собранія просили продленія отсрочки, пока дѣла не войдутъ въ обычную колею, но собраніе отказало, и въ четыре дня въ серединѣ марта было предъявлено полтораста тысячъ взысканій. Съ другой стороны со времени осады парижскіе рабочіе вынуждены были жить на жалованье по полтора франка въ день, плативщееся за службу въ національной гвардіи. Заработковъ у населенія столицы не было, но, не взирая на это, національное собраніе отняло у него эту субсидію. Между тѣмъ Винуа закрывалъ республиканскія газеты, а военный полевой судъ приговорилъ къ смертной казни нѣсколькихъ вождей движенія 31 октября, успѣвшихъ, впрочемъ, скрыться. Пріѣхавшій 15 марта Тьеръ велѣлъ забрать 170 пушекъ, которыя парижская національная гвардія привезла на Монмартръ и на которыя смотрѣла, какъ на свою собственность (онѣ были отлиты на подписныя деньги), но толпа оказала сопротивленіе. Мало того, солдаты дозволили себя обезоружить и побратались съ гражданами, причемъ разстрѣляли своего начальника и еще одного генерала.

Въ это время въ Парижѣ существовала своя особая организація, возникшая еще во время осады. Въ отдѣльныхъ округахъ города возникли тогда комитеты національной гвардіи, которые образовали потомъ „Центральный комитетъ делегаціи“. Вся эта „республиканская федерація національной гвардіи“ послѣ капитуляціи видѣла главную свою задачу въ охранѣ республики отъ какихъ бы то ни было на нее покушеній. Рядомъ съ нею дѣйствовала и организація Интернаціонала. И федерація делегатовъ отъ двадцати парижскихъ округовъ, и секціи Международнаго общества рабочихъ, не сливавшіяся между собою, были одинаково противъ вооруженной борьбы съ нѣмцами, когда ожидалось ихъ вступленіе въ Парижъ, опасаясь пораженія, и очень многіе хотѣли до этого не допустить. Мало-по-малу между обѣими организаціями началось сближеніе, и однимъ изъ наиболѣе популярныхъ постановленій, принятыхъ ими, было образовать изъ Сенскаго департамента независимую республику, если національное собраніе декапитализируетъ Парижъ. Между правительствомъ національной обороны и центральнымъ комитетомъ должна была неминуемо начаться борьба, но и центральный коми-

тетъ, и Интернаціоналъ желали избѣжать вооруженнаго столкновенія. Когда произошло убіеніе двухъ генераловъ народною толпою и возмутившимися солдатами, центральный комитетъ засвидѣтельствовалъ свою непричастность къ этому дѣлу, но именно это самое происшествіе и послужило началомъ парижскаго возстанія 18 марта.

Дѣло, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, началось съ постройки баррикадъ, а 22 марта народъ уже былъ господиномъ и всѣхъ фортовъ, кромѣ Монъ-Валеріана. Тьеръ при первомъ же извѣстіи о началѣ возстанія перевелъ въ Версаль главныя правительственныя учрежденія и велѣлъ очистить городъ отъ войска, чтобы организовать армію, достаточную для подавленія мятежниковъ военною силою. Вожди движенія, вовсе не ожидавшіе такого оборота дѣлъ, вступили съ Тьеромъ въ переговоры, думая, что начавшееся движеніе заставитъ его быть болѣе сговорчивымъ. Они съ своей стороны требовали снятія осаднаго положенія, утвержденія республики и предоставленія Парижу широкой муниципальной автономіи: послѣдняя считалась нужною, какъ гарантія того, что, вмѣсто республики, не введутъ другой государственной формы. Въ необходимости „коммуны“ были согласны всѣ вожди движенія, но это не значило, чтобы они были согласны въ томъ, чѣмъ должна быть коммуна и что ей предстоитъ дѣлать. 26-го марта состоялись выборы муниципальнаго совѣта Парижа противъ воли національнаго собранія, не желавшаго ихъ допустить. и 230 тысячъ парижанъ выбрали общій совѣтъ коммуны изъ 90 членовъ, который и сдѣлался ея правительствомъ. Впрочемъ, человѣкъ двадцать устранилось, а оставшіеся большею частью были сторонниками идеи Бланки (попавшаго въ члены) о необходимости революціонной демократической диктатуры на подобіе якобинской 1793 г. Задачи коммуны понимались, однако, различнымъ образомъ. Для однихъ это было осуществленіе децентрализаціи, пріобрѣтеніе муниципальныхъ вольностей, для другихъ она была проявленіемъ „борьбы между паразитизмомъ и трудомъ, между эксплуатаціей и производствомъ“. Съ этимъ соціальнымъ пониманіемъ коммуны выступили въ общемъ совѣтѣ тѣ его члены, которые принадлежали къ Международному обществу рабочихъ. „Парижъ не хочетъ царствовать,

онъ хочетъ только быть свободнымъ", было сказано въ одномъ изъ воззваній того времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ Парижъ желалъ стать во главѣ Франціи, оправдываясь тѣмъ, что „коммуна вынуждена была выйти изъ сферы своихъ нормальныхъ правъ" въ виду поведенія версальскаго правительства. Свои отношенія къ другимъ общинамъ Франціи парижская коммуна понимала въ смыслѣ федеративной связи, хотя и съ подчиненіемъ въ извѣстныхъ границахъ общему республиканскому правительству. Это, однако, не мѣшало ей выставить требованіе, чтобы внутри своихъ стѣнъ населеніе Парижа могло совершать путемъ мѣстнаго законодательства самыя широкія соціальныя реформы. Члены Интернаціонала, имѣвшіе товарищей въ провинціяхъ, агитировали въ пользу коммуны и въ другихъ городахъ, и скоро аналогичныя попытки были сдѣланы въ Ліонѣ, Крезо, Сентъ-Этьенѣ, Тулузѣ, Нарбоннѣ, Марсели и Лиможѣ, но вездѣ начинавшееся движеніе было подавлено. Коммуна думала расположить въ свою пользу и деревни, обратившись къ нимъ съ заявленіемъ, въ которомъ значилось, что земля должна принадлежать крестьянамъ. Въ общемъ, впрочемъ, у коммуны не было единства взглядовъ, и въ ея составѣ мы можемъ различить самыя несходныя между собою партіи — якобинцевъ (остатки „Горы" 1849 г.), геберистовъ (какъ назывались послѣдователи Бланки), фурьеристовъ, мутуалистовъ (т. е. прудонистовъ), членовъ Интернаціонала, раздѣлявшихъ идеи коммунистическаго манифеста 1848 г., наконецъ, людей безъ опредѣленныхъ убѣжденій, вступившихъ въ коммуну по побужденіямъ очень разнороднымъ — вслѣдствіе оскорбленнаго патріотизма, по страсти къ приключеніямъ, даже съ цѣлями шпіонства. Общій тонъ задавали якобинцы и бланкисты, которыхъ было большинство, но единой идеи и у нихъ не было. Послѣ выбора общаго совѣта центральный комитетъ продолжалъ попрежнему руководить движеніемъ. Коммуна организовала „исполнительную коммиссію" и при ней нѣсколько спеціальныхъ коммиссій — военную, финансовую и т. д., ввела республиканскій календарь первой революціи, приняла красное знамя и объявила всѣ акты „версальскаго правительства" не имѣющими силы. „Федераты",—такъ называли себя приверженцы коммуны, получившіе у противниковъ кличку коммунаровъ,—3 апрѣля

двинулись тремя колоннами на Версаль, но были отражены регулярными войсками. Нѣкоторые вожди федератовъ были разстрѣляны безъ суда, и тогда коммуна издала декретъ о заложникахъ: „лица, заподозрѣнныя въ соглашеніи съ Версалемъ", подлежали аресту, и въ случаѣ казни одного федерата за него должны были поплатиться жизнью три заложника. Вокругъ Версаля между тѣмъ собиралась грозная армія, которая все болѣе и болѣе увеличивалась по мѣрѣ того, какъ изъ Германіи возвращались плѣнные французскіе солдаты.

Коммуна держалась два мѣсяца. Она сохранила на прежнихъ мѣстахъ большую часть чиновниковъ временъ второй имперіи и правительства національной обороны, пославъ только въ разныя учрежденія своихъ делегатовъ. Одинъ такой делегатъ былъ посланъ и во Французскій банкъ, гдѣ тогда хранилось около трехъ милліардовъ денегъ и цѣнныхъ бумагъ, но все это имущество осталось неприкосновеннымъ, кромѣ семи милліоновъ, взятыхъ на нужды правленія. Въ самихъ учрежденіяхъ коммуны не было прочности, и они часто подвергались разнымъ перемѣнамъ; напр., въ апрѣлѣ правительственныя коммиссіи замѣнились единоличными делегатами, своего рода министрами коммуны. Настроеніе вождей возстанія также мѣнялось. Сначала большинство было противъ какихъ бы то ни было насильственныхъ мѣръ, но по мѣрѣ того, какъ ухудшалось положеніе дѣлъ, перевѣсъ брали крайніе якобинцы и бланкисты. Послѣ того, какъ версальцы взяли фортъ Исси, большинство коммуны, хотя и очень незначительное, добилось образованія „комитета общественнаго спасенія", — воспоминанія 1793 г. имѣли надъ якобинцами 1871 г. такую же силу, какъ и надъ монтаньярами второй республики. Когда дѣла коммуны въ борьбѣ съ правительственными войсками пошли еще хуже, отдѣльные члены стали винить другъ друга въ неудачѣ всего предпріятія, и меньшинство рѣзко протестовало противъ новаго комитета общественнаго спасенія. Делегаты безпрестанно превышали свою власть; чиновники неохотно подчинялись своимъ начальникамъ, и въ довершеніе всего центральный комитетъ національной гвардіи, недовольный пораженіями федератовъ въ стычкахъ съ версальцами, снова сталъ брать на себя инициативу разныхъ

распоряженій. Во время коммуны Парижъ, однако, продолжалъ жить своею обычною жизнью большого города. Новыя власти прилагали даже особыя старанія къ тому, чтобы охранять порядокъ въ городѣ. Разные подозрительные люди, въ большомъ количествѣ стекавшіеся въ Парижъ, посылались работать на фортификаціяхъ, а въ разныхъ мѣстахъ, на площадяхъ и улицахъ, красовалась надпись: „смерть ворамъ"! Были приняты также мѣры противъ публичнаго пьянства и разврата, противъ азартныхъ игръ и т. п. Кромѣ мѣръ, требовавшихся обстоятельствами времени, коммуна предпринимала и принципіальныя реформы, которыя представляли собою цѣлую программу: таковы разныя мѣры, касавшіяся покровительства труду (предложеніе 8-часоваго рабочаго дня, проектъ денежной субсидіи коопераціямъ, передача рабочимъ ассоціаціямъ разныхъ работъ по городскому благоустройству) и народному образованію (устройство первой муниципальной профессіональной школы); таковы и мѣры чисто политическаго характера (провозглашеніе отдѣленія церкви отъ государства и замѣны постояннаго войска народной милиціей со всеобщимъ — безъ исключеній — отбываніемъ воинской повинности и съ правомъ избранія начальниковъ подчиненными и т. п.).

Главными дѣятелями коммуны были слѣдующія лица. Изъ прежнихъ революціонеровъ слѣдуетъ назвать Делеклюза и Феликса Піа, агитаторовъ въ духѣ якобинизма, оказавшихся мало пригодными для той роли, которую имъ приходилось играть. Еще менѣе ихъ были на высотѣ своей задачи ораторы и публицисты революціонныхъ клубовъ вродѣ живописца Курбе или фельетониста Валлеса. Съ болѣе серьезнымъ характеромъ явились въ коммунѣ члены Интернаціонала, лучше другихъ своихъ товарищей понимавшіе соціальный вопросъ, дѣйствовавшіе осмотрительно и не одобрявшіе жестокостей и насилія. Это были главнымъ образомъ Вальянъ, Варленъ, Малонъ и Франкель. Нѣкоторые дѣятели коммуны проявили, впрочемъ, недюжинныя способности, въ родѣ Журда, бывшаго бухгалтера, сдѣлавшагося руководителемъ коммиссіи финансовъ. Не смотря на громадныя суммы денегъ, прошедшія черезъ его руки, онъ ограничивался очень скромнымъ жалованіемъ, не избавившимъ его жены отъ ремесла прачки, а ихъ ребенка – отъ обученія въ

школѣ для бѣдныхъ. Недурно велись дѣла монетнаго и почтоваго вѣдомствъ, первыя — Камелина́, вторыя—Тейсомъ. За то прокуроръ Рауль Риго, стоявшій во главѣ коммиссіи общественной безопасности, велъ свое дѣло очень плохо, а главнокомандующій коммуны Клюзере больше издавалъ разные приказы и воззванія, чѣмъ дѣйствительно руководилъ военными дѣйствіями. Гораздо выше его былъ комендантъ Парижа, полякъ Домбровскій. Не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ и Россель, которымъ скоро замѣнили Клюзере, чтобы, впрочемъ, недолго спустя и его смѣстить.

Правительственныя войска приступили къ настоящимъ операціямъ противъ коммуны лишь мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ началось возстаніе. Прошелъ еще мѣсяцъ, и 21 мая измѣна открыла однѣ изъ воротъ Парижа передъ версальскими войсками. Тогда началась такъ называемая „кровавая“ или „майская недѣля“. Въ теченіи семи дней на улицахъ столицы Франціи происходила битва между коммуналистами и версальцами. Инсургенты отступали, съ яростью защищаясь, строя баррикады и зажигая на своемъ пути великолѣпныя общественныя зданія и частные дома, загоравшіеся, впрочемъ, и отъ бомбъ версальцевъ. Нѣкоторыя зданія были сожжены, какъ думаютъ, бонапартистами, желавшихъ истребить секретные документы второй имперіи. Офицеры и солдаты обнаружили звѣрскую жестокость, разстрѣливая военноплѣнныхъ, а отдѣльные члены общаго совѣта коммуны, теперь распавшагося, въ отместку приказывали разстрѣлять „заложниковъ“, въ числѣ которыхъ былъ парижскій архіепископъ Дарбуа. Въ уличной войнѣ принимали участіе и женщины, и дѣти, но ни полъ, ни возрастъ военноплѣнныхъ не спасалъ ихъ отъ разстрѣливанія освирѣпѣвшими солдатами. Коммунары покрывали мостовую своими тѣлами. Въ числѣ павшихъ въ бою были Делеклюзъ и Домбровскій. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ число похороненныхъ труповъ доходило до семнадцати тысячъ, но есть указанія, что число убитыхъ и разстрѣлянныхъ было гораздо бо́льшимъ. Однихъ плѣнныхъ отведено было въ Версаль сорокъ тысячъ человѣкъ. И по усмиреніи коммуны продолжались еще разстрѣливанія [1]) безъ суда, пока не были сформированы военныя

[1]) Риго былъ разстрѣленъ безъ суда, Россель—по суду, Журдъ былъ сосланъ въ Новую Каледонію.

коммиссіи для суда надъ коммунарами. Онѣ дѣйствовали въ теченіе пяти лѣтъ и приговорили къ разнымъ наказаніямъ (большею частью къ ссылкѣ и къ каторгѣ) двадцать тысячъ человѣкъ. Многіе коммунары спаслись бѣгствомъ за границу, и когда правительство потребовало ихъ выдачи, на нее дали свое согласіе лишь Бельгія да Испанія. Въ Парижѣ было сохранено осадное положеніе, и снято оно было только въ 1876 г.

„Майская недѣля“ 1871 г. была самымъ кровавымъ событіемъ во всей исторіи Франціи. По своимъ размѣрамъ она превзошла даже „іюньскіе дни“ 1848 г., съ которыми имѣетъ сходство и по своему результату. Этимъ результатомъ было усиленіе реакціи.

Самымъ популярнымъ человѣкомъ во всей Франціи въ началѣ семидесятыхъ годовъ сдѣлался Тьеръ. Опытный политическій дѣлецъ, обладавшій очень прочными связями среди дипломатовъ, генераловъ и финансистовъ, упорный въ своихъ мнѣніяхъ и твердый въ осуществленіи своихъ плановъ, онъ широко воспользовался своею побѣдою надъ мятежнымъ Парижемъ, чтобы консолидировать врученную ему національнымъ собраніемъ власть и исполнить возложенную на него задачу очистить территорію Франціи отъ нѣмцевъ. Въ 1871 и 1872 г. Тьеръ заключилъ съ громаднымъ успѣхомъ два займа въ пять милліардовъ франковъ для уплаты военной контрибуціи, безъ которой территорія Франціи не могла быть освобождена отъ оккупаціи. Послѣ этого его популярность, какъ „возстановителя порядка“ и „освободителя территоріи“, возросла еще болѣе. Теперь онъ казался національному собранію человѣкомъ, безъ котораго невозможно обходиться, и когда случалось, что собраніе было противъ его предложеній, ему стоило только пригрозить выходомъ въ отставку, и передъ нимъ смирялись. Такъ, для уплаты долга нужно было создать новые налоги, и когда республиканцы предложили введеніе подоходнаго налога, Тьеръ объявилъ, что никогда не допуститъ этого „скрытаго соціализма“, и потребовалъ, наоборотъ, высокаго обложенія сырья, нужнаго для промышленности. Противъ этого возстали всѣ заинтересованные, но Тьеръ настоялъ на своемъ, подавъ въ отставку, которую собраніе просило его взять назадъ. Столь же сильное вліяніе оказалъ Тьеръ и на нѣкоторыя подробности реорганизаціи фран-

цузской арміи, которая въ общемъ и была совершена по прусскому образцу (1872). По предложенію сторонниковъ же Тьера 31 августа 1871 г. національное собраніе объявило себя имѣющимъ право выработать для Франціи конституцію, временно давъ самому Тьеру титулъ президента французской республики.

Въ это время въ собраніи образовались слѣдующія парламентскія группы: крайняя лѣвая и лѣвая, обѣ республиканскія, лѣвый центръ, состоявшій изъ республиканцевъ и орлеанистовъ, примкнувшихъ къ республикѣ подъ предводительствомъ Тьера, правый центръ изъ либеральныхъ орлеанистовъ, правая и легитимистическая крайняя правая; позднѣе же образовалась и бонапартистская группа „обращенія къ народу". Тьеръ составлялъ министерства, опиравшіяся на оба центра, а противъ него были монархисты, не желавшіе консолидаціи республики, и крайняя лѣвая, недовольная тѣмъ, что президентъ управлялъ при помощи орлеанистовъ. Орлеанистскія симпатіи господствующей партіи выразились въ разрѣшеніи принцамъ Орлеанскимъ возвратиться во Францію и въ возвращеніи имъ ихъ имущества, конфискованнаго въ 1852 г. Вождемъ крайней лѣвой сдѣлался Гамбетта, бывшій „турскій диктаторъ", тоже пользовавшійся большою популярностью въ странѣ. Основавъ газету „Французская республика", которая сдѣлалась главнымъ органомъ его политическихъ единомышленниковъ, онъ въ 1871 и въ 1872 г. предпринялъ поѣздку по Франціи и въ своихъ рѣчахъ въ разныхъ мѣстахъ требовалъ распущенія собранія, „не считающагося съ настроеніемъ верховнаго народа", и основанія настоящей, „республиканской республики". Въ глазахъ Тьера Гамбетта былъ „буйнымъ сумасшедшимъ" еще во время выборовъ въ національное собраніе, и онъ объявилъ, что „республика будетъ консервативной, или ея вовсе не будетъ". Назначенная по его настоянію коммиссія для выработки конституціи состояла, однако, изъ членовъ правой, которые не хотѣли торопиться съ работой. Политика самого Тьера не казалась въ 1873 г. достаточно консервативной, и послѣ одного голосованія, за которымъ могла бы послѣдовать только перемѣна министерства, онъ предпочелъ подать въ отставку. Въ преемники ему былъ выбранъ

кандидатъ правыхъ, маршалъ Макъ-Магонъ, который казался имъ болѣе, нежели Тьеръ, способнымъ обезпечить консервативные интересы.

Идея Тьера заключалась въ томъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ объединить интересы консервативной буржуазіи можетъ только республика, но республика эта должна была быть именно консервативной. Когда Гамбетта заявилъ, что основаніе республики знаменуетъ переходъ власти къ новымъ общественнымъ слоямъ, Тьеру и это показалось опаснымъ, и онъ готовъ былъ называть Гамбетту мятежникомъ. Всего этого было, однако, мало. Большинству національнаго собранія нуженъ былъ такой президентъ, который возстановилъ бы монархію.

Президентство Макъ-Магона продолжалось пять лѣтъ и восемь мѣсяцевъ (24 мая 1873 г.—30 января 1879 г.). Это былъ самый рѣшительный періодъ въ исторіи третьей республики. Во-первыхъ, въ началѣ этого періода сдѣлана была попытка монархической реставраціи; во-вторыхъ, въ это время Франція получила нынѣ дѣйствующую конституцію; въ-третьихъ, въ концѣ періода между президентомъ и народнымъ представительствомъ произошло столкновеніе, грозившее новымъ государственнымъ переворотомъ.

Сдѣлавшись президентомъ республики, Макъ-Магонъ сталъ покровительствовать крайнимъ реакціонерамъ, клерикаламъ и бонапартистамъ, которымъ онъ началъ раздавать должности, смѣщая республиканцевъ. Во Франціи громко заговорили о необходимости возстановить свѣтскую власть папы въ Италіи и легитимную монархію въ самой Франціи. Но у французскихъ монархистовъ было два короля: у легитимистовъ—графъ Шамборъ, внукъ Карла X, у орлеанистовъ—графъ Парижскій, внукъ Людовика-Филиппа, а у каждаго претендента — свое знамя, у перваго —бѣлое, у второго —трехцвѣтное. Послѣ отставки Тьера обѣ партіи рѣшили слиться воедино, и графъ Парижскій поѣхалъ во Фросдорфъ (въ Австріи), гдѣ жилъ въ изгнаніи графъ Шамборъ. У послѣдняго дѣтей не было, и графъ Парижскій былъ его естественнымъ преемникомъ на престолѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ три правыя группы національнаго собранія вступили въ прямые переговоры съ „королемъ“ относительно условій реставраціи. Національное собраніе должно было провоз-

гласить „Генриха V“ въ силу его наслѣдственнаго права на престолъ, а онъ представилъ бы собранію конституцію, которую оно и приняло бы; конституція предполагалась въ родѣ хартіи 1814 г. При этомъ правый центръ требовалъ, чтобы было сохранено трехцвѣтное знамя, но графъ Шамборъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Монархисты дѣлали уже приготовленія къ встрѣчѣ короля, но упорство претендента разстроило всю комбинацію. Въ сущности, немолодой уже и болѣзненный принцъ самъ не хотѣлъ уходить изъ своего спокойнаго убѣжища и придрался къ вѣрности знамени, чтобы скрыть за нимъ свое нежеланіе риска царствованія въ мятежной Франціи. Неудача монархической реставраціи заставила консервативное большинство собранія упрочить власть своего ставленика, Макъ-Магона, утвержденіемъ его въ званіи президента республики на семилѣтній срокъ. Это было установленіемъ такъ называемаго септенната, который долженъ былъ замѣнить неудавшуюся реставрацію. Магъ-Магонъ и его министры принялись тогда укрѣплять „нравственный порядокъ“, разумѣя подъ такою своею политикою борьбу съ республиканцами и превратными идеями: пошли въ ходъ запрещенія газетъ въ департаментахъ, находившихся въ осадномъ положеніи, оффиціальныя кандидатуры, назначенія монархистовъ на разныя должности и т. п. Предводительство въ оппозиціи перешло къ лѣвому центру, и самъ Гамбетта сталъ теперь проповѣдовать сдержанность и осторожность.

Въ попыткѣ монархической реставраціи большую роль игралъ правый центръ, но неудача этой попытки въ связи съ успѣхами, которые сталъ дѣлать бонапартизмъ на частныхъ выборахъ, заставили часть членовъ праваго центра перекинуться къ лѣвому, а такъ какъ и республиканцы пошли на уступки, то мало-по-малу и сдѣлалось возможнымъ принятіе собраніемъ окончательной республиканской конституціи 1875 г. Нынѣшнее государственное устройство Франціи, каковымъ и является съ нѣкоторыми измѣненіями эта конституція, носитъ на себѣ явные слѣды компроммисса между противоположными рѣшеніями двухъ партій, изъ которыхъ ни одна не была достаточно сильна для осуществленія только своихъ принциповъ. Французская республика есть въ сущности парламентарная монархія съ президентомъ, вмѣсто короля, и у нея даже

нѣтъ единаго конституціоннаго акта, потому что на самомъ дѣлѣ подъ названіемъ конституціи 1875 г. слѣдуетъ разумѣть цѣлый рядъ законовъ, начиная съ двухъ законовъ 1871 и 1873 гг. о правахъ президента, изданныхъ при Тьерѣ, и закона 1873 г. о септеннатѣ. Въ 1875 г., собственно говоря, были изданы три отдѣльныхъ закона: 1) объ организаціи сената, 2) объ организаціи общественныхъ властей и 3) о взаимныхъ ихъ между собою отношеніяхъ и особые 4) органическіе законы о выборахъ сенаторовъ и депутатовъ и 5) о государственномъ совѣтѣ.

По этой конституціи во главѣ государства находится президентъ республики, избираемый на семь лѣтъ. Ему принадлежитъ исполнительная власть, а законодательная—сенату и палатѣ депутатовъ, которые для избранія президента республики и для вотированія измѣненій въ конституціи собираются вмѣстѣ и тогда образуютъ конгрессъ. Депутаты избираются всеобщею подачею голосовъ на четыре года, причемъ палата обновляется вся цѣликомъ. По закону 1875 г. избраніе совершалось по округамъ (одинъ депутатъ на округъ), но въ 1885 г. введена была система избранія по департаментамъ (выбирается сразу нѣсколько депутатовъ отъ департамента). Сенатъ по закону 1875 г. состоялъ изъ 300 членовъ, изъ которыхъ 225 должны были выбираться въ департаментахъ особыми избирательными собраніями на девять лѣтъ съ выходомъ каждые три года изъ состава сената по 75 членовъ, но 75 сенаторовъ назначалось пожизненно самимъ сенатомъ. Законъ 1884 г. уничтожилъ этихъ несмѣняемыхъ сенаторовъ, объявивъ, что преемники тѣхъ, которые будутъ умирать, тоже станутъ избираться въ департаментахъ. Что касается до коллегій, которыя должны были избирать сенаторовъ, то въ составъ ихъ входили депутаты департамента, члены генеральнаго и окружныхъ совѣтовъ и делегаты отъ муниципальныхъ совѣтовъ по одному отъ каждой общины. Сначала при этомъ не обращалось вниманія на число жителей общины, но законъ 1884 г. увеличилъ число делегатовъ отъ большихъ общинъ сообразно съ ихъ населенностью. Всѣ права исполнительной власти принадлежатъ президенту республики, и онъ пользуется ими при помощи имъ же самимъ назначаемыхъ министровъ, которые составляютъ каби-

нетъ, ведущій свои дѣла или подъ предсѣдательствомъ президента республики, или одного изъ министровъ, такъ называемаго президента совѣта. Отвѣтственность президента касается только государственной измѣны, во всѣхъ же другихъ случаяхъ отвѣтственность за дѣйствія правительства падаетъ на министровъ, подпись одного изъ которыхъ поэтому и требуется подъ каждымъ распоряженіемъ президента. Президенту республики принадлежитъ право распускать палату депутатовъ, но только съ согласія сената, и въ случаѣ роспуска избиратели должны быть созваны въ трехмѣсячный срокъ. Законодательная инціатива принадлежитъ безразлично правительству и обѣимъ палатамъ, и президентъ обнародываетъ законы, принятые обѣими палатами.

По общему счету конституція 1875 г. является въ новѣйшей исторіи Франціи восьмою изъ тѣхъ, которыя дѣйствовали [1]), и изъ этихъ конституцій она имѣетъ наибольшее сходство съ хартіями 1814 и 1830 гг. Изъ всѣхъ французскихъ конституцій она оказалась самою долговѣчною.

Національное собраніе разошлось 31 декабря 1875 г., назначивъ 75 несмѣняемыхъ сенаторовъ, изъ которыхъ большинство (58) оказалось республиканскимъ, но выборы остальныхъ 225, — въ чемъ большую роль играли делегаты деревенскихъ общинъ,—были въ пользу представителей правыхъ партій, и въ общемъ мѣста распредѣлились почти поровну (149 республиканцевъ и 151 монархистъ). За то большинство въ палатѣ депутатовъ было республиканское (около 360 противъ 170). Макъ-Магонъ вынужденъ былъ обратиться для составленія министерства къ умѣреннымъ республиканцамъ, но настоящими его совѣтниками оставались монархисты. Въ это время въ странѣ велась сильная агитація въ пользу возстановленія свѣтской власти папы, и въ этомъ смыслѣ въ палату посыпались петиціи изъ разныхъ мѣстъ Франціи. Онѣ нашли поддержку въ палатѣ, конечно, у реакціонеровъ, но лѣвыя группы высказались

[1]) Первая—1791 г., вторая—III года, третья—VIII года съ дополненіями X и XII года, четвертая 1814 г., пятая—1830 г., шестая—1848 г., седьмая—1851 г. со всѣми позднѣйшими измѣненіями, восьмая—1875 г. Въ счетъ не идутъ не дѣйствовавшая конституція 1793 г. и дополнительный актъ 1815 г.

противъ этихъ ультрамонтанскихъ манифестацій, причемъ Гамбетта произнесъ свои знаменитыя слова: „клерикализмъ, вотъ кто врагъ!“ Тогда католики уговорили самого Макъ-Магона дѣйствовать въ ихъ пользу. 16 мая 1877 г. въ печатномъ органѣ правительства появилось письмо президента республики къ президенту совѣта министровъ (Жюлю Симону) съ упреками по поводу его дѣйствій и съ указаніемъ на то, что если онъ, президентъ республики, и неотвѣтственъ передъ парламентомъ подобно министру, то чувствуетъ самъ еще болѣе важную свою отвѣтственность—передъ всею Франціей. Министерство вышло въ отставку, а новое, получившее названіе „министерства 16 мая“, было составлено изъ орлеанистовъ и бонапартистовъ: во главѣ его стоялъ герцогъ Бройль, министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ бонапартистъ Фурту. Новое правительство опиралось на президента республики и консервативное большинство сената противъ республиканскаго большинства палаты депутатовъ. Сенатъ долженъ былъ помочь президенту распустить палату, а на выборахъ въ новую палату должны были быть пущены въ ходъ и личное вліяніе Макъ-Магона, какъ главы государства, и административное давленіе. Такъ и было сдѣлано. Палата была распущена, и только въ самомъ концѣ трехмѣсячнаго срока кабинетъ объявилъ выборы черезъ три недѣли. Въ теченіи всего этого времени министерство замѣняло республиканскихъ префектовъ, подъ-префектовъ и мэровъ консервативными, подготовляло оффиціальныя кандидатуры, всячески мѣшало политическимъ собраніямъ республиканцевъ, принимало мѣры противъ распространенія республиканскихъ газетъ и даже закрывало кабаки, гдѣ собирались непріязненные ему люди. Съ своей стороны, и республиканцы дѣятельно готовились къ предстоявшей избирательной борьбѣ. 363 республиканскихъ депутата распущенной палаты („les 363“) рѣшились дѣйствовать заодно, выступивъ передъ избирателями съ одною общею программою защиты республики противъ коалиціи монархическихъ партій, защиты народовластія противъ личнаго правленія президента и охраны мира противъ сторонниковъ войны съ Италіей изъ-за папы. Однимъ изъ самыхъ горячихъ противниковъ политики 16 мая былъ Гамбетта, который въ одной изъ своихъ рѣчей заявилъ, что когда Франція выскажетъ

свою волю, тогда нужно будетъ „или подчиниться, или уйти“ (se soumettre ou se demettre). За смертью Тьера осенью 1877 г. Гамбетта занялъ положеніе главы республиканской партіи. Между тѣмъ Макъ-Магонъ объявлялъ, что, „исполняя свою миссію“, онъ „пойдетъ до конца“, и приглашалъ избирателей подавать голоса за его кандидатовъ. По его объясненію, это была борьба между порядкомъ и безпорядкомъ, но и въ буржуазіи не забывали словъ Тьера, что всякая попытка монархической реставраціи неминуемо вызоветъ новую революцію въ странѣ. На выборахъ 14 октября прошло изъ 363 республиканскихъ депутатовъ 335, а когда были произведены дополнительные выборы и, кромѣ того, палата признала многія избранія незаконными, число республиканскихъ депутатовъ дошло до 394, тогда какъ реакціонная партія имѣла только 141 представителя. Магъ-Магонъ, однако, не сдавался и даже образовалъ новое министерство изъ консерваторовъ, взятыхъ внѣ палатъ, но палата депутатовъ объявила, что не станетъ входить съ министерствомъ ни въ какія сношенія. Она отказывалась также вотировать бюджетъ на 1878 г., сенатъ же боялся согласиться на новый роспускъ палаты. Реакціонеры уже думали о государственномъ переворотѣ, но Макъ-Магонъ не рискнулъ, и дѣло кончилось подчиненіемъ маршала, который въ самомъ концѣ 1877 г. призвалъ въ министерство умѣренныхъ республиканцевъ. Вскорѣ послѣ этого частичные выборы въ сенатъ доставили большинство республиканцамъ и въ этомъ учрежденіи (174 противъ 126). Тогда министерство рѣшилось произвести очистку администраціи отъ всѣхъ дѣятелей въ духѣ 16 мая, но не получило на это согласія со стороны президента. Дѣло кончилось тѣмъ, что министры подали-было въ отставку, но Макъ-Магонъ ея не принялъ и предпочелъ самъ сложить съ себя власть (январь 1879 г.).

Съ избраніемъ въ президенты Жюля Греви, республиканца 1848 г., обратившаго на себя вниманіе въ тѣ времена предложеніемъ уничтожить постъ президента, власть перешла въ руки республиканской партіи. Самъ Греви держался все время системы полнаго воздержанія отъ личнаго вмѣшательства въ дѣла, и когда срокъ его полномочій кончился, его снова выбрали въ президенты. Первое же министерство республиканской партіи (Ваддингтона) до-

билось перенесенія правительства и обѣихъ палатъ изъ Версаля въ Парижъ, но предложеніе крайней лѣвой объ амнистіи для всѣхъ приговоренныхъ къ наказаніямъ за участіе въ коммунѣ, не встрѣтило сочувствія у большинства палаты, которое согласилось лишь на частичную амнистію тѣхъ, кого помилуетъ президентъ. Съ другой стороны, палата не согласилась на предложеніе коммиссіи, разсматривавшей дѣйствія министровъ Макъ-Магона, о преданіи главныхъ изъ нихъ суду. Только при слѣдующемъ министерствѣ (Фрейсине) удалось добиться отъ палаты и сената общей амнистіи, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, однимъ изъ авторитетныхъ выразителей котораго выступилъ Гамбетта. Тогда же былъ установленъ національный праздникъ 14 іюля (годовщина взятія Бастиліи въ 1789 г.) въ знакъ окончательнаго торжества республики. Одновременно съ этимъ начата была борьба съ клерикализмомъ. Министръ народнаго просвѣщенія Жюль Ферри провелъ законы объ исключеніи изъ высшаго совѣта образованія всѣхъ представителей духовенства и объ исключительномъ правѣ государства давать дипломы на ученыя степени, но статья закона, запрещавшая членамъ недозволенныхъ религіозныхъ конгрегацій управлять учебными заведеніями и преподавать въ нихъ, была отвергнута сенатомъ. Это обстоятельство заставило палату депутатовъ предложить правительству привести въ дѣйствіе существующіе законы противъ неразрѣшенныхъ конгрегацій. Опираясь на это порученіе, правительство двумя декретами 29 марта 1880 г. объявило іезуитскій орденъ и всѣ его учрежденія закрытыми во Франціи, а другимъ конгрегаціямъ предложило въ извѣстный срокъ испросить у правительства разрѣшеніе на существованіе подъ угрозой закрытія въ случаѣ отказа это сдѣлать. Такъ какъ іезуиты не повиновались, то ихъ учрежденія были закрыты силою. Когда Жюль Ферри сдѣлался президентомъ совѣта министровъ, онъ провелъ въ палатахъ законы о свободѣ собраній и печати, а также цѣлый рядъ реформъ въ учебномъ дѣлѣ, впервые установивъ во Франціи свѣтское среднее образованіе для дѣвочекъ и даровое первоначальное образованіе для народной массы. Выборы 1881 г. уже послали въ палату депутатовъ 467 республиканцевъ и только 90 консерваторовъ. При новой палатѣ президентомъ совѣта сдѣлался

Гамбетта, впрочемъ, очень недолго остававшійся у власти (до конца января 1882 г.).

На примѣрѣ Гамбетты можно видѣть, какая эволюція совершалась среди республиканцевъ перваго десятилѣтія третьей республики. Авторъ радикальной политической программы 1869 г., Гамбетта постепенно съ теченіемъ времени поворачивалъ направо. Когда Тьеръ выставилъ противъ „республиканской республики" Гамбетты девизъ республики консервативной, Гамбетта возражалъ: „если это — консервативная республика, то она и не республика вовсе", но спустя нѣкоторое время онъ уже самъ находилъ, что „политическая мудрость, это — умѣренность". Сначала онъ рѣшительнѣйшимъ образомъ высказывался противъ существованія сената, но потомъ сталъ называть его уже съ сочувствіемъ „верховнымъ совѣтомъ общинъ Франціи". Мало-по-малу уступчивость въ консервативномъ направленіи снискала Гамбеттѣ и его политическимъ друзьямъ кличку оппортунистовъ, и дѣйствительно, его группа все болѣе и болѣе забывала обѣщанія программы 1869 г. „Чтобы удержаться у власти, говорилъ Гамбетта, республиканская партія, должна сдѣлаться партіей министерской. Годъ власти плодотворнѣе, чѣмъ десять лѣтъ самой героической оппозиціи". Этою своею уступчивостью онъ поселялъ въ широкихъ кругахъ французской буржуазіи убѣжденіе, что республика можетъ быть не столь страшной, какъ они сначала себѣ это представляли, и самъ Гамбетта сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ „сокровеннаго владыки" Франціи, но за то противъ него возникла радикальная оппозиція, вожди которой Клемансо, Гобле и Бриссонъ начали, что называется, выводить его на свѣжую воду. Среди рабочаго населенія Парижа популярность Гамбетты тоже сильно пошатнулась, и только въ провинціяхъ его имя было окружено попрежнему ореоломъ. Изъ 467 республиканцевъ въ палатѣ, избранной въ 1881 г., „республиканскій союзъ", во главѣ котораго стоялъ Гамбетта. насчитывалъ 206 членовъ и представлялъ собою самую многочисленную группу. Поэтому ему и было поручено сформировать министерство, которое уже заранѣе называли „великимъ", думая, что въ его составъ войдутъ всѣ наиболѣе вліятельные дѣятели республиканскаго большинства. Этого, однако, не случилось, такъ

какъ вожди республиканской лѣвой отказались, и все министерство было составлено изъ однихъ гамбеттистовъ. Скоро дѣло дошло и до разрыва республиканскаго большинства съ министерствомъ. Въ палатѣ была очень популярна мысль о пересмотрѣ конституціи, но Гамбетта соглашался лишь на частный, а не на общій пересмотръ, да и то, какъ казалось, въ личныхъ своихъ интересахъ. Уже раньше онъ настаивалъ на замѣнѣ системы выборомъ по одному депутату на округъ системою выборовъ по департаментамъ, причемъ каждый избиратель долженъ былъ бы подавать сразу голосъ за нѣсколькихъ кандидатовъ. Враги Гамбетты думали, что онъ хлопочетъ главнымъ образомъ о себѣ, т. е. предполагаетъ сразу выставить свою кандидатуру въ нѣсколькихъ департаментахъ, и хотя очень многіе сами предпочитали предлагаемую систему, тѣмъ не менѣе вотировали противъ нея, опасаясь вліянія Гамбетты на провинцію. „Великое министерство“, какъ его называли потомъ уже въ насмѣшку, на этомъ вопросѣ о пересмотрѣ конституціи потерпѣло пораженіе [1]), которое знаменовало собою уже очень серьезный разладъ среди самихъ республиканцевъ. Послѣ разрыва между двумя главными группами лѣвой уже трудно было образовать прочное министерство, которое опиралось бы на постоянное, сплоченное большинство. Мало-по-малу выяснилось, впрочемъ, что республиканцы раздѣлились на оппортунистовъ, до-нельзя ограничившихъ программу необходимыхъ реформъ и допускавшихъ лишь умѣренный, частный и „своевременный“ пересмотръ конституціи, и радикаловъ, требовавшихъ подоходнаго налога, отдѣленія церкви отъ государства, сокращенія власти сената или даже прямой его отмѣны и т. п. На выборахъ 1885 г. голоса избирателей раздѣлились между обѣими партіями почти поровну (200 и 180), что опять мѣшало образованію прочнаго большинства и однородныхъ министерствъ, и министры попрежнему часто смѣщались—иногда просто по совершенно случайнымъ комбинаціямъ голосовъ въ палатѣ. Такъ называемыя министерства „концентраціи“ обѣихъ республиканскихъ партій были недолговѣчны и не могли предпринимать рѣшенія важныхъ вопросовъ, потому что мнѣнія по нимъ въ республиканскомъ большинствѣ

[1]) Вскорѣ Гамбетта и умеръ (въ ночь подъ новый 1883 годъ).

раздѣлялись, а усилившаяся на выборахъ 1885 г. правая (176 членовъ) стала давать перевѣсъ своими голосами то одной, то другой партіи республиканскаго большинства. Мало того: въ серединѣ 1887 г. умѣренно-республиканское министерство Рувье, оставивъ политику коннентраціи, вступило въ соглашеніе съ правою противъ радикаловъ. Этотъ поворотъ оппортунистовъ къ союзу съ консерваторами и съ духовенствомъ получилъ названіе „политики умиротворенія". Во время министерства Рувье обнаружилось, что зять президента республики Греви, не задолго передъ тѣмъ переизбраннаго на второе семилѣтіе, Вильсонъ, участвовалъ въ торговлѣ орденами, и это дѣло повлекло за собою не только паденіе министерства, но и выходъ въ отставку самого Греви, когда онъ увидѣлъ, что при такихъ обстоятельствахъ никто не хотѣлъ составить новое министерство. 2 декабря 1887 г. состоялась эта отставка, а 3 декабря въ президенты былъ избранъ Сади-Карно, внукъ знаменитаго „организатора побѣды" временъ первой революціи.

Президентство Карно продолжалось шесть съ половиною лѣтъ. Это была въ исторіи третьей республики очень бурная эпоха. Въ началѣ ея произошло во Франціи политическое движеніе, извѣстное подъ именемъ буланжизма, въ концѣ—разразился такъ называемый панамскій скандалъ. И буланжизмъ, и „Панама" были очень опасны для самаго существованія республики.

Генералъ Буланже, участвовавшій въ 1871 г. въ усмиреніи коммуны, былъ сдѣланъ военнымъ министромъ въ первомъ кабинетѣ послѣ переизбранія Греви на новый срокъ. Очень скоро Буланже пріобрѣлъ расположеніе радикаловъ своими заявленіями „противъ офицеровъ, выставляющихъ на-показъ свои враждебныя къ республикѣ чувства". Наоборотъ, оппортунисты къ нему относились непріязненно и постарались отъ него отдѣлаться. Когда составилось „министерство умиротворенія" Рувье, Буланже уже не вошелъ въ его составъ. Проводы его въ Клермонъ, куда онъ былъ назначенъ командовать армейскимъ корпусомъ, послужили поводомъ для сочувственной генералу манифестаціи, а его сторонники стали нападать на министерство. Недолго спустя произошелъ скандалъ, съ Вильсономъ, и когда Греви подалъ въ отставку, радикалы, боясь

что въ преемники ему будетъ выбранъ ненавистный имъ Жюль Ферри, поспѣшили вызвать Буланже тайно пріѣхать въ Парижъ, чтобы образовать съ нимъ новое министерство, принявъ которое, Греви могъ бы остаться на своемъ посту. Комбинація не удалась, но и Ферри тоже не былъ выбранъ, а новый президентъ республики, Карно, вернулся къ политикѣ республиканской концентраціи. Тогда вокругъ генерала Буланже образовалась цѣлая оппозиціонная партія. Предыдущая эпоха раскола среди республиканцевъ и поворота части ихъ направо поселила въ массѣ народа крайнее неудовольствіе, а неисполненныя обѣщанія и дурное веденіе дѣлъ заставляли ее желать общей перемѣны лицъ. Кромѣ того, со времени пораженій 1870—71 гг., потери Эльзаса и Лотарингіи и уплаты пяти милліардовъ военной контрибуціи во французской націи большую силу пріобрѣла идея „реванша“, т. е. отместки нѣмцамъ за все то зло, которое они надѣлали французамъ. Эта идея стала играть большую роль во жизни всей націи, и одною изъ характерныхъ чертъ французовъ въ эпоху третьей республики сдѣлался крайній шовинизмъ. Мечтою почти каждаго француза стало отобраніе назадъ у Германіи потерянныхъ провинцій, а для этого, конечно, прежде всего нужна была хорошая армія. На этой почвѣ развился во французскомъ обществѣ милитаризмъ, „обожаніе султана“, какъ выразился самъ Буланже. Въ качествѣ военнаго министра, этотъ генералъ уже пріобрѣлъ популярность въ народѣ своимъ республиканизмомъ, въ арміи—заботами о солдатѣ, когда же въ 1887 г. между Франціей и Германіей возникли нѣкоторыя осложненія, поклонники военнаго министра распускали слухъ, что война не началась, только благодаря Буланже, въ короткое время поставившаго войско въ полную готовность сражаться. Въ такъ называемую „историческую ночь“ въ концѣ ноября, предшествовавшую отставкѣ Греви, когда составлялся планъ новаго министерства съ участіемъ Буланже, заходилъ даже разговоръ о необходимости произвести возстаніе, но эта идея не нашла сочувствія въ большинствѣ лицъ, совѣщавшихся съ генераломъ. Тогда буланжисты нашли новую форму проведенія къ власти своего любимца. Именно образовался особый комитетъ, чтобы поддерживать кандидатуру Буланже на дополнительныхъ выборахъ

въ четырехъ департаментахъ. Узнавъ, что для переговоровъ со своими сторонниками генералъ опять тайно пріѣзжалъ въ Парижъ, министерство смѣстило его съ занимавшейся имъ должности, но тотчасъ же его сторонники образовали комитетъ національнаго протеста, который принялъ программу честолюбиваго генерала, резюмированную въ трехъ требованіяхъ: распущеніе палаты, пересмотръ конституціи и созваніе учредительнаго собранія, и впереди уже рисовалось нѣчто въ родѣ конституціи 1848 г. съ президентомъ, избраннымъ всеобщею подачею голосовъ и совершенно независимымъ отъ народнаго представительства. Въ буланжистскомъ комитетѣ участвовало нѣсколько радикальныхъ депутатовъ, видѣвшихъ, впрочемъ, въ генералѣ лишь орудіе для своихъ цѣлей, но вся эта партія была противъ генерала и только требовала пересмотра конституціи. Зато у Буланже оказалось много самыхъ разнообразныхъ союзниковъ, между прочимъ, старый противникъ второй имперіи, Рошфоръ, успѣвшій послѣ 1871 г. заразиться шовинизмомъ, далѣе, столь же шовинистическая лига патріотовъ съ знаменитымъ Деруледомъ, и нѣсколько бланкистовъ и даже соціалистовъ. Съ другой стороны, чрезъ довѣренныхъ лицъ Буланже находился въ сношеніяхъ съ бонапартистами и орлеанистами. Въ 1887 г. у него даже было тайное свиданіе съ принцемъ Наполеономъ въ Пранженѣ (въ Швейцаріи). Сначала газеты монархистовъ агитировали противъ генерала, но затѣмъ отъ самого графа Парижскаго орлеанистская печать получила приказъ поддерживать Буланже (а въ 1889 г. графъ и генералъ и лично встрѣтились въ Лондонѣ). Самъ монархическій претендентъ тоже издалъ манифестъ о необходимости пересмотра конституціи въ расчетѣ, что всеобщая подача голосовъ возстановитъ монархію. Буланже привлекъ на свою сторону и католиковъ, обѣщая имъ ничего не предпринимать противъ церкви. Такимъ образомъ въ буланжистскомъ движеніи участвовали и республиканцы, и бонапартисты, и орлеанисты, причемъ республиканскіе сторонники генерала назвали себя національной или ревизіонистской партіей. Выбранный въ палату, Буланже въ ней ничего не достигъ и началъ готовиться къ выборамъ 1889 г., ставя вмѣстѣ съ тѣмъ свою кандидатуру на всѣхъ дополнительныхъ выборахъ и агитируя при помощи рекламы, даровой

раздачи цѣлыми массами своихъ портретовъ и біографій и поддѣльныхъ манифестацій. Все это стоило большихъ денегъ, которыми генерала щедро снабжали гр. Парижскій и другіе монархисты, и Буланже во многихъ мѣстахъ имѣлъ успѣхъ: его выбирали. Между прочимъ, въ концѣ января 1889 г. онъ былъ выбранъ въ Парижѣ 240 тысячами голосовъ, поданныхъ въ его пользу консерваторами и очень многими радикалами, противъ 160 т. голосовъ, которые получилъ общій кандидатъ всѣхъ республиканскихъ группъ. Въ населеніи извѣстіе о такомъ результатѣ было встрѣчено съ шумнымъ восторгомъ, и если бы только Буланже захотѣлъ, ему ничего не стоило бы совершить государственный переворотъ. Въ толпахъ народа, собиравшихся на улицахъ, раздавались крики, требовавшіе похода на Елисейскій дворецъ, мѣстопребываніе президента республики, и то же самое совѣтовали сдѣлать генералу и нѣкоторые его политическіе друзья; успѣхъ, повидимому, былъ обезпеченъ тѣмъ, что полиція въ лицѣ городовыхъ и республиканская гвардія тоже выражали свое сочувствіе Буланже. Самъ онъ, однако, не рѣшился на этотъ шагъ, тѣмъ болѣе, что главные его пособники были противъ. Они всего ожидали отъ будущихъ общихъ выборовъ, но министерство поспѣшило предложить возстановленіе выборовъ по округамъ и даже изданіе спеціальнаго закона, запрещавшаго ставить кандидатуру одного и того же лица въ разныхъ мѣстахъ. Палата приняла оба предложенія. Затѣмъ противъ Буланже былъ начатъ процессъ по обвиненію въ заговорѣ, грозившемъ безопасности государства, на что Буланже отвѣтилъ бѣгствомъ изъ Франціи. Этотъ поступокъ вождя всего движенія сильно пошатнулъ его популярность, а разоблаченія во время процесса разныхъ закулисныхъ сторонъ буланжизма еще болѣе дискредитировали его въ мнѣніи очень многихъ прежнихъ его приверженцевъ, не знавшихъ, напр., что за спиною генерала стояли бонапартисты. Въ борьбѣ съ буланжизмомъ правительство на выборахъ въ сентябрѣ 1889 г. пустило въ ходъ даже оффиціальныя кандидатуры противъ консерваторовъ и ревизіонистовъ, во многихъ случаяхъ дѣйствовавшихъ за-одно. Выборы дали такія цифры: 366 республиканцевъ, 172 консерватора и только 38 ревизіонистовъ, такъ что партія „національной республики“ провалилась, и между отдѣль-

ными фракціями самихъ буланжистовъ произошла острая полемика. Побѣдѣ сторонниковъ существующаго порядка много помогъ успѣхъ всемірной выставки, устроенной въ 1889 г. въ Парижѣ по случаю столѣтняго юбилея первой революціи. Въ 1891 г. Буланже кончилъ жизнь самоубійствомъ въ изгнаніи.

Паденіе буланжизма было пораженіемъ также и для радикальной партіи, такъ что долгое время послѣ этого умѣренные республиканцы стояли во главѣ правленія, хотя министерства продолжали попрежнему часто мѣняться по поводу частныхъ и въ политическомъ отношеніи второстепенныхъ вопросовъ. Въ началѣ послѣдняго десятилѣтія XIX в. произошли тѣмъ не менѣе важныя измѣненія въ составѣ партій. Прежде всего, отъ консерваторовъ отдѣлилась чисто католическая часть депутатовъ, чтобы оффиціально примкнуть къ республикѣ, но съ заднею мыслью—вліять на общую политику въ клерикальномъ духѣ. Эти „присоединившіеся“ (ralliés) „признали конституцію, чтобы измѣнить законодательство“, и папа Левъ XIII далъ имъ свое благословеніе, приказавъ февральской энцикликой 1892 г. всему клиру и всѣмъ вѣрнымъ Франціи признать республику. Съ группой „присоединившихся“ стали находить нужнымъ считаться сами умѣренные республиканцы, особенно послѣ того, какъ въ странѣ возобновилось соціалистическое движеніе. Въ 1894 г. среди умѣренныхъ прямо заговорили о необходимости „политики умиротворенія“ и о „новомъ духѣ“, которымъ должны быть проникнуты отношенія правительства къ католической церкви. Черезъ два года умѣренные республиканцы уже прямо соединились съ правою для образованія новой консервативной партіи, которая стала опираться на буржуазію, духовенство и высшее чиновничество противъ радикаловъ и вошедшихъ въ палату въ 1893 г. соціалистовъ, искавшихъ поддержки въ рабочихъ, крестьянахъ и мелкихъ служащихъ. Консервативно-республиканское министерство Мелина (1896) прямо держалось сочувствіемъ правой, за что подвергалось постояннымъ нападкамъ со стороны лѣвой, имѣя, однако, на своей сторонѣ большинство въ 50—80 человѣкъ. Съ другой стороны, въ эту же эпоху во Франціи усилилось рабочее движеніе, и въ 1893 г. въ первый разъ въ палатѣ образовалась соціалистическая партія.

Послѣ подавленія коммуны и запрещенія во Франціи Международнаго общества рабочихъ соціалистическое движеніе въ странѣ на время заглохло, и рабочіе проявляли себя въ политической жизни развѣ только стачками, образованіемъ профессіональныхъ союзовъ и созывами національныхъ рабочихъ конгрессовъ (съ 1876 г.). Лишь въ концѣ семидесятыхъ годовъ началась среди французскихъ рабочихъ проповѣдь коллективизма, объявившаго непримиримую войну всѣмъ буржуазнымъ партіямъ, не исключая и самыхъ крайнихъ радикаловъ. Главнымъ представителемъ этого ученія, пришедшаго во Францію изъ Германіи, былъ Жюль Гедъ. Въ 1879 г. на первомъ конгрессѣ коллективистовъ въ Марсели выработана была уже и программа новой „французской рабочей соціалистической партіи", а на третьемъ конгрессѣ [1]), собравшемся въ 1882 г. въ Сентъ-Этьенѣ въ партіи произошелъ расколъ. Именно отъ гедистовъ, сохранившихъ имя коллективистовъ, отдѣлились здѣсь руководимые Бруссомъ поссибилисты, получившіе это имя отъ той своей идеи, что нужно добиваться только возможнаго. Сами они назвали свою группу „федераціей соціалистовъ-рабочихъ Франціи". Впрочемъ, и въ ней произошелъ въ 1890 г. расколъ между бруссистами и аллеманистами, проповѣдовавшими необходимость общей стачки. Наконецъ, около того-же времени старая фракція бланкистовъ преобразовалась въ „соціалистическую революціонную партію" подъ руководствомъ Вальяна. Когда происходило буланжистское движеніе, очень многіе бланкисты были на его сторонѣ, а поссибилисты, наоборотъ, поддерживали правительство, остальные же занимали нейтральное положеніе, готовые, однако, выступить на сцену, если бы генералъ совершилъ переворотъ. Такимъ образомъ въ восьмидесятыхъ годахъ соціалисты были раздѣлены, и это выразилось также въ томъ, что во время всемірной выставки въ Парижѣ въ 1889 г. засѣдали два международныхъ соціалистическихъ конгресса: поссибилистскій и коллективистско-бланкистскій, установившій празднованіе рабочими 1 мая, какъ праздника труда [2]).

[1]) Который былъ въЛіонѣ, въ 1879 г.

[2]) Празднованіе этого дня въ 1891 г. омрачено было стычкою рабочихъ съ войсками въ Фурми. Образовалась еще партія независимыхъ соціалистовъ подъ предводительствомъ Мазона.

Сближеніе между этими четырьмя фракціями французскаго соціализма началось только въ 1892 г. по случаю большой стачки рабочихъ въ Кармо (въ это время на сторону соціалистовъ перешелъ сдѣлавшійся главнымъ ораторомъ партіи Жоресъ), а въ 1893 г. въ виду приближавшихся выборовъ всѣ фракціи образовали „революціонную лигу для водворенія соціальной республики". Ей удалось провести въ палату тридцать человѣкъ своихъ единомышленниковъ, и въ первый разъ во французской палатѣ явилась соціалистическая партія. До этого момента на выборахъ французскія соціалистическія партіи гораздо больше боролись между собою, нежели съ общими врагами своей программы, причемъ между собою раздѣляли ихъ не одни принципы, но и личные раздоры честолюбивыхъ вождей [1]). Одновременно съ этими успѣхами соціализма поднялъ во Франціи голову и анархизмъ, выразившійся въ цѣломъ рядѣ безцѣльныхъ покушеній съ разрывными бомбами (между прочимъ въ палатѣ депутатовъ). Лѣтомъ 1894 г. итальянскій анархистъ Казеріо умертвилъ въ Ліонѣ президента республики Карно ударомъ кинжала.

Въ послѣдніе годы президентства Карно и разыгрался во Франціи крупный политическій скандалъ, извѣстный подъ именемъ „Панамы". Прежде чѣмъ передать сущность дѣла, которое еще такъ свѣжо въ памяти теперешняго поколѣнія, нужно сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній вообще объ одной еще очень важной сторонѣ исторіи третьей республики.

Политическіе дѣятели изъ республиканской партіи, стоящей въ послѣднія двадцать слишкомъ лѣтъ во главѣ правленія, унаслѣдовали экономическую политику прежнихъ режимовъ, и многіе изъ нихъ пользовались своимъ участіемъ во власти въ чисто личныхъ интересахъ. При второй имперіи оппозиція постоянно осуждала „политику дальнихъ предпріятій", но съ начала восьмидесятыхъ годовъ и республиканская Франція съ большою настойчивостью стала развивать политику пріобрѣтенія новыхъ колоній и завоеванія новыхъ рынковъ, гдѣ нашли бы помѣщеніе французскіе капиталы и сбытъ —француз-

[1]) Самый полный обзоръ исторіи и современнаго состоянія французской соціалистической партіи см. въ статьѣ В. Водовозова въ XXXI томѣ Энциклопедическаго Словаря Брокгауза-Ефронъ.

скіе товары. Первая экспедиція была предпринята въ Тунисъ съ цѣлью подчиненія его французскому протекторату, который былъ нуженъ владѣльцамъ тунисскихъ процентныхъ бумагъ, страшно упавшихъ въ цѣнѣ. Такая политика не была случайностью, и вообще почти всѣ французскія министерства этой эпохи стояли въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ къ финансистамъ и биржевикамъ, которые имъ были нужны при заключеніи займовъ. Само народное представительство всегда заключало въ себѣ множество людей, бывшихъ членами правленій въ банкахъ, въ желѣзнодорожныхъ компаніяхъ, въ разныхъ акціонерныхъ обществахъ и т. п. или принимавшихъ участіе въ биржевой игрѣ. Благодаря этому, желѣзнодорожныя компаніи съумѣли заключить очень выгодную для себя сдѣлку съ казною, какъ и во времена Людовика-Филиппа [1]). Однимъ изъ главныхъ дѣятелей такой политики былъ Жюль Ферри, оказавшій въ области народнаго просвѣщенія несомнѣнныя услуги Франціи, но въ другихъ отношеніяхъ слишкомъ безцеремонно проводившій свой принципъ: „въ политикѣ существуютъ только интересы“. Тунисская экспедиція была предпринята въ первое министерство Ферри (1881), а когда власть вторично перешла въ его руки, онъ-то именно и заключилъ конвенцію съ желѣзнодорожными обществами и предпринялъ знаменитую тонкинскую экспедицію, стоившую Франціи множества человѣческихъ жизней и массу денегъ (1885). Къ числу выгодныхъ предпріятій, особенно заинтересовавшихъ французское общество возможностью крупныхъ барышей, принадлежало еще прорытіе въ Америкѣ Панамскаго перешейка для соединенія каналомъ двухъ океановъ. Успѣхъ Суэзскаго канала, прорытаго французами и на французскія деньги въ эпоху второй имперіи, внушилъ мысль руководителю этого дѣла Лессепсу образовать акціонерное общество для устройства Панамскаго канала. Оно основалось въ 1880 г., съ каковою цѣлью было выпущено на 600 милліоновъ франковъ акцій и облигацій, а затѣмъ устроенъ еще и выигрышный заемъ. Всего было собрано и истрачено 1300 милліоновъ, а между тѣмъ предпріятіе не было доведено до конца, и его пришлось бросить (1888). Подобные

[1]) См. выше, стр. 175–176.

крахи въ эпоху третьей республики случались и съ другими предпріятіями, но тутъ дѣло сильно осложнилось. Слѣдствіе по панамскому дѣлу обнаружило рядъ растратъ, злоупотребленій и подкуповъ газетъ съ цѣлью прославленія предпріятія, когда уже видна была его неминуемая гибель. Нужно замѣтить, что и сами газеты обвиняли одна другую въ разныхъ нечистыхъ дѣлахъ. Начались и разоблаченія относительно некрасивыхъ дѣяній также нѣкоторыхъ оппортунистскихъ депутатовъ, а въ концѣ 1892 г. католическая партія подняла и прямо въ палатѣ вопросъ о подкупѣ цѣлой сотни депутатовъ при голосованіи выигрышнаго займа, причемъ указывалось, что много выпало на долю и кое-кого изъ бывшихъ министровъ и разныхъ другихъ сановниковъ. Консервативныя и радикальныя газеты стали тогда печатать новыя и новыя разоблаченія, вызывавшія въ палатѣ бурныя сцены. Палата назначила слѣдственную коммиссію и предала суду нѣсколькихъ депутатовъ и сенаторовъ. Правда, присяжные ихъ оправдали, кромѣ бывшаго министра Байо, признавшагося въ полученіи взятки въ 300 т. франковъ, но тѣнь была брошена на очень многихъ видныхъ политическихъ дѣятелей, между прочимъ, и изъ радикальной партіи (Клемансо и Флоке), бывшихъ въ сношеніяхъ съ главными дѣльцами Панамы и даже поощрявшихъ выдачу ими денегъ нѣкоторымъ газетамъ. Результатомъ этого было то, что многіе вожди обѣихъ республиканскихъ партій сошли со сцены. Поднимая панамскій скандалъ, консерваторы расчитывали выиграть на выборахъ 1893 г., но расчетъ оказался невѣрнымъ: выиграли только радикалы и соціалисты.

Успѣхи соціализма и анархическія покушенія заставили значительную часть республиканской буржуазіи еще болѣе податься направо и искать сближенія съ консерваторами. Съ своей стороны, „присоединившіеся“, признавшіе конституцію, чтобы измѣнить законы, тоже не прочь были идти на соглашеніе. Сближеніе обѣихъ партій было облегчено появленіемъ на политической сценѣ новаго поколѣнія республиканскихъ дѣятелей, у которыхъ уже не было „предразсудковъ ихъ отцовъ“. Выборъ въ президенты республики Казиміра Перье на мѣсто Карно былъ совершенъ именно въ духѣ новой политики примиренія, но Перье въ началѣ 1895 г. вышелъ въ

отставку по причинамъ, до сихъ поръ не вполнѣ яснымъ, и въ преемники ему былъ выбранъ Феликсъ Форъ. Это избраніе тоже было результатомъ коалиціи оппортунистовъ и консерваторовъ противъ кандидата радикаловъ Бриссона. Первое министерство новаго президента было умѣреннымъ (Рибо), второе — радикальнымъ (Буржуа), и это послѣднее провело въ палатѣ принципъ прогрессивнаго подоходнаго налога, казавшагося буржуазіи началомъ реформы распредѣленія собственности. Противъ кабинета началась кампанія, которую поддерживалъ въ тайнѣ и самъ президентъ республики, и результатомъ было образованіе министерства Мелина, которое опиралось на союзъ умѣренныхъ съ консерваторами. Мелинъ отказался отъ принятаго уже палатою въ принципѣ подоходнаго налога и видимо благопріятствовалъ клерикаламъ, всячески, наоборотъ, вредя демократамъ. Не одинъ разъ, впрочемъ, положеніе этого министерства колебалось, и его спасали только успѣхи внѣшней политики. Уже давно во Франціи была популярна мысль о необходимости тѣснаго союза съ Россіей въ дѣлахъ международной политики, и она стала осуществляться еще въ президентство Карно. Въ министерство Мелина произошло посѣщеніе Парижа императоромъ Николаемъ II и Петербурга Феликсомъ Форомъ, что придало большой вѣсъ этому министерству въ глазахъ французской націи, очень дорожащей русскимъ союзомъ. Тѣмъ не менѣе результатъ выборовъ 1898 г. оказался неблагопріятнымъ для министерства, отвергшаго прогрессивный налогъ и сблизившагося съ правой, и когда въ палатѣ лѣвая значительнымъ большинствомъ голосовъ провела требованіе объ исключительно республиканскомъ большинствѣ, на которое должно опираться правительство, Мелинъ подалъ въ отставку. Когда въ началѣ 1899 г. за смертью Феликса Фора произошли новые выборы президента республики, Мелинъ явился на нихъ кандидатомъ правой, но громадное большинство голосовъ досталось кандидату лѣвой — Лубе.

Въ этой исторіи сближенія значительной группы республиканскихъ дѣятелей Франціи съ консерваторами и въ частности съ клерикалами заслуживаетъ особаго вниманія вообще усиленіе во Франціи при третьей республикѣ клерикализма. Уже въ національномъ собраніи 1871 г. было много фанатиковъ католицизма и

вообще людей, стремившихся въ цѣляхъ консервативной политики усилить вліяніе церкви. Монархисты и клерикалы требовали у правительства вмѣшательства въ пользу возстановленія свѣтской власти папы. Духовенство получило право открывать свои университеты и выдавать дипломы, имѣвшіе одинаковую силу съ дипломами государственныхъ факультетовъ, и т. п. При началѣ дѣйствія конституціи 1875 г. католическая агитація во Франціи приняла такіе размѣры, что Италія поспѣшила заключить союзъ съ Германіей, опасаясь за свое національное единство, которому грозило возстановленіе папской власти въ Римѣ. Реакціонная политика Макъ-Магона, извѣстная именемъ „16 мая", цѣликомъ внушена ему была клерикалами. Кампанія, предпринятая противъ іезуитовъ Жюломъ Ферри, не удалась, потому что они подъ новыми названіями снова открыли свои учебныя заведенія, и число ихъ воспитанниковъ даже увеличилось, потому что и республиканская буржуазія, слѣдуя примѣру дворянства, стала отдавать въ эти заведенія своихъ дѣтей. Новыя поколѣнія той части буржуазіи, которая поставляетъ политическихъ дѣятелей и чиновниковъ на болѣе или менѣе видные и вліятельные посты, особенно же офицеровъ въ армію, испытали на себѣ уже очень сильное вліяніе воспитанія подъ клерикальнымъ руководствомъ. Изъ школъ, руководимыхъ духовенствомъ, и повышли всѣ эти націоналисты, антисемиты, шовинисты, которые принимали такое дѣятельное участіе въ буланжистскомъ движеніи и проявили себя нѣсколько лѣтъ спустя въ знаменитомъ дѣлѣ Дрейфуса, волновавшемъ Францію въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ самомъ исходѣ XIX в.

Сущность этого дѣла, получившаго и всемірную извѣстность, заключалась въ томъ, что офицеръ изъ евреевъ, Дрейфусъ, былъ обвиненъ передъ военнымъ судомъ въ выдачѣ важныхъ секретовъ иностранному правительству и затѣмъ приговоренъ къ вѣчному заключенію на Чортовомъ островѣ, гдѣ съ нимъ обращались съ крайнею жестокостью. Дрейфусъ клялся, что онъ не виноватъ, и впослѣдствіи, дѣйствительно, оказалось, что противъ него нѣкоторыми офицерами ведена была интрига, не останавливавшаяся даже передъ подлогами, и что самый судъ, приговорившій Дрейфуса къ наказанію, дѣйство-

валъ незаконно. Уже во время самаго процесса (1894) многіе обращали вниманіе на кое-какія странности во всемъ дѣлѣ, а три года спустя нѣсколько человѣкъ, убѣжденныхъ въ невинности Дрейфуса, начали добиваться пересмотра дѣла. Вопросъ получилъ важное общественное значеніе. На защиту поруганной справедливости встали лучшія умственныя силы Франціи и многіе видные политическіе дѣятели, а противъ нихъ образовалась сплоченная клерикально-милитаристическая и антисемито-націоналистическая оппозиція, заговорившая о „подкупѣ дрейфусаровъ жидовскимъ синдикатомъ“ и „нѣмецкимъ золотомъ“ и доказывавшая, что пересмотръ дѣла можетъ повредить чести арміи, привести къ международнымъ осложненіямъ и т. п. Передъ выборами 1898 г. вся страна раздѣлилась на дрейфусистовъ и націоналистовъ, и послѣдніе организовали, какъ во времена буланжизма, разныя народныя манифестаціи. Всѣ реакціонныя силы Франціи были мобилизованы — и клерикалы, и антисемиты, и шовинисты съ ихъ многочисленными газетами (между ними и Рошфоръ), старая „лига патріотовъ“ съ Деруледомъ во главѣ и новая „лига французскаго отечества“, высшіе чины арміи и священники. Чтобы не допускать пересмотра, все было пущено въ ходъ—разные ложные слухи, новыя интриги; вообще во все это время скандалъ слѣдовалъ за скандаломъ. Среди полнаго разгара борьбы умеръ Феликсъ Форъ, и избранный на его мѣсто Лубе, какъ завѣдомый сторонникъ пересмотра, возбудилъ противъ себя страшное озлобленіе антидрейфусаровъ. Въ день похоронъ Фора Деруледъ даже сдѣлалъ попытку увлечь за собою войско, участвовавшее въ церемоніи, и повести его на Елисейскій дворецъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ націоналисты, какъ сталъ называться союзъ антисемитовъ, буланжистовъ, роялистовъ и клерикаловъ, устроили новому президенту публичный скандалъ на скачкахъ, но на слѣдующихъ скачкахъ Парижъ отвѣтилъ на это грандіозной манифестаціей въ честь президента. Другимъ результатомъ націоналистической агитаціи было образованіе „министерства республиканской защиты“, во главѣ котораго сталъ оппортунистъ Вальдекъ-Руссо и въ составъ котораго вошелъ въ качествѣ министра торговли

соціалистъ Мильеранъ [1]). При этомъ министерствѣ окончилось дѣло Дрейфуса новымъ его обвиненіемъ, но съ признаніемъ смягчающихъ обстоятельствъ, вскорѣ послѣ чего состоялось помилованіе его президентомъ республики. На дѣло Дрейфуса многіе стали смотрѣть, какъ на поворотъ къ внутреннему оздоровленію Франціи, которое составляетъ задачу XX вѣка [2]). Министерство Вальдека-Руссо открыло и всемірную выставку 1900 г., на которой Мильерану пришлось выступить съ торжественною рѣчью.

---

[1]) Военнымъ министромъ былъ назначенъ генералъ Галиффе, въ 1871 г. разстрѣливавшій коммунаровъ, но довольно скоро онъ вышелъ въ отставку. Вступленіе Мильерана («радикала-соціалиста») въ буржуазное министерство въ компаніи съ усмирителемъ коммунаровъ, какъ извѣстно, произвело сильную сенсацію среди соціалистовъ, и въ декабрѣ 1899 г. былъ даже созванъ въ Парижѣ конгрессъ, который долженъ былъ, между прочимъ, рѣшить вопросъ о совмѣстимости занятія какой-либо должности въ буржуазномъ правительствѣ съ принадлежностью къ соціалистической партіи. Въ общемъ отвѣтъ былъ для Мильерана благопріятнымъ, но часть соціалистовъ не захотѣла съ этимъ примириться.

[2]) Объ этомъ значеніи дѣла Дрейфуса и вообще о признакахъ внутренняго оздоровленія Франціи см. интересныя корреспонденціи изъ Франціи г. Кудрина въ *Русскомъ Богатствѣ*. Вообще эти корреспонденціи могутъ быть рекомендованы для ознакомленія съ внутреннею жизнью Франціи въ исходѣ XIX и началѣ XX в.

Указатель книгъ и статей на русскомъ языкѣ по исторіи Франціи въ XIX вѣкѣ [1]).

А. Анненская. Жоржъ Зандъ (въ біографической коллекціи Павленкова). 1894.

А. Анненская. Бальзакъ (въ біографической коллекціи Павленкова). 1895.

С. Ан—скій. Къ вопросу о народонаселеніи во Франціи (Русская Мысль за 1897 г., № 7).

К. Арсеньевъ. Первая имперія наканунѣ паденія. (Вѣст. Евр. за 1876 г., № 1).

К. Арсеньевъ. Одинъ изъ дѣятелей реставраціи. Бройль. (Вѣстн. Евр. за 1886 г., № 10).

К. Арсеньевъ. Записки Гизо. (Рус. Вѣстн. за 1860 и 1861 гг.).

К. Арсеньевъ. Парламентарный и общественный кризисъ во Франціи. (Отеч. Зап. за 1862 г., № 3).

К. Арсеньевъ. Новый законъ о печати во Франціи. (Вѣстн. Евр. за 1868 г., № 4).

К. Арсеньевъ В. Гюго, какъ политическій дѣятель. (Вѣстн. Евр. за 1876 г., № 4).

К Арсеньевъ. В. Гюго послѣ возвращенія во Францію. (Вѣстн. Евр. за 1877 г. № 8).

К. Арсеньевъ. Страница изъ исторіи католицизма и свободной мысли. О «Воспоминаніяхъ» Ренана. (Вѣстн. Евр. за 1883 г., № 9).

К. Арсеньевъ. Новый историкъ современной Франціи. И. Тэнъ. (Вѣстн. Евр. за 1891 г., №№ 1 и 2).

К. Арсеньевъ. Ипполитъ Тэнъ. (Вѣстн. Евр. за 1893 г., № 4).

К. Арсеньевъ. Новѣйшая литература мемуаровъ во Франціи. (Вѣстн. Евр. за 1889 г., № 2).

Г. Афанасьевъ. Наполеонъ I. (Публ. лекціи). 1898.

П. Бабстъ. Черты изъ современнаго экономическаго быта Франціи (Атеней за 1858 г.).

М. Барро. Беранже (въ біографической коллекціи Павленкова). 1892.

М. Барро. Ф. Лессепсъ (въ біографической коллекціи Павленкова). 1894.

С. Блекловъ. Новое изслѣдованіе о бытѣ рабочихъ во Франціи. (Сборн. Правовѣдѣнія, т. II).

П. Боборыкинъ [2]) *(Д - евъ).* Пьеръ-Жозефъ Прудонъ. (Вѣстн. Евр. за 1875 г., №№ 3, 5, 7—12).

П. Боборыкинъ. Послѣднія десять лѣтъ жизни Прудона. (Вѣстн. Евр. за 1878, №№ 6 - 9).

Бобровниковъ, Народное образованіе во Франціи (Вѣстн. Евр. на 1881 г., №№ 6 и 7).

Богучарскій. Маркизъ Лафайетъ. (Дѣятель трехъ революцій). М. 1899.

Де-Бомонъ-Васси. Тайны царствованія Наполеона III. Спб. 1875.

Е. Боммеръ. Письма о крестьянахъ и земледѣліи во Франціи (Рус. Вѣсти. за 1859—61 гг.).

А. Блокъ. Государственная власть въ европейскомъ обществѣ. Взглядъ на политическую теорію Лоренца Штейна и на французскіе политическіе порядки. Спб. 1880.

Бёрне. Парижскія письма (I т. Соч.. 1896).

Брандесъ. Главныя теченія литературы XIX столѣтія. М. 1881.

С. Булгаковъ. Капитализмъ и земледѣліе 1900. (Во второмъ томѣ есть глава объ исторіи французскаго земледѣлія въ XIX в.).

М. В—ій. Сенъ-Симонъ и сенъ-симонизмъ. (Русскій Энцикл. Словарь Брокгауза-Ефрона, томъ 29).

Кн. Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣліе. (Есть о французскихъ крестьянахъ).

Э. Ватсонъ. Эпилогъ франко-прусской войны (о коммунѣ). 1871.

Э. Ватсонъ. Стачки рабочихъ во Франціи и въ Англіи (въ «Очеркахъ и этюдахъ по общественнымъ вопросамъ». 1892).

Георгъ Веберъ. Всеобщая исторія, т. XIII XV (послѣдній въ двухъ частяхъ).

Г. Д. Историческіе эпизоды. Временное правительство и Луи Бланъ (Отеч. Зап. за 1869 г., № 1).

---

[1]) Сочиненія на иностранныхъ языкахъ названы въ соотвѣтственныхъ главахъ IV и V томовъ «Исторіи Западной Европы въ новое время». Предлагаемый указатель не претендуетъ на исчерпывающую полноту.

[2]) П. Д. Боборыкину принадлежитъ еще нѣсколько корреспонденцій о Франціи въ послѣдней трети XIX в., разбросанныхъ въ разныхъ журналахъ.

П. Вейнберъ. Викторъ Гюго. (Сѣв. Вѣстн. за 1885 г.).

П. Вейнберъ. Жоржъ Зандъ. (Сѣв. Вѣстн. за 1886 г.).

Р. Виппперъ. Либерализмъ и первая историческая формула борьбы классовъ (объ Ог. Тьерри, въ «Мірѣ Божіемъ» за 1901 г.).

Р. Виппперъ. Огюстенъ Тьерри и «Опытъ исторіи третьяго сословія». (Предисловіе къ рус. пер. «Исторіи происхожденія третьяго сословія» О. Тьерри. 1899).

Р. Виппперъ. Общественныя ученія и историческія теченія XVIII и XIX вв. 1900.

Е. Водовозова. Жизнь европейскихъ народовъ. Т. I (пять изданій).

Е. Водовозова. Французы (въ коллекціи «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ»).

В. Водовозовъ. Статьи о политическихъ партіяхъ и дѣятеляхъ въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза-Ефрона.

В. В—овъ. Фабричное законодательство во Франціи (Міръ Божій за 1893 г., № 3).

Н. Водовозовъ. Опытъ критическаго обзора ученія Фурье (Русская Мысль за 1892 г.).

Н. Водовозовъ. Шарль Фурье. (Статья въ X томѣ «Историческаго Обозрѣнія», изд. подъ ред. Н. И. Карѣева, стр. 63—138).

Н. Водовозовъ. Экономическія идеи французскихъ католиковъ (въ книгѣ «Экономическіе этюды». М. 1897).

Вольскій. Историческое и народнохозяйственное значеніе обработки крестьянами-собственниками. 1865. (Есть о французскихъ крестьянахъ).

Софья В—штейнъ. Г-жа де Сталь. (Вѣстн. Европы за 1900 г., №№ 8 и 9).

Вермор ель. Дѣятели сорокъ восьмого года. 1870 г.

Вермор ель. Дѣятели 1851 г. Спб. 1870.

Г. Профессіональные союзы во Франціи (Наблюдатель 1892 г., № 7).

Ю. Гамбаровъ. Рабочее законодательство министерства Вальдека-Руссо. (Рус. Бог. за 1901 г., №№ 4 и 5).

Г. Гейне. Французскія дѣла. 1832. (Собраніе сочиненій. 1899. Томъ IV).

Г. Гейне Лютеція. Письма о политикѣ, искусствѣ и народной жизни. (Собраніе сочиненій. 1899. Томъ IV).

Г. Гейне. Февральская революція (Собраніе сочиненій 1899 г. Т. VIII).

Е. Генинъ. Новая Франція. 1901. (Сочиненіе посвящено Канадѣ).

Гервинусъ. Исторія XIX столѣтія отъ времени вѣнскаго конгресса. Спб. 1864 и слѣд.

В. Герье. Республика или монархія установится во Франціи? («Сборникъ государственныхъ знаній»).

В. Герье. Народникъ во французской исторіографіи (статья о Митле въ Вѣстн. Евр. за 1896 г.).

В. Герье. Статьи о Тэнѣ въ Вѣстн. Евр. за 1875, 1889, 1894 и 1895 г.г.

Гилляровъ. Предсмертныя мысли XIX в. во Франціи.

С. Гогелевскій. Ренанъ, какъ человѣкъ и писатель. 1895.

В. Гольцевъ. Идея справедливости въ трудахъ французскихъ мыслителей XIX в. (Юрид. Вѣстн. за 1892 г., № 1).

А. Градовскій. Между Робеспьеромъ и Бонапартомъ. (Собраніе сочиненій, т. III).

А. Градовскій. Парламентаризмъ во Франціи (Собраніе сочиненій, т. III).

А. Градовскій. Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. (Собраніе сочиненій, т. IV).

Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. М. 1893 и слѣд.

Викторъ Гюго. Исторія одного преступленія. (Переворотъ 2 декабря). Спб. 1878.

Д. Заграничныя письма. О французскомъ духовенствѣ (Наблюдатель за 1884 г.).

Г. Гаудецъ. Исторія французской литературы.

В. Дерюжинскій. Положеніе печати во Франціи при Наполеонѣ I. (Юрид. Вѣстн. за 1883 г., № 2).

В. Дерюжинскій. Верхняя палата во Франціи. (Юрид. Вѣстн. за 1887 г., № 6).

В. Дерюжинскій. Клемансо. (Русская Мысль за 1893 г., № 1).

Т. Делоръ. Исторія второй имперіи. Спб. 1871.

Э. Дюпе. Очеркъ исторіи реставраціи, предпосланный рус. пер. книги Грегуара.

Н. Д—овъ. Современная французская молодежь (Рус. Мысль за 1892 г., № 2).

Дрейфусъ. Пять лѣтъ моей жизни. 1901.

Дѣло Дрейфуса, Эстергази и Эмиля Зола. Одесса. 1898.

А. Елисѣевъ. Луи Бланъ. (Вѣстн. Евр. за 1883 г., № 1).

Б. Ефруси. Соціально-экономическія воззрѣнія Сисмонди (Рус. Бог. за 1896 г.).

Жика. Либеральная партія во Франціи, ея принципъ и развитіе (Слово. 1878).

Жика. Очерки: Гамбетта и его легенда. Луи Бланъ и др.

Ю. Жуковскій. Прудонъ и Луи Бланъ. Спб. 1866.

Зотовъ. Закулисная сторона Парижской коммуны 1871 г. (Истор. Вѣстн. за 1882 г., №№ 9—12).

С. Зарудный. Французскіе суды (Рус. Вѣстн. за 1862 г., № 11)

Э. Зола. Современная французская молодежь (Вѣстн. Евр. за 1878 г., № 4).

Э. Зола. Французскія женщины (Вѣстн. Евр. за 1878 г., № 11)

В. Ивановскій. Организація мѣстнаго самоуправленія во Франціи и въ Пруссіи. 1886.

Ив. Ивановъ. Сенъ-Симонъ и сенъ-симонизмъ. 1901.

Ив. Ивановъ. Тэнъ. (Рус. Бог. 1901 г.).

Исаровъ. Современная Франція. Исторія третьей республики. 1900.

Л. Исаевъ. Мѣсто Фурье въ общественно-хозяйственной наукѣ. (Юрид. Вѣстн. за 1880 г.).

Л. Исаевъ. Промышленныя товарищества во Франціи и Англіи. 1879.

В. Каренинъ. Жоржъ Зандъ и ея біографія. (Вѣстн. Евр. за 1894 г., № 5).

В. Каренинъ. Біографія Жоржъ Зандъ.

Е. Каро. Жоржъ Зандъ. 1888.

Н. Кареевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Томы IV и V.

Н. Кареевъ. Соціализмъ (въ Энцикл. Словарѣ Брокгауза-Ефрона).

Н. Карышевъ. Стачки во Франціи. (Юрид. Вѣстн. за 1887 г., № 11).

Л. Кипплекъ. Разсказъ о переворотѣ 2 декабря (отрывокъ изъ книги о Крымской войнѣ, помѣщенный въ приложеніи къ рус. пер. книги Тэно).

И. Кинъ. Анри Рошфоръ и его Фонарь (Отеч. Зап. за 1868 г., № 5).

П. Ковалевскій. Наполеонъ I и эпилепсія. 1899.

М. Ковалевскій. Молодость Бенжамена Констана. (Вѣстн. Европы за 1895 г., №№ 4 и 5).

Коммуна (статья въ Энцикл. Словарѣ Брокгауза-Ефрона).

И. Кудринъ. Статьи о современной Франціи подъ разными заглавіями въ «Русскомъ Богатствѣ» за послѣдніе годы (съ 1894 г.).

Э. Лабулэ. Политическія идеи Бенжамена Констана (Юрид. Вѣстникъ за 1882 г., № 10).

Э. Лабулэ. Французская администрація и законодательство 1870.

Г. Лансонъ. Исторія французской литературы XIX в. 1897.

В. Левитскій. Сельско-хозяйственный кризисъ во Франціи (1862—1892). 1899.

А. Лохвицкій. Обзоръ современныхъ конституцій. 1862—63 (2 изд. 1865).

А. Лохвицкій. Политическое, административное и судебное устройство Франціи (Русское Слово за 1860 г., № 10).

Людовикъ. Хроника парижской жизни. (Отеч. Зап. за 1870—72 гг.).

Массонъ. Наполеонъ I въ придворной и домашней жизни. 1896.

Р. Минцловъ. Политическіе процессы второй имперіи. (Юрид. Вѣстн. за 1890 г., №№ 2 и 3).

Н. Михайловскій. Философія исторіи Луи Блана (въ III т. Сочиненій, изд. 1897 г.).

А. Михайловъ (Шеллеръ). Пролетаріатъ во Франціи съ 1789 по 1852 г. 1869.

А. Михайловъ (Шеллеръ). Революціонный анабаптизмъ Икарія. 1889. (Вторая половина книги—о Кабе).

А. Михайловъ (Шеллеръ). Мечты икарійцевъ (Рус. Бог. за 1883 г., № 4).

Мишле. Исторія XIX вѣка. Спб. 1893 г. Три тома (наполеоновская эпоха).

Г. Моно. Мишле. (Рус. Мысль за 1895 г.)

П. М—въ. Жозефъ де Местръ (Рус. Вѣстн. за 1889 г., №№ 5 и 6).

П. М. Стачки во Франціи въ 1874—1889 г. (Рус. Мысль за 1892 г., № 9).

М. Нордау. Изъ дѣйствительной страны милліардовъ. Парижскіе этюды и очерки. 1880.

П. Корреспонденціи изъ Франціи (въ Вѣстн. Евр. за 1869—1872).

П. Николадзе. Луи Бланъ и Гамбетта. (Отеч. Зап. за 1883 г., № 1).

П.—ъ. Біографическій очеркъ Армана Карреля, предпосланный русскому переводу его «Исторіи контръ-революціи въ Англіи». 1866.

П. П. Старая и новая Франція. Централизація и общественная инициатива (Вѣстн. Евр. за 1871 г., №№ 3 и 6).

П. Л. Роль министровъ во Франціи (Рус. Мысль за 1893 г., № 10).

Л. Пасевская. Викторъ Гюго (въ біографической коллекціи Павленкова). 1893.

Ж. Пелисье. Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. 1895.

Ф. и М. Пеллутье. Жизнь рабочихъ во Франціи. 1901.

М. Петровъ. Національная исторіографія во Франціи, Германіи и Англіи. 1861.

А. Плещеевъ. Жизнь и переписка Прудона. (Отеч. Зап. за 1873 г.).

Поліа. Рабочій классъ въ Парижѣ (Наблюдатель за 1883 г., №№ 5, 6, 7 и 8).

В. Покровскій. Рядъ статей по исторіи Франціи отъ реставраціи до февральской революціи (Отеч. Зап. за 1868—69 гг.).

Политическіе процессы при реставраціи (Отеч. Зап. за 1872 г., № 3).

Процессъ Золя съ изложеніемъ дѣлъ Дрейфуса-Эстергази. 1898.

Прудонъ. Французская демократія. 1867.

Прудонъ Французскія конституціи XIX вѣка и Наполеонъ III. Спб. 1871.

Э. Реклю. Современные политическіе дѣятели. 1876.

А. Ревилль. Какъ я повѣрилъ въ невинность Дрейфуса? 1898.

Э. Реклю. Географія. Франція.

Де-Ривальеръ. Очерки современнаго французскаго общества.

А. Рожау. Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи. 1865. Два тома.

А. Савинъ. Жозефъ де-Местръ, какъ историкъ французской революціи (во II томѣ «Изданій Истор. Общ. при Моск. Унив.» 1898).

Сеаръ. Парижская молодежь (Слово за 1870 г.).

Л. Слонимскій. Наполеонъ и Кромвель. (Вѣстн. Европы за 1895 г., № 4).

Л. Слонимскій. Новый историкъ второй имперіи. (Вѣстн. Евр. за 1895 г., № 12).

Л. Слонимскій. Изъ исторіи второй имперіи. (Вѣстн. Евр. за 1896 г., № 1).

Слоонъ. Новое жизнеописаніе Наполеона I.

Е. Смирновъ. Крестьянскій вопросъ во французской палатѣ депутатовъ. (Новое Слово за 1897 г., № 11).

Ш. Сеньобосъ. Политическая исторія современной Европы. Эволюція партій и политическихъ учрежденій. Нѣсколько изданій.

Современное положеніе рабочей силы въ Европѣ и Америкѣ. Франція (Вѣстн. Евр. за 1873 г. № 8).

А. Сорель. Г-жа де Сталь.

Н. Стороженко. Г-жа де Сталь. (Вѣстн. Евр. за 1879 г., № 7).

В. Судейкинъ. Прямые налоги и ихъ организація во Франціи. 1887.

Сэвенъ. Законодательство Наполеона I. 1870.

Е. Тарле. Политическій дѣятель старой Франціи. Ройе Колларъ. (Міръ Божій за 1898 г.).

Е. Тарле. Гамбетта и его мѣсто въ исторіи третьей французской республики. (Міръ Божій за 1901, №№ 10 и 11).

А. Токвиль. Воспоминанія. 1893.

А. Трачевскій. Наполеонъ I (въ біографическій коллекціи Павленкова). 1900.

А. Трачевскій. Наполеонъ I. Историко-біографическій очеркъ (въ «Вѣстникѣ всемірной исторіи» за 1901 г.).

А. Трачевскій. Г-жа Сталь въ Россіи. (Истор. Вѣстн. за 1894 г., № 10).

Кн. С. Трубецкой. Ренанъ и его философія. (Русская Мысль за 1898 г., № 3).

М. Туганъ-Барановскій. П. Ж. Прудонъ (въ біографической коллекціи Павленкова). 1891.

А. Тьеръ. Исторія консульства и имперіи во Франціи. 1845—1849.

Э. Тэнъ. Парижъ и провинція 3 декабря 1851 г. 1869.

П. Тэнъ. Мишле. (Рус. Мысль за 1886 г.).

П. Тэнъ. Наполеонъ Бонапартъ (глава изъ V т. Origines de la France contemporaine въ «Рус. Мысли» за 1887 г., №№ 4 и 6).

Угрюмовъ. Сентъ-Бевъ, какъ человѣкъ. (Отеч. Зап. за 1881, №№ 1 и 2).

Ультрароялисты и либералы во Франціи (по Рохау. От. Зап., за 1859 г.).

Е. Утинъ. Конституціонализмъ и А. Тьеръ (Вѣстн. Евр. за 1880 и 1881 г.).

Е. Утинъ. Гамбетта. (Вѣстн. Евр. за 1892 г., №№ 11 и 12).

Э. Фаге. Иллюстрированная французская литература. XIX вѣкъ. 1901.

Э. Фаге. Девятнадцатый вѣкъ. Литературные этюды. 1901.

М. Филипповъ. Прудонъ, какъ идеологъ мелкой буржуазіи. (Научное Обозрѣніе за 1898 г.).

С. Фортунатовъ. Административный произволъ во Франціи въ эпоху второй имперіи (Юр. Вѣстн. за 1880 г., № 12).

С. Фортунатовъ. Очеркъ конституціоннаго движенія во Франціи въ эпоху реставраціи (Юр. Вѣстн. за 1889 г., № 11).

Л. Ховскій. Земля и земледѣлецъ. 1891. (Въ I томѣ есть и о Франціи).

Кн. Д. Цертелевъ. Фурье. (Журн. Мин. Нар. Пр. освѣщ. за 1901 г., № 12).

Н. Чернышевскій. Борьба партій при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X. (Современникъ за 1859 г.).

Н. Чернышевскій. Іюльская монархія. (Современникъ за 1860 г.).

А. Шаховъ. Французская литература въ первые годы XIX вѣка. М. 1875.

А. Шаховъ. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX в. 1894.

Шаррасъ. Исторія кампаніи 1815 г. 1868.

Шершеневичъ. Очерки по исторіи кодификаціи гражданскаго права. I. Франція. 1897.

Ф. Шлоссеръ. Исторія XVIII столѣтія и XIX до паденія французской имперіи.

Ю. Шмидтъ. Исторія французской литературы. 1864.

Д. Щеловъ. Исторія соціальныхъ системъ. 1889. Два тома.

Г. Щуровскій. Французское законодательство о правѣ ассоціаціи. (Юр. Вѣстн. за 1874 г., №№ 9 и 10).

Эйхталь. Алексисъ Токвиль и либеральная демократія. 1902.

А. Эсменъ. Общія основы конституціоннаго права. 1896.

250 002 1948

Карты Франціи въ XIX вѣкѣ.

2.

Наполеоновская Франція.

Франція въ 1789 г.

Дѣйствія революціи и Наполеона.

Королевство Италійское.

[illegible]

III.

Франція при Наполеонѣ III.

Пріобрѣтенія Наполеона III.

Движеніе нѣмецкихъ войскъ къ Парижу 1870 г.

[illegible]

[illegible]

Карты Франціи въ XIX вѣкѣ.

I.

Наполеоновская Франція.

- *Франція въ 1789 г.*
- *Завоеванія революціи и Наполеона.*
- *Королевство Италійское.*

II.

Франція въ 1814—1815 гг.

- *Восточная граница Франціи въ 1814 г.*
- *Потери 1815 года.*
- *Территорія, занятая союзниками въ апрѣлѣ 1815 г.*

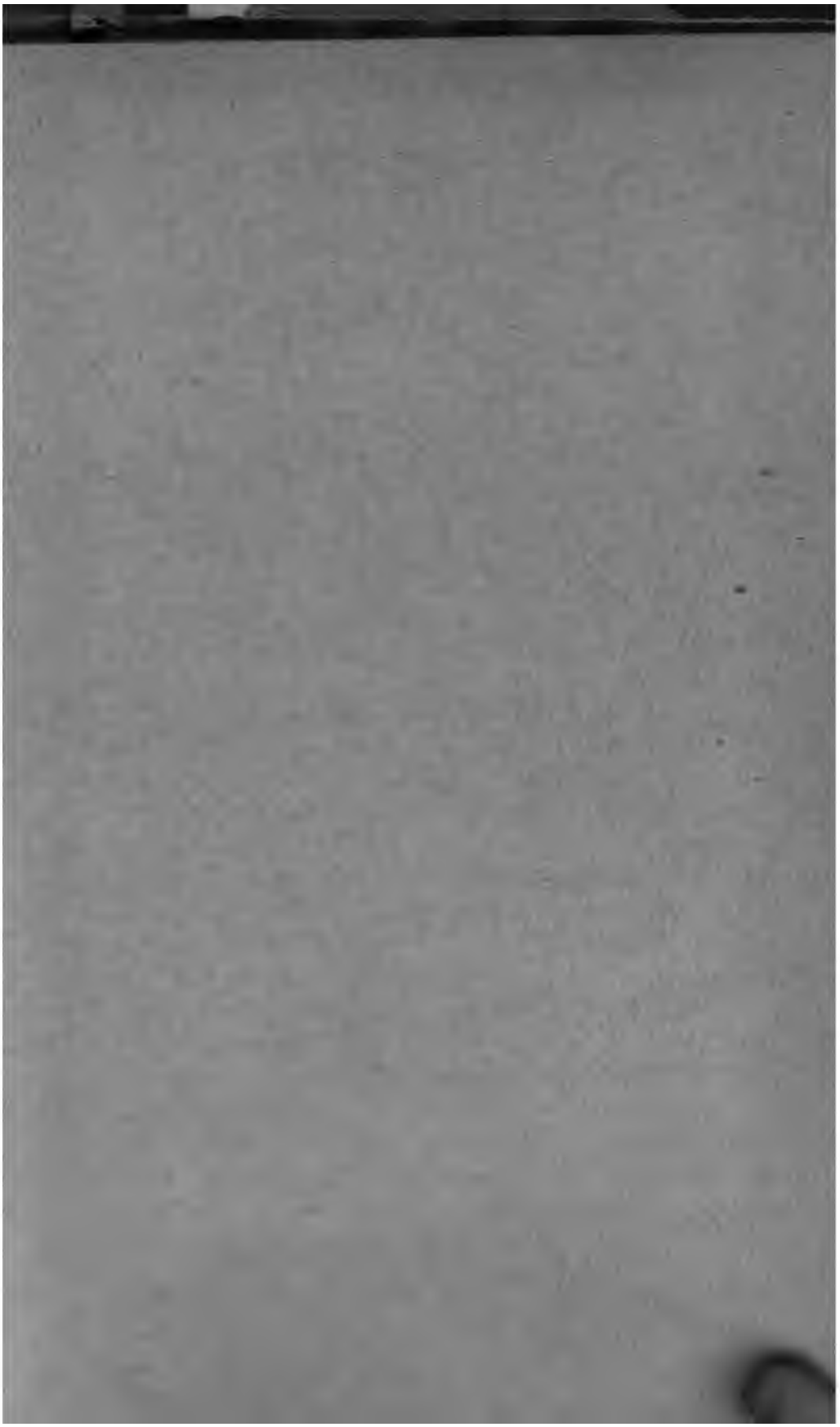
III.

Франція при Наполеонѣ III.

- *Пріобрѣтенія Наполеона III.*
- *Движеніе нѣмецкихъ войскъ къ Парижу въ 1870 г.*

IV.

Франція въ 1870—1871 гг.

- *Территорія занятая нѣмцами съ 1870—1871 гг.*
- *Потеря 1871 г.*

8804